

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

УОЛТЕР УИЛЬЯМС

БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ

БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ

УОЛТЕР
УИЛЬЯМС

У. УИЛЬЯМС БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Уолтер Уильямс

**Бриллианты
имперской короны**

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Walter Jon Williams

**THE
CEROWN JEWELS**

Alan Dean Foster

**STAR
WARS**

Уолтер Джон Уильямс

**БРИЛЛИАНТЫ
ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ**

Алан Дин Фостер

**ОСКОЛОК
ОКА РАЗУМА**

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

МОСКВА

1993

ББК 84.7 США
В34

В34

Уолтер Джон Уильямс. Алан Дин Фостер
Бриллианты Имперской Короны. Око разума.
/Пер. с англ. — М.: Компания ГРИФ-Ф Лтд.,
1993.— 416 с. (Коллекционная фантастика).

Борьба за обладание священным сосудом со
спермой императора в прекрасном авантюрном
романе У.Дж.Уильямса и восхитительное про-
должение приключений персонажей Звездных
войн, созданных Дж.Лукасом в романе
А.Д.Фостера.

Все это в очередной книге прекрасного сериала
Коллекционная фантастика

Перепечатка как отдельных частей, так и всего
произведения в целом возможна только с разрешения
Компании ГРИФ-Ф Лтд. (Издательство ГРИФОН).

**БРИЛЛИАНТЫ
ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ**

*Джону и Бет
И как раз вовремя!*

“Не всякое преступление вульгарно,
но всякая вульгарность есть преступление”.

Оскар Уайльд

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дрейк Мейстрал в высоких ботинках из мягкой кожи шел к центру бального зала в Пеленг-сити, причем шел совершенно бесшумно. Его поступь приобрела легкость благодаря его ремеслу.

Над ним, под высоким потолком реяли идеограммы, означавшие “Будьте здоровы” и “Добро пожаловать, путешественники”. Лампы озаряли помещение еще более ярким светом, чем обычно, главным образом, для того, чтобы обеспечить достаточно света для информационных шаров, также паривших над собранием. Присутствующие, как люди, так и представители других рас, реагировали на неожиданно яркое освещение в зависимости от их характера и намерений. Некоторые, не желавшие выносить свои дела на всеобщее обсуждение, прятались в тени и что-то бормотали, повернувшись лицом к стене. Те, кто, напротив, хотели, чтобы их заметили, прогуливались под парившими шарами или плавали в полях антигравитации в надежде, что какой-нибудь шар снизойдет до того, чтобы взять у них интервью. Некоторые прохаживались под лампами, в ярком свет, но, чувствуя смущение, краснели. Другие из всех сил старались вести себя, как обычно, и, в конце концов, начинали задавать себе вопрос: а что значит “вести себя, как обычно”, особенно в этих обстоятельствах.

Мейстрал ничего такого не делал. Ему нравились умение сохранять уверенность в необычных обстоятельствах, он привык к тому, что средства массовой информации уделяют ему некоторое внимание, и, хотя род

его занятий был не совсем законным, у него не возникало желания прятаться по углам и что-то бормотать.

Большинство гостей предпочитали официальную позу, то есть отведенные назад плечи и бедра, подобранные под слегка искривленную и в то же время совершенно прямую спину. Поза была естественной для Хосейли, но человеку, чтобы научиться принимать ее, требовалась тренировка. То, что Мейстрал сумел придать этой позе мягкую грацию, делало ему честь. Он был всего на несколько дюймов выше среднего человеческого роста, но казался еще выше. Его костюм также делал ему честь — он ухитрился извлечь максимум из одноцветной гаммы, требуемой Высоким Обычаем: сочетания черного — траурного цвета, принятого большинством человечества, и белого — траурного цвета Хосейли. На нем почти не было драгоценностей, если не считать серебряных булавок, которыми были заколоты сзади его длинные каштановые волосы, и кольца с крупным бриллиантом на пальце. Его глаза были приятного, непритязательного зеленого цвета, а полуопущенные веки придавали его лицу ленивое выражение. На вид ему было лет двадцать пять.

Мейстрал приблизился к высокому элегантному человеку чуть постарше его, прогуливавшемуся по большой зале в одиночестве. У мужчины один глаз был вставным, стеклянным. Он был одним из трехсот представителей человеческой расы, носившим только одно имя. Кожа у него была черной, а кружевные гофрированные манжеты и башмаки — ярко-алыми.

— Этьен, — сказал Мейстрал.

— Мейстрал. Как приятно.

Они обнюхали друг другу уши в официальном приветствии. К щекам Мейстрала легко прикоснулись кончики навощенных усов.

— Я вижу, ты все еще в трауре, — заметил Этьен.

— Мой отец по-прежнему мертв, — ответил Мейстрал.

Они разговаривали на Классическом Хосейли. Большинство людей довольно легко справлялись с чуждой им интонацией и носовыми гласными, однако для того, чтобы научиться правильно употреблять ускользающий синтаксис, где структура каждой фразы содержит в себе комментарий к предыдущему предложению, высказыванию или мысли, и одной замысловатой формулировкой можно даже выразить отношение предмета разговора к состоянию вселенной в целом, нужна была хорошая подготовка.

— Я припоминаю, что услышал о смерти твоего отца примерно около года назад. Я полагаю, нет никакой надежды, что он оправится?

— Боюсь, что нет. Он часто шлет мне письма, жалуется на свое состояние.

— Я уверен, что мертвые тоже могут быть обузой. Однако траур очень идет тебе, Мейстрал.

— Спасибо. А ты элегантен, как всегда. Хотя я не уверен, что тебе так уж идет этот твой “монокль”. По-моему, ты недостаточно стар для такого жеманства.

Этьен понизил голос: — К сожалению, это косметика. Женщина-Перл вызвала меня на дуэль на Малой Вересковой Пустоши и проткнула мне глаз. Сапог соскользнул, черт побери. Вокруг имплантанта все еще осталось несколько ссадин. — Он на минуту замолчал, словно вдруг забеспокоился: — А ты разве не слышал об этом?

— Боюсь, что нет. Я только закончил долгое путешествие и отстал от свежих новостей.

— А, — Этьена, казалось, это успокоило. — Возьми меня под руку и составь мне компанию. Похоже, жители города несколько стесняются.

Мейстрал двинулся в ногу с Этьеном. Местные жители расступались перед ними в некотором благоговейном страхе. — Меня это не удивляет, — заметил Мейстрал. — Сколько лет прошло с тех пор, как члены Диადемы приезжали сюда с визитом?

— Сорок стандартных. И если судить по виду этого городишки, я даже понимаю, почему.

Мейстрал дипломатично промолчал. К чести его учителей, он бросил лишь мимолетный взгляд вверх, чтобы убедиться, что ни один из информационных шаров не подслушал этой реплики. Этьен продолжал, и то, как он строил фразы, свидетельствовало о его раздражении.

— Здесь у них не столько прием, сколько желание выразить свою готовность, если ты понимаешь, о чем я. Слишком много пиетета.

— Ну, я уверен, в твоём обществе они скоро научатся расслабляться.

— Мой дорогой Мейстрал, я вовсе не ЖЕЛАЮ, чтобы они расслаблялись. Мне не годится быть их соседом, предполагается, что я должен быть богом.

Любому, получившему в глаз рапирой, а потом узнавшему, что его старинный знакомый об этом даже не слышал, можно простить некоторую брюзгливость, подумал Мейстрал, даже если эта брюзгливость непоследовательна. Мейстрал пожал плечами.

— В таком случае пиетет тебе только причитается, — заметил он. — Наслаждайся им, это новое выражение обожествления, — Мейстрал высказал свою мысль в сложной формулировке, отражавшей отношение предмета разговора к условиям бытия.

Этьен был не настолько раздражен, чтобы не заметить укола, но оправился от него очень изящно. Он поклонился высокой белокурой женщине, лениво приближавшейся к ним. Она была одета в элегантное голубое с серебром платье и выглядела моложе своих тридцати двух лет.

— А, Николь. Мейстрал только что о вас спрашивал.

Ее аромат был знакомым и ударил в ноздри Мейстрала шелковой перчаткой. — Миледи. Я очарован. — Он слегка коснулся губами ее пальцев, прежде чем обнюхать ее уши. Женщина была выше его ростом и очень бледна. Как и Этьен, она носила только одно имя, без фамилии. Она подарила Мейстралу ослепительную улыбку.

— Дрейк. Как приятно видеть тебя после столь долгого отсутствия. Траур тебе идет. — Она говорила на стандартном человеческом языке.

— Благодарю. И еще раз спасибо за теплую записку по поводу смерти моего отца.

— Кстати, как он?

Информационные шары начинали один за другим тесниться над головой Николь. Этьен извинился, обнюхал уши и удалился. Николь взяла Мейстрала под руку. Ее близость навевала старые интимные воспоминания, рождала новые надежды. Рука об руку они прогуливались вдоль зала. По меньшей мере пятьдесят мужчин покраснели и мысленно раправились с Мейстралом на месте.

— По-моему, Этьен был обеспокоен тем, что я ничего не знал о его дуэли.

— Его рейтинг понизился, знаешь ли. Это подтвердила интрижка с протеже Женщины-Перла, дуэль с самой Женщиной-Перл, потом — новый глаз. Глупейшая история. Это уже вторая дуэль в окружении Диадемы за последние двенадцать месяцев. Женщина-Перл была в ярости.

— Он сказал мне, что у него сапог соскользнул.

— Возможно. Есть надежда, что это излечит его от воинственных амбиций. Дуэль входит в привычку, хотя, по счастью, самоубийство — нет.

Даже Хосейли, возродившие среди человечества моду на дуэли и самоубийства, испытывали смешанные чувства по отношению к этой части Высокого Обычая.

У Хосейли есть поговорка: "Каждый дурак может умереть на дуэли". (У них есть аналогичная поговорка и по поводу самоубийства). Тон, которым Николь давала свои комментарии (хотя она говорила на стандартном человеческом языке, где нет таких контекстных тонкостей, как в Классическом Хосейли), каким-то образом сумел передать сущность выражений Хосейли, при этом ничего не говоря прямо.

Нюансы, нюансы. Поговаривали, что информационные шары их просто обожают.

— А как Роман? Хорошо?

Мейстрал улыбнулся: — Роман остается Романом. Ему будет приятно, что ты осведомилась о нем, но он не подаст вида.

Беседуя, они наблюдали друг за другом, слушали, прикасались. Мысленно они исследовали возможности. Каждый искал выводов и решений.

— Значит, он не изменился. А ты?

Мейстрал вскинул голову, обдумывая вопрос: — То же нет, я полагаю.

— Ты слишком молод для хандры. Это больше мой стиль.

— А это прозвучало как хандра? Я, признаться, хотел, чтобы было похоже на милую скромность.

— Ты не скромный человек, Дрейк. И не приписывай себе добродетелей, которыми не обладаешь. — Это было сказано небрежно, но с капелькой яда. За четыре года она не изменилась.

— Ну, должен же я приписать себе хоть что-то, — отозвался Мейстрал. — А то у меня их совсем не будет.

Николь положила свободную руку ему на локоть: — Вот это уже больше похоже на того Дрейка Мейстрала, которого я помню.

То, что она положила вторую руку ему на локоть, было внешним проявлением глубинного процесса. Николь приняла в отношении Мейстрала то же решение, к какому он сам пришел несколько минут назад. А то, что он принял подобное решение так скоро, возможно, было невежливо, и, конечно, означало многое.

Николь посмотрела на группу Хосейли, стоявших неподалеку: — Эти имперцы что, воротят от нас нос? Они стоят лицом к стене.

— Это барон Синн и его друзья. Он всегда строил какие-то заговоры с моим отцом. Подозреваю, что он шпион. Наверное, жалеет, что вообще явился сюда, если учитывать, какое внимание этому мероприятию уделяет пресса.

— А за чем здесь шпионить? Провинциальная планета, достаточно далеко от границы, чтобы не представлять особой ценности для военных целей.

— Ну, надо же ему как-то отрабатывать свое жалование.

Со стороны антигравитационного оркестра, подвешенного рядом с куполообразным потолком, зазвучали трубы. Публика стала разбиваться на пары и выстраиваться в ряды. — А, — сказал Мейстрал, — “Паломничество к Коричному Храму”. Разрешите вас пригласить?

— Буду счастлива, сэр.

Изначально “Паломничество” было бойким танцем, именуемым “Пойти на рынок”, но за восемь лет до описываемых событий, в период правления престарелого, страдавшего артритом Императора, темп танца был замедлен, и ему было дано более достойное название. Как выяснилось, изменения дали танцу неожиданные преимущества. Поскольку танцоры часто меняли партнеров, более медленный темп давал возможность стоявшим в ряду обнюхивать уши, знакомиться и обмениваться остротами, а если острот не хватало, можно было повторять одну и ту же, не боясь показаться занудой. Таким образом, “Коричный Храм” был идеальным танцем для знакомств.

Зов труб повторился, и танец начался. Мейстрал приблизился к партнерше и втянул ноздрями воздух.

— Придешь ко мне завтра? — спросила Николь.

— Буду счастлив, — ответил Мейстрал. Она с достоинством обходила его крутом, согнув одну руку и изображая, что держит воображаемую корзину.

— Можешь прийти в шестнадцать? В восемнадцать я должна присутствовать на воплощении Элвиса, ты мог бы меня сопровождать.

Мейстрал сделал прыжок: — Тогда я оденусь официально.

— Бог его знает, что из этого выйдет, — вздохнула Николь. — Он, наверное, не сможет даже как следует исполнить “Отель, где разбиваются сердца”.

Мейстрал оказался лицом к лицу с танцевавшим справа от него мужчиной и представился. Танцоры продолжали беседовать.

— Мне это не нравится, Пьетро. То, что здесь находится барон Синн.

Пьетро был нескладным молодым человеком среднего роста. Его партнерша была на несколько лет старше, с темными, коротко остриженными волосами. Вид у нее был надменный. Пьетро был выше ее, но это преиму-

щество в росте достигалось только за счет его высоких каблуков.

— Мне это тоже не нравится, мисс Йенсен, — отозвался Пьетро. — Может, он собирается вмешаться в аукцион.

— Черт бы его побрал. Мы не сможем перебить его ставки. Если бы только Тарталья был здесь! Я послала ему записку, но пока не получила ответа.

— О-оп. Извините.

— Тебе не следовало бы танцевать на каблуках, разве что... Ох, дьявол. Потом, Пьетро.

* * *

— Барон, на два слова. — Синн был Хосейли; высокий, с длинным лицом и эбеново-черной кожей под темным мехом. Обратившаяся к нему была человеком — светловолосой женщиной невысокого роста, с ярко-голубыми глазами, сверкавшими, как алмазная пыль. Ей было за пятьдесят, но выглядела она на десять лет моложе.

Барон коснулся теплым носом ее щеки: — Графиня.

Ее уши чуть опустились: — Могут возникнуть осложнения. Я заметила здесь Мейстрала.

— Перед ним содержимое целой планеты — есть из чего выбирать, мэм. На вашем месте я бы не беспокоился. Шансов, что наши интересы могут совпасть, очень немного.

— Возможно, самый простой способ — спросить его прямо.

— Мне не хотелось бы раскрывать наши намерения такому неустойчивому типу. Мы просто понаблюдаем за ним и будем ждать.

Она раскрыла рот и повертела языком. Улыбка Хосейли. — И все же. Я его уже сто лет не видела. Вы не присоединитесь ко мне, барон, в конце тура?

— С удовольствием, графиня. Вашу руку.

— Дрейк Мейстрал, сэр. — Взаимное обнюхивание.

— Лейтенант Наварр, сэр. Я вижу, мы оба в трауре. — Лейтенант был высоким меднокожим человеком лет тридцати в форме с траурной повязкой.

— Боюсь, что не узнаю вашей формы. Местные войска?

Лейтенант рассмеялся, отменяя это предположение:

— Нет. Я с Помпей. Я только что получила здесь в

наследство кое-какую собственность, надо ее осмотреть.

— Надеюсь, значительную собственность.

— О нет. Всего лишь дом и немного земли. Множество антикварных вещей — у моего дядюшки были эксцентричные вкусы, но богат он не был. Я собираюсь все это продать.

— Надеюсь, вы не сочтете меня бестактным за то, что я спросил.

Лейтенант пожал плечами: — Нисколько. О чем еще говорить незнакомым людям?

— ... Да. Сапог соскользнул, черт побери.

— Какой был прекрасный глаз. Наверное, из-за ваших глаз я влюбилась в вас — много лет назад, когда была совсем ребенком.

— Э-э. Да. Разумеется.

— Дрейк Мейстрал, сэр.

— Пьетро Кихано, сэр. Послушайте, вы ТОТ САМЫЙ Мейстрал?

— А-а...

— О. Простите великодушно. Это новые туфли.

— Ничего страшного, сэр. Боюсь, что ответ на ваш вопрос — да.

Пауза. — Сэр? А какой вопрос я вам задал?

— Еще раз приветствую, Николь. Какой прелестный поворот ты только что сделала.

— Мне нужно было попробовать что-нибудь новенькое. Я танцевала этот танец столько раз...

— Ну, а теперь кто из нас полон хандрой?

Неестественный смех. — Я только что протанцевала тур с самой ужасной женщиной. С графиней Анастасией. Ты бледнеешь, Дрейк.

— Она, наверное, поздно прибыла, а то бы я ее увидел. — Прикрытые веками глаза Мейстрала не могли полностью скрыть его беспокойства. — Призрак дней моей юности.

— Она, должно быть, узнала, что барон Синн здесь. Полагаю, что она приехала не за тем, чтобы увидеть тебя.

— Мой отец приходил от нее в ужас, и не без оснований. Говоря по правде, я тоже, — Мейстрал вытянул голову, оглядывая танцующих.

— Может быть, она меня не заметит.

— Я бы не стала на это рассчитывать, Дрейк. По-моему, эта женщина замечает все.

— Привет, Пьетро.

— Я развлекаюсь, мисс Йенсен.

— Рада это слышать.

— Вот мы здесь, замешанные в серьезной интриге, и все эти знаменитости вокруг... прямо как Волшебная Планета Приключений.

— Как что?

— Разве вы не смотрели в детстве Шалуна Ронни? Я смотрел.

— Да, конечно. Я просто забыла.

— Знаете, кто здесь, мисс Йенсен? Дрейк Мейстрал. ТОТ САМЫЙ Дрейк Мейстрал.

— Прошу прощения за свою тупость, Пьетро, но я не уверена, что знаю, о ком идет речь.

— Вы разве не следите за спортивными событиями? Ледник Ховенбург? История Прямо Внутрь?

— А. Теперь припоминаю. Который из них он?

— Вон там. Разговаривает с лукоголовым. Я думал... Он мог бы помочь нам с нашей... э-э... проблемой.

— О. — Удивленным тоном: — Это хорошая мысль, Пьетро.

Пауза на два такта: — Правда?

— Да. Не повезло. Сапог соскользнул.

— Дрейк Мейстрал, сэр.

Высокий голос, исполненный великолепных гармоник.

— Граф Квик. — Граф был троксанином, в нем было меньше четырех футов роста, а его большая круглая голова состояла из полупрозрачных слоев перемежающейся мозговой ткани и хрящей. Снаружи у него не было ушей, поскольку строение головы создавало резонанс, практически служивший для той же цели. Мейстралу приходилось делать приблизительные оценки во время ознакомительного обнюхивания.

— По не делу пребываю я в эта система, — объяснил граф. — Человечество меня интересовать. Большое путешествие делать я. Большое заканчивание делать я на Земле, делать знакомства.

Мейстрал подумал, что имплантанты для обучения человеческому стандартному, по-видимому, для троксан были не разработаны. — Звучит восхитительно, — сказал он. — Я никогда не бывал на Земле.

— Должны вы туда делать путешествие. Родина Элвиса и древних греков.

— К тому же, это близко к границе, а я собираюсь двигаться именно в том направлении. Надо бы запланировать. Да. Определенно.

— Лейтенант Наварр, мэ.

— Николь. Я вижу, вы из Разведки Открытых Морей Помпеи.

— Вы узнали форму? Поражен широтой ваших знаний, мэм. Вы бывали в Помпеях?

— Увы, нет. Но мне всегда нравились люди в форме.

— Дрейк Мейстрал, мэм.

— Амалия Йенсен, сэр. Вы Мейстрал из Зеркального Стекла Шкатулки с Колокольчиками.

— Боюсь, что это был Джефф Фью Джордж, мадам.

— Прошу прощения.

— Ничего страшного. Такое сравнение мне льстит.

И сразу же: — Я тут думала... может быть, мы могли бы поговорить о деле.

— Я весь внимание, мадам.

— Антикварная редкость. Ее будут продавать на аукционе. Боюсь, что ее у нас перебьют.

— Буду счастлив послушать вас. Пожалуйста, продолжите, пока мы встретимся в очередном туре.

— С восторгом.

— Какой стыд. Надеюсь, вы приобрели пару новых сапог впридачу к глазу.

* * *

— Мейстрал, сэр.

— Пааво Куусинен. — Это был стройный, холодно-ватый человек, приближавшийся к среднему возрасту.

— Ваш сюртук шит по имперской моде. Вы принадлежите к компании Синна?

— Я путешествую в одиночестве, сэр. По делам.

Мейстрал не смог придумать, что сказать в ответ, а манеры незнакомца не располагали к задушевным беседам. Он продолжал танцевать.

— Дрейк.

— Николь.

— Ты знаешь, что в Помпеях ежегодно четыреста человек погибают в авариях, связанных с морем?

— А. Вижу, ты поговорила с человеком в форме.

— Он набит фактами, Мейстрал. Сколько времени прошло с тех пор, как я слышала настоящий факт? Не предположение или слух, а настоящий четкий факт. Четыреста жизней. Факт.

— Факт тот, что ты красива.

— Это факт, который, к моему огорчению, слишком хорошо мне известен.

— Пьетро Кихано.

— Генерал Джералд. Военно-морские силы. В отставке. — Генерал был широкоплечим мужчиной, державшимся очень прямо, на его лице застыло выражение вечной ярости.

— К вашим услугам, сэр.

— Дурацкое занятие — этот танец. Я сегодня обнюхал столько грязных шей, что это просто скандал. Кстати, вашу тоже не помешало бы немного помыть.

— Э-э, я сразу же это сделаю. Послушайте, знаете, с кем я только что познакомился? С Дрейком Мейстралом. Знаете, Ледник Ховенбург. История со Швейцарским Сыром.

— Мейстрал? Здесь? Где?

— Вон там. В трауре.

— Ха! Возмутительно! И к тому же здесь, в таком обществе.

— О. Простите, сэр.

— Вам бы не следовало носить высокие каблуки, молодой человек. Лишний рост вам не нужен.

— О. — Один такт. — Вы правда так думаете?

— Николь.

— Пааво Куусинен. К вашим услугам, мэм.

— Вы прибыли из Империи?

— Да, мэм. Неужели это так бросается в глаза?

— Если хотите сохранить инкогнито, вам следовало бы сменить скюртук.

— Я опечален. Я изучаю человеческую природу и надеялся смешаться с толпой, лучше всего — просто наблюдать, как остальное человечество играет в свои игры. Мой портной заверил меня, что это — последняя мода.

— Наша мода больше не идет от Империи. Здесь найдется кое-кто, кто счел бы это потерей.

— Дрейк Мейстрал.

— Генерал Джералд. Военно-морские силы. В отставке. Только попробуйте позариться на что-нибудь из того, что принадлежит мне, и я вас убью.

Изумление. Прыжок, прерванный на середине: — Прошу прощения, сэр, но у меня нет ни малейшего намерения...

— Мне плевать на ваши намерения. Меня интересуют только результаты. Только попробуйте двинуться в моем направлении, и я вас убью или прикажу кому-нибудь это сделать. Это честное предупреждение.

— Достаточно честное, сэр.

— И ваши суждения по поводу моей честности мне тоже не нужны, черт бы вас побрал. Идите, нюхайте шею вон той леди и убирайтесь с моих глаз к чертовой матери.

— Мисс Йенсен, если все обстоит так, как вы говорите, вам придется заплатить мне по меньшей мере шестьдесят. Даже больше, если работа будет трудной.

— Вы сомневаетесь в моей информации?

— Ваша информация может оказаться устаревшей.

— Ваша цена... высока, Мейстрал.

— Вы же не даете мне прав на информацию. Если передумаете, цена будет снижена.

— Извините. В этом вопросе я буду стоять на своем.

— Тогда я буду настаивать на своей цене. Примите мои извинения, мисс.

— Я видел ту вашу драку. Дрянная работа, черт побери.

— Да, генерал. К несчастью, у меня сапог соскользнул.

— Ха. Вы лжец или просто кретин. Она подставила вам ножку, вы рассредоточились, она перехватила ваш клинок у эфеса, и с вами все было кончено. Курсант, и тот справился бы лучше.

— Сэр!

— Нечего мне разыгрывать разъяренного боевика. Может, я и в отставке, но на такие штучки вы меня не поймаете. Я бы вас на кусочки разрезал.

— Мейстрал.

— Графиня. — Его нервы мучительно заныли, казалось, его руки и ноги вот-вот задрожат, и решимость готова была покинуть Мейстрала. Не слишком приятно обнаружить, что великан-людоед твоего детства сохранил свои зубы и способность вызывать ускоренное бие твоего пульса и слабость в коленях.

— Позвольте выразить благодарность за теплую записку по поводу смерти моего отца.

— Он был достойным сыном великого отца. На твоём месте я не стала бы пытаться с ним соперничать. — Графиня говорила на Классическом Хосейли, её произношение было безупречным.

Мейстрал отвел назад уши — выражение полного согласия по Высокому Обычаю. (Высокий Обычай требует, чтобы уши были подвижными. Пожалейте графа Квика, лишённого таких ценных средств выражения).

— При существующем характере времени, — сказал Мейстрал, — это невозможно. Он говорил на стандар-

тном языке Хосейли, подозревая, что это каким-то образом может вывести ее из равновесия.

Глаза графини сверкали, как осколки отполированного голубого камня: — При твоём характере, ты хочешь сказать.

Мейстрал пожал плечами: — Возможно, если вам угодно.

— Значит, ты здесь по делам, связанным с твоим... родом занятий?

Он улыбнулся: — Разумеется, нет, графиня. Я здесь, чтобы сходить в зоопарк и посмотреть метанитов.

— Зоопарк. — Казалось, что лицо графини Анастасии никогда не меняет своего выражения; она разглядывала Мейстрала так пристально, что это не только показалось ему пугающим, но и смутило его.

— Твой отец был стабильным человеком.

— Он стабильно влезал в долги.

— Я могла бы найти тебе занятие, если это то, чего ты хочешь.

— Я предпочитаю не навязываться старым связям, графиня. — Мейстрал с нетерпением ждал, когда же закончится этот тур.

Уши графини опустились в хосейлийском выражении презрения:

— Гордость. Гордость и неустойчивость. Неудачное сочетание.

— Неудачное время, графиня. Уверен, что к нашему взаимному сожалению.

Тур окончился, и Мейстрал повернулся к человеку, танцевавшему справа. Его нервы все еще пели. Счет, подумал он, почти равный. Неплохо для человека, вынужденного оживить детские страхи.

— Барон Синн.

— А. Шпион.

— Прошу прощения, сэр?

— Генерал Джералд. Военно-морские силы. В отставке. Вы — хосейлийский шпион.

— Вы ошибаетесь, сэр. — Это было сказано холодно, барон выпрямился во весь рост, чуть-чуть не доставая до генерала.

— Вы военный офицер, путешествующий под прикрытием торговли с двумя хосейлийцами, по виду такими же военными, как и вы. Если это не шпион, то я вообще не знаю, кого называть шпионом.

— Я полагаю, сэр, нам не о чем больше разговаривать.

— Вы ошибаетесь. Мне очень даже есть что сказать. Но если желаете, я готов это отложить.

— А. Последний тур. По-моему, зал просто переполнен новыми знакомствами.

Николь взглянула на Мейстрала с веселой улыбкой: — Похоже, ты доволен собой, Дрейк. Ты провернул какое-нибудь дело?

— Мне удалось придержать эту жуткую графиню и при этом вести себя не более оскорбительно, чем она.

— Ах. Действительно есть чему радоваться. — Танец завершился, и танцоры постучали кончиками пальцев ног, выражая одобрение. (Снова Высокий Обычай. По крайней мере, хоть не надо было вращать ушами.) Николь взяла Мейстрала под руку, и они стали прогуливаться среди рассеивающегося многоцветного облака пар.

— Этьен выглядит так, словно он выбит из колеи, — заметила Николь. — Хотелось бы знать, почему?

— Возможно, пообещал графине Анастасии следующий танец. Могу я предложить тебе прохладительного?

— Спасибо.

Информационные шары подплыли ближе, их объективы крупного плана тихо зажжужжали, фокусируясь на двух лицах. Где-то в штабе их операторов эксперты по чтению по губам ниже склонились над своими видеоэкранами. Сконцентрировав все свое внимание на единственном незначительном разговоре, они пропустили три отборных выражения генерала Джералда, смотревшего вслед Мейстралу с выражением отвращения на раскрасневшейся физиономии.

Мейстрал принес Николь шербет и взял для себя стакан ринка. Он снова обвел взглядом толпу и увидел графиню, погруженную в беседу с бароном Синном. Оба бросили быстрый взгляд в его направлении и сразу отвели глаза. Мейстрал подумал, хватит ли его на то, чтобы еще раз сегодня оказаться лицом к лицу с графиней, и решил, что нет.

— Думаю, мне пора удалиться, Николь, — сказал он. — Я только сегодня утром прибыл на Пеленг, и это был долгий путь. Я совершенно пропустил сиесту. Сюда я пришел только, чтобы увидеть тебя.

Если Николь и была задета, то не подала виду. В свете последнего замечания Мейстрала она мысленно пересмотрела принятое ей ранее решение, потом подтвердила его.

— Что ж, тогда я увижу тебя завтра утром, — сказала она. Они обнюхали друг друга. — Я в восторге от

того, что ты здесь, Дрейк. Старые друзья всегда подчеркивают удовольствие, которое получаешь от новых зрелищ.

— К твоим услугам, Николь. Как всегда.

Оркестр снова стал настраивать инструменты. Плавающие голограммы объявили “Следопыт”. К Николь подковылял на высоких каблуках нетерпеливый юноша и поклонился.

— Пьетро Кихано, мисс. Может быть, вы помните меня. Не окажете ли вы мне честь танцевать со мной?

Если Николь и почувствовала смятение при виде этого явления, она сумела хорошо это скрыть. Она улыбнулась: — Ну, разумеется. — Информационные шары поплыли за ними.

Мейстрал, покинутый шарами и только порадовавшийся этому обстоятельству, допил напиток. Он прошел вдоль стены, направляясь к выходу, коротко переговорил с Амалией Йенсен, подтвердив их прежнюю договоренность, и пообещал держать с ней связь. Он шел к выходу и уже собирался пройти сквозь прохладную, разрисованную голограммами дверь, когда ему преградили дорогу.

— Прошу прощения, сэр. — Человек в форме, распознал Мейстрал, носитель фактов.

— Лейтенант Наварр.

— Могу ли я попросить вас о снисхождении, сэр, ответить на... э-э, бестактный вопрос.

Мейстрал окинул его ленивым взглядом зеленых глаз: — Говорите, сэр.

— Юная леди, с которой вы только что разговаривали. Наверное, ваш старый друг?

— Вы имеете в виду мисс Йенсен? Мы только что познакомились, во время “Паломничества”.

Наварр, похоже, испытывал облегчение: — Значит, между вами нет привязанности?

— Ни в коей мере, сэр. Путь свободен.

Лейтенант широко улыбнулся: — Благодарю вас, сэр. Прошу вас, простите мою дерзость.

— К вашим услугам. — Мейстрал поклонился и вышел в теплую ночь Пеленга. Какой-то информационный шар попросил у него интервью, но Мейстрал отказал. У него было достаточно “паблисити”.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если уж вам выпало быть завоеванными пришельцами из открытого космоса, то завоевание Хосейли — еще не самый плохой вариант. Хосейли покорили десятки рас, у них огромная практика в этом деле, и это сводит к минимуму количество жизней, которые могут быть погублены во время завоевания, а также обеспечивает немедленное начало приспособления к новым условиям.

Когда Хосейли завоевывали Землю, битвы практически не было. В то время человечество только-только покинуло свою маленькую скалу в океане космоса, и когда сотня тысяч инопланетных военных кораблей с ракетами и лучами, направленными на ее обитателей, неожиданно окружили планету, лишь несколько сотен людей, размещенных на военных боевых станциях, избрали путь сопротивления, и как только с ними было покончено, разумное большинство разумно покорилось.

Большей частью завоевания Хосейли так и проходят. Им встретились всего несколько инопланетных рас, не столь разумных, как человечество. Их с сожалением истребили до последнего представителя, а позднее по ним искренне скорбели. Хосейли, какими бы дружелюбными они ни были во всех других отношениях, не находят ничего веселого в независимости других рас. Весь смысл Имперской Системы заключается во всеобщей преданности Императору, а без этого все катится в тартарары.

Хосейли, как это водится у завоевателей, весьма просвещенны. По мере возможности они не вмешиваются в дела местных учреждений и религий; их налогообложение в общем необременительно; они импортируют десятки тысяч учителей и миссионеров, чтобы поднять соответствующую расу до полезного уровня, приближенного к Высокому Обычаю, и признания такового. Когда раса уже достаточно продвинута, ее представители станут появляться в Совете Империи и занимать важные должности по всей Империи.

Разумеется, произойдут некоторые изменения. Существуют гарнизоны; новости проходят цензуру, — Хосейли ограничены, но не глупы. Высокий Обычай определяет то, что Хосейли считают наилучшим для себя: их любовь к формальностям, их элегантность, их строгий

идеализм. Хосейли считают Высокий Обычай универсалией, но реалья Высокого Обычая заключается в том, что это проверка. Если инопланетянин способен овладеть сложностями Высокого Обычая, он доказывает, что представляет из себя личность, с которой Хосейли могут разговаривать и вести дела. Вот для чего в действительности существуют учителя и миссионеры: они вылавливают людей, забрасывают крючки в океаны инопланетных рас, выискивая тех, кто способен выступать в роли посредников между Хосейли и своей собственной расой, способен к общению с обеими — переводить одну расу для другой.

Такие счастливые личности зачастую обнаруживают, что им пожаловано дворянство. На самом деле это глупо, но Хосейли настаивают. Что такое Имперская Система без потомственной аристократии? Земля пережила один припадок за другим, пытаясь избавиться от своего собственного дворянства, и вот теперь они вернулись — графы, бароны, герцоги и прочие, а чтобы ситуация оказалась еще более дурацкой, большинство из них оказались инопланетянами.

Высокий Обычай, может, и не универсалия, но поведение аристократов определенно является таковой. Новая аристократия Земли доказала, что способна к величию, просвещенности, вдохновенному правлению, поощрению достойного искусства и таланта. Вспомните достижения Виконта Чена или Соломона Неподкупного. Аристократы также доказали, что способны на жестокость, близорукость, мотовство, алчность и веселые безумства — вспомните Роберта-Мясника или Безумного Джулиуса. Человечество радовалось или страдало в условиях, созданных и поддерживаемых ее новой аристократией; многое из великого было задумано, многое из низменного было выстрадано. И все это было вполне предсказуемо.

А вот что было менее предсказуемым, — это капризная смесь человеческого и хосейлийского. Каждая раса несла черты, считавшиеся достойными восхищения другой расы; при этом одна разочаровывала другую.

Как только человечество поближе познакомилось с Хосейли, оно сочло их благородными и возвышенными, но скучными. Покрытые черным мехом, длинноносые и широкоплечие завоеватели благоговейно почитали Императора, практиковали умеренность, любили парады и военную музыку, воспитывали своих отпрысков так, чтобы те были полезными гражданами, любезными и с хорошими манерами. Они имели склонность к ограни-

ченности и суете, были мастерами по части возни с мелкими подробностями и Имперскими установлениями. Вообще-то все это особых возражений не вызывало — у каждого из нас есть дядюшка, который ведет себя именно таким образом, но в душе — вполне симпатичный малый. Только ведь мы не приглашаем наших за- нудных дядюшек на свои любимые вечеринки, правда?

В целом, Хосейли не видят ничего забавного в отсутствии пиетета, так же, как не склонны они доверять фривольности, безответственности, слишком явно выраженным творческим способностям или людям, наделенным чувством юмора от рождения или сознанием, что мир сошел с ума. Они не доверяют людям, свистящим в публичных местах, отпускающим грязные шутки или напивающимся в стельку во время спортивных состязаний. Высоконравственные Хосейли считают, что таким индивидам очень пойдет на пользу, если они приналягут на работу и для разнообразия станут принимать всерьез Принцип Императора.

Как это ни печально, их отношение к человечеству заключается в том, что они считают, что все люди такие. Фривольные и забавные — возможно, но принимать их всерьез нельзя. Созданный ими стереотип человечества несправедлив — разумеется, существуют мириады людей, полностью отвечающих представлениям Хосейли об ответственном гражданине, и многие из них нашли дорогу в имперскую службу и заслужили одобрение своего исполненного сознания долга и взыскательного начальства. Некоторые из них оказались даже более фанатичными приверженцами Империи, чем сами Хосейли — вспомните экцессы Роберта-Мясника, без разбора зверски убивавшего сотни тысяч людей во имя Императора, о чем ни один хосейлийский правитель даже не помышлял.

Наш собственный стереотип так же несовершенен. Существуют представители Хосейли, отличающиеся фривольностью и отсутствием должного пиетета, если им представится для этого случай. В своих тайных мечтах Хосейли спяну пускаются в пляс в лунном свете и забавляются с дамочками со слюнявыми мордами. Просто они об этом не говорят.

Ибо Хосейли не лишены своих тайных пороков. У них имеется обширная популярная литература, в которой действуют повстанцы и ловкачи, и они втихомолку восхищаются теми, кто умеет пренебрегать условностями, причем это сходит им с рук. Они более доброжелательно относятся к своим капризным кузенам, чем те

того, возможно, заслуживают, и не меньше поддаются очарованию, чем человечество.

В Высоком Обычае капризам и своеволию отводится определенное место, и каждый, кто хоть раз видел, как Хосейли изображает Элвиса, с этим согласится. В Высоком Обычае есть место для пьяниц, шарлатанов и дураков, при условии, что их поведение непристойно в должных рамках и достаточно стильно. Стиль — вот в чем основной смысл, ибо кому же понравится пьяница, не обладающий остроумием, или шарлатан, чьи задумки никого не развлекают. Так что в Высоком Обычае есть нечто гораздо большее, чем обнюхивание ушей и благонравные танцы.

И если вы будете делать это в адекватном стиле, закон разрешит вам даже красть для заработка.

* * *

Мейстрал оставил свой флаер на лужайке перед виллой, которую он снимал, и прошел через звуковой экран, служивший входной дверью. По пути он расшнуровал камзол настолько, насколько позволял его покрой — неписаное правило Высокого Обычая настаивало на том, что одежду нельзя было надевать или снимать без помощи слуги. В те дни большинство использовали роботов, во всяком случае, в Созвездии Человечества.

У Мейстрала, однако, был слуга — Хосейли по имени Роман. Роман был крупным даже для Хосейли, и отличался огромной силой. Возрастные кольца вокруг его морды говорили о том, что ему сорок пять лет. Его предки служили предкам Мейстрала в течение пятнадцати поколений, и Мейстрал унаследовал Романа от своего отца. Он использовал Романа для заданий физического характера, а иногда и для темных дел, которые Роман зачастую не одобрял. Свое неодобрение, как и многое другое, Роман держал при себе. Он гордился тем, что был верным и неподкупным вассалом семьи, хотя само вышеозначенное семейство порой приводило его в отчаяние.

Роман появился из коридора и поплыл по направлению к Мейстралу, двигаясь с бесшумной и исполненной достоинства легкостью, приводившей Мейстрала в восхищение как с профессиональной, так и с эстетической точки зрения.

— Грегор вернулся?

Они разговаривали на стандартном языке. Голос Романа звучал так, словно его омывали тихие воды: — Пока нет, сэр.

— Надеюсь, никаких проблем.

— Полагаю, что не должно быть.

Роман расшнуровал камзол Мейстрала, помог ему снять башмаки и взял его пистолет, кинжал, воротник и манжеты, проделав все это скупыми движениями и с профессиональной ловкостью, знакомой, как старый диван. Мейстрал почувствовал, что его напряжение спадает. Роман был единственной неизбежной вещью в его беспорядочной и изменчивой жизни, не столько слугой, сколько символом дома, а дом — это было единственное место, где Мейстрал мог расслабиться. Он бросился на диван и поднял одну ногу вверх, благодарно шевеля пальцами в ворсистых серых носках.

Голографические произведения искусства медленно вращались на вделанных в стену пьедесталах, отбрасывая мягкий свет на растянувшегося на диване Мейстрала. Он посмотрел на Романа.

— Там была Николь. Она осведомлялась о тебе.

— Надеюсь, у нее все хорошо. — Мейстрал бросил взгляд на Романа. Его глаза блестели, ноздри чуть расширились. Он втайне доволен, подумал Мейстрал, радуясь предсказуемости Романа. В этом не было сомнения.

Николь всегда была одной из любимиц Романа.

— Да, у нее все прекрасно. Она... может, чуть-чуть замученная. Завтра я сопровождаю ее на представление Элвиса. Так я снова окажусь на виду у публики. Хорошо для бизнеса.

— Пришло письмо, сэр. От вашего отца.

Мейстрал почувствовал в сердце укол покорного отчаяния. Письма его отца касались только двух тем, и обе они были печальны.

— Сейчас прочитаю.

Роман принес на подносе письмо с буфета. Это было ОЛП, что означало, что написано письмо на бумаге, запечатано в конверт и доставлено лично в руки. Все это стоило дорого. Мейстрал вскрыл письмо и прочел его.

«Я не понимаю причины твоего переезда к границе. Ты, конечно, проведешь сезон на Нэйне в связи с обязанностями, которые налагает на тебя раздача милостыни. Если будешь на границе до начала сезона, засвидетельствуй свое почтение графине Анастасии. Возможно, ты

сможешь ей помочь в некоем предприятии, имеющем отношение к Делу. Если возникнет необходимость, можно продать каподистрийские чертежи.

Ко мне обратился Лорд Гиддон, у которого я несколько лет назад занял сумму в размере 450 н. Я, должно быть, говорил тебе об этом обязательстве и совершенно обескуражен тем обстоятельством, что ты до сих пор не удовлетворил его. Если бы ты не перекрыл мне доступ к семейным фондам, я не стал бы упоминать об этом, но сложившееся положение требует, чтобы ты поддержал честь семьи и возместил долг. Если у тебя в настоящее время нет денег, можно продать каподистрийские чертежи.

Надеюсь, ты об этом позаботишься.

*С упрёком, твой отец,
Экс-Дорнье и пр.*

Р. С. Срок приведения в порядок моего гроба наступает через два месяца. Надеюсь, мне не придется снова краснеть за то, что это не будет сделано вовремя”.

Ну, вот, обе темы сразу, причем во всех подробностях: Дело и старый долг. Обе тесно переплетаются, насколько помнил Мейстрал.

Он вложил Очень Личное Послание в конверт и вручил его Роману. — Сожги его, пожалуйста, — попросил он. Роман медленно направился к мусоропроводу. Мейстрал нахмурился и постучал по зубам бриллиантовым кольцом.

Долг Лорду Гиддону оказался для Мейстрала новостью, но не неожиданностью — старые кредиторы в те дни объявлялись достаточно часто. Пакет каподистрийских акций был безнадежно заложен; отец Мейстрала сам проделал это много лет назад и с тех пор забыл об этом. У него всегда была плохая память на все, что касалось денежных дел, со смертью она стала еще хуже. У Мейстрала не было денег ни на раздачу милостыни, ни на уплату долга Лорду Гиддону, ни на себя самого.

Мейстрал вел дорогостоящий образ жизни; его домашнее хозяйство было невелико, но вращение в vyšшем свете стоило изрядных денег. Он взглянул на

кольцо, поднял камень повыше к свету. Это была очень хорошая имитация — настоящий камень он заложил два месяца назад, чтобы финансировать свое путешествие. Даже Роман не знал, что настоящий камень заложен.

Возможно, ему следовало принять предложение графини Анастасии. Он представил себя в свете этого предложения: оплачиваемый простофиля в безнадежном деле, бормочущий сентенции, в которые сам не верит. Короче, очень похожий на своего отца.

Нет. Только не это.

Роман вернулся с бокалом холодного ринка. Мейстрал взял бокал и стал задумчиво потягивать ринк.

Роман прижал уши при звуке еще одного флаера, с жужжанием остановившегося на лужайке перед домом. Он обернулся, посмотрел в поляризованное окно и объявил: — Грегор. Произнося это, Роман слегка напрягся. Он не одобрял отклонений Мейстрала от нормы, а Грегора он считал одним из таких отклонений.

— Хорошо, — Мейстрал снова задумчиво согнул пальцы ноги. — Я могу рассказать ему о нашем задании.

Вошел Грегор Норман, стягивая темно-синюю шапочку с копны ярко-рыжих волос. Ему было двадцать лет, он был долговязым и сильным. Одевался Грегор исключительно в темные тона, а в его куртке было множество карманов, большинство из которых были заполнены электронными устройствами. Он улыбнулся. Грегор говорил быстро и несколько развязным тоном. Определенно Не-У.

— Миссия выполнена, босс. Еще как.

“Еще как” было фразой из любимого жаргона Грегора. Это было сокращением от “еще как легко” или “еще как возможно” или “еще как рад” или для любой подходящей фразы, начинавшейся с этой универсальной пары слов.

— Хорошо. Информационные шары сегодня вечером покажут меня вместе с Николь, так что завтра первым делом начнется паника.

Грегор рассмеялся. Он был доволен собой. Он совершил четыре взлома за последние четыре часа и проделал это гладко и без помех, оставив после каждого дела царапины от маленьких электронных устройств.

Роман перевел взгляд с одного мужчины на другого. Его ноздри задрожали. — Вы упоминали о задании, сэр.

— Да, — Мейстрал поднялся, поставил ноги на пол и наклонился к ним. — Садись, Грегор. Я тебе расскажу. — Мейстрал слишком хорошо знал Романа, чтобы предлагать ему сесть, — слугам не место сидеть в при-

сутствии хозяина. Он подождал, пока Грегор усядется, и продолжал.

— Женщина по имени Амалия Йенсен хочет, чтобы мы определили местоположение некоей антикварной редкости в поместье Адмирала Сколдера, СЧФ, в отставке, ныне покойного. Через несколько недель состоится аукцион, с которого будет распродаваться поместье, и мисс Йенсен опасается, что ее цену переберют.

Роман наострил уши: — Нынешний владелец, сэр?

— Наследник Сколдера — его племянник, некий лейтенант Наварр. Я познакомился с ним сегодня вечером. Не думаю, чтобы он особенно интересовался поместьем дядюшки — и уж, конечно, не его охраной. Похоже, он считает, что вся эта ситуация чревата для него личными неудобствами.

Грегор снова ухмыльнулся: — Если что-то пропадет, могут пройти недели, пока они заметят. — Он барабанил пальцами по бедру, выстукивая какую-то ему одному известную мелодию. Обычно какая-нибудь часть его тела всегда находилась в движении.

— Это хорошо. Нам надо продолжать и другие наши планы. Но завтра, Роман, я хочу, чтобы ты начал наводить кое-какие справки о мисс Йенсен. Сомневаюсь, чтобы она была агентом или провокатором, но кто знает. К тому же она отказалась дать нам права на массовую информацию, и я подозреваю, что это означает существование каких-то подводных течений, о которых нам неизвестно.

— Да, сэр.

— У нее также есть компаньон, юноша по имени Пьетро Кихано. Может, он замешан в этом, а, может, и нет. В любом случае, стоит навести о нем справки.

— Первым делом завтра утром я этим займусь, сэр.

Мейстрал повернулся к Грегору: — Мне бы хотелось, чтобы ты облетел поместье Сколдера и посмотрел на него. Проверь... ну, ты знаешь.

Грегор беззаботно отдал честь двумя пальцами: — Еще как, босс.

На короткое мгновение Мейстрал задумался: — А. Да. Еще одно из наших дел. Если какая-нибудь из твоих разведок относится к собственности, принадлежащей генералу Джералду из военно-морского флота, оставь ее в покое. Это чревато ненужными осложнениями.

Роман смерил его ровным взглядом: — Могу я узнать характер этих осложнений, сэр?

Мейстрал сделал вдох, соображая, какую ложь преподнести своему слуге: — Меры безопасности, относя-

щиеся к обороне этой планеты, — сказал он. — Я предпочел бы не связываться с контрразведкой. Это противоречит имиджу, который я хочу создать здесь.

— Конечно, сэр. Я понимаю.

Мейстрал снова задрал ноги на кушетку и подложил обе руки под голову. — А пока вы будете развлекаться, я буду трудиться на представлении Элвиса.

— Это, должно быть, черт знает что, босс.

Диафрагма Романа сжалась один раз, другой — хо-сейлийское обозначение глубокого, тяжелого вздоха.
ОПРЕДЕЛЕННО НЕ-У.

Отклонения Мейстрала от нормы иногда бывали совершенно непостижимы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

“Элвис” был человеком, одежда на нем была белого цвета и в блестках. Его движения: то, как он наклонялся к микрофону, прижимался к нему низом живота, даже жест, которым он вытирал пот со лба красным шелковым платком, — все они были очень стилизованы и напоминали ритуал, как шаги танцора с острова Бали.

Позади него, частично в тени, находился голографический оркестр. По краям сцены было установлено множество устаревших и совершенно ненужных усилителей, причем все было устроено так, что звук гремел из них, словно усилители были настоящими.

“О-о-о, пылающая любовь”, — пел король рок-н-ролла. В ответ на бессмысленные слова песни, звучавшей на нестандартном языке, над сценой неся визг дебютанток, века назад обратившихся в прах. “Элвис” наклонился вперед, вытер пот со лба и передал платок одному из своих помощников, сидевших среди публики. Помощник отнес платок Николь — почетной гостье, та с поклоном изящно приняла его, на мгновение освещенная прожекторами. Публика вежливо зааплодировала.

— Ну, и какого черта я буду с ним делать, Мейстрал? — поинтересовалась Николь, прикрыв рот рукой, чтобы вездесущие информационные шары не могли читать по ее губам. — Я не намерена сидеть здесь весь вечер с мокрой тряпкой в руках.

Мейстрал бросил на нее сочувственный взгляд. В ее туалете — голубоватом одеянии, состоявшем из нескольких слоев полупрозрачного псевдопанциря, карманы предусмотрены не были. — Я могу его взять, если хочешь, — предложил он. — Или повяжу его тебе на руку.

Свет прожектора, освещавший Николь, исчез. Ее бриллиантовые сережки и кольцо померкли. — Я пошлю его Этьену, — решила Николь. — По цвету он больше подойдет к его костюму. Она подала знак даме из своего окружения и шепотом дала ей указания. Этьен, сидевший в соседней ложе, зевнул, прикрыв рот рукой. Он уже решил, что Пеленг будет нагонять на него скуку.

Перед концертом Мейстрал и Николь приятно позавтракали, обсуждая свою жизнь, старые времена, старых друзей. Мейстрал обнаружил, что у Николь была тенденция предполагать, что он знает о состоянии дел Ди-

адемы больше, чем он знал на самом деле, однако, по его мнению, ему удалось довольно хорошо скрыть свое невежество. Он и вправду не следил за сплетнями.

Мейстрал откинулся, почувствовав, как кресло подстроилось под очертания его тела. Он бросил взгляд через холл и увидел графиню Анастасию в одной ложе с бароном Синном. Графиня пристально посмотрела на Мейстрала своим ледяными голубыми глазами. По его нервам мгновенно пробежал сигнал тревоги. Он поклонился, и графиня кивнула в ответ.

Она называет меня отклонением, подумал Мейстрал. Это ведь Хосейли сделали Элвиса частью Высокого Общества, вычеркнув из него Шекспира. Возможно, раздумывал Мейстрал, потому что во времена Шекспира было слишком много успешных восстаний против монархов. Элвис же был мнимым повстанцем в конце концов сделался одним из столпов общественного порядка.

Мейстралу очень нравился Шекспир, он читал его в новом переводе Максвелла Аристиды. Особенно хороши, на его взгляд, были комедии. Как он полагал, это свидетельствовало о его низменных вкусах. Большинство людей находили их недостаточно утонченными.

* * *

Вестибюль был отделан красной кожей и полированной бронзой в количествах, излишних даже для украшения. Информационные шары неловко бились под низким потолком, разглядывая толпу в антракте. Половина публики, пробыв здесь достаточно долго, чтобы убедиться, что их присутствие не осталось незамеченным, воспользовалась возможностью ускользнуть от nepостижимо-го представления.

Мейстрал потягивал холодный напиток. Его ленивый взгляд медленно скользил по толпе, отмечая туалеты, аксессуары, драгоценности. И мысленно делая заметки.

— Да, — сказал он. — Драматург, и очень хороший. Органы практики Созвездия снова открыли его, и велели Аристиду перевести.

— Я поищу его, сэр, — сказал Пьетро Кихано. Он наморщил лоб и потянул себя за нижнюю губу. — Как вы думаете, это что-нибудь, связанное с политикой, сэр?

— Ничего явного я не увидел. Но Хосейли зачем-то похоронили его, так что, кто знает?

Пьетро снова потянул нижнюю губу. Мейстрал проследил направление его взгляда и увидел Амалию Йенсен, беседовавшую с лейтенантом Наварром. Наварр кивнул и улыбнулся в ответ на что-то, сказанное мисс Йенсен. Складка на лбу Пьетро стала глубже. Мейстрал допил свой стакан.

— А теперь извините меня, сэр, — объявил он. — Мне надо пойти посмотреть, не нужно ли Николь прохладительного.

— Конечно, — пробормотал Пьетро, потом оторвал взгляд от мисс Йенсен, и его лицо слегка прояснилось.

— Она самая восхитительная партнерша в танцах, сэр. Прошу вас, передайте ей мои наилучшие пожелания.

— Разумеется.

Мейстрал пробрался туда, где Николь давала эксклюзивное интервью одному особенно настойчивому информационному шару. — Конечно, мы старые добрые друзья, — говорила она. — Боюсь, что дальнейшие мои комментарии будут неуместны. — Это было сказано с сомнением, с легким волнением в глазах. Нюансы, подумал Мейстрал. Когда-то он считал, что Николь очень хорошо с ними справляется, но за последние четыре года она стала настоящей артисткой.

После интервью шар уплыл прочь, и Николь взяла Мейстрала под руку. Тот передал ей слова Пьетро. — Отвратительный танцор, — заметила Николь. — Он все время путался в собственных распроклятых башмаках.

— Я уверен, что благодаря тебе он выглядел хорошо.

Глаза Николь блеснули: — Я тоже в этом уверена, — она похлопала Мейстрала по руке. — Видишь вон там нашего друга из Разведки Открытых Морей?

Мейстрал снова посмотрел на Лейтенанта Наварра, по-прежнему внимательно слушавшего Амалию Йенсен. — Конечно.

— Сделай мне одолжение, подойди к нему и пригласи поужинать со мной сегодня вечером. Я бы сама это сделала, да только шары уж точно заметят, а потом от них не отвяжешься — совсем замучают беднягу.

Четыре года назад, подумалось Мейстралу, Николь ни за что бы не попросила о таком мужчину. Для этих целей у нее имелась свита. Он снова вспомнил о ранее принятом им решении и порадовался, что оно, как выяснилось, совпало с ее собственным.

— Разумеется, — сказал Мейстрал. — А когда?

— Тридцать или где-нибудь в это время, — Николь улыбнулась. — Я пригласила бы тебя, но уверена, что ты будешь занят.

Мейстрал улыбнулся ей в ответ: — Боюсь, что мои дальнейшие комментарии будут неуместны.

— Я так и думала, — со знающим видом заметила Николь и похлопала Мейстрала по локтю. — Но я бы с радостью повидалась с тобой завтра. Позавтракаем еще раз?

— Буду счастлив.

Николь бросила взгляд вверх и увидела всплывающие новые информационные шары. Лицо у нее не то чтобы вытянулось, но приняло более собранное выражение, менее непринужденное. Менее восторженное. — Принеси мне, пожалуйста, шампанского, Дрейк, хорошо? — попросила Николь. Ее голос был просто шелковым. Мейстрал обнюхал ее уши — в конце концов, мероприятие устраивалось по Высокому Обычаю, — потом отвесил поклон и удалился.

— Не очень хороший таз, — раздался высокий, необыкновенно резонирующий голос. — Троксане не могут делать Элвис хорошо.

Проходя мимо круглоголового крошки-инопланетянина, Мейстрал отвесил поклон в сторону графа Квика. В воздухе плыл смех Амалии Йенсен. Она находила, что лейтенант Наварр ее забавляет. Мейстрал плавно приблизился к ним и дотронулся до руки меднокожего лейтенанта: — С позволения мисс Йенсен, на два слова, сэр.

Мисс Йенсен дала согласие. Мейстрал передал послание Николь. Лейтенант казался смущенным.

— О. Я польщен. И просто в восторге. Но боюсь,.. — он бросил взгляд в сторону Амалии, улыбавшейся больше Мейстралу, чем Наварру. — Я уже занят сегодня вечером. С мисс Йенсен. Пожалуйста, передайте Николь мои самые искренние сожаления.

Мейстрал поднял глаза вверх, где раздался грохот, и увидел Пьетро, стоявшего футом в десяти за спиной Наварра, пытаюсь выпутаться из осколков разбитого подноса с напитками, и хостессу, взиравшую на него с раздраженно поджатыми губами.

— Я передам ваши извинения, — сказал Мейстрал. — Уверен, что Николь поймет.

Он направился к бару и заказал шампанское. Принимая бокал, Мейстрал встретился с пристальным взглядом графини Анастасии. Над ней зловеще нависал Барон Синн. У Мейстрала кровь застыла в жилах — все тот же старый рефлекс, однако он улыбнулся и обменялся приветственным обнюхиванием.

— Шампанского, графиня?

— Я поклялась не пить шампанского в границах Созвездия, — ответила графиня, — до тех пор, пока не будет восстановлена Империя.

— Боюсь, что вам придется долго ждать, — заметил Мейстрал.

— Твой отец... — начала она. Мейстрал почувствовал, как в нем закипает гнев.

— По-прежнему мертв, — закончил он. Затем обнюхал уши графини и попросил разрешения удалиться.

Эта женщина всегда действовала ему на нервы, черт бы ее побрал. Мейстралу пришлось подождать несколько минут, пока Николь достаточно освободится от информационных шаров, чтобы передать ей сожаления Наварра, и он воспользовался этой передышкой, чтобы успокоиться. Николь же, услышав ответ лейтенанта, была поражена.

— Он отказал мне, Мейстрал! Что же мне делать с собой сегодня вечером? Это один из немногих свободных моментов в моем расписании.

— Я предложил бы свое общество, но... — в глазах Мейстрала, прикрытых тяжелыми веками, появилось лукавое выражение, — у меня действительно другие планы, миледи.

— Я думаю, мне нельзя будет посмотреть.

Мейстрал поцеловал ей руку: — Боюсь, что твое присутствие привлечет нежелательное внимание.

Николь вздохнула: — Надеюсь, ты по крайней мере пришлешь мне видео.

— Возможно, я смогу послать тебе что-нибудь интересное до отъезда. Хотя вообще-то мои методы работы не так уж увлекательны.

Николь показала на белый камень на пальце Мейстрала: — Я всегда узнаю твой видео по кольцу. Когда я их вижу, это меня подбадривает.

Мейстрал улыбнулся: — Кольцо — моя торговая марка. Они меняют мое лицо и тело в видео, но мне нужно что-то заметное, чтобы сохранять свою репутацию.

— Кстати, тебе нравится, как тебя играет Лоренс? Он больше похож на тебя, но мне кажется, Анейя лучше умеет передать твою личность.

— По правде говоря, миледи, я их не смотрю. — Николь скептически рассмеялась. Мейстрал взглянул на нее: — Я уже однажды это пережил, — сказал он. — У меня нет желания смотреть имитацию.

— Ну, если ты настаиваешь, Мейстрал.

Мейстрал потрогал бриллиантовые гроздья, свисавшие из ушка Николь. Его глаза расширились — в них

был профессиональный интерес: — Кстати, они замечательные. Ты уверена, что можешь надевать их в таком опасном обществе?

— Если я не смогу доверять тебе, Дрейк, кому же мне тогда вообще доверять? Кроме того, они не мои — Компания “Лэндор” дает мне их поносить в уплату за кредит. Может, они бы даже обрадовались, если бы бриллианты пропали, — это привлекло бы внимание к их изделиям.

— Что ж, это можно обсудить, — заметил Мейстрал.

— Завтра. За завтраком.

Мейстрал снова поцеловал ей руку: — Разумеется. Из театра стали эхом отдаваться крики голографической публики — это был сигнал к тому, что сейчас начнется второе отделение.

Николь продела руку через руку Мейстрала: — Мне просто придется примириться с одиноким вечером на сегодня. И никто этого не оценит.

— Сохрани в памяти каждую его минуту, миледи, — сказал Мейстрал. — Столь редким событием надо наслаждаться.

— Пф, — фыркнула Николь, когда они неторопливо направились в свою ложу. — Просто это означает, что я старею. Или становлюсь немодной. — Но было похоже, что она довольна.

* * *

Одно из последствий странных и сложных отношений между Хосейли и человечеством, какими бы безнадёжными они нас ни считали, — это то, что многие Хосейли находят непочтительность и безответственность интересными, а человеческая непочтительность и безответственность их завораживает особенно. Человек делает такие вещи, о каких неповоротливый Хосейли может только мечтать. Люди танцуют до пяти утра, а потом являются на работу с опозданием, мучаясь с похмелья. Люди пишут сатиры на имперских должностных лиц и фарсы, где десятки людей кончают тем, что прячутся в клозетах или под кроватью. Люди затевают пылкие интрижки с лицами, не связанными с ними узами брака, иногда объявляют, что такие отношения в действительности сделали их лучше, и зачастую (и весьма основательно) не кончают потом жизнь самоубийством, чтобы загладить должным образом свою вину. Не-

которые совершают даже более страшный грех, продолжая и дальше жить счастливо. Хотя Диадема была создана для людей, их радости, горести и безумства находят немногочисленных, но верных последователей среди Хосейли.

Даже в те времена, когда влияние Хосейли на человечество было особенно сильным, у завоевателей часто создавалось неприятное впечатление, что люди посмеиваются над ними у них за спиной. Но, как ни мало они знали о людях, одно они знали точно: если дети Земли принимают за свои штучки, переполох будет большой.

“Штучкой”, само собой, было Великое Восстание, когда мы отделились от Имперской Системы, Имперской касты и злосчастного Императора Пенджахи, Нниса Шестьдесят Первого — его, беднягу, взяли на прицел пистолета в его собственном замке Сколдеровы Коммандос Смерти. Как часть мирного договора, из бедного Нниса вытянули обязательство оставить Созвездие Человечества в покое — обязательство, которого он пока очень скрупулезно придерживается. Это было единственное восстание, не говоря уж о том, что оно было единственным успешным, поднятое покоренной расой, как только она оправилась от травмы, нанесенной самим фактом завоевания. Вся эта беспрецедентная история была таким шоком для Нниса, что его мех полинял, а сам он преждевременного удалился в свой криогенный склеп, где и лежит с тех пор, одинокий, не имея наследников.

Прекращение войны Императором не мешает разным личностям по обе стороны границы мечтать о том, чтобы изменить положение вещей. К полному смятению идеологов-людей, в Империи существует значительное меньшинство представителей рода человеческого, по виду счастливо живущих в ее системе и не имеющих никакого желания эмигрировать в Созвездие. А среди людей имеется значительное меньшинство Хосейли, ведущих, похоже, довольную и продуктивную жизнь в Созвездии, выказывая при этом всего лишь сентиментальную ностальгию по системе Империи.

И, конечно же, существуют личности, создающие проблемы. Созвездие Человечества имеет свой “подарок” — маленькую, но шумную Имперскую партию, утверждающую, что восстание было ошибкой. Большей частью это группа недовольных (состоящая в основном из людей), которых все презирают и игнорируют, но тем не менее им удалось получить девятнадцать процентов голосов на последних выборах в Бароде. Эта цифра

настолько беспокоила победившую партию Символистов-Содружества, что они решили совсем покончить с выборами до тех пор, пока у бароданцев не разовьется более совершенное чувство социальной ответственности.

По Имперскую сторону границы раздается целый ряд голосов, громко заявляющих, что Созвездие — ненормальное отклонение от пути истинного, а также вещающих о необходимости воссоединить Созвездие с Империей. Пока еще Город Семи Сверкающих Колец может позволить себе не обращать внимание на эти крики, поскольку издают их в основном и в первую очередь униженные потомки руководителей, потерпевших поражение во время восстания, — многие военные посты в Империи передаются по наследству, что, по предположению людей-партизан, и было основной причиной победы восстания. Однако постоянное возбуждение Партии Реконкисты служит вечным предлогом для поддержания налоговых ставок Созвездия Человечества, а эти ставки значительно выше, чем они были во времена Империи, и объясняют это необходимостью содержания крупного флота, чтобы предотвратить реставрацию Империи.

Однако по большей части на Партию Реконкисты не обращают внимания. Ннису еще одна война не нужна — для него и первая была достаточным шоком, да и остальная часть Империи в основном еще не оправилась от сюрприза, преподнесенного действиями человечества. Здесь открылись новые возможности, и прочие покоренные расы начинают это понимать. Каким бы странным это ни казалось, но прежде о восстании никто и не ПОМЫШЛЯЛ.

Несмотря на восстание и его последствия, Высокий Обычай продолжает действовать по обе стороны границы — пока нет приемлемой альтернативы, согласованных человеческих норм поведения. Однако в Созвездии непрерывно ведется поиск истинной культуры, основанной на универсальных человеческих принципах, — в течение последнего поколения все с нетерпением ждут отчета Органов Человеческих Норм Поведения; говорят, он находится уже в заключительной стадии подготовки. Однако, пока ОЧНП не закончил свою работу, почти во всех сферах человеческой жизни преобладает имперский закон и обычай. В формах вежливости даже используются имперские титулы и дворянские звания, хотя они и не имеют под собой законодательной основы. Впервые за всю историю высшая каста Империи

оказалась предоставленной самой себе, и ее представители испытывают свои взлеты и падения каждый по мере своих способностей. А от этого они уже отвыкли. Среди аристократии все еще держится предубеждение против занятий торговлей, но некоторые уже дошли и до этого. Многие затерянные души бродят от одного места к другому, живут, как могут, по Высокому Обычаю и вечно ищут пристанище.

Бродят очень много. В конце концов, если по несчастной случайности вы унаследовали от предков обременительные титулы барона Дрэго, виконта Синга, герцога Дорнье, принца-епископа Нэйны и наследного капитана-генерала Зеленого Легиона, их вряд ли сможете игнорировать вы, и, как скоро выяснится, кто-либо другой. От вашего внимания не ускользнет тот факт, что вы являетесь наследственным экземпляром социальной системы нефункциональной и даже нерелевантной, но существовавшей просто из-за культурной инерции, и что же тогда вам останется делать? Тосковать по прошлому? Попытаться приспособиться к настоящему? Постараться создать более приятное будущее?

Вы можете даже решить зарабатывать себе на жизнь кражей. Кто знает?

* * *

В нишах вращался новый набор голографических изображений. Дневное искусство приятно отличалось от ночного — произведения были более яркими, жизнерадостными.

— Неприятности, босс, — Грегор посасывал бездымную палочку, его глаза подергивались. — За нами сегодня следили. И за Романом, и за мной.

У Мейстрала все еще стоял звон в ушах после концерта. Он нахмурился, когда Роман принялся трудиться над замысловатыми тесемками его жакета. — Полиция? — спросил Мейстрал.

Грегор сделал гримасу: — Разве полиция может себе позволить высококачественные летательные аппараты Джефферсона — Сингха?

Брови Мейстрала взлетели вверх: — Неужели? — Он бросил взгляд через плечо на Романа.

— Оба “хвоста” были Хосейли, — доложил Роман. — Мой был женщиной, около двадцати лет. Я не заме-

чал ее до тех пор, пока не стал наводить справки о мисс Йенсен. Потом я от нее ускользнул.

— А я своего вычислил сразу, — сказал Грегор, отбрасывая прядь длинных волос, падавших ему на глаза. — Это тоже был Хосейли, мужчина. Здоровенный мерзавец, к тому же, поэтому-то я так быстро его и заметил. Правда, от него было нетрудно отделаться.

— Наверное, любители острых ощущений, — сказал Мейстрал. Он стряхнул с себя камзол, а Роман взял его пистолет и стал расшнуровывать боковой шов узких брюк Мейстрала. — Может, они хотят прославиться, поймав нас. А может, просто хотят посмотреть на нас за работой.

— Мой выглядел не так, словно вышел поразвлечься, — заметил Грегор. — У него был такой вид, словно он хотел разорвать меня на части голыми руками.

— Может, все-таки полиция.

— Ну, по виду он действительно смахивал на полицейского. Только я думаю, может, он имеет какое-то отношение к нашему заданию, — Грегор снова пососал свою палочку. — Расскажи ему, что ты узнал, Роман.

— Мисс Йенсен — местный руководитель “Весны Человечества”, — осторожно ответил Роман. Его уши трепетали от сдерживаемого желания опуститься вниз в знак неодобрения. — Мистер Кихано — казначей.

— Понятно, — сказал Мейстрал. “Весна Человечества” была группой, созданной для утверждения господства человечества в Созвездии, а его членами были самые разные люди — от исключительно респектабельных граждан до обитателей самого дна. Более респектабельные члены группы поддерживали добрые дела наподобие Органа Норм Поведения Созвездия, выпускали пропагандистские издания, обсуждавшие несуразности Высокого Обычая, призывали большие семьи людей поддерживать на человеческой территории численный перевес людей над инопланетянами и содействовали экспансии в другие миры. Они поставили своей целью идти в ногу с последними достижениями имперских вооружений и тактики и поддерживали военных Созвездия в их нескончаемом поиске средств и экспансии.

Менее заслуженные члены “Весны Человечества” были несколько другими, они включали парамилитаристские группировки, созданные с целью сопротивления нападениям инопланетян, и группы, распространявшие скандальные слухи вокруг выдающихся гуманоидов — они предпочитали использовать термин “нелюди”. Их деятельность заключалась в активном запугивании, по-

сылке головорезов для подрыва работы имперцев, а иногда и в реальном насилии.

Основная ветвь "Весны Человечества" неустанно выражала сожаление по поводу столь грубой тактики и не переставала объяснять, что она отнюдь не типична для ее целей или участников. Но как-то так получалось, что материнская организация никогда не изымала уставов ни одной из своих групп, позоривших ее репутацию.

У самого Мейстрала уши чуть не загнулись книзу. Когда-то у него были свои проблемы с партизанами человечества.

— Ты думаешь, хосейлийская группа следит за Йенсен и ее связями? — спросил он.

— Вполне возможно, сэр, — отвечал Роман.

Мейстрал оставил висеть тесемки своих брюк и подошел к окну, выходящему наружу, придерживая брюки левой рукой. Он тронул управление поляризатором и стал смотреть в предвечерье. Солнце отбрасывало синие тени через газон на рожицу, придавая желтым листьям зеленоватый оттенок. — Они все еще там? — спросил Мейстрал.

— В роще, сэр? Да.

Мейстрал снисходительно отнесся к раздражению Романа: — Да пошли они, в конце концов. Чего им надо?

В голосе Романа прозвучала неуверенность: — Если мне позволят высказать предположение, сэр...

— Разумеется.

— Группа Йенсен почти наверняка осведомлена об истории вашей семьи. Они намереваются поставить вас в неловкое положение и сообщить полиции о вашем задании. Возможно, вы идете прямо в ловушку, сэр.

— Стало быть, Хосейли в роще могут быть нашими друзьями?

— В этом нет никакого смысла, Роман, — громко запротестовал Грегор. Ноздри Романа затрепетали. — Если тот ублюдок, что следил за мной сегодня утром, — друг, я съем свои башмаки. И потом, если им не нравится то, что задумала Йенсен, почему они просто не предупредят нас вместо того, чтобы держать под наблюдением? — Он разломил свою использованную палочку надвое, затем разломил кусочки и еще раз сломал их. Огляделся, куда бы их бросить, не нашел и засунул обломки в карман. — Им нужен этот чертов антиквариат, если хотите знать мое мнение. Они собираются выхватить его у нас, как только мы его заполучим.

Мейстрал обдумал оба варианта и нашел версию Грегора более убедительной. Однако и здесь все еще были вопросы, неизвестные факторы, неизвестные величины. Он был еще не на той стадии своей карьеры, чтобы позволить себе допускать много ошибок.

— Мы будем продолжать действовать по нашему плану, — сказал Мейстрал и снова поляризовал окно. Затем обернулся к слуге. — Роман, мне потребуется, чтобы ты был очень занят сегодня вечером. Тебе придется нанести кое-какие визиты.

* * *

Мейстрал висел в разреженной антигравитационной темноте над домом покойного адмирала Сколдера. Вокруг него кружили его собственные информационные шары, записывая все подряд, — Йенсен могла и передумать насчет прав на информацию. Мейстрал нейтрализовал внешнюю сигнализацию — простое полукруглое холодное поле — и теперь выбирал возможность войти внутрь.

Застекленная крыша, двери или окна? Если он хочет произвести драматический эффект, можно прорваться прямо через крышу или стену.

Сердце Мейстрала билось быстро и ровно. Мышцы двигались легко, без лишних движений. К счастью, вся сигнализация и охрана были автоматическими. У него пересыхало во рту при одной мысли о живом охраннике.

— Те, кто способен чувствовать, непредсказуемы, — часто говаривал Мейстрал Грегору. — Всегда имей дело с автоматическими системами. Им ты можешь велеть делать то, что им положено. — Мейстрал так и не знал, верил ему Грегор или нет. Как бы там ни было, сейчас ему не было необходимости беспокоиться об этом.

Мейстрал решил попробовать стеклянную крышу.

Он невесомо заскользил вниз, к крыше — освещенной блуждающими огоньками матовой ночной тучке. Даже в эту минуту он отчетливо осознавал громаду Высокого Обычая, грозно следившего за ним из ночи. Ибо даже здесь он исполнял одну из многих ролей, предписываемых Высоким Обычаем, — роль Признанного Грабителя.

Высокий Обычай разрешал человеку красть, чтобы зарабатывать на жизнь, при условии, что он будет со-

блюдать определенные правила: он должен выполнять работу сам; лицо, у которого он крадет, должно быть в состоянии позволить себе такой ущерб; не допускалось применение серьезного насилия — стукнуть по голове случайного охранника разрешалось, но пробить ему череп — нет. Украденный предмет должен представлять художественный интерес, быть сенсационным или пикантным (никаких крупных денежных сумм или необработанных камней, например, хотя в правилах ничего не говорилось насчет того, что нельзя кое-что прикарманить, если это нечто окажется в том же сейфе, что и Изумруд Костикина); украденные предметы должны оставаться в распоряжении грабителя в течение суток, следующих за ограблением, до полуночи; и грабитель никогда не должен отрицать, чем он занимается, чтобы зарабатывать на жизнь, — если он собирается совершить кражу, он должен поставить об этом в известность всех, а во время работы иметь при себе свою карточку.

И, что наиболее важно, Признанный Грабитель должен заниматься своим ремеслом элегантно, стильно, с большим знанием дела и сноровкой. Стиль дает целых десять очков при рейтинге, и неудивительно. Предполагается, что Признанные Грабители — часть Высокого Обычая, и если они не вписываются в схему остальных заблудших личностей — пьяниц-джентльменов, болтунов, тонких шарлатанов и ясноглазых трюкачей, какой тогда смысл вообще разрешать им отбирать у других людей их собственность?

Мейстрал парил над застекленной крышей, не прилагаясь к ней, затем развернул детектор в форме пистолета, сканируя им над поверхностью крыши, чтобы убедиться, что там нет электромагнитного излучения. Амалия и Пьетро провели небольшое исследование охраны имения Сколдера и не нашли ничего тревожного, но Мейстрал считал, что двойная проверка всех исследований такого рода не помешает. Собственной шкурой рисковал он, а не Йенсен.

ЛОВУШКА. Все колебания Романа и его неуверенность произвольно промелькнули в мозгу Мейстрала. Он пожевал нижнюю губу и снова прикрепил детектор к своему маскировочному костюму на липучку. Когда он вынул миниатюрный антигравитатор и осторожно прицепил его к крыше, рука его слегка дрожала. Прежде чем вынуть режущий карандаш, Мейстрал воспользовался минутой, чтобы выровнять дыхание и успокоить

нервы. Конечно, помещение внизу МОГЛО быть набито полицейскими.

Однако, скорее всего, это была просто комната. Мейстрал постарался держаться за эту мысль.

Он закончил резку, и стеклянная крыша мягко поплыла в воздух. Антигравитатор должен был отодвинуть ее к заранее установленному месту и опустить. Сделав глубокий вдох, Мейстрал взял себя в руки и головой вперед вплыл в комнату.

Его голова и плечи прошли сквозь стеклянную крышу, и он осторожно повернул голову налево и направо. Вестибюль был высотой в два этажа, с выходом на крышу и галереей, огибавшей его с трех сторон. В темноте скорчилась зачехленная мебель. Видимость на затылке Мейстрала поглощалась детекторами и проецировалась в оптический центр его мозга; таким образом, его поле зрения составляло окружность почти в 360 градусов, однако он повернул голову, чтобы воспользоваться преимуществом параллакса. Инфракрасные и ультрафиолетовые сканеры искали характерное излучение полиции. Аудио-устройства чутко прислушивались, не упадет ли где-нибудь пыль.

Мейстрал скользнул в комнату на полуночных голографических крыльях. На его поддельном бриллианте сиял звездный свет. Исследования Йенсен предполагали, что основная охрана поместья заключалась в сигнализации, приводимой в действие мельчайшими компрессионными волнами, вызываемыми движением тела сквозь пространство. Это была очень дорогая система — чтобы работать как следует, она должна была отличать сигналы, подаваемые входящим вором, от сигналов, создаваемых системой отопления и охлаждения, тепловыми изменениями в строении дома, а также домашними животными и роботами.

Костюм Мейстрала был устроен так, чтобы автоматически справляться с такими системами охраны, он вовремя делал полшага назад и сбивал пульс волн, входивших в соприкосновение с волнами, появлявшимися при его движении. Это вообще-то считалось невозможным — и сам факт, и чудо современной физики.

Костюм Мейстрала был из числа самых лучших.

Цель Мейстрала — антикварная вещь, за которой он охотился, — сияла в серебряном одиночестве в нише за камином. Мейстрал бесшумно обошел помещение в поисках еще каких-нибудь ценностей. Похоже, комната была заполнена в основном памятными сувенирами времен Восстания, оружием, медалями в ящичках. потре-

тами героев. Холодная волна шока окатила Мейстрала. Он осознал, что адмирал Сколдер был тем самым молодым лейтенантом Сколдером, чьи Коммандос Смерти ворвались в Город Семи Сверкающих Колец и захватили Императора в последней битве Восстания.

Ну-ну, подумал Мейстрал. Он сунулся в Историю, не больше, не меньше.

Сувениры особой ценности не представляли, разве что для любителей военной истории, поэтому Мейстрал подплыл к антикварной редкости и стал рассматривать ее — его визуальные сканнеры увеличивали ее в размере. Цель была величиной с дыню, слегка изогнутой в форме седла — симпатичная геометрическая фигура, выполненная из серебра и гравированная изящными точными линиями. Мейстрал увидел печать Императора — ажурную букву “Н”, обозначающую Нниса Шестьдесят Первого, переплетавшуюся с лозами Пенджажи; идеограммы “удачи” и “счастья” — все это было окружено фигурой, изображавшей Стильное Крученное Ожерелье, и Мейстрал вдруг осознал, что смотрит на нечто, захваченное в самых недрах Империи.

Интересно.

Мейстрал провел электромагнитное сканирование и обнаружил постоянное низковаттное глубинное излучение, характерное, среди прочего, для некоторых систем сигнализации. Он присмотрелся повнимательнее и понял, что радиация исходит от самого предмета, а не от чего-то, подсоединенного к нему. Странно, подумал Мейстрал. Ему пришло в голову, а не завопит ли эта штука: “На помощь!”, едва он возьмет ее в руки, как в какой-нибудь сказке.

Такое случилось бы не впервые. В последнее время системы тревоги стали обнаруживать прискорбную склонность к хитрости.

Мейстрал очень тщательно сканировал пьедестал, не нашел ничего, напоминающего ловушку или сигнализацию, потом дал мысленную команду костюму, открывшему спущенный рюкзак у него на спине. Пора заканчивать работу и выбираться отсюда.

Рука в перчатке потянулась за предметом, сжала его и прикинула на вес — весьма существенный. Затем Мейстрал взял его и одним быстрым движением сунул в рюкзак, автоматически облепивший антик. Мейстрал поплыл мимо галереи к застекленной крыше. Его добыча холодным весом повисла у него между лопаток.

Дверь в одну из внутренних комнат отворилась. Сердце Мейстрала бешено забилося в груди. Его полет без

инерции мгновенно прекратился. Сканнеры развернулись со скоростью мысли.

В комнату на бесшумных колесах вкатился домашний робот. Он подъехал к полке с дезэнергетизированным оружием времен Восстания и развернул метелочку из перьев для стирания пыли.

Мейстрал успокоил свои нервы. Робот его даже не видел. Закутанный в темный костюм, Мейстрал снова мягко поплыл к крыше.

Робот закончил стирать пыль с лучевого оружия и покатился к нише. Здесь он помедлил, а потом заверещал истерическим женским голосом:

— Помогите! Помогите! Нас ограбили.

Из дома отозвался мужской голос: — Что там, Дениза?

— Налетчики! По-моему, он все еще здесь! Приведите Фелисити, несите оружие!

Раздался другой женский голос: — Мы идем, Дениза! Эти налетчики получают то, что им причитается!

Разговор, по-видимому, мог продолжаться еще некоторое время — людям, писавшим программы охраны для домашних роботов, стоило бы заняться сценариями мыльных опер для Диадемы, — но Мейстрал заставил робота замолчать быстрым выстрелом из своего разрывателя; он сделал бы это раньше, да только каким-то образом ему не удалось с первого раза схватить пистолет. Струящимся черным облаком Мейстрал стрелой пронесся сквозь крышу и вылетел через газон наружу, а за ним по пятам, стучаясь друг о друга, следовали информационные шары.

Темный костюм Мейстрала сообщил ему, что черные ящики, установленные снаружи по периметру, хорошо справлялись со своей работой, сводя на нет все усилия обитателей поместья вызвать полицию. Мейстрал миновал холодное поле, автоматически нейтрализовавшееся костюмом, и помчался туда, где в летательном аппарате ждал его Грегор, оперируя собственным черным ящиком размером побольше, сканировавшим все волны коммуникаций в окрестностях. Грегор, ухмыляясь, поднял глаза на Мейстрала, когда тот уселся на место водителя.

— Что это вы мне все время твердите о том, что автоматическая охрана безопаснее и более предсказуема?

Мейстрал нажал кнопку пуска, и летательный аппарат взмыл в ночь на своих бесшумных репеллентах. Антик был прижат к спине Мейстрала. Информацион-

ные шары летели следом, как шутихи на хвосте у щенка.

Записи этого задания, решил Мейстрал, ни в коем случае трансляторам проданы НЕ будут.

* * *

Характер Мейстрала сформировался совершенно случайно, когда ему было шестнадцать лет. К тому времени его характеру ПОЛАГАЛОСЬ сформироваться; он учился в последнем классе в Академии Ннойварл, считавшейся одной из лучших школ Империи и обещавшей развить характер юноши или убить всякие попытки сформировать его, — однако вместе со своими однокашниками Мейстрал узнал многое о Высоком Обычае, изучил языки и гуманитарные науки Хосейли и Бог знает что еще. Его приобретение на самом деле нельзя было назвать характером, скорее это был внешний лоск, который мог пригодиться во многих ситуациях, но еще чаще мог оказаться только помехой. Что ж, многие ведь живут только с одним лоском всю свою жизнь и, если их характер не подвергнется проверке, они так и не узнают, в чем разница.

Несчастье Дрейка Мейстрала конкретно заключалось в том, что его характер проверялся, когда он был еще к этому не готов. Так обычно и бывает с проверкой характера — человек не понимает, что он из себя представляет, пока проверка не пройдена, а потом уже бывает слишком поздно, чтобы к этому готовиться.

Как старшекласснику, готовящемуся к экзамену, Мейстралу были позволены некоторые вольности: он мог без разрешения покидать Академию и путешествовать в гражданской одежде. Он в полной мере воспользовался преимуществами новообретенной свободы, в особенности, в том, что касалось Высокочтимой Зои Эндерби, ясноглазой дочери местного дворянина, чей тринадцатилетний брат учился в Ннойварле. Она была на четыре года старше Мейстрала, и ее характер, казалось, полностью сформировался. Они познакомились на соревнованиях по фехтованию, причем брат Зои в команде фехтовальщиков не был. В более зрелые годы такое противоречие заставило бы Мейстрала помедлить. Но не в шестнадцать лет.

Утро было в самом разгаре. В квартире стоял запах растворителя для красок — Высокочтимая Зоя была

ученицей местного художника. Приглушенный желтый свет, струившийся сквозь тропическую растительность над головой, танцевал на пестрых узорах стекол. Мейстрал сидел в одном из халатов Высокочтимой Зои, хмурясь над журналом и куря сигарету (в тот год он курил). Зоя находилась в другой комнате — она разговаривала по телефону с матерью.

— Дорогая. Я тебе кое-что принес.

Мейстрал не слышал, как он вошел. Он сообразил, что ему следовало запереть за собой дверь прошлой ночью, а также что его, с его длинными волосами и в Зоинном халате по ошибке приняли за нее.

— Мне очень жаль, что мы поссорились. Посмотри.

Бедный мальчик, подумал Мейстрал. Он встал, повернулся и увидел Марка Джулиана, помощника капитана фехтовальной команды, стоявшего в жесткой серой форме Нноиварла с пакетом в руках. Джулиан звался также графом Хитти, но титулы в школе не употребляли.

— Прощу прощения, Джулиан, — сказал Мейстрал.

— Я полагаю, что ты хотел поговорить с Зоей?

Внешний лоск, как уже отмечалось, был тут как тут. Мейстрал оставил изумленного юношу стоять с разинутым ртом в холле и отправился искать Зою. Он зашел в спальню, сообщил ей о приходе Джулиана и стал разучивать новый карточный фокус (в академии он отличался именно умением выполнять магические штучки). К тому времени, когда Зоя распрощалась с матерью и вышла в холл, Джулиан уже ушел.

За завтраком Зоя хотела рассказать Мейстралу о Джулиане, но Мейстрал дал ей понять, что все и так ясно и ей нет необходимости что-то говорить, если ей этого не хочется. Ему и в самом деле не хотелось выслушивать эту историю. Он пробыл у Зои все утро, затем оделся и вернулся назад в Академию готовиться к экзамену по философии.

В более зрелые годы Мейстрал бы ни за что не обернулся назад. Но этот юный Мейстрал изо всех сил старался убедить себя в том, что влюблен, да и в любом случае ему хотелось извлечь как можно больше из тех нескольких недель, что остались у него до возвращения в Дорнье и Созвездие Человечества.

Позже Мейстрал так и не понял, был ли у Джулиана помощник. Мейстрал выходил из кабинки экзаменатора со своим другом Асадом. Оба были уверены в том, что хорошо справились, и смеялись — как вдруг нога Мейстрала за что-то зацепилась и он качнулся в сторону.

Что-то ударило его между лопаток, и он влетел в гордую спину шедшего впереди юноши.

— Ты ударил меня, Мейстрал, — в глазах Марка Джулиана под козырьком форменной шапочки светилось мрачное удовлетворение.

— Извини, Джулиан, — сказал Мейстрал. — Меня кто-то...

— Ты так просто не отделаешься, — холодно заявил Джулиан. — Зах будет моим секундантом.

Мейстрал выпрямился: — А Асад — моим. Мейстрал был так же хладнокровен и не преминул отметить, что Зах находится тут же, рядом. Зах был капитаном команды фехтовальщиков, он все это время находился за спиной Мейстрала.

Мейстрал ощутил на своем плече дружескую руку Асада. Он чувствовал себя далеко не спокойно, и прикосновение заставило его вздрогнуть, напомнив о том, что за вежливым ритуалом стоит смертельная реальность, навстречу которой он сейчас неумолимо идет. Но выучка заставила Мейстрала отвернуться и закурить сигарету, словно в этот момент ему нечем было больше заняться.

Дуэли между студентами были запрещены, но тем не менее такое все-таки случалось. В качестве меры предосторожности старшеклассники обычно запрещали дуэли учащихся младших классов, но когда старшеклассники намеревались драться между собой, вмешаться было некому. В худшем случае их могли исключить.

— Джулиан не примет никаких объяснений, — позднее говорил Асад в комнате Мейстрала. — Он настаивает на дуэли.

Мейстрал кивнул и выпустил струю дыма: — Очень хорошо.

— Разумеется, на пистолетах. Если вы станете сражаться на шпагах, он разрежет тебя на мелкие кусочки. Я хочу поговорить с Джозефом Бобом, чтобы он одолжил свои пристрелянные пыхтелки.

— Отлично. Не хочешь ли для начала немного бренди?

Асад покачал головой: — Нет. Сейчас я лучше пойду. Дуэль состоится завтра утром.

Мейстрал был поражен: — Так скоро?

Асад нервно рассмеялся: — Лучше поскорее покончить с этим, верно? Я не хочу, чтобы дуэль помешала твоим занятиям.

Дверь за Асадом затворилась. Мейстрал налил себе бренди, закурил новую сигарету и отправился к своему

терминалу. Он оценил шансы пистолетов Джулиана, и по его нервам побежал холодок. Почему-то ему вспомнился один из рисунков Высокочтимой Зои — симметричное изображение с тускло-красным солнцем и сверкающими никелированно-железными астероидами.

Асад вернулся через несколько минут. Он восхищенно рассмеялся: — Ну и хладнокровие! Готовишься к экзаменам как ни в чем не бывало. — Мейстрал отвернулся от дисплея.

— Привет, Асад.

— Джозеф Боб сейчас проверяет пистолеты, — сказал Асад. — Мы будем пользоваться разрывными патронами. Так будет справедливее — Джулиан стреляет лучше тебя. Последуй моему совету — стреляй, как только я подам сигнал. Если ты попадешь в него первым, можешь оторвать ему руку или ногу, и, возможно, он не сможет отстреливаться. Он лучше стреляет, так что если выстрелит, наверняка попадет в тебя.

— Буду иметь в виду, — сказал Мейстрал, наливая себе бренди.

— Жаль, что здесь у нас нет доступа к психологическим дуэлям. Ты бы разнес его мозги вдребезги. Там у него вообще нет никакой защиты.

— Я как раз думал об этом. Хочешь сыграть в карты или еще сто-нибудь?

— Ну и хладнокровие, черт бы тебя побрал, — с восхищением повторил Асад. — Ну, тогда, может короткую игру. Только без этих твоих штучек с колодами.

Целый час они играли в чизап. Асад выиграл сорок марок, потом поднялся и объявил, что ему пора. Ему надо было еще немного позаниматься перед экзаменом по истории.

— Возьмешь мои марки, хорошо? Отец слишком запаздывает с моими карманными деньгами, черт побери. — Уже больше года, по правде говоря. По счастью, ему еще верили в кредит.

— Я возьму их. Спасибо.

— Я уверен, что отец все возместит, если... — это было лучше не договаривать. Асад нервно улыбнулся.

— Значит, я зайду за тобой в шесть восемьдесят? — он стиснул плечо Мейстрала. — До встречи. — Мейстралу не хотелось, чтобы Асад уходил. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

Он услышал, как закрылась дверь. Долгое время Мейстрал смотрел, как подрагивает в бокале бренди. Напитка оставалось всего на два пальца, и он решил, что лучше не допивать.

Можно протестовать сколько угодно, решил Мейстрал. Он мог сколько угодно кричать о том, какое глупое занятие — дуэли и как глуп Высокий Обычай, потому что не меняет положение вещей. Если он сбежит, с ним никто не будет разговаривать.

Разрывные пули. Оторвать руку или ногу. Или вырвать легкие из груди.

Мейстрал поупражнялся с карточными фокусами. Его ральцы ошибались на каждом шагу.

В ту ночь он спал, а просто лежал на кровати, обливаясь потом и глядя в потолок. Выкурил весь свой запас сигарет. Два часа спустя после полуночи он уже знал, что не сможет встретиться лицом к лицу с пистолетом Джулиана.

Мейстрал стал раздумывать, что же ему делать.

Мейстрал молча присел на корточки перед дверью Джозефа Боба и осмотрел входную плату. Он старался дышать медленно и естественно. К своему крайнему удивлению он казался более спокойным, чем когда писал экзаменационную работу.

Мейстрал вынул одну из своих игральных карт и вставил ее между дверью и косяком. Последние сорок минут он потратил на то, чтобы сломать защиту компьютера dormитория, и ему казалось, что он сможет это сделать, открыв замок с помощью дистанционного управления. Но ему все еще надо было отодвинуть засов, а это могло произвести шум.

Засов щелкнул. Сердце Мейстрала замерло. Он подождал несколько минут, напрягая слух. Ничего.

Мейстрал открыл дверь внутрь и услышал дыхание Джозефа Боба. Он босиком прокрался в комнату. На нем были защитные очки ночного видения, позаимствованные в гимнастическом зале, — ими пользовались бегуны, тренировавшиеся по вечерам, — и он мог отчетливо видеть коробку с пистолетами, лежавшую на письменном столе Джозефа Боба. Мейстрал почти полностью прикрыл дверь и подошел к столу.

Джозеф Боб перевернулся на другой бок и что-то пробормотал. Мейстрал прирос к месту, слыша, как глухо отдаются удары пульса в ушах. Джозеф Боб вздохнул и тяжело задышал. Мейстрал слегка расслабился. Система человеческого сна здесь явно была нарушена, так что ему приходилось быть осторожным. Медленно, так, что на каждое движение, казалось уходили века, он протянул руку и открыл коробку с пистолетами.

Древнее оружие лежало на красной бархатной подкладке и было отчетливо сквозь его усиливавшие свет

очки. Мейстрал облизал губы и протянул руку к одному из пистолетов. Прицел нашелся поверх тонкого ажурного серебряного ствола. Мейстрал накрыл прицел носовым платком, ухватился за него маленькими щипчиками и слегка дернул его в сторону. Затем снял платок и осмотрел свою работу. Никаких явных следов вмешательства не было заметно. Он повторил процедуру с другим пистолетом и закрыл ящик.

Теперь, когда у него было время задуматься, Мейстрал удивился своему хладнокровию. Он стал бояться, только когда уже покинул комнату. Что, если Джулиан будет стрелять, повинаясь инстинкту, и не воспользуется прицелом? Умеет ли он стрелять настолько хорошо? Мейстрал мог всего лишь уничтожить единственный имевшийся у него шанс.

В ту ночь он совсем не спал. Ему пришлось осушить оставшиеся два пальца бренди, чтобы принять ванну и одеться для такого важного случая. Он попытался стянуть волосы на затылке, но пальцы не слушались. За него это сделал появившийся Асад.

Мейстрал был одет полностью в темные тона — любой лоскуток белого цвета мог послужить мишенью. Прибыв на место дуэли — что-то вроде покрытого дерном участка за Садам Часовни, он увидел, что Джулиан оделся точно так же.

Мейстрал ничего не говорил. Он уткнул подбородок в высокий ворот, чтобы не дрожала челюсть.

— Запомни, — сказал Асад, — держи левую руку за спиной, чтобы не мешала. Стань к нему боком, чтобы сузить цель. Прикрывай верхнюю часть тела согнутой правой рукой. И стреляй первым, если сумеешь. — Он сжал руку Мейстрала. — Молодец.

Все прошло очень быстро. Зах крикнул: — Раз, два, три, — и опустил платок. Пистолет Джулиана выстрелил прежде, чем сознание Мейстрала успело зафиксировать падение белого кружевного лоскутка. За спиной Мейстрал услышал треск — это разрывная пуля ударилась о стену сада.

Мейстрал с удивлением смотрел на потрясенную фигуру сквозь прицел. Лицо Джулиана побагровело, челюсть ходила ходуном. Мейстрал вспомнил, какой вид был у Джулиана, когда тот бросал вызов, и в его сердце закралась мысль об убийстве.

Он изо всех старался определить, на сколько сдвинут прицел его пистолета, чтобы можно было убить Джулиана, но он не слишком хорошо умел обращаться с оружием, и пуля пробила маленький кратер в каменной

стене старой часовни. А потом Асад хлопал Мейстрала по спине, а Джулиан стирал с подбородка кровь — он прокусил себе нижнюю губу.

Мейстрал перевернул пистолет и вручил его Асаду: — Передай мою благодарность Джозефу Бобу, — сказал он. — Хочешь посмотреть новый карточный фокус? Я разучил его вчера вечером.

— Вот это хладнокровие, черт побери, — сказал Асад и увел его прочь.

Сравнительное немногие умеют разбираться в своем характере так же хорошо, как Мейстрал разбирался в своем в день семнадцатилетия. Он был трусом и знал об этом. Высокий Обычай не допускал трусости; (воровство — да, так же, как и самонадеянность), — но Мейстрал знал, как с этим справиться. Ему надо было изучить Высокий Обычай вдоль и поперек; ему надо было уметь манипулировать им к своей выгоде. Ему надо было скользить сквозь мир Высокого Обычая, не касаясь поверхности, остерегаясь ловушек.

“Каждый дурак может умереть на дуэли” — гласила хосейлийская пословица. Мейстрал принял твердое решение: таким дураком он не будет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Генерал Джералд был готов к отражению нападения разбойников. Закованный в боевые доспехи, сидя в гостиной, он улыбался при мысли о своей стратегии, своей хитрости. Сенсоры дистанционного управления в разных концах его дома подавали информацию через его доспехи в оптические центры. Генерал сканировал их в возбужденном, радостном упоении. Мейстрал мог выиграть партию — генерал был готов примириться с такой возможностью — но зато он узнает, что такое хорошая драка. А сражаться Мейстралу придется так, как никогда в жизни.

Генерал знал, что ни один грабитель такого масштаба, как Мейстрал, не устоит перед вызовом, брошенным ему Джералдом. Он пригрозил Мейстралу смертью, зная, что Мейстрал не сможет оставить вызов без внимания. Ха, подумает он, эта старая развалина думает, что может диктовать мне, ЧТО надо делать. И тогда грабитель решит проучить старикана и пробраться в его дом, чтобы что-нибудь стащить.

Но Мейстралу было неизвестно, что генерал готов к его вторжению. Джералд предвидел реакцию врага и собирался устроить ему засаду.

Вся беда генерала Джералда заключалась в том, что он сорок лет пробыл воином без войны. Он так ни разу и не побывал в битве. Десятилетиями он упражнялся и готовился к неизбежной реставрации Империи, оттачивал свое мастерство, изучал тактику врага, вел нескончаемые кампании по финансированию и бился с Империей “понарошке” в своих упражнениях. А потом, в один прекрасный день генерал оказался в отставке, а трусливый имперский флот так и не объявился для долгожданной битвы при Армагеддоне. Этого ни один патриот вынести не может.

Так что теперь генерал ждал в своих старых доспехах, окруженный оружием, выложенным перед ним полукругом, с улыбкой сканируя дистанционные сенсоры и ощущая, как костюм овеивает его лоб потоком прохладного воздуха. Мысленно он представлял себе появление Мейстрала, грабителя, вплывающего через окно, дверь или даже через трубу, не ведая о том, что генерал только что истратил целое состояние на детекторные приборы, уверенный в том, что его маскировочный ко-

стюм спрячет его от мстительного отставного моряка, скорчившегося в углу. Генерал Джералд откроет сражение ружьем-лассо и попытается застать Мейстрала врасплох. Костюм Мейстрала, наверное, сразу станет свободным от трения и выскользнет из пут, после чего грабитель скорее всего ударит по генералу из пыхтелки или парализатора, а Джералд, конечно же, отразит огонь... а потом сражение расширится, в игру вступят все более и более высокие энергии — разрядники, отображатели и огнеметы, и, в конце концов, может дойти и до рукопашной. Генерал Джералд со своим верным кинжалом против Мейстрала с его стилетом.

Генерал живо представлял себе свою победу, поверженного Мейстрала, торжествующего генерала, комнату в огне (черт с ним — дом все равно застрахован). Первый раз, когда Мейстрал, наконец, попадется и будет арестован, — первоклассный грабитель, побежденный предусмотрительностью и хитростью генерала.

Мейстрал, думал генерал. Признанный Грабитель, конечно, не то, что имперский адмирал флота, но на безрыбье и это сойдет.

* * *

Пеленг был донельзя скучным.

Сержант Тви Секретных Драгунов Его Императорского Величества в безмолвном отвлечении посмотрела на свой дисплей связи. Из поместья Сколдера неслись призывы о помощи. Никакого сомнения. Имперская реликвия сегодня вечером возвращена не будет.

Диафрагма Тви спазматически сократилась в знак раздражения. Она сделала вираж на своем скоростном Джефферсон-Сингхе и высоко поднялась на трассы, подражая обычному пассажирскому судну. Бросила взгляд через плечо на свой маскировочный костюм и снаряжение и подумала, не выбросить ли их.

Нет, решила она. Может, у нее еще появится шанс показать, на что она способна.

Проще говоря, сержант Тви была отчаянной девчонкой. Ее родители были чопорными имперскими служащими, идеальными потомками многих поколений других имперских служащих, и оба гордились своей примерной занудливостью. Детство Тви было таким же нудным, заполненным скукой и фантазиями. Если бы у нее не было такого хорошего воображения, она могла просто

умереть от хандры. Загнанная в угол то в одном, то в другом имперском болоте, где ее горизонты ограничивались кислотной атмосферой Вэннгриана или бесконечными черными пустынями Зинзлипа, Тви следила за рейтингом грабителей, доверительными передачами про рэкет, битвами в Диадеме Человечества, биографиями Элвиса... если бы только, думала она, если только ей представился случай, она бы показала кое-что Джеффу Фью Джорджу или Барону Дрэго.

К несчастью, ее карьера грабителя не увенчалась успехом. Два стандартных года назад она имела несчастье попасться на своем первом деле, и единственным средством спасения от закона Империи для нее оказались Секретные Драгуны.

Представляя себе эту службу в тюремной камере Летарба и слушая упреки родителей, Тви думала, что новая работа будет интересной, даже увлекательной — возможность посетить дальние миры, участвовать в интригах с целью претворения в жизнь дальнейших планов Империи, встретить Романтику, Волнения, Опасность. Однако вместо этого ее назначали младшим офицером безопасности в различные консульства Созвездия Человечества, а эта работа в основном состояла в общении с различными придурками из рода человеческого, преимущественно сторонниками Империи, настаивавшими, что им известно о заговорах против Империи и при этом они совершенно точно знали, как ей надо с ними справиться. Одним из экземпляров в этом длинном ряду неотрегулированных контактов с людьми была графиня Анастасия, и Тви стала уже приходить в отчаяние от всей этой расы. Неужели это те же люди, что породили Безумного Джулиуса и несравненного Вампира Содерберга?

После того, как барон Синн затребовал ее на специальное задание, шансы Тви как будто поднялись. Ситуация была многообещающей. Она будет участвовать в гонках против часовой стрелки, где ставкой будет Судьба Империи, а ее соперником будет не кто иной, как Мейстрал — в ее рейтинге он занимал первое место, более того — он был стильным и тоже многообещающим. А теперь оказалось, что Тви явилась слишком поздно.

Проклятие. Теперь скорее всего дело передадут этому неопишуемому головорезу Хотвинну, а она окажется в роли второй скрипки с какой-нибудь грязной работой — будет проламывать черепа или разносить что-нибудь в пух и прах.

Черт. Нет, Пеленг донельзя скучен.

Позади сержанта Тви в небо поднялся матово-черный скоростной корабль Пааво Куусинена. На его экранах яркой точкой светился летательный аппарат хосейльского командо.

Куусинен последовал совету Николь и приобрел новый пиджак, сшитый по местной моде, чтобы легче смешиваться с толпой. Как сообщил он Николь, Куусинен был исследователем человеческой натуры; и на Перенге он был по делу, как и сказал Мейстралу.

В этот вечер он совмещал оба эти занятия — пытался следовать за Мейстралом. К своему удивлению Куусинен обнаружил, что Мейстрала преследует еще кое-кто — женщина-Хосейли. Мейстрал, как и следовало ожидать, оторвался от нее еще раньше вечером, одновременно отделившись и от Куусинена. С этого времени Куусинен двигался за Хосейли в надежде, что она снова найдет Мейстрала. Вместо этого маленькая женщина отправилась на бессмысленную экскурсию в малонаселенный район только за тем, чтобы круто развернуться и направиться назад, в Пеленг Сити.

Эти личности вообще имеют представление о том, что делают? У Куусинена зародилось подозрение, что нет.

Ситуация в целом озадачивала. Все, к чему стремился Куусинен, было не выпускать Мейстрала из виду, и к его крайнему изумлению, половина Имперской дипломатической службы, похоже, получила аналогичное задание.

Здесь явно была какая-то тайна. И, решил Куусинен, он как раз тот человек, который может ее раскрыть.

Графиня Анастасия оглядела свое отражение с очень прямой осанкой в окне своей квартиры. На ней было мягкое черное платье, оставлявшее открытыми плечи и спадавшее до лодыжек темной волной. Графиня тронула юбку, сняла воображаемую нитку — как СМЕЕТ обыкновенный хлопок приставать к ее одежде!

По ее спине совершала свой танец невралгия, а в мозгу шептало сопутствующее ей раздражение. МЕЙСТРАЛ, говорил этот шепот, и уши графини никли. На самом деле она не так уж его не одобряла.

— Этот субъект Грегор расспрашивал о Йенсен и ее когорте. Мейстралу удалось от нас оторваться. Эта ваша воришка Тви сообщает, что по всему дому Сколдера воют сигналы тревоги. Что вам еще нужно, чтобы приступить к действиям?

Рядом с графиней на отражающей поверхности появился остролиций силуэт барона Синна. Он тоже курил, с конца его морды свисала сигарета. Обычно он избегал этого порока, но сейчас следовал ему ради Анастасии — старомодная учтивость, которую она, похоже, ценила. — У меня всего двое людей, — заметил барон. — У Мейстрала здесь есть слуги и связи. Если эта Имперская Реликвия у него, то он, скорее всего, залег на грунт.

— Да ну его к черту, в конце концов. Почему он не взял взятку?

— Возможно, он не разделяет убеждений своего отца.

Анастасия фыркнула. Дым изящными легкими белыми струйками заструился из ее ноздрей, и она залюбовалась его отражением в стекле. — Просто ему доставляет удовольствие быть сумасбродом, — заметила графиня. — Вот почему он занялся грабежом и этой неопишуемой женщиной, Николь, — просто, чтобы досадить семье. Я всегда говорила его отцу, что с мальчиком надо быть потверже.

— Слишком поздно, миледи.

Графиня скривила губы. Крошка табака, как она подметила, прилипла к ослепительному зубу. — Поздно никогда не бывает, милорд барон. — Это было одним из правил, по которым она жила, но эффект заявления был испорчен, поскольку графине пришлось снимать табачную крошку со своей улыбки.

Синн промолчал.

— Эта Николь, — поведала стеклу графиня. — Николь и Диадема. Zenit культуры Созвездия. Люди, чья единственная профессия — чтобы о них сплетничали. Можете себе это представить?

Синн передвинул сигарету в угол рта языком. — Мы говорили, графиня, о Мейстрале и этой женщине — Йенсен.

— Твердость, — сказала графиня, вспомнив то, о чем говорила раньше. Невралгия впилась ей в спину. — Если Мейстрал находится на глазах у публики, и его исчезновение могут заметить, то Йенсен — нет. Если Мейстралу будет некому передать Имперскую Реликвию, тогда...

— Разумеется.

Барон Синн взглянул на человеческое существо женского пола и сдержал раздраженный спазм своей диафрагмы. Она союзница, напомнил себе барон, и даже если она гротескная придурь, то, во всяком случае,

БОГАТАЯ гротескная придурь, лично финансировавшая деятельность Имперской партии здесь, в Созвездии.

Барон бросил сигарету в пепельницу: — Очень хорошо, — произнес он. — Тогда мне придется подключить Хотвинна. Мы заберем Йенсен, как только она останется одна. Похоже, сию минуту она развлекает некого Наварра, а он военный, и мы не хотим осложнений.

Анастасия неторопливо приблизилась к барону и продела руку через его, поглаживая ладонью гладкий темный мех на предплечье.

— Замечательно, — сказала графиня. Ее рот был открыт, и в нем перекачивался язык — хосейлийский знак доброго расположения духа. Блеск ее глаз был отвратителен. — Наконец-то, твердость.

Политика, процитировал про себя барон, часто заключается в игнорировании фактов.

Он считал себя практичной личностью и редко снисходил до максим. И то, что он вообще стал мыслить избитыми фразами, было мерилом того, насколько действовала ему на нервы графиня.

Пока летательный аппарат лейтенанта Наварра описывал дугу в ночном небе, он думал об Амалии Йенсен. Интересная женщина, решил он. Преданная идее сохранить Созвездие в его самой избранной форме, имея факты и ум для подтверждения своего мнения, она оказалась исключительно интересной спутницей на вечер. Глава политической организации, черный пояс третьей степени в пом-боксинге, искушенная собеседница... Странно, что при всем этом она оказалась садоводом. Ее дом был заполнен растениями и цветами, и все они были любовно ухожены.

И все же лейтенант ощущал некоторое беспокойство из-за отказа от приглашения Николь. Как часто человеку, особенно, офицеру из Помпей, выпадает случай быть сфотографированным с членом Диадемы Человечества? А он еще оказался в такой ситуации, что не мог вежливо отклонить приглашение.

Коммуникатор его летательного аппарата издал негромкое чириканье, и лейтенант нахмурился. Кто мог вызывать в такой час? Он нажал кнопку и ответил.

— Наварр.

— Сэр? Говорит офицер Панкат из полиции Пеленга. По-видимому, дом вашего покойного дядюшки сегодня вечером подвергся нападению грабителей.

Наварр изумился: — Правда? — спросил он. И прибавил: — Но ПОЧЕМУ?

— От успеха ваших действий в предстоящие несколько часов, — заявил барон Синн, — может зависеть Судьба Империи.

Что ж, подумала сержант Тви, что может быть лучше этого? СУДЬБА ИМПЕРИИ — ее сердце забилося быстрее, когда эти слова колоколом отдались в ее мозгу. Это было явное улучшение по сравнению с тем, чтобы провести всю жизнь на гражданской службе, созерцая из окна бесконечные пустыни и несговорчивых жителей Зинзлипа. Даже темное, угрожающе нависавшее присутствие Хотвинна — он был на голову выше даже барона Синна — казалось менее зловещим, чем обычно.

— Хотвинн будет находиться под вашим началом, — продолжал Синн. — Если вы попадете в какую-нибудь беду, он обучен тому, чтобы вытащить вас из нее.

— Не предвижу никакой беды, милорд, — сказала Тви тоном, звучавшим, как ей показалось, спокойно и уверенно.

Синн посмотрел на нее, и в его взгляде был приказ: — Надо предвидеть любые возможные беды, Тви. Тогда вы сможете справиться с любыми проблемами, когда они возникнут.

И почему только офицеры всегда так разговаривают? — недоумевала Тви. Что бы ни сказал подчиненный, это никогда не было правильно. Даже выражение уверенности влекло за собой целую лекцию. Она ответила так, как должно:

— Да, милорд.

Из глубины комнаты вперед выступила графиня Анастасия и положила руку на локоть барона. Тот выпрямился и застыл.

— Не позволяйте кому бы то ни было становиться на вашем пути, — сказала графиня. В отличие от барона она говорила на Высоком Хосейли. — Сейчас не время для колебаний или глупой заботы о собственной жизни. Свидетелей быть не должно. Вы должны быть готовы для жестких действий. — Она подняла вверх стиснутый кулак.

Тви промолчала. Она не обязана была подчиняться приказам графини, но группа барона зависела от нее — графиня оказывала им поддержку на этой планете, — так что имелись все основания, чтобы обращаться с ней учтиво.

Судьба Империи! — снова подумала Тви. Теперь было хоть что-то, ради чего стоило слушать нудные речи. Она подумала, будут ли когда-нибудь у будущих поко-

лений видеопрограммы, повествующие о Тви из Секретных Драгунов.

Графиня продолжала распространяться про твердость и необходимость действовать. Тви знала, что когда начальство переходит на Высокий Хосейли, оно старается вдохновить ее, а она могла пока успешно дремать с открытыми глазами. Поэтому Тви стояла в почтительной позе, наострив уши, как будто слушала, а мысленно представляла себе Тви на Видео и следила со сдержанным удовольствием, как героиня выкрадывает документы, борется со шпионами, спасает гроб Императора от саботажа... а потом она посмотрела на Хотвинна.

Огромный Хосейли стоял со сверкающими глазами, шерсть на его загривке встала дыбом. Чудовище впитывало слова графини с явным наслаждением, предвкушая дальнейшие события и дожидаясь того момента, когда оно сможет ломать кости и шеи, терзать плоть. За немногие дни их знакомства у Тви создалось впечатление, что Хотвинн был из тех, кто предпочел бы пещерный образ жизни. Теперь это ощущение усилилось. Тви насторожилась. В ее мысленном сценарии не было места таким, как Хотвинн. Хотвинны из видео всегда старались наняться к виллам и погибали от руки героини как перед перерывом.

Задачей Хотвинна было наблюдать за ней. Теперь Тви это знала, причем знала твердо.

В своем темном маскировочном костюме Тви плыла, как черное стекло над круглыми желтыми холмами в окрестностях Пеленг-Сити. Ее обоняние, усиленное приспособлениями костюма, донесло до нее запах колокольчиков, цветущих ночью.

Хотвинн, неподвижно, как монумент, стоял у флаера. Тви решила не брать его на рекогносцировку — она считала его неуклюжим и была убеждена, что он допустил промах, позволив заметить, как следил за помощником Мейстрала днем раньше. Тви включила и выключила голографические прожекторы своего костюма. Хотвинн не подал виду, что замечает ее присутствие.

— Корабля Наварра нет. Я не могу обнаружить никаких устройств безопасности в доме.

Ответ Хотвинна прозвучал буднично: — Тогда пошли. Он говорил с провинциальным акцентом, и разобрать его слова было трудно. Он по-деловому, жестко согнул плечи, а Тви с недоумением подумала, где же Синн откопал это нечто. Половина Секретных Драгунов поступали туда из тюрем, так что Хотвинн вполне мог оказаться каким-нибудь убийцей, рекрутированным с

планеты-тюрьмы для нераскаянных грешников — одним из тех, у кого не хватило порядочности покончить с собой, когда его поймали.

Тви раздумывала, как он вообще мог понять речь графини. Она сомневалась, что Хотвинн может говорить на Высоком Хосейли, если до этого дойдет.

— Не сейчас, — ответила она. — Подожди света.

Хотвинн снова согнулся в нетерпении, но ничего не говорил в течение всего долгого багрового рассвета. Похоже, он не слишком блистал в разговоре.

Тви вздохнула. В видео с участием Признанных Грабителей помощники были всегда вежливыми аморальными технофилами, следовавшими приказам четко и с большой пользой для дела, всегда готовыми извлечь из шляпы новый черный ящик. К разочарованию Тви, Хотвинн был из другого теста.

Тви подождала, пока появились несколько летательных аппаратов, развозивших людей по своим делам. Потом накинула потрепанный жакет на маскировочный костюм и подала Хотвинну знак подняться с ней на корабль. Флаер взвился в утреннее небо.

— У меня есть план, — сказала Тви. — Ты просто ступай за мной и делай, что я скажу.

Хотвинн ничем не дал понять, что услышал ее. Тви предпочла думать, что он все слышал.

Тви не потрудились объяснить ему свой план. Она попыталась представить себе это обсуждение, но картинка не клеилась. — Мы сделаем вид, что мы из ремонта телесети, Хотвинн, — скажет Тви, а потом тактично прибавит: — Ты знаешь, кто такие ремонтники? — Нет, лучше уж она сама будет говорить. Хотвинн должен только прикрывать ее с тыла, и то в чрезвычайной ситуации.

Она все сделает сама. Она же Тви из Секретных Драгунов, выполняет свое первое серьезное задание, и Судьба Империи... о-оп!

Она проскочила дом Амалии Йенсен. Тви развернула аппарат, сделав длинную петлю, чтобы это выглядело как намеренная рекогносцировка. Хотвинн ничего не сказал, если вообще что-то заметил. Тви опустила флаер на плоскую крышу дома Йенсен.

По краям крыша была заставлена цветочными горшками с яркими цветами. От цветка к цветку двигался робот с лейкой.

Робот был самым обычным, многоцелевым домашним, сочетавшим функции горничной, дворецкого, лакея, автоответчика и официанта. Он подкатился к флаеру. Лейка, как заметила Тви, была разукрашена маленькими желтыми маргаритками.

— Чем могу быть вам полезен, леди и сэръ? — спросил робот.

Тви планировала ответить так: — Мы из Независимой телекомпании Пеленга. К нам поступило сообщение, что в вашем районе имеются помехи, и нам хотелось бы проверить ваши аппараты". Вместо этого она воскликнула: — Хотвинн! Какого черта ты ДЕЛАЕШЬ?

Ибо гигант выскочил из флаера, не потрудившись даже открыть дверь, и сбил робота одним ударом. Робот покатился по крыше, раскинув руки, со стуком полетела в сторону лейка. Хотвинн подпрыгнул в воздух и обеими ногами приземлился на робота. Снова грохот.

Тви тоже прыгнула — к черным ящикам на заднем сидении. Она привела их в действие — как раз вовремя, мелькнуло у нее подозрение, — и увидела, как замигали маленькие индикаторы, перехватывая сообщения. Робот посылал в дом сигналы тревоги, даже когда Хотвинн поднял и стал колотить об один из горшков.

— Сэръ! — прочирикал робот. — Неужели мы не можем хотя бы поговорить, как разумные существа? — Тви прекрасно понимала ощущения робота. Хотвинн оторвал у него одну руку.

В груди Тви забились паника. Судьба Империи, как заклинание, твердила она себе. И так далее. СДЕЛАЙ ЖЕ что-нибудь.

Она выпрыгнула из флаера и рванулась к входу, затем нажала кнопку. ДОСТУП ЗАКРЫТ, сообщила дверь четырьмя распространенными символами.

— Мародер, — выругалась Тви. Ей придется попытаться попасть в дом другим способом.

Хотвинн оторвал у робота оставшуюся руку и стал колотить ею машину.

Тви рывком надела на себя маскировочный костюм и натянула на голову капюшон, дававший ей мысленный контроль над его устройствами. Она привела в действие голограмму, маленьким черным облаком полетела прочь

от этой бойни и нырнула за край крыши. Она нащупала на поясе микрорезку и принялась полосовать первое же окно, к которому подплыла. Высадив окно и скользя сквозь него, Тви поняла, что входит в спальню Амалии Йенсен.

При дневном свете темные маскировочные костюмы — просто ненужный камуфляж. Конечно, черное голографическое облако затемняет фигуру, но можно поспорить, что вплывающее в окно черное облако может привлечь к себе больше внимания, чем это сделал бы человек. И разумеется, когда ты уже наполовину проник через окно, твой маскировочный костюм может изображать хоть хор из “Аиды”, а ты все равно будешь прекрасной мишенью.

Тви впервые увидела Амалию Йенсен, когда женщина выскочила из своей кровати на водяной подушке и запустила в нее тяжелой вазой, попавшей Тви прямо между ушей. У Тви из глаз посыпались искры. Она решила как можно скорее проскочить сквозь окно и, прибавив скорость, рванулась через комнату. К сожалению, ее глубинное восприятие все еще не пришло в норму, и Тви врезалась головой в закрытую дверь.

Через проекторы заднего вида Тви смотрела, как Йенсен продолжает бросать в экран ее костюма тяжелые предметы обихода. Увесистая пепельница попала Тви между лопаток. Над ее головой просвистела ваза.

Ну, все, хватит. Это было по части Хотвинна.

Тви метнулась через холл в гостиную и отперла дверь на крышу. Резкий запах цветов смешивался с болью в ее черепе — вся квартира была заполнена цветами. Хотвинн медленно спустился в антигравитационном лифте, держа в лапе руку робота.

— Что ты так долго? — прошипел он.

Тви отключила свои проекторы-голограммы и тупо махнула рукой в направлении спальни Йенсен. — Туда, — сказала она. Хотвинн отшвырнул руку робота в угол — раздался грохот, отдававшийся бесконечным эхом в голове Тви, поскольку рука разбила фарфоровый цветочный горшок, — а потом гигант, сотрясая дом своей поступью, направился к спальне.

К сожалению, Йенсен поменяла позицию. Она вылетела из смежной ванной, в ее руке реяло полосатое бело-зеленое полотенце. Полотенце почти полностью обмоталось вокруг головы Хотвинна, в то время, как нога Йенсен ударила ему в солнечное сплетение. Хотвинн мгновенно задохнулся.

Затем последовал целый ряд беспорядочных ударов. Йенсен помогал еще один домашний робот, вцепившийся в колени Хотвинна, неумело пытаясь повредить ему. Тви не очень была уверена в том, что именно она наблюдала, поскольку не была экспертом в боевых искусствах — порядочный грабитель презирает насилие — но, похоже, шансы были равными. Оба бойца задыхались и обливались кровью, а потом Йенсен ретировалась в ванную. Хотвинн, не обращая внимания на цеплявшегося за него робота и бутылку с шампунем, кололотившуюся о его грудь, ринулся в погоню.

Тви оперлась на заваленный вещами стул, держась за голову. — Эй! — сказала она, когда грохот возобновился, — возьми парализатор, почему ты этого не делаешь?

Из спальни вылетел домашний робот и разлетелся на куски, ударившись о противоположную стену. Амалия Йенсен, на сей раз согнувшись, последовала за роботом — по-видимому, она только что вынырнула из ванной в спальню — и стала пятиться в направлении Тви. Тви взялась за парализатор.

Потом появился Хотвинн, размахивая вешалкой для полотенец. Йенсен дотянулась до цветочного горшка и кинула им в Хотвинна. Тви опустила оружие. Парализатор с его широким лучом ударит в обоих, если она выстрелит.

Бой разгромил почти всю гостиную. Тви в своем антигравитационном поясе взлетела вверх, под крышу, стараясь найти подходящий угол, чтобы прицелиться, но Хотвинн загораживал обзор.

— Земная дрянь! — завопил Хотвинн.

— Нелюдь, подонок! — отпаривала Йенсен окровавленными губами.

Судьба Империи, устало подумала Тви и стала сообщать, хорошо ли работают ее черные ящики без примотра.

СДЕЛАЙ что-нибудь.

Она пролетела над Хотвинном, схватила его за воротник одной рукой и рванула назад, поставив на максимум антигравитатор. Хотвинн отлетел назад, размахивая руками, как ветряная мельница, и приземлился на стеклянном столе, развалившемся со звуком, отозвавшимся в мозгу Тви, как удар грома. Йенсен издала торжествующий вопль и приготовилась нанести смертельный удар. Тви, получившая, наконец, возможность как следует прицелиться, выстрелила, и Йенсен тотчас упала.

— Нет! — взревел Хотвинн. У него были свои проблемы — он пытался выбраться из обломков столика. — Она была моя!

— Идиот, — сказала Тви. Голова у нее раскалывалась. — От тебя всего-то требовалось оглушить ее. Забирай ее и пошли.

— Так нечестно, — обиженно проворчал Хотвинн.

Судьба Империи, думала Тви. В следующий раз, когда Империя предложит Тви решать ее судьбу, может с тем же успехом пойти повеситься.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Роман в одиночестве летел в рубиновом утреннем небе Пеленга. Он счел обнадеживающим тот факт, что сегодня за ним не следили — возможно, два “хвоста” Хосейли оказались, в конце концов, любителями сенсаций, и им просто надоело это занятие.

Предыдущий вечер Роман провел, разыгрывая из себя приманку и стараясь создать впечатление, что этот вечер у них с Мейстралом совершенно обыкновенный. Он отвез букет цветов Николь в ее резиденцию. Было исключительно приятно снова увидеться с ней, поскольку Николь принадлежала к тем немногочисленным друзьям Мейстрала, которых Роман одобрял. У нее Роман намекнул домашним роботам, что Мейстрала можно ожидать попозже вечером, в расчете оставить ложный след на случай, если маленькая хосейлийка, следившая раньше за Романом, будет наводить справки... Затем Роман заказал ужин на троих из Ресторана изысканной пищи шеф-повара Цо и забрал белье из прачечной. Где-то посреди этих будничных занятий Романа его “хвост” пропал — просто исчез из виду.

В это утро Роман попрактиковался в различных вариантах исчезновения и отрыва просто на всякий случай, но он уже убедился, что за ним никто не следит. Ободренный этим сознанием, он все же завершил свой отрыв, просто ради проформы. Он надеялся, что остаток дня также пройдет без осложнений.

Сквозь лобовое стекло его флаера из утреннего тумана вставали низкие, пастельных тонов здания Пеленг-Сити, окруженные яркими декоративными деревьями и цветами. Сердце Романа возликовало. Он стал спиралевидно спускаться вниз, чтобы посадить флаер на плоскую крышу маленького белого домика Амалии Йенсен. При мысли о “Весне Человечества” уши Романа опустились, а его диафрагма один раз спазматически сжалась в знак негодования. Если уж Мейстрал занимается безнравственным ремеслом, он неминуемо будет иметь дело с безнравственной публикой — Роман мог только пожелать, чтобы среди знакомств Мейстрала было побольше таких, как Николь, и поменьше таких, как эта Йенсен и ее друзья.

Флаер опустился на крышу, как листок на безупречную, без единого пятнышка, лужайку. По краю крыша

была обрамлена горшками с цветущими растениями. Роман обрадовался: он любил, чтобы его окружало живое. Наслаждаясь растениями против воли, Роман выбрался из флаера и направился к входу, расположенному на крыше. Первое, что он увидел, был мертвый робот.

В душу Романа закралось подозрение. Он проверил оружие — оно свободно висело в кобуре — и пожалел, что не прихватил принадлежностей маскировочного костюма, которые позволили бы ему видеть, что творится у него за спиной.

Роман осторожно обследовал робота. Машина была разодрана в клочья — руки и ноги оторваны, командный блок вырван и отброшен через всю крышу. Это было зверское уничтожение — потребовалось бы гораздо меньше, чтобы вывести машину из строя. И кто бы там это ни сделал, он был очень силен.

В душе Романа стало расти негодование. Здесь было налицо оскорбление, и не столько для Амалии Йенсен, сколько для чести нанимателя Мейстрала.

Роман вынул оружие и поставил переключатель на “смертельное”.

Зеленый свет лифта крыши показывал, что там незаперто. Он ступил в лифт нажал кнопку “вниз”.

В гостиной царил страшный разгром. Мебель была перевернута, всюду разбросаны бумаги, горшки разбиты вдребезги. Ноздри Романа затрепетали от неодобрения.

В холле лежал еще один разбитый на куски робот. В углу валялась туфелька Йенсен, второй нигде не было видно. На тяжелой вазе было немного крови, свидетельствовавшей о том, что ее могли использовать в качестве дубинки. Роман присмотрелся повнимательнее. На вазе были короткие черные волосы, идентичные меху Хосейли.

Мгновение Роман постоял среди хаоса и разбитых вещей. Он пришел сказать мисс Йенсен, что ее задание успешно выполнено, правда, несколько неаккуратно, и договориться о продаже и доставке антика. Ввязываться в вандализм и насилие было не по его части.

Однако здесь что-то произошло — возможно, что-то, связанное с заданием Мейстрала. Роман решил, что должен найти подтверждение этому тем или иным способом.

Едва он начал свои поиски, как услышал звук садящегося на крышу флаера. С оружием наготове Роман скользнул в кухню, откуда ему был виден лифт.

Лифт молча заработал, его антигравитационное поле несло вниз пассажира. Роман, наострив уши, услышал голос Пьетро Кихано.

— Мисс Йенсен! Что стряслось с Говардом? Ох!

Говардом, догадался Роман, звали робота на крыше. Он поставил оружие на "контузию", потом вложил его назад в кобуру.

— Мисс Йенсен?

Кихано чуть не выпрыгнул из собственной кожи, когда из кухни неслышно выскользнул Роман. В надежде успокоить его Роман улыбнулся Пьетро, перекатывая язык из стороны в сторону в своем узком рту. Кихано тревожно озирался в сторону двери и лифта, ища места, куда бы сбежать.

Пьетро заговорил на стандартном человеческом сквозь стиснутые зубы: — Кто вы? Что здесь произошло?

— Я надеялся, — сказал Роман, подходя ближе, — что вы сможете дать мне ответ на этот вопрос.

Кихано явно почувствовал облегчение: — Вы из полиции? Амалия... мисс Йенсен — с ней все в порядке?

— Не знаю, — Роман плавными шагами подошел поближе к Кихано, бесшумно ступая по обломкам. — Похоже, что ее похитили. Вы имеете хоть какое-нибудь представление, почему?

На лице Кихано появилась смесь сложных выражений. Из этого Роман заключил, что Пьетро, во-первых, очень хорошо представлял себе, что могло здесь произойти, а во-вторых, что у него нет ни малейшего желания сообщать эту информацию лицу, которого он не знал и которому не доверял, — даже если, по его предположению, это был полицейский. А может быть, в особенности, полицейскому.

— Нет, — ответил Кихано. Он снова скосил глаза на выход. — Я... не думаю... я совсем ничего не знаю.

— Вы уверены? — спросил Роман.

Пьетро искоса взглянул на него. Он набрал побольше воздуха в легкие и взял себя в руки, явно воспрянув духом из-за того, что Роман не набросился на него. Он принял воинственный вид и упер руки в бедра: — Послушайте. По-моему, я с вами не знаком. А если вы из полиции, не следует ли вам показать мне свое удостоверение?

Роман произвел довольно приличную имитацию человеческого вздоха, стараясь не волновать молодого человека: — Вы правы, сэр. Я пренебрегаю формальностями.

С тем же успехом он мог бы признаться, что исчерпал все свои идеи.

Роман сунул руку в карман пиджака, вынул оружие и выстрелил в Пьетро в упор, сильно перенапрягая его нервы. Подхватив молодого человека до того, как тот упал, Роман перекинул его через плечо и понес к лифту. Оказавшись на крыше, он велел летательному аппарату Кихано лететь домой на автопилоте, потом бросил Кихано на заднее сидение своего флаера.

Кихано посмотрел на Романа стеклянными глазами. Похоже, он был страшно разочарован поведением полиции.

Роман же решил предоставить разбираться со всем этим Мейстралу. Вот для чего были великие криминальные умы — решать серьезные вопросы.

— ЧТО они украли? — Лейтенант Наварр с веселым изумлением смотрел на страхователя и аукциониста.

Аукционист полистал свой каталог. — Вот оно, сэр. “Гравированный серебряный крионный контейнер, с источником питания, Имперская печать, функционален, с9, вес 16 кг, размеры 18х17 см”.

Наварра все это по-прежнему забавляло. Он сделал еще несколько шагов внутрь большой комнаты, не обращая внимания на трофеи и боевые стяги, переводя взгляд с одного предмета, представлявшего для него интерес, на другой — открытая стеклянная крыша, робот, ниша. И снова, в поисках хоть какой-то причины ограбления. Крыша, робот, ниша. Он все фиксировал в памяти.

— Сколько это стоило?

— Мы собирались, хм, начать со стартовой цены в двенадцать новых и надеялись поднять ее, мм, до шестнадцати или семнадцати.

— Стало быть, недорого.

Голос аукциониста звучал так, словно он защищался: — Сэр. Это был, наверное, наиболее ценный, мм, отдельный предмет в доме. Военные трофеи представляют ценность больше как коллекция, поэтому мы и продаем их большими партиями, но ни один из отдельных предметов особой ценности не представляет. Тот факт, что контейнер является трофеем, похищенным из императорского штаба, мог бы повысить его ценность в глазах некоторых коллекционеров.

— Положим, для коллекционеров это и так не столь уж недостижимо, — заметил Наварр. — Шестнадцать-семнадцать новых — прерыватель, которым воспользовались, чтобы вырубить этого робота, обошелся, навер-

ное, не менее, чем в пять, а черные ящики, которые мы тут нашли, — и того больше, может, даже в восемь-девять.

— У них, хм, самодельный вид, сэр. Они могли вообще ничего не стоить, если их соорудили из лома.

Хосейли-представительница страховой компании оглядела помещение, отмечая развешанное оружие, награды, флаги: — Их мог украсть традиционный приверженец Империи, — отметила она. — Антик привезен из священного дворца Империи, продавать его с аукциона — значит, осквернить его.

— В самом деле? — Наварр был слегка раздражен тем, что сам до этого не додумался, — он любил, чтобы все было по порядку. Он четко зафиксировал этот факт в своей памяти. Затем бросил взгляд на свисавшие вниз знамена. — Почему же они не выкрали боевые знамена Империи? Это ведь тоже трофеи из священного дворца.

— Возможно, сэр, — сказала Хосейли, — у вора не было времени. Похоже, тревогу подняли достаточно скоро.

— Возможно.

— Дрейк Мейстрал находится на планете, сэр, — аукционист произнес эти слова таким тоном, что сам факт как бы повис в воздухе наподобие флага, и он не потрудился дать ему объяснения.

Наварр нахмурился: — Непохоже, это не его класс.

— Верно, сэр. Верно. Мне пришло в голову, что вы могли быть знакомы с ним. Я предположил, что это может быть на почве личных отношений.

— Вряд ли. Мы познакомились только на днях.

— Да, но ведь тут еще... ну, история его семьи, и вашей.

Наварр снова нахмурился: — Не думаю. Он не похож на человека, который будет мстить таким образом.

Страховательница вздохнула: — Я уверена, что вам, хм, лучше знать, сэр.

Наварр подошел к застекленной крыше и, скосив глаза, посмотрел наружу, на ярко-желтое небо. Затем обернулся, чтобы снова взглянуть на нишу и робота. Может быть, взгляд под другим углом поможет прояснить ситуацию. Крыша, ниша, робот. Но и это не помогло.

Лейтенант вдруг сообразил, что стоит между двумя портретами дядюшки: молодого захватчика заложников над камином, смотревшего на пожилого адмирала дядюшку Джека, при всех регалиях, с нахмуренных челом. Оба выглядели свирепыми и решительными, каж-

дый в своем роде. Наварр всегда надеялся, что со своим сосредоточенным энергичным видом выглядит так же свирепо, как и адмирал дядюшка Джек.

Неожиданно ему в голову пришла одна мысль. Он обратил свой энергичный грозный взор на аукциониста: — Кстати, — спросил лейтенант, — а там ВНУТРИ что-нибудь было?

Аукционист заколебался: — Мы, гм, не знали... не знаем. Мы не знали, как его открывать. — Наварр смотрел на него. — Вот что означает, хм, "с9" в описании, сэр. Это наш код. Он означает, что на нем был сложный замок, а поскольку к нему не было ключа, мы его и не открывали из страха повредить.

Взгляд Наварра стал еще более грозным: — Допустим, кто-то знал, что там было? Я хочу сказать, что оно было ценным.

— В крионном контейнере? Да что там МОГЛО быть?

— Генетический материал? Наркотики? Какое-нибудь сверхохлажденное оборудование для переработки?

— Старое вино.

— Какая-нибудь древность или памятная вещьца, — предположила Хосейли. — Что-то портящееся, что имперское семейство пожелало сохранить из каких-то сентиментальных соображений.

— Сердце или другой орган какого-нибудь умершего домашнего животного.

— О!

— Умные маленькие коготки трещотки, например, — продолжала Хосейли. — Я часто жалела, что не смогла сохранить коготки моей Пиджи, когда она умерла, но я была молода, а родители боялись лишних расходов.

— Сочувствую вам, мэм, — отозвался Наварр.

Глаза эксперта-страхователя сияли: — Вы бы только видели, какие способы Пиджи изобретала, чтобы стащить еду. Она устраивала блистательные засады около холодильника. Она была такой умницей, что можно было поклясться — она была почти Хосейли. — Ее ноздри раздулись от избытка чувств. — Как жаль, — вздохнула она, — что я не смогла сохранить хотя бы некоторые ее части.

— Я уверен, это было бы большим утешением, — сказал Наварр. Он снова оглянулся на пустую нишу. — Но мне как-то не верится, чтобы существовало так уж много империалистов-любителей животных, располагающих необходимыми средствами, чтобы украсть серебряный кувшин моего дяди.

— Разумеется, сэр. — Аукционист, нахмурившись, огляделся. — Возможно, мы должны усилить здесь охрану, на случай, если вор или воры вернутся. Вполне возможно, что похитители охотились за чем-нибудь другим, а контейнер прихватили просто по пути.

— Возможно, — Наварр не любил двусмысленностей, и мысль о том, что здесь все еще может оставаться нечто, представляющее ждя кого-то интерес, беспокоила его. Он бросил взгляд на портрет дядюшки — молодого человека в порванной форме, с деловым видом наставившего огнемёт на перепутанного императора, причем последний прятался в своем гареме и был одет в наряд одной из своих жен. (Это был человеческий вариант той истории. По версии Хосейли, Император был обездвижен и побежден, возглавляя оборону в форме полковника Почетного Личного Караула).

— Да ну их всех к дьяволу, — сказал Наварр. — Что там могло быть в этой штуке?

Пока Роман несея сквозь небо, его нервы звенели от гнева. Ущерб нанесен, оскорбления произнесены, требуются действия.

Он знал, что Мейстрал небрежен в вопросах чести. Но ЭТО он вряд ли смог бы игнорировать. У Романа кровь кипела от имени семьи Мейстрала.

Это оскорбление снести было нельзя.

Проникая в окно небольшого загородного коттеджа, прохладный деревенский ветерок шевелил распущенные волосы Мейстрала. Место было безопасным: Роман снял его под чужим именем, и Мейстрал чувствовал, что может свободно расслабиться и провести утро в постели, смотря старый боевик. Он погрыз печенья и позволил домашнему роботу снова наполнить его бокал шампанским. — Спасибо, — сказал Мейстрал и принялся за третий бокал шампанского в это утро.

На постели лежали несколько компьютерных факсов, посланных Грегором. На самом деле Мейстралу полагалось работать над ними, планируя следующую задачу.

Следующая серия краж обещала быть легкой. Два дня назад все телекомпании Пеленга сообщили о присутствии на планете Мейстрала. Нервные обладатели знаменитых предметов искусства и украшений, зная его имя, естественно, пожелают усилить охрану, пока он находится на Пеленге.

Поэтому в ту самую ночь Грегор был на задании по взлому — он вставлял миниатюрные следящие устройства в оборудование наиболее крупных консультантов

по охране Пеленга. Если хозяева усилят охрану, следящие устройства приведут Мейстрала прямо к их ценностям. Они также облегчат работу, поскольку Мейстрал заранее будет знать, какие именно приспособления будут установлены. Грегор провел большую часть предыдущего дня, наблюдая за своими следящими устройствами по всему Пеленгу и отмечая их местоположение.

Для грабителя знать, куда идти, было так же важно, как и знать, как туда проникнуть.

Но вместо того, чтобы планировать следующее задание, Мейстрал потягивал шампанское и смотрел вестерн. Может, ему было лень. Он он действительно работал допоздна прошлой ночью.

Фильм был одним из его любимых — “Всадники равнин”. Мейстрал испытывал к нему сентиментальную привязанность с тех пор, как впервые посмотрел его в возрасте семи лет от роду.

Мейстрал позволил роботу налить еще шампанского, наблюдая, как Элвис едет верхом по западной прерии со своим старым другом Джессом Джеймсом. Лениво наигрывая на своей электрогитаре, Элвис старался убедить Джесса стать честным и оставить преступную жизнь. Элвис знал, что Бэт Мастерсон поклялся поймать Джесса живым или мертвым, но пообещал Бэту не говорить об этом Джессу. Это была ужасная моральная дилемма.

Чего Элвис не знал, — так это того, что Джесс избрал путь человека, поставленного вне закона, из-за пылкого романа с Присциллой, женой Элвиса. Джесс знал, что если бы он остался на ранчо, Элвис бы узнал обо всем, а это убило бы его. Кульминацией драмы была всеобщая трагедия — Джесс и Присцилла, в конце концов, умирали в объятиях друг друга, и правда, к великому горю Короля Рок-н-Ролла, выходила наружу. В самом конце Элвис шел одинокой тропой, извлекая стоны отчаяния из своей гитары, в предчувствии своей последней трагедии. Это был прекрасный мифический момент.

Мейстралу вестерны нравились больше, чем любые другие формы развлекательного жанра. Он удивлялся, почему Шекспир не написал ни одного.

Робот мягко загудел: — В нашем воздушном пространстве флаер с визитом, сэр, — доложил он.

Мейстрал сдвинул брови. Никто не знал, где он находится, кроме Романа и Грегора. Грегор был здесь, а Роману полагалось находиться в другом доме Мейстрала, создавая у полиции, прессы и прочих нежелатель-

ных визитеров впечатление, что Мейстрал дома. Он велел роботу, чтобы дом показал ему внешний обзор и изображение того, кто находился в флаере.

Нарушителем его покоя оказался Роман. Морщина на лбу Мейстрала стала глубже. Он знал, что Роман не появился бы здесь, если бы не случилось что-то очень серьезное.

Мейстрал повернулся назад к видео. Элвис говорил о том, как сильно Присцилла скучает по Джессу, объясняя преступнику, что для него всегда найдется место на ранчо. Джесс отворачивался со слезами на глазах. Это были любимые сцены Мейстрала, но приходилось отложить просмотр кульминации фильма. Он велел видео отключиться, потом выскочил из постели и накинул шелковый халат. Отбросил волосы с глаз и отправился встречать Романа.

Хосейли нес Пьетро Кихано, перекинув его через широкое плечо. Мейстрал велел дому попросить Грегора присоединиться к ним. Дело обещало быть серьезным.

Ноздри Романа затрепетали, когда он увидел Мейстрала в халате. Он не одобрял людей, проводивших утро в постели. В добавление ко всему, Мейстрал наверняка смотрел какие-нибудь пошлые развлекательные программы. Не слишком подходящее занятие в свете оскорбления, нанесенного теперь его чести.

Роман по-настоящему хорошо знал Мейстрала.

Мейстрал помог Роману мягко уложить Пьетро на плюшевую кушетку — трудности, испытываемые Хосейли, когда они распрямляются, связаны вовсе не с их темпераментом, их причина чисто анатомическая — и потом стоял, пока Роман объяснял ему, что произошло. В середине рассказа вошел Грегор, и Роману пришлось начинать все сначала.

Пьетро посмотрел вверх, на Мейстрала. В его глазах отражались вращающиеся голограммы — дневное искусство. Казалось, он отчаянно силится что-то сказать. Мейстрал нагнулся к нему. — П-п-лет, — непослушными губами выговорил Кихано. — С-с-н.

Мейстрал кивнул, словно все понял: — Вы представляете собой определенную проблему, м-р Кихано.

— Н-н-н. Т-рр.

— Я велю роботу принести вам немного шампанского. От него вам станет лучше.

— Хрршш. Ссппсибо.

Мейстрал вздохнул, отправляясь за роботом: — Ради Бога, м-р Кихано, — сказал он.

Скучно донельзя. Сержант Тви легла на свою кровать в доме графини Анастасии, приложила полуживую примочку к царапине на голове и закрыла глаза. Неукротимые колокола, отдававшиеся в ее черепе, упорно отказывались перестать звонить.

Судьба Империи. Романтика, Волнение, Опасность. Она повторяла про себя эти фразы, прижимая к голове новую примочку. Все дело было в том, что никак не подразумевалось, что опасность придет с твоей же стороны.

Она доложила о поведении Хотвинна барону. Не то чтобы это принесло ей какую-то пользу — барон просто прочел ей лекцию о том, как она должна все объяснять подчиненным, чтобы они как следует знали свою работу, и что все это было частью готовности и умения предвидеть трудности.

Тви пришла к заключению, что барон никогда реально не имел дела с Хотвинном и никогда не пытался что-то ему объяснить. По ее оценке, офицеры всегда прекрасно разбирались в вещах, с которыми никогда не встречались на опыте.

Коммуникатор в ее комнате загудел. Ее череп наполнило эхо, как звон призрачных колоколов. Тви дотронулась до идеограммы “ответ” и зарычала.

Воздух прорезал голос барона: — Пора освободить Хотвинна и принести мисс Йенсен второй завтрак.

— Да, милорд, — Тви накрыла голову подушкой и захныкала про себя — мученица Империи. Затем отправилась выполнять приказ.

Она забрала в кухне поднос Йенсен — к таким вещам нельзя было привлекать роботов, поскольку их память могла быть использована как улика, если что-то пойдет не так, — и стала тяжело подниматься по каменной лестнице на чердак, где содержалась Йенсен. От подноса шел запах жареной арнетты. У Тви потекли слюнки.

На верхней ступеньке лестницы ждала очень популярная детская кукла, чуть выше семи футов ростом. Она была живой. Ее имя было Шалун Ронни.

— Сменяю тебя, — сказала Тви.

— Как раз вовремя, — прорычал Шалун Ронни. Он выключил голографическое изображение и превратился в Хотвинна. Сквозь его темный мех просвечивали пурпурные царапины, тоже прикрытые полуживыми примочками. Он отстегнул от ремня голопроектор и другое устройство и протянул их Тви.

— Твоя маскировка, — сказал он. — Управление наручниками.

— Спасибо, — прорычала в ответ Тви. — Огромное спасибо. Она прикрепила проектор к поясу, включила его и положила пульт управления наручниками на поднос. Хотвинн затопал вниз по ступенькам.

Дверь запиралась тяжелым засовом, установленным в предыдущую ночь. Его шурупы, сделанные из сплавов, расщепили темное дерево двери. Тви рывком отодвинула засов и вошла.

Комната для гостей была наскоро заполнена разрозненной мебелью, принесенной со склада на чердаке: здесь находилась кровать-канapé с пухлыми подушками и голубыми оборками, пара стульев, обитых парчой персикового цвета, толстый ковер из фиолетового меха, хрустальная лампа в форме балерины-Хосейли, держащей на голове абажур из цветного стекла. От этого смешения цветов и культур у Тви еще сильнее разболелась голова.

Амалия Йенсен представляла собой еще один контраст с аляповатой обстановкой. Ее лицо было покрыто полуживыми примочками, питавшими ее болеутоляющими и заживлявшими ее царапины. Она лежала на покрытой оборками кровати в той же черной пижаме, в которой ее схватили, ее лодыжки были скованы кандалами. Амалия смотрела на Тви, злорадно усмехаясь разбитыми губами. — Еще один Шалун Ронни, — произнесла мисс Йенсен. Она говорила на языке Хосейли. — И зачем вы так стараетесь принять человеческий облик? Я все равно могу узнать вас обоих.

— Валяйте, — отозвалась Тви на том же языке. — И как же меня зовут?

— Послушай. Я могу понять необходимость маскировки. Но зачем было выбирать персонаж, который все время УЛЫБАЕТСЯ?

Тви поставила поднос на древний инкрустированный троксанский столик и подвинула столик к обитому парчой стулу. Затем отошла в угол комнаты и села на другой стул. — Я сейчас скую вам руки и освобожу лодыжки, — произнесла она и взяла пульт управления оковами Йенсен. — Тогда вы сможете подойти к стулу и сесть, и тогда я освобожу вам руки и скую ноги. Хорошо?

Глаза Йенсен быстро обежали комнату, подмечая кровать, стулья, стол. Оценивая обстановку. — Очень хорошо, — сказала она.

Тви умела распознавать человека, готовящегося к отчаянному прыжку с первого взгляда, поэтому ее диафрагма спазматически сократилась и расслабилась. Она вынула из кобуры парализатор. — Хорошо, — сказала Тви. — Начали.

Она нажала кнопку пульта управления наручниками. Плотные прилегающие браслеты на запястьях Йенсен задыгались по направлению друг к другу, словно сами по себе, и остановились, соприкоснувшись. Йенсен спустила ноги с кровати и скованной походкой подошла к стулу. Раны явно беспокоили ее. Она не сводила глаз с оружия Тви. Стоя у стола, мисс Йенсен, казалось, заколебалась, потом снова посмотрела на парализатор и села, куда ей было велено.

Тви нажала другую кнопку. Лодыжки Йенсен неумолимо сошлись вместе. Руки освободились. Йенсен сняла крышку с подноса и принялась за еду.

У Тви заурчало в животе. О том, чтобы покормить ЕЕ, не было сказано ни слова.

Йенсен положила в рот ложку жареной арнетты, содрогнулась и сосредоточила свое внимание на более мягких овощах. Тви откинулась на спинку стула.

— Знаешь, а вы, похоже, поймали не того, кого надо, — заметила Йенсен. — За меня большой выкуп не получишь.

— Вас держат здесь не ради выкупа, — ответила Тви.

Йенсен, казалось, это не очень удивило. Она нетвердой рукой подцепила на вилку еще еды.

— Тогда зачем? — спросила она.

— Осмелюсь предположить, что вам лучше знать об этом, мэм, — отозвалась Тви. На видео Признанные Грабители всегда держались вежливо. В конце концов, стиль давал полных десять очков.

— Почему я до сих пор жива? — поинтересовалась Йенсен.

Не так уж плохо на самом деле, подумала Тви. Цивилизованная беседа между похитительницей и ее жертвой. Хорошая возможность для нее разыграть из себя обходительную начальницу. — Нет необходимости прибегать к таким крайним мерам, как убийство, мэм. Просто вы побудете несколько дней нашей гостей.

— До каких пор?

Тви решила изобразить всезнающее молчание. Как ни наслаждалась она ролью культурной похитительницы, ей ничего не было сказано о причинах похищения Йенсен. Она знала, что каким-то образом с этим делом

связан Мейстрал и что Судьба Империи поставлена на карту, но, если не считать этого, ее держали в полном неведении.

Амалия Йенсен просто пожала плечами. Проглотила свой кофе. — Что ж, — сказала она, — наверное, тебе ничего не сказали.

Тви стиснула зубы. Эта женщина проницательна. Она решила решила избрать другой путь, другую форму светской беседы. Элегантные наемники — это была не менее увлекательная игра, чем элегантные руководители.

— Это не так уж важно, — произнесла Тви. — Мне хорошо заплатили.

Йенсен посмотрела на нее и положила вилку с манным пюре назад на тарелку: — Я могла бы сделать так, чтобы тебе заплатили больше.

— Мисс Йенсен. Кажется, я припоминаю, что всего минуту назад вы утверждали, что за вас большого выкупа не получить. — Верхний желудок Тви заурчал. Жареная арнетта, как она заметила, была под белым соусом.

Йенсен тонко улыбнулась, потом вздрогнула и приложила салфетку к разбитой губе: — Можно ведь устраивать разные вещи. Что ты скажешь о сорока новых?

Уши Тви настороженно сдвинулись вперед. Это были неплохие деньги, совсем неплохие, если допустить, что Йенсен сможет их достать, а Тви — получить. Но по сравнению с Судьбой Империи это ничто, решила она. Тви небрежно повела рукой: — Вы плохо оцениваете меня, мисс Йенсен, если думаете, что наемница с моим положением перейдет на другую сторону, уже оставившись на каком-то приключении. Видите ли, до конца выполнять контракты — для меня предмет гордости.

— Прошу прощения, — Йенсен снова улыбнулась. — Я не хотела задеть вашу профессиональную гордость.

— Я принимаю ваши извинения. Познакомившись с Хот... с моим коллегой, вы могли составить и обо мне неправильное мнение, я понимаю. Но могу заверить вас, он не из моих. Это креатура моих нанимателей.

— Понимаю. — Нижний желудок Тви нестройным хором присоединился к верхнему. Прикрываясь своей голографической человеческой улыбкой, она заворчала.

Амалия Йенсен, казалось, услышала урчание в животе Тви. Она протянула тарелку: — Хотите жаркого? Боюсь, что сегодня для моего рта оно немного... острое.

— Я и ВПРАВДУ голодна. Если вы не возражаете.

— Нисколько. — Йенсен с трудом поднялась на ноги, протягивая жаркое. Тви приподнялась и протянула руку. Йенсен бросила тарелку в улыбающуюся голову Шалуна Ронни и вскочила, согнув пальцы рук, как когти. Ноги ее все еще были скованы.

Тви наполовину была готова к этому — лекция барона о необходимости быть начеку не совсем прошла мимо ее ушей, а мисс Йенсен неожиданно оказалась слишком любезной. Тви выстрелила из парализатора в живот Йенсен, и прыжок пленницы оборвался на середине — она мягко упала на плюшевый ковер. Диафрагма Тви пульсировала от разочарования. По ее шее тек белый соус.

Проклятие, подумала Тви. А она только-только начала получать удовольствие.

Пьетро Кихано вылил большую часть первого бокала с шампанским себе на рубашку, но второй ему удалось проглотить. Его цвет лица и состояние значительно улучшились. Теперь он уже был в состоянии сесть, не подвергаясь опасности свалиться.

Грегор наблюдал за ним, сидя в углу на стуле с прямой спинкой и выстукивая какие-то мелодии пальцами по колену. Роман молча стоял в углу зловеще нависающей тенью. Мейстрал определил, что его слуга был очень серьезно расстроен.

Мейстрал прошел в свою комнату, стянул волосы в узел и заколол их на затылке. Он переоделся в мягкие замшевые брюки, свободную серую шелковую блузу и нацепил серьгу. Если уж у него гости, можно с тем же успехом принять презентабельный вид.

Он вошел в гостиную и предложил Пьетро печенья со своей тарелки. Пьетро принял тарелку. Мейстрал выбрал мягкий стул напротив софы Пьетро и устроился в нем. Над его головой в нише медленно вращалось голографическое изображение Головы Бартлета. Мейстрал подтянул завязки на рукавах блузы.

— Что ж, м-р Кихано, — произнес он, тщательно выбирая слова, — может быть, вы просветите нас по поводу последних событий.

Пьетро Кихано нервно посмотрел в направлении Романа, потом бросил взгляд на Грегора. — Понятия не имею, — пробормотал он и протянул бокал, чтобы ему налили еще шампанского. Робот с мягким жужжанием выплыл из угла и стал наполнять бокал.

Мейстрал принялся считать, загибая пальцы: — По-видимому, Амалию Йенсен похитили, — сказал он. — Похищение произошло меньше чем через два дня после

того, как она наняла меня и моих помощников достать антиквариат. Мои изыскания показали, что мисс Йенсен явно связана с политикой здесь, на Пеленге, занимая высокий пост в организации, имеющей отделения по всему Созвездию. Вы казначей этой организации.

Пьетро стал выказывать признаки беспокойства. Он откусил кусочек печенья и принялся нервно жевать. Мейстрал поднялся со стула, повернулся и сунул руку в Голову Бартлета. Он извлек оттуда серебряный антик и, держа его в руках, опустился на стул. В глазах Пьетро зажглось неприкрытое вожделение.

— Я вижу, вы его узнаете, — заметил Мейстрал. — Мисс Йенсен была похищена через считанные часы после того, как я заполучил этот предмет. Поскольку сам по себе он не представляет ценности, я полагаю, он имеет политическое или символическое значение, о котором я не осведомлен.

Он нахмурился, глядя на тяжелый серебряный контейнер. Присвоив его, Мейстрал изучил антик самым тщательным образом и обнаружил, что кроме Имперской Печати на нем выгравировано изображение Куэла I, первого императора Пенджали, принимающего изъявление верноподданничества от первого посла-деlegates с Зинзипа. Завоевание было не слишком серьезным — похоже на морских слизняков Дромии были настолько непостижимы и непредсказуемы, что так и не удалось установить точно, поняли ли они то, что их “завоевали” и что таким образом они оказались членами “Протектората Хосейли”. Тем не менее это было первым завоеванием Пенджали, и мифографы поневоле должны были его как-то отобразить.

На другой стороне седловидного контейнера был изображен отказывающийся от трона Ннис Шестьдесят Первый в окружении лиц из его Колледжа — группы известных ученых, собранных им в Городе Семи Сверкающих Колец для того, чтобы они помогали Императору в его абстрактных исследованиях, прославивших его гораздо больше, чем умение управлять Империей. Мейстрал пригляделся повнимательнее. Он узнал лицо профессора Гантемур, человека-философа, передававшего планы Имперской Резиденции агентам Восстания и впоследствии получившего владения ряда выдающихся людей — сторонников Империи, в том числе и деда Мейстрала.

Мейстрал взглянул на Пьетро. Вожделение молодого человека можно было почти пощупать руками.

— М-р Кихано, я должен знать, что произошло, — сказал он. — Мою клиентку похитили. Возможно, что мне — нам — грозит опасность из того же источника. Через считанные часы контейнер будет принадлежать мне по закону, и я смогу им распоряжаться. Естественно, я предпочел бы отдать его мисс Йенсен — таков мой контракт. Но... — он поднял руку, и лицо Пьетро потемнело. — Если этот предмет привлечет ко мне нежелательное внимание, возможно, мне придется побыстрее от него избавиться.

— Но, — запротестовал Пьетро, — вы же не можете. — Он посмотрел на Грегора, ища поддержки. — Он ведь не может? — спросил Пьетро. — Правда? — Грегор только ухмыльнулся.

— Напротив, сэр, — голос Мейстрала звучал твердо. — Если мисс Йенсен нет, она не может выполнить своих обязательств по контракту. Я полагаю, тот, кто ее похитил, знает об этом и будет держать ее в изоляции до тех пор, пока я либо не покину Пеленг, либо не распоряжусь этим предметом другим образом. Вероятно, если они найдут меня, они выдвинут собственное предложение. Обстоятельства же могут вынудить меня согласиться.

Пьетро вытаращил глаза на Мейстрала: — Послушайте, — заявил он. — Я казначей. Я могу заплатить вам вместо Амалии.

— Может быть, — отозвался Мейстрал, — я выставлю ваше предложение среди других на любом аукционе, который будет проводиться после того, как мисс Йенсен не объявится. Но вам ПРИДЕТСЯ предлагать более высокую цену, м-р Кихано.

Похоже, Пьетро сдался. Он посмотрел на Грегора, затем — на Романа.

— Я скажу вам, — объявил он. — Но вашему Хосейли придется выйти.

Мейстрала внезапно охватило раздражение. Проявление расизма по такому поводу было более чем раздражающим. Он бросил взгляд вверх, на строгое, неподвижное лицо Романа. — Роман может остаться, — сказал Мейстрал, — он мой старейший помощник, я ему абсолютно доверяю.

Пьетро покачал головой: — Этот вопрос выходит за рамки простой личной лояльности, м-р Мейстрал, — он наклонился ближе и понизил голос, словно стараясь помешать Роману подслушать. Его тон был серьезным: — На карту поставлена Судьба Созвездия, — сказал он.

Мейстрал поднял бровь: — Да что вы говорите! — Щенок с каждой минутой раздражал его все больше и больше.

— Прошу вас, — сказал Пьетро.

Мейстрал перебросил реликвию из одной руки в другую: — Надо же, а я прошу всего шестьдесят. И это за Судьбу Созвездия.

Пьетро вознегодовал: — Вы же СОГЛАСИЛИСЬ на шестьдесят! — Затем он взял себя в руки: — В этом вы можете на меня положиться, м-р Мейстрал.

Мейстрал вздохнул. Последовало короткое молчание, нарушаемое только постукиванием пальцев Грегора по колену. Наконец, Пьетро заговорил.

— Очень хорошо, сэр. Если вы ручаетесь за него. Но жаль, что вы не подумали еще раз хорошенько.

Мейстрал бросил взгляд на Романа: — Не стану и думать. — При взгляде на строгое лицо Романа Мейстрала охватила новая волна раздражения. Ясно было, что Роман сдерживает сильный гнев, и Мейстрал решил, что это из-за бестактного поведения молодого человека. Мейстрал откинулся назад и закинул ногу на ногу: — Что в этом кувшине, м-р Кихано? Говорите правду, немедленно.

Пьетро закусил губу. Когда он заговорил, это был шепот.

— Этот контейнер, — произнес он, — крионный ковчежец, содержащий сперму Императора Пенджали Нниса Шестьдесят Первого, не имеющего наследников.

Мейстрал посмотрел на предмет в своей руке. Он подметил ошалелый взгляд Грегора, отвисшую от изумления челюсть Романа и пожалел, что не отослал их обоих подальше, за пределы слышимости, даже за пределы этой планеты.

Вещица жужжала в руках Мейстрала — холодная, невозможная тяжесть.

— О, — произнес Мейстрал, — стало быть, Судьба Созвездия **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** поставлена на карту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Крионный контейнер стоял на столе. Он поблескивал в мягком свете комнаты. Мейстрал протянул бокал, и его снова наполнили шампанским. Компания доканчивала уже вторую бутылку. Мейстрал велел роботу откупорить третью. Ему она явно потребуется.

Мейстрал желал только одного — немедленно отделаться от ковчежца. Выбросить его с борта флаера в ближайшее бездонное озеро. Швырнуть его в недра первой попавшейся плавильной печи. Сжечь в сердце солнца Пеленга.

Вот и сбылось, подумал он. Самый страшный кошмар в жизни каждого вора. Украсть нечто столь ценное, столь фантастическое, что оно понадобится каждому солдату, каждому политику, каждому преступнику, каждому дипломату, каждому фанатику-убийце.

Бедняга Мейстрал, подумал Мейстрал. И выпил шампанское без всякого удовольствия.

Мейстрала не утешило бы то, что некоторые люди были и в худшем положении. Взять, например, беднягу Нниса.

Нынешний Император Пенджали провел свою юность в имперском гареме — отчужденный мальчишколяр, совершенно не вписывавшийся в конкурентную, слишком жесткую атмосферу того места, где он жил. Обычным занятиям в гареме, состоявшем в основном из детей, занятых интригами в подражание своим матерям, причем каждый ребенок оказывался вовлеченным в тайфун заговоров, замыслов и маневров — миниатюрную бурю, отражавшую те внешние стрессы, которые возникали в лучших домах Хосейли в результате бесконечной борьбы за то, чтобы сделать одного из отпрысков любимым ребенком, следующим наследником, он предпочитал ловить насекомых и рассматривать под микроскопом их половые органы. В Империи Хосейли не существовало права первородства, не было упорядоченной системы для установления наследника, кроме самой Имперской воли.

Если ребенок не был по натуре интриганом, детство, проведенное в гареме, могло оказаться отвратительным. Ннис интриганом не был. Однако он был очень хорош в обращении с жуками.

Для Нниса было большим облегчением узнать, что он проиграл борьбу одному из младших сводных братьев. Его горько разочарованная маменька, красивая и чувствительная дочь герцога Мофа (его имя произносилось как "Миф") часами читала ему нотации по поводу его недостатков. Ннису было все равно. Он обнюхал ее уши на прощание и, радостный, улетел на крыльях своего позора в Госат, где провел три самых счастливых года в своей жизни, изучая энтомологию пустыни. Его занятия были прерваны ужасным известием о том, что Наследный Принц погиб в нелепой катастрофе на воздушном шаре, и что, в результате особенно успешной интриги, проведенной его матушкой и кланом Мофа (в произношении — Мифа) он назначен следующим наследником. Ударившись в панику при мысли о такой перспективе, Ннис ринулся назад, в Город Семи Сверкающих Колец, чтобы составить свой заговор, в результате которого он потерял бы титул наследника, но прибыл туда только, чтобы узнать, что Император полинял и впал в кому. Все было потеряно.

На голограммах, изображавших коронацию, Мофы улыбались — ряд красных перекатывающихся языков. Ннис Шестьдесят Первый, в зеленой парчовой мантии, приличествующей его сану, выглядел так, словно присутствовал на похоронах.

Как после выяснилось, улыбки Мофов были недолговечными. Во многих сферах своей жизни Императоры ограничены, однако Ннис пришел к заключению, что может по крайней мере устроить свою семейную жизнь так, как ему хочется. В результате чего Город Семи Сверкающих Колец объявил, что Королеве-матери будет построен новый дворец в Госате, где она станет попечительницей Имперской Энтомологической Коллекции. Герцог Моф вернулся в Мофхольм, потерпев большие расходы на дорогие подарки на коронацию.

Ннис, по-видимому, сделал вывод, что, в конце концов, есть какой-то смысл в том, чтобы быть Императором.

В дальнейшем Ннис женился около двенадцати раз. Его гарем был невелик — это вызывало некоторое возмущение, особенно со стороны наследственных врагов Мофов, желавших поквитаться, — но что вызвало настоящую бурю среди традиционалистов, — это факт, что Ннис отказывался зачать потомство.

Императриц в Империи никогда не было; традиция предписывала, чтобы корона переходила к особам мужского пола. Традиция установилась до времен развитой

генетической технологии, когда наследник мужского пола мог зачать намного больше отпрысков, чем любая Императрица. В результате генотехнологии это требование устарело, но нужда в императоре мужского пола осталась просто потому, что это была традиция, а традиция, в свою очередь, была такой вещью, которую Хосейли никогда не подвергали сомнению.

Ннис, однако, стремился отсрочить интриги из-за наследника на возможно более долгий срок. Своих насекомых он больше всего любил прищипленными к подушечке, и точно таким же образом он любил, чтобы в его домашнем хозяйстве жизнь текла тихо — тихо и без волнений. Чтобы она была предсказуемой, спокойной, академичной. Когда ему предлагали новую жену, первый его вопрос был — тихий ли у нее голос, второй — публиковалась она или нет.

Спокойствие он получил. На целые сорок лет. Зато, когда, наконец, пришли волнения, они с лихвой возместили предшествовавшие два десятилетия.

Историки вели дебаты по вопросу о том, могло ли эффективное и вдохновенное руководство столицы Империи предотвратить Восстание людей или изменить его ход. Скорее всего, нет — курс Имперской политики установился еще до восшествия Нниса на престол, все министры были на своих местах, и люди уже волновались. Если бы Ннис поднял голову от своей коллекции на срок, достаточный, чтобы заметить, что у него неприятности, он мог привлечь к ним внимание своих министров, а тем, в свою очередь, пришлось бы приглядеться повнимательнее... да только в обязанности Императора не входило раздумывать о невероятных вещах, а восстание с успешным исходом как раз считалось просто невероятным.

Ннис был первым императором Хосейли, проигравшим войну. ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ. Вообразите себе это.

Если бы он покончил с собой, никто не стал бы его винить, а большинство наградили бы его аплодисментами. По крайней мере, это показало бы, что он ценит свое положение. Но его присутствие было необходимо для поддержания как Принципа Империи, так и мира. И, разумеется, следовать ему было некому — об этом он позаботился.

Но шок был все же слишком велик. Здоровье императора было подорвано, и он удалился в свой холодный гроб. Оттуда он поддерживал слабую связь с делами и ритуалом. Он продолжал нести вахту, как солдат, в течение двух поколений по мере того, как медицинские

процедуры, применявшиеся для того, чтобы не дать ему умереть, становились все более изощренными и экстремальными, а его бразды правления Империей — все более слабыми и холодными.

У него никогда не было наследников. Много лет назад министры убедили Императора поместить монаршее семя в криогенное хранилище. Были приготовлены три контейнера — впоследствии семя было в них помещено. Но война спутала все карты. Два контейнера были уничтожены, третий исчез, и считалось, что он погиб. К концу войны способность Императора к продолжению рода понизилась настолько, что дальнейшие попытки в том же роде не имели смысла. Нетрадиционные методы продолжения рода, такие, как клонирование, были отвергнуты самим Императором, свято придерживавшимся традиции.

Так он и лежал годами, погруженный в дрему в своем ящике, в ожидании освобождения, последнего упокоения и молчания. Раздумывая о том, что же пошло не так, где он мог поступить иначе.

Размышляя, дадут ли ему когда-нибудь умереть.

Лейтенант Наварр раскачивался из стороны в сторону в гамаке и, нахмурившись, смотрел на телефонную трубку. Осматривая дом в поисках дальнейших следов ограбления, он обнаружил гамак в стенном шкафу дядюшки и тут же повесил его между двумя деревьями на лужайке. Телефон, который он всегда носил при себе, был пристегнут к его поясу. Разведчики Открытых Морей Помпеи всегда были начеку. От хорошей связи часто зависит жизнь.

Лейтенант вздремнул пару часов, его сон был нарушен двумя птичками яркой окраски, решившими поиграть в пятнашки в листе над его головой. Затем Наварр решил позвонить Амалии Йенсен и рассказать ей об ограблении во дворце его дядюшки; а заодно и оказать ей любезность в ответ на вчерашний обед, пригласив ее в свою очередь на сегодня. Однако телефон мисс Йенсен не отвечал — это было странно. Ни робота, ни автоответчика. К тому же Йенсен сообщила лейтенанту, что целый день будет дома.

Все выглядело так, словно связь просто вышла из строя.

Наварр повесил трубку, спустил ноги из гамака и потянулся за своим форменным камзолом и траурной накидкой. Он лично доставит послание. При мысли об Амалии Йенсен посреди ее благоухающего цветника лейтенант улыбнулся.

Он был так поглощен этим видением, шагая через лужайку, оправляя свой камзол и призывая робота, чтобы тот зашнуровал его, что совершенно забыл о том, что оставил телефон в гамаке. Телефон поблескивал серебром на солнце, раскачиваясь взад-вперед от ветра.

Одна из ярких птичек слетела вниз и опустилась на гамак. Телефон подмигнул ей. Птица схватила его лапками и взмыла в небо.

Пресса выяснила, что прошедшим вечером Мейстрала ожидали в отеле Николь, — это был слух, который Роман и Николь договорились пустить, ложный след, оставленный Романом, чтобы прикрыть Мейстрала. Информационные шары не видели, как он входил, но ведь Мейстрал славился своей неуловимостью. Николь отказалась от дальнейших обсуждений этого вопроса, что только усилило разговоры и предположения.

Николь знала, как раздувать сплетни. В конце концов, это была ее профессия.

И вот теперь раздался телефонный звонок.

— Дрейк Мейстрал, мэм.

Николь оборудовала свою спальню глубоким мужским голосом Хосейли, почтительным и исполненным уважения. Этот голос намеренно контрастировал с резким женским голосом робота-дерматолога, тщательно накладывавшего на нее косметику. Николь велела дерматологу убрать свой аппарат и приказала комнате принять звонок. На уровне ее глаз появилось голографическое изображение головы Мейстрала в натуральную величину. Волосы выбивались из узла, в который они были стянуты. Вид у Мейстрала был невыспавшийся.

— Привет, Мейстрал. Вечер был прибыльным?

— Это был... интересный вечер, Николь. — Что-то в его голосе заставило Николь выпрямиться.

— С тобой все в порядке, Дрейк?

Он колебался: — Да. Но я вынужден лишиться себя твоего общества сегодня за завтраком. Ты же знаешь, я не оставил бы тебя без сопровождающего, если бы на то не было серьезных причин.

Вызов? подумала Николь. Арест? Какая-то ловушка? Она не слышала упоминаний о Мейстрале на видео, разве что в связи с ее собственным именем. Так что, каковы бы ни были его проблемы, они были частного характера.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Улыбка Мейстрала была напряженной: — Очень любезно с твоей стороны предлагать помощь, но нет.

— Все, что уютно, Мейстрал. Мы же друзья. Ты знаешь об этом.

Он немного помедлил, прежде чем ответить: — Ты очень добра, но думаю, что нет. Тебе не следует в это ввязываться.

Николь опустила подбородок на руку: — Стало быть, это серьезно.

— Да, миледи. Серьезно.

— Роман приглядывает за тобой?

Мейстрал улыбнулся: — И очень хорошо. Спасибо.

— Будь очень осторожен, Дрейк. Не наделай глупостей.

— Не наделаю. — Он поднял бокал с шампанским к голографическому полю. — Спасибо тебе за то, что поняла меня. Я постараюсь компенсировать тебе неудобства при нашей следующей встрече.

Николь улыбнулась. Мейстрал всегда получал десять очков за стиль. — Ловлю тебя на слове, — сказала она. Глядя, как он отпил глоток шампанского из бокала, Николь поняла — что-то в его поведении все еще беспокоило ее. Он потрясен, неожиданно сообразила она. По-настоящему потрясен. Шампанское было намеренной попыткой вернуть самообладание и смекалку. Николь никогда еще не видела его в таком состоянии и, если бы не была с ним близко знакома в течение короткого периода, ни за что бы этого не заметила. — Дрейк, — внезапно сказала она, — позвони мне завтра. Я хочу знать, как у тебя дела.

Мейстрал убрал бокал из поля зрения. Его взгляд ничего не выражал: — Спасибо, — отозвался он, — я польщен твоей заботой.

Это было обычное замечание Мейстрала, но он произнес его на Высоком Хосейли, в спряжении, относившемся к состоянию вселенной. Еще десять очков за стиль, и все же дело было плохо.

Николь оказалась ничуть не в лучшем положении — ее теперь было некому сопровождать на светский завтрак. После того, как голова Мейстрала исчезла, Николь с минуту поразмыслила, потом велела комнате набрать номер резиденции лейтенанта Наварра.

Его не было дома. Автоответчик попросил оставить сообщение, но Николь отказалась. Члены Диадемы говорили лично, либо не разговаривали вообще.

Николь на мгновение задумалась, потом решила сослаться на усталость и отказаться от завтрака. Она знала — пресса решит, что Мейстрал по-прежнему у нее.

Хорошо. Что бы ни происходило, Мейстралу не повредит, если все будут думать, что он не в том месте, где находится.

Птичка с разноцветными крыльями в панике вылетела из гнезда, услышав чириканье телефона Наварра. Но телефон смолк, и после минутного раздумья птица решила провести осторожную разведку. Она уселась на ветку, так, чтобы быть вне досягаемости телефона, и посмотрела вниз, на свой дом, озадаченно почесывая лапкой клюв.

Телефон лежал среди сокровищ птицы — осколков мозаики, блестящей обертки от конфет, авторучки, нескольких разноцветных камешков, детского колечка. Мысль о том, чтобы эта штука перехватила у нее трофеи, была для птицы невыносима. Чертов предмет только притворялся неживым.

Когда телефон снова зачирикал, птица в тревоге подняла крылья, но всего лишь отступила на несколько шагов вдоль ветки. Чириканье продолжалось. Беспокойство птицы улеглось, и она придвинулась ближе; в ее мозгу медленно поднималось чувство торжества.

Эта штука разговаривала! У птицы никогда раньше не было говорящих сокровищ. Она растопырила перья и произнесла: — Ку-у-у!

Телефон продолжал чирикать. Птица ответила ему. Наконец, в Пеленг-Сити страховой агент повесил трубку, и телефон замолчал.

Птичка с яркими перьями вернулась в гнездо, радуясь новому другу.

Материалистический подход к жизни, как могла бы засвидетельствовать птичка с яркими перьями, не всегда сопровождается мещанством, которое приписывают ему его противники. Взять, например, радости, которые доставляет возможность окружать себя предметами, приносящими комфорт и удовольствие, — хорошими винами, произведениями искусства, книгами в кожаных переплетах, прекрасными средствами транспорта — и человек вполне может послать весь мир подальше. Существуют и худшие способы устраивать жизнь, но только в тех случаях, когда материалистический импульс переходит от комфорта к принуждению, он становится отвратительным. Никому не требуется в хозяйстве больше одного дуршлага, и если кто-то задается целью коллекционировать платиновые дуршлага с ободками, отделанными бриллиантами, и донышком, разукрашенным аллегорическими рельефами, причем все это с единственной целью — выставаться перед соседями, в таком случае

наблюдатель может смело сделать вывод о том, что материалистический импульс вышел из-под контроля.

Признанное воровство основывается на материализме, но без мещанства и обывательщины. Человек ищет совершенный предмет, лучший из предметов своей категории, самый редкий и поразительный, а потом своими собственными усилиями отваживается завладеть им. Таким образом, вульгарная кража со взломом превращается в приключение в стиле эстетического романтизма. Сотню лет назад Ральф Эдверс узрел Черепок Элтауна и понял, что должен завладеть им, что ему не будет покоя, пока он не положит черепок на ладонь, не увидит, как его темные отблески пляшут в свете его камина. Неудивительно, что он потратил полжизни на попытки его украсть — не для того, чтобы продать, но чтобы оставить его себе, ради собственной славной персоны, — и наконец, истратив в погоне за Черепком все заработанные им за целую жизнь воровством деньги, зажав его в руках и зная, что Черепок уже принадлежит ему, он окончил жизнь самоубийством, прижав Черепок к груди, предпочтя покончить с собой, чем увидеть, как Имперское управление доходов продаст Черепок, чтобы уплатить налоги. Кто станет его осуждать? Он был в первую очередь романтиком, а потом уже — материалистом.

Но можно быть материалистом и при этом необязательно прыгать за борт. Взять, например, философию птички с яркими перьями: найди что-нибудь красивое, принеси домой, сядь на него и подружись.

Домашние удобства — всегда самые лучшие.

Лейтенант Наварр смотрел на разрушения в доме Амалии Йенсен. Он вызвал полицию, как только обнаружил обломки Говарда, разбросанные по крыше. Меня ПРЕСЛЕДУЮТ, подумал он. Кто-то ходит за мной и проделывает все эти вещи.

Лейтенант последовал за офицером Панкатом в гостиную, переступая через мусор. Смертельно раненные цветы источали предсмертный аромат.

— Я пообедал. Мы поговорили. Я улетел домой. — Что еще он мог сказать?

— Нет. Я никого не видел. Я едва знал эту женщину.

Офицер Панкат посмотрел на лейтенанта спокойными миндалевидными глазами: — Учитывая инцидент, происшедший вчера вечером, как вы думаете, сэр, может, кто-то преследует вас?

Наварр вздрогнул. Он как раз думал об этом. Но все, что он мог сказать, было: — Но почему?

Пааво Куусинен вышел из своего флаера и обследовал желтую траву. Над его головой под легким ветерком шелестела листва. В миле от него находился дом Амалии Йенсен, окрашенный в пастельные тона. Здесь, как обнаружил Куусинен, ночью ждали двое Хосейли; он легко нашел на земле следы флаера и две пары отпечатков ног — маленьких и больших, обе пары по форме башмаков были следами Хосейли.

Некоторое время Куусинен следовал за сержантом Тви — от дома Наварра до поместья, которое, как выяснилось по наведении справок, было снято сторонницей Империи графиней Анастасией. Оттуда он последовал за Тви к дому Амалии Йенсен, где он услышал грохот и увидел, как Тви и ее огромный сообщник выносили бесчувственное тело, которое они доставили в дом графини. Куусинен отправился к дому Мейстрала, но, походе, там никого не было. Он проверил по своему сканнеру утренние отчеты, узнал, что было совершено ограбление в доме Наварра, и вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Наварр берет курс на город. Куусинен последовал за ним и увидел, как Наварр приземлился на крыше дома Йенсен.

Куусинен тщательно обследовал землю и обнаружил две пустые пустые палочки, которые, по-видимому, со-сал огромный Хосейли, пока маленький проводил разведку в доме Йенсен. Больше ничего интересного не было.

Он вернулся к флаеру и велел сканнеру поискать отчет об ограблении в доме Наварра. В отчете появилось дополнение — описание единственного исчезнувшего предмета — серебряного крионного контейнера. К официальному описанию прилагалось описание из аукционного каталога: “с источником питания, Имперская печать, с9, вес 16 кг, размеры 18x17 см”. Была еще приписка: “стоимость примерно 18 н”.

Странно, подумал Куусинен. Контейнер казался не настолько ценным, чтобы из-за него поднимать такой шум. Он поразмыслил, что бы такое могло быть внутри, на минутку задумался над активными действиями, которым был свидетелем: двое Хосейли, общающиеся с графиней-империалисткой и имперским бароном, — и подумал о том, каким же образом это может быть связано с серебряным контейнером, Амалией Йенсен и меднокожим лейтенантом из Помпей.

На этот счет у него не было никаких соображений. Зато была довольно твердая уверенность в том, что

каким-то необъяснимым образом эта загадка имела отношение к Мейстралу.

Куусинен проследил, как флаер лейтенанта Наварра взлетал с крыши дома Амалии Йенсен, и решил, за неимением других идей, последовать за ним. Поднимаясь за Наварром в небо, он принял решение повисеть на хвосте у лейтенанта еще несколько часов, а затем вернуться к дому графини. Может быть, кто-то из них приведет его к Мейстралу.

Это было самое интересное развлечение Куусинена за последнее время.

Серебряный контейнер все еще стоял на столе у Мейстрала, отказываясь покидать его. Мейстрал вернулся в комнату после разговора с Николь и обнаружил, что хранилище спермы Императора, как некое магнетическое чудо, притянул оставшихся троих поближе к себе. Грегор и Пьетро придвинули к нему свои стулья и сидели, наклонившись вперед, почти не глядя друг на друга, хотя и вели разговор. Роман по-прежнему стоял, все еще дрожа от невысказанных эмоций, нависая над плечем Грегора и время от времени приподнимаясь на цыпочки, чтобы ему было лучше видно. Это живое воплощение Имперского присутствия.

— Если ситуация в Империи не изменится, — говорил Пьетро Кихано, — Ннис может протянуть еще несколько поколений. Когда же он, наконец, сыграет в ящик, Семейство Королевской Крови будет вынуждено собраться, чтобы выбрать нового Императора. Семье потребуются годы, чтобы принять решение, и к концу их размышлений мы в Созвездии должны иметь твердое представление о том, кто придет к власти. У Созвездия Человечества будет длительная передышка, и если сторонники нового Императора возьмут на себя обязательство повторно завоевать нас, у нас будет время, чтобы подготовиться.

— За хорошую цену, сэр, — произнес Мейстрал и опустился на свой стул, — будущее Созвездия может попасть под ваш контроль. — Он откинулся назад, сопротивляясь притягательной силе серебряной реликвии.

Пьетро бросил взгляд на Мейстрала, тщетно пытаясь заглянуть в его прикрытые веками глаза: — У нас в казне имеется всего шестьдесят, да и то потому, что мисс Йенсен взяла личный заем.

— Возможно, вам стоит самому взять заем, м-р Кихано.

— Я еще учусь. Я занимаюсь в аспирантуре по курсу математики, и денег мне никто не одолжит. Но шестьдесят я могу выдать вам прямо сейчас.

— Вы не мисс Йенсен. А у меня контракт с нею.

В глазах Пьетро отразилось отчаяние: — На карту поставлена Судьба Созвездия, — сказал он. — Не можете же вы...

— М-р Кихано, — прервал его Мейстрал, — должно быть, вы в своем энтузиазме упустили кое-что из виду.

— Сэр? Что именно?

— Я вор по профессии. И заботиться о Судьбе Созвездия — не моя РАБОТА.

Грегор фыркнул, но Пьетро это не остановило: — Должна же у вас быть какая-то человеческая порядочность, к которой я могу взывать.

— ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПОРЯДОЧНОСТЬ? — Казалось, Мейстрал взвешивал эти слова. Затем покачал головой. — Боюсь, что ее у меня нет, м-р Кихано. Порядочность, которой я обладаю, почти наверняка хосейлийская. — Он тонко улыбнулся Пьетро. — А вот непорядочная сторона — целиком и полностью человеческая.

Пьетро Кихано окинул Мейстрала долгим холодным взглядом: — В таком случае, если мисс Йенсен — единственное лицо, с которым вы будете иметь дело, давайте разыщем ее.

Мейстрал уже открыл рот, чтобы заметить, что спасение попавших в беду девиц — тоже не его работа, но тут прочистил горло Грегор.

— Босс, — заявил он, — это плохая мода — позволять людям шляться вокруг и выкрадывать ваших клиентов. Это позволяет им думать, что они могут вертеть вами.

Мейстрал нахмурился: — У меня нет привычки подвергать себя опасности ни за что.

— Вы же хотите, чтобы ваша клиентка вернулась, так, босс? Еще как хотите. Есть способ это сделать. Найдите ее и освободите.

— Могу я поговорить с вами с глазу на глаз, сэр? — подал голос Роман, он говорил на Хосейли. Мейстрал кивнул.

Он позволил Роману увести себя в спальню. Когда Роман заговорил, он заговорил на Высоком Хосейли, и голос его дрожал от с трудом скрываемого гнева.

— Вашу клиентку похитили, сэр, — сказал Роман, — а ваше дело еще не завершено. Похитители знали о вашей заинтересованности, но действовали без всякого уважения к ней, не посоветовавшись с вами. Это ос-

корбление, а принимая во внимание то, кем они могут оказаться, — это еще и вызов вашей чести. Оскорбление не должно остаться без ответа.

По мере того, как предложения на Высоком Хосейли следовали одно за другим в идеальной форме и ритме, как элементы какого-то сложного математического действия, в душе Мейстрала росло удивление. Учитывая логику Хосейли, выводы были абсолютными. Мейстрал попытался найти пробел в аргументации, но не сумел.

Так вот из-за чего так раскипятился Роман. Если бы все эти события так не отвлекали Мейстрала, он бы уже давно обо всем догадался. Он ободряюще кивнул.

— Благодарю тебя за заботу, Роман, — ответил Мейстрал на Высоком Хосейли. — Твоя заинтересованность делает тебе честь. — При этом комплименте глаза Романа заблестели. — Мне нет нужды напоминать, когда моя честь задета, — продолжал Мейстрал, — однако сперва я должен выяснить, кто несет ответственность за оскорбление и принять решение, как лучше поступить, кроме того, я должен установить, что именно знает м-р Кихано. Прямой вызов может оказаться для этих лиц слишком большой честью, которой они не заслуживают.

Уши Романа наклонились вперед: — Это верно, сэр.

Мейстрал поднял руку к плечу Романа. Он перешел на стандартный Хосейли: — Думаю, нам следует вернуться к м-ру Кихано.

— Да, сэр. Очень хорошо.

Мейстрал жестом показал Роману, чтобы тот шел вперед. Он снял руку с плеча Романа и заметил, что она слегка дрожит. Сжал руку в кулак и последовал за Романом в гостиную. Сознательным усилием воли ему удалось не заскрипеть зубами.

— Очень хорошо, — произнес Мейстрал, — по крайней мере, мы должны рассмотреть возможность спасения мисс Йенсен. Но где они могут ее держать?

Грегор сдвинул брови: — Наверное, в надежном доме. Скорее всего.

— А может, и нет. По всем признакам похищение было организовано наспех, за несколько часов после моего похищения кувшина. У них могло и не быть времени для того, чтобы найти надежный дом, хотя теперь они могут и заниматься его поисками. Нам надо проверить персонал консульства, а потом все резиденции, которыми они располагают за пределами города.

— Кроме того, есть еще графиня, — заметил Роман.

— Правильно, — согласился Грегор, — я проверю все заявки на аренду охраны. Они могли нанять дополнительную.

Мейстрал улыбнулся. Мысль была хорошая.

— Прекрасно. Если мы узнаем о каких-нибудь заявках, мы сможем провести разведку с воздуха и, возможно, дальнейшую проверку с помощью маскировочных костюмов. Что ж, приступайте.

Роман и Грегор отправились выполнять задание. Мейстрал снова устроился на стуле с кусочком печенья. Внезапно он понял, что Пьетро Кихано выжидательно смотрит на него.

— Да, м-р Кихано?

— Вы собираетесь найти мисс Йенсен, а потом спасти ее?

— Я сказал, что мы РАССМОТРИМ такую ВОЗМОЖНОСТЬ, м-р Кихано. Это не совсем одно и то же.

— Но вы по крайней мере сообщите в полицию?

— Нет. Не думаю. Тогда выйдет наружу сама цель похищения. Через несколько часов на мою защиту встанет закон, но ни на кого из моих нанимателей это не распространяется. Я полагаю, вы не желаете, чтобы стало известно, что мисс Йенсен наняла меня с преступными целями?

Вид у Пьетро стал несколько бледный: — Нет. Пожалуй, нет. — Мейстрал погрыз свое печенье. Из холла раздался голос Грегора:

— Может, уговорить лейтенанта Наварра помочь нам?

Пьетро сердито нахмурил брови — идея ему не понравилась. Мейстрал ответил: — Полагаю, не стоит. Он обнаружит, что мисс Йенсен занимала его вчера вечером с единственной целью выманить его из дома, чтобы я мог его ограбить.

— О!

Пьетро оживился, потом опять помрачнел: — Что если нам не удастся выручить ее, сэр?

Мейстрал посмотрел на печенье в своих пальцах. Они больше не дрожали. — В таком случае, м-р Кихано, — произнес он, — мне придется бросить вызов ее похитителям по очереди. И, надо надеяться, убить их. Семейная честь, увы, не оставляет мне иного выхода, а бросить им вызов, на мой взгляд, предпочтительнее, чем кончать жизнь самоубийством и надеяться, что им станет настолько стыдно, что они отпустят мисс Йенсен. — Мейстрал бросил на Пьетро ленивый взгляд зеленых

глаз: — Разве что вы захотите сами послать им вызов, конечно.

Пьетро побледнел еще больше: — Нет, сэр. Я не... видите ли, это не моя епархия.

— Понимаю. Вряд ли можно надеяться одержать верх над противником в одном бою с помощью высшей математики. — Мейстрал покончил с печеньем и отряхнул пальцы. Затем поднялся: — Хотите позавтракать, м-р Кихано? — спросил он. — Мо-моему, у нас тут завал еды.

— Я не голоден, — В взгляд Пьетро был устремлен в никуда. — Благодарю вас.

— Тогда я раздобуду себе что-нибудь поесть, — сказал Мейстрал. Он поднялся и направился к кухне.

Что в действительности собирался сделать Мейстрал, — это добраться до телефона и снять еще один надежный дом. Этот был безнадежно скомпрометирован. Сейчас Пьетро Кихано был на его стороне, но когда они спасут Амалию Йенсен — если спасут, — ситуация может измениться.

Замечено, что вдохновители преступлений, которым сопутствует успех, всегда просчитывают все на несколько ходов вперед.

Николь завтракала холодным цыпленком, салатом из бобов и пикулями — простой пищей, которую она могла позволить себе только в одиночестве и любила гораздо больше, чем блюда изысканной и зачастую эксцентричной кухни, предписываемой ей ролью Члена Диადемы. Даже здесь пища предназначалась не только ей; поскольку предполагалось, что она скрывает в своем любовном гнездышке Мейстрала, Николь пришлось заказывать еду на двоих. Вид второй тарелки еще усиливал чувство одиночества за завтраком. Слегка подавленная, Николь медленно пила чай со льдом и лимоном и раздумывала, во что же все-таки ввязался Мейстрал.

Зазвонил телефон. Николь сделала еще глоток и подождала, пока комната сообщит ей, кто звонит.

— Графиня Анастасия, мэм, — наконец, сообщил голос. — Просит м-ра Мейстрала. — Николь удивленно обернулась.

Что ж, подумала она. Развитие событий.

Николь велела подать ей голографическое зеркало со своим изображением, чтобы убедиться, что может показаться по телефону, взбила волосы и пересела на другой стул, чтобы не видно было ее еды и чтобы фон

соответствовал цвету ее лица: — Свяжите же меня с графиней, — сказала она.

Изображение графини Анастасии показывало ее чуть выше подбородка, высокомерно возвышая ее и позволяя ей смотреть на Николь с высоты своего носа. Некоторые доводили дело до крайности и являли собой прискорбное зрелище, если пренебрегали выщипыванием волосков в носу; однако графиня была более изящной, и эффект оказался слабым, но все же заметным.

— Николь, — холодно произнесла графиня. Она говорила на Хосейли. — Я просила Дрейка Мейстрала.

— Сожалею, но его здесь нет, миледи, — ответила Николь, — я с радостью передам ему от вас сообщение, если увижу.

Графиня тонко улыбнулась: — Ах, должно быть, меня неверно информировали. Средства массовой информации, вы же понимаете.

— С сожалением вынуждена заметить, миледи, что средства массовой информации склонны выдавать за факты свои предположения.

— Да. Я испытала это на себе. Вы понимаете, что я не стала бы верить отчетам в прессе, если бы могла застать Мейстрала дома.

Николь, глядя на графиню, раздумывала, почему Мейстрал так боялся этой женщины. Несмотря на свое воспитание и внешнюю уверенность в себе, графиня казалась беззащитным, вызывавшим жалость созданием, нашедшем спасение в Деле Империи точно так же, как иные находят спасение в религии или дурацкой философии, или в теории заговоров — в отчаянном, бешеном, бессмысленном, но совершенно искреннем протесте против внутренней убежденности в собственной незначительности. Раздумывая об этом, Николь посмотрела на графиню и любезно улыбнулась.

— Я приму ваше сообщение, миледи, — сказала она, — и передам его Мейстралу, если увижу его.

Похоже, графиня рассердилась. Николь догадалась, что она решила, что Мейстрал прячется в будуаре Николь и подслушивает. — Очень хорошо, — произнесла графиня. — Передайте ему следующее. У него есть одна вещь, которая мне нужна, и я надеюсь, что цена ему понравится.

— Я непременно передам ему это, миледи.

— Благодарю вас. — В голосе графини звучала любезность, но в глазах ее не было. — Сожалею, что побеспокоила вас, мэм.

— Отнюдь, графиня. Я всегда рада что-нибудь сделать для моих друзей. — Николь улыбалась в ответ, но в ее улыбке сквозила принужденность; это делалось с целью дать понять графине, что Николь понимает: вежливость графини — только маска. Нюансы, нюансы. Специальность Николь.

Голограмма мигнула, и графиня исчезла.

Николь позволила мышцам своего лица расслабиться. Мейстрал, подумала она с растущей тревогой. Во что же ты все-таки впутался?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Сменяю тебя, — сказала сержант Тви. Она несла вверх по ступенькам поднос с едой для Амалии Йенсен. Хотвинн благодарно выключил изображение Шалуна Ронни и передал Тви голопроектор, пистолет и управление наручниками.

— Пленница вела себя спокойно, — пробурчал он. Потом, тяжело ступая, сгибая и разгибая плечи, стал спускаться вниз по ступенькам. Разыскивая, что бы такое стукнуть.

Охрана пленных. Фу. Ломать шеи было больше в его стиле.

Для такого Хосейли, как Хотвинн, работы не было. Он был ростом 169 см, а ширина его плеч составляла 70 см в поперечнике. Его верхние руки были 58 см в обхвате, а грудь — шире последней градации на приборе, которым он пытался ее измерить. На его родной планете — пограничном мире, где власть Хосейли ограничивалась недостатком ресурсов и свирепым нравом местных форм жизни, на Хотвинна смотрели с почтительным благоговением и страхом. Вполне оправданным благоговением и страхом, как привык считать Хотвинн.

Он протопал в свою комнату, стараясь наступать на лилии на ковре. Комната была обставлена в местном слюнтяйском стиле: со всякими оборочками на окнах и кровати, плюшевыми коврами, вазами с цветами, слишком мягким матрацем на кровати, менявшим форму по команде. Это был образ жизни, которого Хотвинну следовало остерегаться. Если он не будет осторожен, такая жизнь может сделать мягким его самого.

А становиться мягче у Хотвинна не было ни малейшего намерения. Он был властным отпрыском Хосейли высшей марки, из числа пионеров, своей силой и волей раздвинувших границы Империи и покоривших целые планеты, заполненные чужеземцами, стоявшими ниже Хосейли по развитию. Изнеженный Император в своем гареме думал, что эти победы происходили по мановению его руки. Чушь! Это сделали личности, такие, как Хотвинн, и притом — самым лучшим и эффективным способом: проламывая головы.

Хотвинн считал себя кровавым разбойником — титаном в своей ярости, нагоняющим страх в своем веселье, плюющим на законы, придуманные для того, чтобы за-

щитить тех, кто слабее его. Он не признавал никаких обычаев, кроме собственной воли, никаких мотивов, кроме собственного обогащения. Он презирал Признанных Грабителей, пользовавшихся дырами в законодательстве, проникая по ночам в темные дома. Лучше заявлять о себе в открытую. И Синн был ничем не лучше — использовал других, чтобы делать грязную работу. Единственной в этой толпе, кто хоть на что-то годился, была графиня — женщина, явно боготворившая силу, честь и отчаянные подвиги. Хотвинн был прирожденным разбойником, и если бы в юности его карьера вооруженного грабителя (и дезертира из армии) не была прервана трусливым мерзким слабаком-человечишкой (бросившим кирпич на голову Хотвинну в то время, как он сам прятался на балконе), Хотвинн и по сию пору оставался бы грабителем.

Со временем он пришел к заключению, что вступление в ряды Секретных Драгунов может послужить к его выгоде. Он мог изучать окружавших его дураков, выяснять, какими способами они действуют, и когда придет время, бить самому, оставляя за собой разрушения и сломанные шеи.

Хотвинн протянул руку под кровать и вытащил футляр с мечом. Вынул меч с длинным стальным лезвием — для него никаких легких сплавов — и обеими руками проднял его над головой. Он отчетливо представил перед собой барона Синна и разрубил видение надвое. Клинок вихрем плясал перед ним, кроша Синна на мелкие кусочки. Сердце Хотвинна бешено колотилось. Кровь быстрее побежала по жилам. Он — Хотвинн... Хотвинн... **ХОТВИНН!** Славный представитель своей расы! Яростный воин со стальным клинком! Кровавый разбойник с сердцем, полным бесстрашного величия!

Хотвинн ударил назад, и античная ваза разлетелась на куски, усеяв покрывало на кровати смятыми розами. Хотвинн зарычал и обрушил меч вниз. Меч пронзил ковер, затканый лилиями, глубоко вошел в пол и застыл, дрожа.

Хотвинн сплюнул. Это неподходящая комната. Негодное задание. И товарищи у него неподходящие.

Легким движением он вытащил меч из пола. Меч повис в его руке, как знамение. Хотвинн взвесил ситуацию.

Его товарищи — его так называемое вышестоящее начальство — держали у себя эту женщину, Йенсен, ради выкупа. Держать в плену женщину — это он мог сделать и сам, для этого Тви или Синн не требовались.

Губы Хотвинна раздвинулись, язык перекатывался во рту. Ему пришла в голову великолепная идея. Врезать хорошенько Синну, подумал он. Врезать Тви. А потом перекинуть Йенсен через плечо, оставив гнусный слюнявский дом графини полыхать за его спиной. Прекрасная картина. Что за дело Хотвинну до Судьбы Империи?

Улыбка медленно сползла с его физиономии. А у кого именно предполагается потребовать выкуп за Йенсен? Этого он вспомнить не мог.

Ему надо держать ухо востро и ждать своего шанса. Он знал — его час настанет.

Ухмылка Хотвинна стала шире. На ковер закапала слюна. Это будет замечательно.

— Я не защищаю дискриминацию, ты же понимаешь. — Разбитая губа Амалии Йенсен под воздействием полуживительной примочки зажила, опухоль тоже почти спала, и, хотя шрамы еще были заметны, припухлости и ощущение дискомфорта исчезли, и Амалия разговаривала и поглощала завтрак без всяких затруднений.

Она разговаривала и ела с подноса, лежа на кровати со скованными лодыжками. Тви больше не желала рисковать.

— Нет, не дискриминация. Просто разумные меры предосторожности. Восстание победило, потому что многие повстанцы занимали высокие посты в системе имперской бюрократии и военных ведомств, и их положение позволяло им оказать помощь в уничтожении целых имперских эскадронов. Созвездию следует принимать меры предосторожности против таких случаев. Вот и все, что я предлагаю.

Тви все еще наслаждалась ролью светской похитительницы, она откинулась на стуле, перекинув ногу через подлокотник и сжимаю в кулаке парализатор. — Значит, инопланетяне никогда не смогут занимать посты в органах управления? — поинтересовалась Тви. — И это, по-вашему, не дискриминация, мисс Йенсен?

Амалия нахмурилась над охлажденным напитком: — Такова необходимость. Печальная необходимость, я знаю. Но человечество находится в слишком щекотливом положении, чтобы рисковать.

— Говоря строго с позиции наблюдателя, вы предлагаете чуть ли не предательство. Зачем кому-то сохранять лояльность по отношению к правительству, которое ему не доверяет?

— Возможно, через несколько поколений, после того, как угроза со стороны Империи станет менее острой проблемой...

— И я должна сказать, опять же строго с точки зрения наблюдателя, что у вас весьма наивное представление о ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ натуре.

Глаза Амалии Йенсен словно затуманила стальная пелена. Тви сообразила, что, по-видимому, она обижена тем, что Тви высказала свое суждение о ее виде. А, ладно, подумала она, какой смысл разыгрывать из себя ленивую светскую даму, если нельзя даже высказывать общие суждения? Кроме того, Амалия только этим и занималась по отношению ко всем расам, за исключением своей собственной. — Да? — сказала Амалия. — Как это так?

— Потому что вы недооцениваете степень продажности человека, мисс Йенсен. Почему вы считаете, что индивидуум будет сохранять лояльность только из-за того, что он принадлежит к человеческой расе? Разве люди менее склонны к жадности, вымогательству и предательству, чем все остальные? Более того, если верить стереотипам,.. — заметив мрачный взгляд Амалии Тви поспешила добавить: — которым я нисколько не верю, кстати. Но вы понимаете, о чем я? Если вы будете тратить все свои ресурсы на предотвращение предательства со стороны инопланетян, а начать с того, что они могут и не оказаться предателями, вы ведь можете упустить из виду предателей-людей.

— Я вовсе не сторонница того, чтобы тратить ВСЕ ресурсы на что-нибудь одно, — возразила Амалия. — И все же, можно ведь предполагать лояльность со стороны определенных видов, да? Зачем же еще так много людей, занимавших хорошие посты в Империи, поддерживали Восстание, даже несмотря на то, что это противоречило их интересам?

— Прежде всего, жадность и шантаж.

Амалия сдвинула брови и оттолкнула поднос: — Это неправда.

— Наверное, нет. Во всяком случае, не больше, чем в нескольких случаях. — Тви перебросила вторую ногу через подлокотник и поудобнее устроилась на подушке. — Я просто предлагаю парочку мотивов, которые вы, по-видимому, не учли для вашего собственного вида, но с большой радостью приписываете всем остальным.

Амалия Йенсен вздрогнула и отвела глаза: — Я понимаю, для чего нужен Шалун Ронни, — сказала она, — только вот не могла бы ты как-нибудь избавиться от улыбки? Это ужасно отвлекает — когда приходится спорить с этой ухмылкой.

— Боюсь, что нет, мисс Йенсен.

Амалия вздохнула и опустила подбородок на руку: — Что ж, значит, придется примириться с этим.

— Хороший совет, я бы сказала, для женщины в вашем положении.

— Бинго, — подумал Грегор Норман. — Очко в мою пользу. Он посмотрел на цифры, сменявшиеся на компьютере, и откинулся на спинку стула, сцепив руки на затылке, в том месте, где микроэлектрод в его воротнике обеспечивал связь его мозга с компьютером. Лицо Грегора расплылось в улыбке. Шампанское, все еще искрившееся в уголках его сознания, сделало улыбку еще шире. Грегор кивал головой в такт Вивальди, музыке которого он проигрывал на троксанском магнитофоне, с минуту наслаждался своим триумфом, потом потянулся к эксплуатационной плате, расположенной на стене, и нажал идеограмму, означавшую “общий вызов”:

— Босс. Похоже, я кое-что нашел.

— Одну минуту.

Если бы Грегор не ждал появления Мейстрала, он ни за что бы ни услышал, как тот вошел. Этот человек двигался настолько бесшумно, что в первые месяцы ученичества Грегору приходила в голову мысль: а нет ли здесь чего-то сверхъестественного. В конце концов, он пришел к выводу, что все дело просто в хорошей тренировке, и стал сознательно подражать Мейстралу.

Грегор был хорошим вором, всегда был. Большую часть своей жизни он прожил своим умом, но знал, что никогда не сможет получить высший рейтинг в качестве Признанного Грабителя.

Проблема была в десяти очках за стиль. Люди, возглавлявшие списки: Элис Мэндерли, Джефф Фью Джордж, барон Дрэго — просто-таки источали стиль, двигаясь среди своих жертв с таким обаянием, что создавалось впечатление, что никто особо и не возмущался тем, что принадлежавшие им ценности продолжали исчезать. У Мейстрала, например, были все преимущества: хорошее происхождение, обучение в Империи, нужные связи в обществе. Когда Грегор еще подростком слышал про Мейстрала и Николь, он неделями просто лопался от отчаянной зависти.

Грегор был “НЕ-У”, и в этом заключалась вся проблема. Если бы ему когда-нибудь довелось познакомиться с Николь, он не знал бы, как себя с ней вести, о чем говорить. Если он собирался стать Признанным Грабителем, ему необходимо было знать, как держаться среди этих людей, знать, как они говорили, о чем ду-

мали, как общались между собой. Грегор многому научился, просто наблюдая за Мейстралом. Он брал уроки дикции. Он узнал, что прическа, которую он любил носить на родной планете, обеспечила бы ему вызов на дуэль на половине планет Империи. Он узнал, что не следует наносить на лицо пастельный грим, как он любил это делать в юности, и научился говорить “возможно” вместо “наверное” и “деньги” вместо “бабки”. Но Грегору предстояло еще многому научиться.

Поскольку Грегор ждал появления Мейстрала, он поднял глаза, как только тот вошел — по обыкновению, бесшумно — и встал позади правого плеча Грегора. — По-моему, я нашел, — сообщил Грегор. — Я забрался в компьютеры телефонной компании и взял координаты графини Анастасии, в том числе, и адрес. Провел перекрестную проверку адреса при помощи файла охраны и выяснил, что Анастасия только вчера ввела дополнительную многостороннюю охрану, а это может означать, что она ожидала захвата Йенсен.

— Какого типа охрана? — поинтересовался Мейстрал.

— Липеры, скримеры и флэкссы.

— Продолжай.

— Хопперов нет. Так что похоже, она охраняет не отдельные предметы, а какое-то помещение. Вроде комнаты, где содержится пленница.

— Ты можешь достать план здания?

— Наверное. Возможно. Я проверю управление планирования. Это даст мне возможность воспользоваться “пилер”-программой, которую нам продал Постон.

— Можешь узнать, кому принадлежит здание?

— Сейчас.

Все еще откинувшись в кресле, Грегор подал мысленную команду компьютеру и проследил, пока тот звонил в управление планирования, затем прорвался сквозь его защиту, как имперский крейсер сквозь экран насекомых. Пилер Постона оказался устройством грубой силы, без намека на элегантность. Здесь десять очков за стиль не заработаешь. Грегор улыбался, а визуальным центрам его мозга бежали данные.

— “Вулвинн Лизез, Лтд.”, — сказал он. Заглянуть в хозяйственный компьютер графини, босс? Если мы сможем проверить ее поставки продовольствия, возможно, нам удастся узнать, сколько у нее людей в доме.

Мейстрал обдумал предложение: — Если ты уверен, что таким образом мы себя не выдадим.

— Только не с пилером Постона. Я всегда могу повесить трубку и сказать, что ошибся номером.

— Очень хорошо. Тогда вперед.

Покачивая головой в такт Вивальди, Грегор запустил программу, и она весело заработала. Он поднял глаза на Мейстрал, стоявшего с отсутствующим видом, полуприкрыв веки. Грегор подумал об утреннем разговоре Мейстрала с Пьетро Кихано, и в его голове зародилась тревожная мысль. Он ПРЕДПОЛАГАЛ, что его хозяин просто играл с Кихано, но, зная Мейстрала, ничего нельзя было сказать наверняка.

— Босс? — спросил Грегор. — Насчет реликвии.

Выражение лица Мейстрала по-прежнему было отсутствующим.

— Да, Грегор?

— Вы ведь просто притворялись, что подумываете о том, чтобы продать эту штуку империалистам, правда? Я хочу сказать, мы ведь не стали бы этого делать, правда?

Взгляд Мейстрала устремился на Грегора. Под опущенными веками мелькнул намек на пристальное внимание:

— Тебя бы очень взволновало, если бы мы это сделали?

Грегор беспокойно заерзал на стуле:

— Ну, босс, я не Бог весть какого мнения о Созвездии и придурках, которые им управляют, но это не значит, что я хочу, чтобы над нами снова стояли инопланетники. И не только это — мой дедушка участвовал в Восстании и часто рассказывал мне, как это было — при Империи. Для многих людей в этом не было ничего хорошего, босс.

Улыбка Мейстрала была почти незаметной. Вивальди шел к кульминации, и Мейстрал казался отчужденным, витающим мыслями где-то вместе с музыкой. — Возможность возвращения Империи, — заметил он, — представляется мне очень отдаленной.

— Кроме того. Эти люди выкрали нашу клиентку.

— Это не ускользнуло от моего внимания, Грегор.

Грегор нахмурился. Его это не успокоило.

Рука Мейстрал потянулась к магнитофону Грегора, открыла углубление и вынула Вивальди. — Что там дальше? — спросил Мейстрал.

— “Улитка”.

Рука Мейстрала взяла другую запись: — Пусть будет “Улитка”. Всегда любил до минор. — Он опустил кас-

сету в углубление и нажал кнопку “пуск”. Затем с улыбкой повернулся к Грегору.

— Что слышно у графини?

— Сейчас. — Грегор сосредоточил все свое внимание на данных, уже некоторое время мигавших в его мозгу. — Похоже, у графини вчера были гости. Много вина и обед на четыре персоны. — Он засмеялся. — Сегодня утром компьютер приготовил завтрак на пятдых. Второй завтрак тоже на пятдых. Интересно, из кого складывается цифра “пять”?

— Я уверен, мы сможем это разгадать.

— А ну-ка, посмотрим — она заказала кое-какие инструменты, дерево, фанеру.

— Похоже, ее светлость решила забить гвоздями пару окон.

— Похоже на то. А кроме того, она заказала тяжелый засов, кое-какой монтажный инструмент и изображение Шалуна Ронни в магазине маскарадных костюмов. — Он поднял глаза на Мейстрала: — Шалун Ронни?

В комнату полились звуки музыки. Мейстрал пожал плечами: — Возможно, Шалун Ронни — ее любимая игрушка. Я сам любил его в детстве.

— А мне он никогда не нравился. Наверное, это из-за улыбки. Она никогда не сходит с его физиономии.

Мейстрал кивал головой в такт скрипкам. Его глаза смотрели мечтательно: — До минор. Я всегда любил эти первые четыре строчки.

— Я тоже, босс. — Грегор взглянул на Мейстрала. Его мозг сверлило беспокойство. Грегор знал, что Мейстрал уклонился от ответа на его вопрос по поводу реликвии — кстати, умело уклонился, — но его восхищение стилем Мейстрала не могло пересилить тревоги. Грегор ничего не имел против охоты за прибылью, но и идея возвращения Империи ему совсем не нравилась.

Грегору пришел к заключению, что все это надо хорошенько обдумать.

У “Вуливинн Лизез” был небольшой офис в центре Пеленг-Сити. У двери находилась медная панель, которую, по-видимому, ежедневно полировали. Дверь была матовой снаружи, но прозрачной изнутри, так что служащий, сидящий в офисе, мог видеть приближавшегося клиента и выбрать соответствующую линию поведения. Роман переступил порог и взглянул на служащего сквозь розовые очки. — М-ра Вуливинна, пожалуйста.

— М-р Вуливинн скончался восемьдесят лет назад, — сообщил служащий. Он был танкуэром и надменно

смотрел на Романа сквозь прорези мигательных перепонок.

— Я провожу вас к м-ру Клайву. Как мне о вас доложить?

— Меня зовут Кастор. Я личный ассистент лорда Грейвза. — И Роман протянул танкуэру карточку. Настоящий Грейвз был дальним родственником Мейстрала и жил в Империи. Это был тощий скупой молодой человек, который мог смертельно разобидеться, узнав, каким образом использовали его имя, но был слишком скаредным, чтобы послать письмо с жалобой.

— Сэр, — танкуэр поклонился, размахивая полосатым хвостом, и повел Романа в офис, отделанный лакированными панелями розового дерева. — Подождите здесь, пожалуйста. — Служащий указал на стул, затем на встроенный в стену бар: — Могу я предложить вам кофе, чаю, ринк, настойку кифа? Возможно, вина?

— Настойку кифа. Благодарю вас.

Роман потягивал напиток и втайне ощущал согревающую радость. Помимо чисто декоративных очков на нем был мягкий серый камзол с темным воротником, отделанный галунами и черными рюшами, старомодный горжет из вороненой уилкинсоновской стали и сапоги из коричневой кожи ручной выделки. Так мог одеваться кто уютно, только не слута, и именно это доставляло Роману такое удовольствие. В глубине души он всегда считал, что из него вышел бы первоклассный лорд. Втайне Роман был доволен тем, что у Вулвинна все было поставлено по старинке, подсоединить компьютерные оказалось невозможно, и рекогносцировку пришлось проводить старомодным образом.

М-р Клайв оказался человеком — средних лет, с приятными манерами, одетым в костюм, сшитый по имперской моде. Роман обнюхал его уши и отклонил предложенное ему печенье.

— Это Джаспер? — спросил он, указывая на гладкую конструкцию из серебряного сплава, изящно возвышавшуюся в углу. Худший актер сказал бы “подлинный Джаспер”.

— О, да, разумеется, — отвечал м-р Клайв. — Основатель нашей фирмы, Вулвинн Старший, был лекционером.

Роман сел, Клайв последовал его примеру. — Поздравляю м-ра Вулвинна, у него отменный вкус, — произнес Роман. — Лично мне больше по душе Торфелкс, но я понимаю, что Джаспера в наше время найти нелегко. У лорда Грейвза имеется небольшая коллекция,

которую он все время надеется пополнить, но, увы, теперь Джаспера найти гораздо труднее, чем во времена м-ра Вулвина.

— О, да, разумеется, — пробормотал м-р Клайв.

— Лорд Грейвз желает совершить путешествие по Созвездиям, — сообщил Роман, — он надеется провести месяц на Пеленге, это будет через восемнадцать месяцев, считая с сегодняшнего дня. Ему хотелось бы иметь соответствующую резиденцию.

— Его светлость несомненно пожелает иметь дом в городе.

— За городом, я полагаю. — У резиденции графини Анастасии был загородный адрес, и Мейстрал снабдил Романа описанием ее вкусов. — Поместительный дом, чтобы можно было развлекать в нем обширный круг знакомств его светлости. Элегантно обставленный, желательно деревом, с площадкой для крокета. Это возможно?

— О, да, разумеется, — сказал м-р Клайв в третий раз. — У нас имеется несколько зданий, которые могли бы вам подойти. Вы говорите, через восемнадцать месяцев?

— Разумеется, — сказал Роман, — да.

Роман осмотрел голографические изображения ряда резиденций, любая из них могла подойти под это описание. Он знал, что, учитывая размер арендной платы, которую они берут за месяц, "Вулвинн Лизез Лтд." могли бы распрекрасно позволить себе ПОСТРОИТЬ крокетную площадку, если понадобится. Он бросал взгляд на адрес каждой из голограмм, и, когда появилась пятнадцатая резиденция, откинулся назад и поднял голову, чтобы взглянуть сквозь очки на здание в ново-георгианском стиле с узорчатой фарфоровой крышей.

— Провалиться мне на этом месте, — сказал он. — Это как раз во вкусе его светлости, если я хоть что-нибудь понимаю.

Уши м-ра Клайва подались вперед. Едва заметный свет, слишком слабый, чтобы его можно было назвать блеском, появился в его глазах: — Позвольте, я покажу вам холл. Мрамор, вывезенный из Кускуса.

Роман замурлыкал, изображая восторг по поводу кускусского мрамора, обстановки, изысканного вкуса и заботливости, с которой был убран дом. Поскольку лорд Грейвз путешествовал в окружении многочисленных произведений искусства, Роман осведомился об охране и получил краткий обзор системы защиты поместья. Он попросил копию голограммы, чтобы иметь возможность

послать ее лорду Грейвзу, и его светлость смог лично обзреть мебель и убранство. Роман поинтересовался, может ли он осмотреть дом. М-р Клайв отвечал, что в настоящее время дом занимает графиня Анастасия и ее свита, но она сняла его только на месяц, и можно позвонить ей и спросить, не будет ли ей неудобен этот визит. Не мог бы он записать телефон м-ра Кастора?..

Роман дал номер телефона в доме, где прятался в настоящее время Мейстрал, и поднялся, чтобы отвесить церемонный поклон. М-р Клайв проводил его до двери и обнюхал уши.

Роман заметил, что служащий полностью открыл глаза (что он счел за знак уважения) и на прощание кивнул танкуэру. Пока он шел по тротуару, вымощенному голубым кирпичом, его тайная радость росла. На несколько коротких минут, которые потребовались Роману, чтобы пройти двести ярдов, он полностью отдался во власть образа м-ра Кастора, помощника имперского лорда, наперсника аристократов, возвращающегося в элегантном и изящном балете высших кругов Империи.

Если разобраться, то просто поразительно, что расшитый галунами камзол и пара розовых очков могут сделать с человеком. Вот Роман — полностью владеющий собой, мускулистый помощник знаменитого вора, шагает по улице, раздавая милостивые и изящные кивки прохожим, — живое воплощение *"noblesse oblige"** и великолепный образчик того, каким может быть Хосейли, если отбросить в сторону кое-какие мелкие запреты. Казалось, тайная радость Романа передавалась всем, кого он встречал, и они шли дальше с просветленным сердцем, вдыхая внезапно посвежевший воздух, довольные тем, что высокий, темный лорд-Хосейли казался таким радостным только от встречи с ними. Это чудо было маленьким — участок взаимного блаженства длиной в двести ярдов, но тем не менее, это было чудо.

Роман, все еще сияя от внутреннего удовлетворения от сознания того, что он — м-р Кастор, грациозно поднялся в свой флаер и отправился в свой чудесный путь в небо.

Графиня Анастасия услышала, что по телефону Мейстрала ответил робот, и повесила трубку. Мейстрал не отвечал весь день. По-видимому, он был в номере у Николь, растрачивая себя на отвратительные чувствен-

* Положение обязывает (франц.)

ные наслаждения, хотя вместо этого он мог быть здесь, сражаясь за Империю, как это делали его дед и отец.

От всего этого графине захотелось плевать.

— Мейстрал, по-видимому, прячется, дожидаясь, когда пройдет срок ограничений, — заметил барон Синн.

— Мы сможем связаться с ним завтра утром.

Нос у графини все еще был белым.

— Это возмутительно. Мне нужна имперская реликвия, и я хочу, чтобы это создание — Йенсен — УБРАЛОСЬ из моего дома.

— Бояться незачем. Она никак не сможет догадаться, где ее содержат. Никого из нас она не видела.

Графиня нахмурилась: — Я беспокоюсь не об этом. Мейстрал... он ленив. Но при этом не лишен гордости.

Уши барона Синна задумчиво опустились: — Вы хотите сказать, что он может причинить нам неудобства?

— Именно этого я и боюсь. К тому же он действует очень успешно, если что-то задумал. Возможно, нам следует усилить охрану вокруг дома. — Графиня положила руку на локоть барона, поглаживая густой мех. — Я знаю двоих людей. Мы использовали их в качестве охраны для собрания империалистов на случай подрывных актов.

Синн был задумчив: — Чем меньше людей мы будем знать, тем лучше для нас.

— О, я не стану упоминать настоящей причины, почему они здесь. Просто скажу, что у меня есть повод подозревать непростоты. Мы можем дать им комнату внизу, так нам легко будет их вызвать, но мешать нам они не будут.

Диафрагма барона запульсировала: — Очень хорошо, графиня, — произнес он. — Вызывайте их.

Улыбаясь, графиня Анастасия потянулась к телефону. Она почему-то была в приподнятом настроении. Даже при том, что эти двое мужчин не составляли никакой разницы, было утешением хоть что-то делать.

— Возможно, позже, — обратилась она к барону, — вы составите мне партию в крокет.

— Буду счастлив, миледи.

Сообщая телефону, чей номер вызывать, графиня мысленно представила себе гладкий желтый газон, щелканье молотков и мячей и легкий, свежий воздух. Барона Синна, разыскивающего свой мяч в куче фруктово-кибблов. Прелестно, прелестно. А пока она будет развлекаться, план будет продвигаться вперед. Большого графиня и не желала.

— Я собираюсь немного подумать, — Мейстрал только что сел за поздний завтрак — пару сэндвичей на подносе. — Прошу вас не беспокоить меня, если у вас не будет полной уверенности в том, что дело срочное.

Мейстрал умел достаточно хорошо играть роль аристократа, чтобы у Грегора или Пьетро Кихано могла возникнуть мысль спросить, о чем он намеревался думать и сколько это займет времени. Только Роман знал Мейстрала достаточно хорошо, чтобы уловить легкую фальшь в его поведении, но Роман был на задании в “Вулвинн Лизез Лтд.”.

А истина заключалась в том, что Мейстралу было нечего делать, пока Роман не вернулся с задания, а болтаться поблизости и глазеть на реликвию, пока Кихано продолжал брюзжать, он не желал. Мейстрал, которому в действительности хотелось досмотреть видео, пока он будет есть сэндвичи, а потом — вздремнуть, знал, поддерживать определенный ореол таинственности было важным фактором для утверждения его положения лидера, и ему было прекрасно известно, что сообщение о том, как он собирается провести послеобеденный отдых, к усилению ощущения таинственности не послужит.

Мейстрал сидел, скрестив ноги, на кровати, пока вестерн приближался в своему очищающему концу — Джесс и Присцилла мертвы, Бэт ранен, Король одинок... при последних аккордах гитары в руках человека, удалявшегося в одиночестве в кровавый закат, комок подкатил к горлу Мейстрала. Трагедия была ужасна и великолепна, и Мейстрал сразу почувствовал себя лучше. Он подавил желание съесть третий сэндвич — вообще-то он бы съел что-нибудь другое, но кухня была епархией Романа, а готовить что-то, кроме сэндвичей, Мейстрал не умел. Поэтому он растянулся на кровати и попытался заснуть.

Возможно, такая реакция человека, чести которого только что было нанесено смертельное оскорбление, могла показаться странной. Может быть, ему следовало топтать ногами, бушевать и строить кровавые планы отмщения. Несомненно, Мясник Роберт так бы и поступил. Но Мейстрал был более небрежен в этих вопросах — на самом деле, у него не было ни малейшего намерения посылать вызов барону Синну или кому бы то ни было, и рисковать своей шкурой больше, чем он рисковал ею до сих пор. Мейстрал сказал это только из тех соображений, чтобы произвести впечатление на Ки-

хано, а также потому, что Роман ожидал это услышать. Мейстрал не хуже любого другого мог сыграть роль.

Он знал, что безнадежно отстал в моральном отношении, но сознание этого, похоже, не слишком его тревожило. Вне всякого сомнения, совести у него тоже не хватало.

Так, без зазрения совести, с нервами, успокоенными сэндвичами и безопасной видеотрагедией, Мейстрал спал крепко.

Перед тем, как разбудить Мейстрала, Роман переоделся в соответствующее платье, и, с сожалением распрощившись с м-ром Кастором, повесил расшитый га луном камзол в шкаф. Мейстрал, привыкший к тому, что его будили в самое неподходящее время, полностью проснулся, как только Роман тихонько поскребся в дверь.

При первом взгляде на Мейстрала, растянувшегося на кровати, Роман понял, что тот опять предавался низменных развлечений. Подавив спазм возмущения, он доложил Мейстралу о результатах своих изысканий и наблюдал, как Мейстрал просматривал голограмму резиденции Анастасии. Мейстрал пробежал ее дважды, нервно крутя бриллиант на пальце, затем поднял глаза.

— Нам необходимо составить план, — произнес он. — Как ты думаешь, м-р Кихано умеет обращаться с пистолетом?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пааво Куусинен большую часть послеобеденного отдыха провел в дреме, растянувшись под крикетным деревом с желтыми листьями. Он расположился на небольшом возвышении примерно в полумиле от резиденции графини Анастасии; открыв один глаз, он мог обозреть сверху все, что находилось позади дома, а также задний портик с его двойным рядом колонн, выходящий на гладкий просторный крокетный корт, окруженный аллеей деревьев с красными плодами. Через мощный бинокль, бывший у него с собой, Куусинен мог разглядеть окна, выходящие на задний двор, и время от времени мелькавшие там неясные очертания фигур, главным образом, роботов. (Со своего удобного места наблюдения он не мог видеть загороженного переднего окна, за которым в плену с отличной кухней томилась Амалия Йенсен, однако не следует забывать, что в этом деле Куусинен был новичком). Его флаер был припаркован в незаметном месте, по другую сторону холмика.

С утра смотреть особенно было не на что, разве что на графиню, игравшую в крокет с бароном Синном. Поставив свой бинокль на максимум, Куусинен разглядел, что, помимо крокетных молотков оба были вооружены пистолетами. Он следил за игрой достаточно долго, чтобы выяснить, что графиня была страстным и искусственным игроком. Она дала барону мяч особого красноватого оттенка, и когда с треском, доносившимся даже до холмика, где расположился Куусинен, она послала мяч за край площадки в аллею, Синну приходилось разыскивать мяч среди упавших фруктов, а они были того же размера и оттенка. Куусинен пришел к заключению, что цвет мяча оказался ничем иным, как психологической военной хитростью со стороны графини. И это сработало. Обе игры Анастасия выиграла.

Во время сиесты игры закончились. Куусинен задремал. Проснувшись, он зевнул, потянулся и снова обследовал окна с помощью бинокля. Ничего интересного. Куусинен отправился к корзине для пикника, которую доставили ему из ресторана, съел салат из лососины и выпил бутылку ринка. Возможно, подумал он, следует позвонить Мейстралу и анонимно сообщить ему, в каком месте держат в плену Амалию Йенсен. Затем решил подождать со звонком до утра.

Появились звезды. В листве крикетного дерева зашелестел прохладный ветерок. Куусинена пробрала дрожь, и он завернулся в накидку. Через минуту, когда ветер стих, он услышал нежный шепот флаера где-то высоко в ночном небе. Куусинен навел бинокль вверх и безошибочно опознал силуэт Густафсона SC-700, летевшего по Млечному Пути. Он улыбнулся. Флаером Мейстрала был "Густафсон".

Флаер приземлился на расстоянии более мили, на дальней стороне гряды, как корона, украшенной деревьями, в том месте, где открывался вид на парадный вход дома. Куусинен не мог видеть их со своей позиции, но его это не волновало. Он достал из флаера несколько таблеток-стимуляторов и проглотил их, не запивая водой. Куусинен собирался быть начеку. Что-то должно было случиться, и он был уверен, что когда Мейстрал начнет действия, ему как-нибудь удастся это увидеть.

Над головой просвистел еще один флаер, промчавшись мимо холмика Куусинена. Пааво поднял глаза и помахал рукой. Еще один "Густафсон-700", причем так близко, что можно было разглядеть сидевшую в нем пару. Флаер описал круг и приземлился рядом с первым. Через несколько минут оба флаера поднялись и умчались за горизонт.

Куусинен нахмурился. Поведение Мейстрала — если это действительно был Мейстрал — казалось странным. Но потом он сообразил, что флаеры, по-видимому, были куда-то отосланы на автопилоте — на тот случай, если кто-нибудь видел, как они садились.

Пааво Куусинен улыбнулся — первая волна симуляторов начала свой танец по его нервам. Все это обещало быть очень занимательным.

— Эй. Знаешь, что получается, когда врезаешься в дрифтерный рейнджер с дизермуном? Младенец, и весь багрового цвета.

У Амалии Йенсен от смеха сделались колики. Хохо-ча, она подняла скованные ноги и болтала ими в воздухе. Тви улыбнулась. Это была не такая уж плохая идея — оставить Амалию крепко связанной после сиесты и тихонько спуститься вниз за бутылкой вина. Чтобы пробраться незамеченной, Тви пришлось проскользнуть по винтовой лестнице в круглой библиотеке на восточной стороне, но для тренированного вора это не представляло особой трудности. Она поглубже зарылась в свое кричащее кресло.

— Мой дед работал дизермуном целый сезон, — сообщила Амалия. — Он рассказывал об этом кучу

историй. Это было до Восстания. Он командовал крейсером на Хорне, но с Адмиралом Сколдером познакомился только после войны. — Она вздохнула. — Отец тоже служил во флоте. До двенадцати лет я сменила шестнадцать баз. А потом отец погиб в катастрофе на “Хотспуре Б” и мама приехала сюда. Мы жили с бабушкой до его смерти.

— У меня было такое же детство, — отозвалась Тви. — Только мои родители оба были гражданскими служащими. — Она подумала, что не слишком много выдаст таким признанием — имперских гражданских служащих насчитывались сотни миллионов.

— Большая часть мест были нормальными. Граница довольно близко от Земли, так что базы в основном были поблизости или на планетах, которые уже давно были заселены. Так что мой отец не был членом Корпуса Пионеров или чего-нибудь в этом роде.

— Но все равно он был военным. Могу себе представить.

— Жизнь была, скажем так, дисциплинированной. Но это нормально. Что мне не нравилось — это то, что он постоянно куда-то уезжал.

— Но вы сами не пошли во флот.

Амалия Йенсен пожала плечами. Ее лицо ничего не выражало: — У меня была эпилепсия в легкой форме. С помощью лекарств ее можно было контролировать, но из-за этого я не годилась. На ее лечение нужны большие расходы, и флот предпочел тратить деньги, обучая кого-нибудь другого.

— Извините. — Тви заинтересовалась, что такое эпилепсия. Видимо, какая-то особенная человеческая болезнь.

— Я могла пойти в Планетную Службу. Но для меня вопрос стоял так: флот или ничего. — В желудке Тви заурчало. Она посмотрела на часы и сообразила, что скоро Хотвинн принесет ужин. Лучше допить бутылку. — Еще вина? — спросила она.

— Спасибо. Так что вместо этого я стала заниматься политикой. Мне казалось, это самый лучший способ выполнять свой долг. Во всяком случае, вне флота. — Тви свела вместе лодыжки и запястья Амалии, налила вина, отступила назад через комнату и снова уселась в свое кресло, проделав все это, пока Амалия говорила.

— Думаете, отец бы вас одобрил? — спросила Тви.

— Думаю, да, — отозвалась Амалия. — Он и дед всегда были ярыми сторонниками человеческой расы.

Тви задумчиво потягивала вино: — А вот мои родители совсем меня не одобряют, — произнесла она. — Пока я росла, мы постоянно воевали. Но интересно. Если бы мой отец умер, когда мне было двенадцать, была бы я сейчас в имперской форме, пытаюсь изображать лучшего служаку за все времена на пятидесяти планетах?

Амалия Йенсен, казалось, была погружена в свои мысли. Раздался стук в дверь, от которого обе подскочили, а потом — голос Хотвинна.

— Сменяю тебя.

Тви поспешно проглотила вино, затем спрятала бокал в ящике. То небольшое, что оставалось в бутылке, она вылила в чашку Амалии.

— До скорого.

— Au revoir, м-р Шалун, — Амалия пьяно хихикнула.

Тви с удивлением увидела длинный меч, пристегнутый к поясу Хотвинна и странный дерзкий блеск в его глазах. Она недоуменно подумала о том, какие мысли пришли на этот раз в голову троглодита, затем решила, что он, по всей видимости, провел послеобеденный отдых, подогревая себя записью “Десяти величайших милитаристских речей” или чего-нибудь столь же вдохновляющего. — Пленница в хорошем расположении духа, — отрапортовала Тви.

Хотвинн прорычал: — Как зовут того человека, что был у нее вчера вечером?

Тви удивило это проявление интереса: — Этого? Помоему, лейтенант Наварр.

— Гм. Хорошо. — Тви почти могла видеть, как медленно перекачиваются шарики в мозгу Хотвинна. Мех на ее плечах слегка приподнялся — этот пещерный житель со своим мечом и пристальным взглядом выглядел по-настоящему жутко, — затем Тви усилием воли пригладила мех и отдала ему голограмму Шалуна Ронни. Если разобраться, то она была по-настоящему рада, что не знает мыслей Хотвинна. Это доказывает, подумала Тви, что ее предки, в отличие от его, по-видимому, были более развиты на протяжении примерно последнего миллиона лет.

Тви спустилась по лестнице для слуг, стараясь не слишком пьяно пошатываться. Странно, подумалось ей, что пленница была единственным существом в этом доме, с кем она могла поговорить. Амалия Йенсен могла быть какой-нибудь идиоткой-политиком, но ее суждения не были злобными, и, по крайней мере, она казалась

более уравновешенной, чем остальные придурки в этом доме.

— Там, на холме, к северо-востоку, засел какой-то старикашка, — сообщил Грегор. Он был в маскировочном костюме, мягком, свободном крепе, скрывавшем все, кроме бледного овала его лица, но маскировочные голограммы он еще не включил. — У него флаер, он припаркован так, что его не видно. Он помахал нам, когда мы пролетали мимо. Даже не пытается скрываться. Там и спрятаться-то негде — одно дерево, да и то толщиной меньше его самого.

— Как вы думаете, он наблюдатель? — спросил Пьетро. На нем был запасной маскировочный костюм, с пояса свисали пистолеты. Он показал себя способным к обучению пользованием оружия, но ни Мейстрал, ни его помощники не имели ни малейшего представления о том, как он будет себя вести в настоящем деле, и решили экипировать его только несмертоносным оружием, против которого в их маскировочных костюмах имелась встроенная защита.

— Наблюдатель? — переспросил Мейстрал. Из клубящейся черноты голограммы его голос доносился жутким звуком. — Возможно, хотя я больше склоняюсь к мысли, что он из полиции или какой-то политический контакт мисс Йенсен.

Пьетро быстро покачал головой: — Нет. Он не из наших.

Мейстрал продолжал: — С того места, где он сидит, он не может видеть и половины подходов к дому — если он наблюдатель, ему бы лучше быть на крыше, — но вполне возможно, что здесь мы имеем дело с непрофессионалами. — Он только что вернулся после короткого полета над деревьями, во время которого исследовал мощным биноклем фронтальную часть дома. — Там, на втором этаже, есть занавешенное окно, рядом с юго-восточным углом. Оно довольно отчетливо видно, но графиня никогда не отличалась особой осторожностью.

У Грегора в руке был голопроектор. Он тронул кнопку, и неожиданно, мерцая в темном ночном воздухе, возникло изображение дома. Мейстрал отключил свой маскировочный костюм и указал рукой в мягкой перчатке: — Вот здесь.

Грегор поменял перспективу на голограмме, двигаясь по второму этажу здания.

Спереди дом имел форму широкой и низкой подковы, крытую веранду, поддерживаемую мягкими “дуж-

ками” подковы. На юго-восточном углу, на втором этаже, находилась гостиная, занимавшая “дужку” подковы на этом этаже. Прямо к северу от гостиной была расположена круглая библиотека высотой в два этажа с замысловатой спиральной лестницей из кованой стали и огромной хрустальной люстрой. Из окон гостиной, выходявших на запад, открывался вид на крышу веранды, а в северо-западном углу гостиной находилась дверь, которая вела в верхний парадный холл. Если идти по этому холлу, то за следующей дверью к западу и была комната с занавешенным окном.

Мейстрал находил, что ситуация испытывает его терпение.

— Доступ ко второму этажу даже слишком легкий, — пробормотал он. — Слушайте. В доме, в нескольких шагах от комнаты мисс Йенсен, находится лестница для слуг, а сразу за углом от нее — парадная лестница, ведущая в нижний этаж. На восточной стороне мы имеем спиральную лестницу вокруг библиотеки, с этой лестницы открывается доступ в юго-восточную гостиную, а от этой гостиной всего несколько шагов до комнаты, где они держат мисс Йенсен. От парадного крыльца к балкону на переднем портике — две ступеньки, и они ведут к окну мисс Йенсен. А в другом месте — ну-ка, посмотрим, — имеются четыре другие лестницы и два лифта.

— Это дает нам еще несколько выходов, — заметил Грегор.

— Это также означает, что на любом пути мы можем нарваться на неприятности, — ответил Мейстрал. — Приходится предположить, что они охраняют мисс Йенсен, а мы можем не справиться со стражником без шума. Поэтому план надо составлять так, чтобы не позволить ему поднять тревогу.

— Диверсия, сэр, — предложил Пьетро, — некоторые из нас могут попробовать ворваться с черного входа...

Мейстрал опустил уши в знак неодобрения, и Пьетро замолчал.

— Думаю, нет, сказал Мейстрал, — разделение сил вызывает хаос, и диверсией мы можем практически ничего не добиться, если они ее проигнорируют и сосредоточат внимание на защите мисс Йенсен. — Он нахмурился, крутя кольцо на пальце. — А вот что нам необходимо сделать, это распечатать комнату мисс Йенсен на то время, которое понадобится ей, чтобы освободиться. Для этого нужно только обвинить ее антигравитаци-

тационным поясом и поместить вокруг шеи микроэлектрод. Тогда, даже если она связана, она сможет совершить побег сама, а мы будем в это время прикрывать ее.

Мейстрал в последний раз повернул кольцо, словно принимая решение. — Очень хорошо. Роман, ты и м-р Кихано войдете в гостиную второго этажа в юго-восточном углу. Роман, ты подойдешь к двери в холл и встанешь там наготове, чтобы разобраться с охранниками в коридоре. М-р Кихано, ваша конкретная задача будет заключаться в том, чтобы блокировать дверь, ведущую на лестницу в библиотеку. Вам надо не просто запереть ее, но поставить перед ней что-нибудь из мебели — самое тяжелое, что сможете унести. А потом помочь Роману, если понадобится. Грегор, ты пойдешь к незагороженному окну рядом с окном мисс Йенсен. Любые охранники, которые окажутся в коридоре, будут заперты между тобой и Романом.

— А вы, босс?

— Я сначала подлечу к окну мисс Йенсен. Хочу убедиться в том, что ее действительно там держат, прежде чем кто-то из нас предпримет какие-то действия.

Пьетро Кихано бросил на Мейстрала взгляд, исполненный восхищения. Остальные приняли план без единого слова. У Мейстрала были свои причины, чтобы идти первому и стремиться находиться на балконе второго этажа, где не было охраны, зато было чистое поле, на случай, если придется бежать, и эти причины не имели ничего общего с надеждой заставить Пьетро восхищаться его храбростью.

— Мы зайдем с юго-востока, чтобы нас не мог заметить тот парень на холме, чем бы он там ни занимался. Вы должны находиться под прикрытием, пока я не подам сигнал...

— “Deus vult”*, сэр? — предложил Роман.

Мейстрал улыбнулся. Роман всегда был рад проследить генеалогию рода Мейстрала далеко за те пределы, которые сам Мейстрал считал достоверными. Как бы то ни было, считалось, что Жан Паризо де Ла Валетт дал обет безбрачия и, более того, почти наверняка не одобрил бы поведение приписываемого ему потомка.

— “Deus vult”. Очень хорошо. Спасибо, Роман.

* Божья воля (лат.)

Мейстрал попросил каждого из своих спутников вслух повторить его инструкции, чтобы убедиться, что все они знали, что им предстоит делать, затем повел их на короткую прогулку по горному хребту, и дальше — через первый ряд тройной сигнализации, холодное поле в форме полусферы, окружавшее здание, как невидимый пузырь. Роман, контролируя маскировочный костюм Пьетро Кихано через микроэлектрод, показал молодому человеку, как пробираться сквозь сеть.

На западе над горизонтом появился ярко освещенный флаер. Мейстрал прирос к месту, резко включив маскировку, сердце его застучало, что было совершенным абсурдом. Он был рад, что никто не заметил, как задрожали его руки. Маскировочный костюм Романа также был включен, но он, по-видимому, поднял свой бинокль: — Деуэйн Семь, — произнес Роман.

Старая модель, не слишком быстроходная. Посетители? Мейстрал был в недоумении. Флаер описал круг, затем приземлился на заднем дворе. Нет, не посетители, заключил Мейстрал, если они пользуются входом для слуг. Сантехники, повара, может, люди, устанавливающие новые охранные устройства. Если последнее, время действовать быстро.

— Это может послужить нам на пользу, — заметил Мейстрал, — если в доме будут посторонние, менее вероятно, что они применят насилие.

Пьетро Кихано всем своим видом выражал сомнение. Он все еще сражался со своим маскировочным костюмом, пытаясь включить ночные голограммы. Мейстрал протянул руку через разделявшее их расстояние и нажал рычаг на поясе Пьетро.

— Спасибо, — отозвался тот.

Мейстрал не ответил. Он уже летел к дому в сопровождении одного из своих информационных шаров, оба старались держаться поближе к земле.

Генерал Джералд, тяжело дыша от напряжения после того, как он натянул на себя доспехи, снова скорчился в углу своей гостиной. Во время сиесты его мониторы засекали несколько облетов его дома, и любым из разведчиков мог оказаться Мейстрал, осматривавший поместье генерала в своем флаере. Понлоу уверенности у Джералда, разумеется, не было, однако была некая моральная убежденность, что Мейстрал появится именно сегодня.

Генерал ухмыльнулся и сжал губы, просматривая отчеты данных из разных комнат своего дома. Он мог проследить даже отдельные пылинки, кружившие над

книжными полками. Никаких шансов у Мейстрала не будет.

Это будет великолепно.

Мейстрал плыл над густой, ухоженной лужайкой. Дом впереди него был залит светом; планки, шрамами покрывавшие единственное окно в верхнем этаже, резали глаз и явственно свидетельствовали о том, что здесь было что-то не так. Сенсоры Мейстрала протянулись вперед, нашли и рассекли защиту здания. Он развернулся, ногами вперед проскользнул через флэкссы, потом добрался до генератора и бесшумно отключил его. Окружавший его голографический образ — маскировочный костюм Мейстрала был более усовершенствованным, чем у Тви, — стал приобретать более светлые оттенки в тон освещенным пятнами света стенам.

Мейстрал без всяких усилий поднялся на второй этаж и нейтрализовал ряд липеров, указанных ему миниатюрными маячками Грегора. Он подплыл к окну, тщательно стараясь не касаться ногами балкона, и заглянул в щели между грубыми планками, прибитыми гвоздями к окну. За планками находилась штора, и через нее Мейстрал ничего разглядеть не мог. Он активировал режущее устройство и вырезал аккуратный кружок в одной из планок, а затем — еще один в стекле. Пропустил сквозь отверстие микроинформационный шар и направил его таким образом, чтобы тот осторожно устроился под кружевными оборками штор. Обзор из шара поступал прямо в мозг Мейстрала.

Амалия Йенсен лежала на кровати под пологом и ела с подноса ужин. Больше в комнате никого не было.

Сердце Мейстрала затопила волна облегчения. В конце концов, все могло действительно пройти легко.

Матово-черный шар прокатился вдоль края шторы, скользнул по темным панелям комнаты, поднялся вверх по одной из ножек кровати и, наконец, подплыл и остановился примерно в дюйме от левого уха Амалии Йенсен. Мейстрал заметил царапины на ее щеке, и в душе его вспыхнул гнев. Он заговорил, неслышно артикулируя в микрофон в его горле, а шар шептал за него.

— Не подскакивайте, мисс Йенсен. Это Дрейк Мейстрал.

Она все же подскочила, но, по крайней мере, не перевернула поднос. Когда ее голова повернулась в направлении шара, Мейстрал получил быстрое и искаженное изображение широко раскрытых глаз, приоткрывшихся губ, распухшую линию шрамов и пор, похожих на следы метеоритов.

— Прошу вас, говорите шепотом, мисс Йенсен. Ваша комната каким-нибудь образом просматривается?

Изображение ее двигающихся губ в мозгу Мейстрала делало их огромными, как “Фассбайндер Джордж” на Ньютоне.

— Нет, — сказала Амалия. — Снаружи находится охранник, и меня предупредили, чтобы я не дотрагивалась до окна, потому что на нем сигнализация.

Мейстрал уменьшил размер крупного плана и на минуту задумался: — Я выполнил свою половину работы. И хотел бы обсудить оплату.

Она ответила несколько озадаченным тоном: — Но ведь вы пришли вытащить меня отсюда. Как только я буду на свободе, мы сможем завершить сделку.

— Мисс Йенсен, я прибыл только для того, чтобы договориться о доставке реликвии и получения моих денег.

В голосе Амалия слышался растущий гнев: — Как, по-вашему, я могу с вами расплатиться, м-р Мейстрал? Меня держат в плену.

— Пожалуйста, говорите потише, мисс Йенсен. — Мейстрал улыбнулся, скрытый голографическим экраном. — Я просто хотел получить подтверждение, что ваша оценка ситуации совпадает с моей.

— РАЗУМЕЕТСЯ, совпадает! Все, что от вас требуется, — это вытащить меня отсюда, а потом я вам заплачу.

— Я как раз собирался отметить, мисс Йенсен, что обычно я не занимаюсь спасением похищенных клиентов.

— Могли бы сообщить в полицию.

— Боюсь, что в таком случае они узнали бы, что вы наняли меня для кражи бесценного предмета. Мне не хотелось бы втягивать вас в неприятности, мисс Йенсен. В любом случае, у меня принцип — никогда не иметь дела с полицией.

Последовало продолжительное молчание. Мейстрал снова сосредоточил внимание на изображении в информационном шаре; Амалия свирепо смотрела в него. Затем произнесла: — Что вы предлагаете, м-р Мейстрал?

— Я предлагаю аннулировать наше прежнее соглашение и заключить новое. За ваше освобождение я предлагаю плату — шестьдесят. После того, как вы будете целой и невредимой доставлены к своим друзьям, мы можем договориться о продаже Имперской Реликвии.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Напротив, выбор целиком за вами. Вы можете принять мое предложение, либо организовать свое освобождение сами, либо оставаться здесь до тех пор, пока истечет срок вашего задания, и я буду свободен от своих обязательств.

— Где я достану деньги?

— Вы лучше знаете состояние ваших финансов. Однако вы — член состоятельной межзвездной политической организации, чьи интересы могут быть здесь затронуты. Предлагаю вам связаться с ними.

— Вы пользуетесь ситуацией.

Ответ Мейстрала прозвучал немедленно: — Мадам, у вас ошибочное представление обо мне. Мой характер и интерес — в том, чтобы воспринимать ситуацию и действовать в соответствии с ней. Я не делаю попыток скрывать факты, например, ценность, которую может представлять собой серебряный контейнер, и отчаянные действия, которые могут предпринять некоторые личности, чтобы завладеть им.

Решение Амалии, когда оно пришло, было быстрым, и в голосе ее зазвенела сталь. Мейстрал подавил мгновенный порыв восхищения.

— Что ж, согласна. Шестьдесят за мое освобождение.

— И наш прежний контракт недействителен.

— Да.

— Ваш покорный слуга, мадам. Будьте добры, отодвиньте поднос и готовьтесь двигаться.

Мейстрал убедился в том, что информационный шар зафиксировал сделку, затем перешел на канал связи и прошептал: — “Deus vult”. Позади него, на самом краю восприятия, которое давал его маскировочный костюм, остальные члены группы, окутанные ночью, решительно двинулись через лужайку. Все прошло совсем неплохо.

Графиня закурила сигарету, дважды постучала ей по колонне заднего портика и посмотрела на двоих своих подручных. Чанг и Бикс. Оба были дюжими молодцами с хорошо развитой мускулатурой, у обоих были с собой маленькие чемоданчики и баулы побольше — с их снаряжением. Они сняли шляпы в присутствии графини и, поскольку руки у них были заняты саквояжами, шляпы, в конце концов, оказались зажатыми подмышкой. — Роботы еще не закончили готовить ваши комнаты, — сказала графиня. Она говорила на языке Хосейли. — Я проведу вас в библиотеку. Можете подождать там.

— Да, миледи. — Из этих двоих Чанг был более разговорчив, хотя оба не отличались особой беглостью

ни в одном из известных языков. — Мы рады, что можем быть вам полезны.

— Сюда. — Графиня провела их мимо кабинета в дальнем конце дома и небольшой бальной залы, затем через бильярдную — в библиотеку. В приглушенном свете поблескивали тома в кожаных переплетах. Графиня повернулась и сделала жест сигаретой. Невралгия впиалась ей в плечи.

— Прошу вас, вы можете свободно ходить по нижнему этажу, — произнесла графиня. — Можете заказать себе, что хотите, — дом принесет вам. На верхнем этаже помещается Очень Важный Гость, — она постаралась выделить заглавные буквы и увидела, как их глаза, сверкая, устремились к лестнице, ведущей наверх, — очень важно, чтобы нашего гостя не беспокоили. Если же произойдет что-то, нарушающее спокойствие, я уверена, вы знаете, как реагировать.

— Да, миледи, — Чанг быстро поклонился, и Бикс, после небольшой паузы, последовал его примеру.

— Я пришлю робота проводить вас в вашу комнату, как только она будет готова.

Пока графиня выходила из комнаты, по ее рукам и плечам на цыпочках иголками прохаживалась невралгия. Анастасия подавила желание потянуться, подвигать руками. Имперская аристократка держит плечи отведенными назад во всех ситуациях.

Ей просто придется назначить дополнительный со своей массажисткой-роботом. Прикосновение робота было не таким, как у человека, но все слуги-люди были отосланы в Пеленг-Сити, как только графиня решилась на похищение.

Ничего. Служба время от времени требовала жертв. В конце концов, справедливо рассудила графиня, ей это принесет пользу.

Барон Синн не был уверен, что ему хотелось быть узанным наемниками графини, поэтому, когда их флер приземлился, он решил совершить прогулку по парадному крыльцу. Барон молча стоял у одной из коринфских колонн и стряхивал пепел с сигареты на лужайку. Завтра робот все уберет.

Налетел ветер и взъерошил кружева барона. Ему придется принять душ, чтобы удалить запах табака из своего меха. Еще одна маленькая плата за дипломатию.

В нескольких футах над головой барона Синна лучевой резчик Мейстрала бесшумно разрезал планки, загоравшиеся окно Амалии Йенсен, затем вырезал и само стекло. Планки и лисьи стекла поднялись в воздух

над головой Мейстрала, удерживаемые антигравитатором. Грегор, почти невидимый в своем костюме хамелеона, подплыл сзади и занялся сигнализацией на соседнем окне.

Мейстрал различил посторонний запах, потом замер. Это был запах табака. Кто-то курил прямо под ним? Нервы Мейстрала стали выделять странные маленькие прыжки. Он включил радиоприем и среди усиленного жужжания насекомых отчетливо услышал движения Синна внизу. Мейстрал пожевал губу. Он сообразил: все, что требуется сделать этому лицу, — сойти с крыльца и поднять голову вверх, чтобы заметить, что с окна срезаны планки.

— Грегор, — сказал Мейстрал одним горлом, — прямо под нами кто-то есть. — Ответ последовал незамедлительно:

— Старикан-Хосейли. Под сюртуком — пистолет. Курит “Сильвертипс”.

Мейстрал заморгал. Грегор быстро вырезал стекло и вплыл внутрь дома.

Хорошая идея, решил Мейстрал. И проплыл между занавесками.

Амалия Йенсен холодно смотрела на него: — Мой герой, — произнесла она.

* * *

— Ничего себе местечко, — сказал Бикс.

— Еще какое, партнер, — Чанг подошел к сервисной плите на стене и нажал идеограмму “кухня”. — Пришлите пива, — велел он.

— Никогда не видел столько книг.

— У моего брата есть несколько.

Бикс поставил чемодан и саквояж, затем стал подниматься по лестнице, по ходу разглядывая названия: — “Географический обзор Территории Роз, Пеленг”. Двенадцать томов. Кто это будет читать?

— Филлис Бертрам с Территории Роз.

— Нет, не оттуда. Она из Фолкленда.

— Это на Территории Роз.

— Неправда.

— Правда.

Обычные разговоры этой парочки за годы тесного совместного сотрудничества были хорошо отработаны.

— “Контр-интуитивный подход к конденсационной психологии. Полное собрание сочинений Бульвер-Литтона. Откуда только они всего этого набрали?”

Хороший вопрос. За исключением нескольких томов, выставленных напоказ, были подобраны книги, списанные из местных библиотек, а потом их помяли так, чтобы они выглядели редкими и ценными. В “Вулвинн Лизез, Лтд.” очень хорошо знали, каким образом книги исчезают в карманах или багаже нанимателей и впоследствии отправляются в неизвестном направлении, поэтому они старались, чтобы все книги в их подчеркнуто изысканной библиотеке были на редкость скучными, не подвергая нанимателей соблазну стащить их.

— Кто такой Бульвер-Литтон? — поинтересовался Чанг.

— Без понятия, партнер.

— Бикс добрался до лестницы на втором этаже: — Здесь еще есть, — объявил он. — Старые видео. “Король Лир”. — Он посмотрел на Чанга. — А это еще кто?

— Династия Цанвинн. Он был дедушкой императора, завоевавшего Землю.

— Так давно. — Бикс потянулся к двери, ведущей в юго-восточную гостиную. — Интересно, а там что? — спросил он.

— Не надо. Нам не положено...

Пьетро Кихано последовал за Романом вверх по боковой стороне дома, к темным окнам юго-восточной гостиной. Он уже стал осваиваться с маскировочным костюмом и с удовольствием переходил от ночных усилителей образа к инфракрасному восприятию, просто наслаждаясь контрастом точек обзора.

Роман работал ловко и скоро и через несколько секунд очистил окно от сигнализации и вырезал стекло. Пьетро следил за тем, как отделившийся кусок стекла мягко поплыл в небо и завис в воздухе, не колеблясь от ночного ветерка. Затем, вздрогнув, Кихано сообразил, что Роман уже вошел в дом и ему надо идти следом.

С помощью усилителя образа вид гостиной показался Пьетро аморфным — все выглядело ярким и не имело перспективы. Пьетро прыгнул на пол, и мягкий ковер поглотил его вес без единого звука. Свет пробивался и из-под двери, ведущей в коридор, и из-под другой двери, ведущей в круглую библиотеку. Кихано слышал раздававшиеся где-то голоса, но не был уверен, откуда они доносились.

Роман все еще плавал в воздухе, паря у двери, ведущей в коридор. Кихано вспомнил, что ему полагалось заблокировать дверь в библиотеку и стал искать глазами тяжелую мебель. В комнате находились две длинные кушетки, несколько стульев, письменный стол. Пьетро направился к столу и потащил его по толстому ворсистому ковру по направлению к двери. Беззвучный голос Романа донесся до его ушей:

— Не надо. Нас могут услышать. — Пьетро замер у двери в библиотеку.

— Интересно, а там что? — раздался голос прямо из-за двери. Пьетро повернулся к двери, соображая, что же, ради всего святого, ему теперь делать. Биение его сердца было громче, чем голос из-за двери. По плану такого не было. Пьетро додумался до того, что надо навалиться на дверь и держать ее закрытой.

Дверь отворилась.

Бикс уставился на Пьетро с приветливым любопытством. Реакция Кихано была мгновенной. Он совершенно позабыл об оружии, висевшем у него на поясе, забыл о том, что благодаря маскировочному костюму его трудно разглядеть. Его кулак стукнул Бикса по носу и отбросил его назад, на металлические перила лестницы. Бикс отскочил, и Пьетро ударил снова, попав скорее удачно, чем запланированно, в челюсть противнику. Бикс повалился, потеряв сознание. Пьетро отступил назад в гостиную и захлопнул дверь. Он обернулся к Роману — тот уже вынул оружие и воспользовался бы им, если бы Пьетро не стоял на пути. В костяшках пальцев Кихано пульсировала жестокая боль.

— Теперь мы готовы действовать, — объявил Пьетро. И тут же прижал обе руки ко рту. Он произнес эту фразу в полный голос.

Уши Хотвинна наострились при звуке голоса: “Теперь мы готовы действовать”. Ты-то уж точно готов, дружок, подумал Хотвинн; он развернулся, вытащил меч левой рукой, правой вынул пистолет и ринулся к двери. Он шел с диким ревом.

Хотвинн-храбрец! Хотвинн Величественный!

Он будет рубить пришельцев в капусту.

Чанг наблюдал, как Бикс рухнул без сознания, сбитый фигурой смутно различимой фигурой. Наблюдал без всякого удивления — у Чанга не хватало воображения ожидать слишком много, поэтому он никогда не удивлялся, когда его ожидания не оправдывались.

Очень Важная Персона, решил Чанг, обладает сильным кулаком и ревниво охраняет свое уединение. Из-

виняться перед графиней за вторжение Бикса не доставило бы Чангу никакого удовольствия. Затем он услышал вопль и звуки выстрелов и заключил, что что-то не так.

Чанг подошел к сервисной плате и тронул идеограмму "Внимание всем".

— Это Чанг из библиотеки, — сообщил он. — Наверху драка.

Затем отправился за своим оружием.

Роман услышал голос Пьетро, и его тут же охватило смятение. Он знал, что действовать надо быстро, поэтому немедленно подавил смятение и круто обернулся к двери, ведущей в коридор, распахнул ее с оружием наготове. Роман увидел рыжеволосую куклу ростом более двух метров, в руке у куклы была волшебная палочка, а на физиономии, как приклеенная, сияла радостная и несколько злобная ухмылка. Кукла уже прыгала на Романа, повиснув в воздухе и занеся одну ногу.

Роман отступил в сторону. Кукла приготовилась ударом ноги распахнуть дверь, но теперь она промахнулась и с грохотом повалилась на пол в середине комнаты. Пьетро уставился на это явление. Роман же выстрелил из парализатора и увидел сверкающее облачко энергии, рассыпавшее многоцветные искры вокруг Пьетро и куклы. Роман знал, что экраны Пьетро способны отразить эту атаку, но экраны куклы, по всей видимости, тоже могли с ней справиться. Дьявол. Роман захлопнул за собой дверь и стал искать глазами, чем стукнуть куклу.

Кукла вскочила на ноги, вслепую нанося удары в несвященной комнате; видеть противников в их маскировочных костюмах она не могла. Улыбка ее была ослепительной. — Готовьтесь к смерти, человеческие твари! — ревела она. И вслепую палила из пистолета. Разрывные пули вдребезги разносили мебель.

— ШАЛУН Ронни? — сказал Пьетро.

* * *

Мейстрал обвинил антигравитационными ремнями Амалию Йенсен и обмотал вокруг ее шеи микроэлектрод. А потом его сердце екнуло при звуках вопля Хотвинна и последовавшей затем драки. — Сюда, — сказал он и стрелой ринулся к окну.

Стоя на крыльце снаружи, барон Синн услышал шум и с удивлением взглянул наверх. Потом вынул пистолет

и, на бегу активируя защитные поля, помчался к одной из наружных лестниц, соединявших парадное крыльцо с балконом. Он увидел вырезанные доски, окружавшие окно Амалии Йенсен, затем — то, во что превратилось само окно, — когда Мейстрал вылетел из него в маскировочном костюме. Барон выстрелил, и его пистолет выбил горящие щепки из здания.

Мейстрал чисто инстинктивно развернулся и нырнул назад через окно. Оказавшись внутри, он обозвал себя идиотом — мог бы ведь распрекрасно исчезнуть — затем вынул собственный пистолет и вышиб еще несколько щепок из окна, просто для того, чтобы предложить барону этим путем не соваться.

Амалия Йенсен парила в центре комнаты, вид у нее был ошеломленный. Было совершенно очевидно, что без соответствующей защиты она не сможет покинуть дом через окно. — Прошу прощения, — сказал Мейстрал и открыл дверь. — СЮДА, — объявил он.

Когда началась битва, Грегор восхищался — и мысленно оценивал — Бззилскую вазу, стоявшую на восьмисотлетнем столике ручной работы из кускусского мрамора. Поэтому он чуть-чуть опоздал распахнуть дверь и высунуть свой нос, а заодно и пистолет, в коридор. Он прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как дверь в юго-восточную гостиную с треском захлопнулась. В коридоре не было никого. А потом пистолет барона Синна стал выбивать осколки из стены позади Грегора. Молодой человек заключил, что его парализатор для данной ситуации немного не годится, отложил его в сторону и вынул разрывное оружие.

Дверь в комнату Амалии Йенсен отворилась. — СЮДА, — произнес голос Мейстрала. Из комнаты, окутанная антигравитационными ремнями, выплыла незнакомая Грегору женщина, за ней следовал Мейстрал, пятясь и паля вслед за собой из пистолета.

— Что происходит, босс? — поинтересовался Грегор. Мейстрал подскочил чуть не до потолка.

Сержант Тви в одиночестве поглощала обед в кухне для слуг, когда голос Чанга по домовому коммуникатору объявил тревогу, сообщив о драке на верхнем этаже.

Тви, на помощь! радостно подумала она. Ее сердце подпрыгнуло при мысленно нарисованной ею картиной: Тви в разгаре боя, бросающуюся в последнюю минуту для спасения Империи под бурный аккомпанемент драматической музыки.

Сержант включила свой маскировочный костюм, вынула пистолет и со всей скоростью, на какую была способна, понеслась вверх по служебной лестнице.

Свирепая радость наполнила графиню Анастасию, когда она услышала объявление Чанга. Она подошла к ближайшей сервисной плате и нажала пальцем идеограмму "Внимание всем".

— Убить их! — пронзительно заверещала графиня и приготовилась бежать за спортивными ружьями в свой личный кабинет. Затем ей в голову пришла какая-то мысль, и она снова нажала идеограмму.

— Вот теперь будьте тверды, — прибавила графиня. Прибавила твердо.

Действия графини могут послужить интересной иллюстрацией человеческого характера. Иногда кажется странным, как в решающие минуты верх берет воспитание. Графиня могла сделать свое заявление, просто приказав дому сообщить его вместо нее, но в Высоком Обычае просто НЕ ПРИНЯТО орать на неодушевленные предметы, в особенности, если рядом присутствуют другие живые разумные существа. Грациозно пройти до ближайшей сервисной платы, а потом отдать команду негромким голосом считается аргорос (уместным, приличным) во всех ситуациях, кроме самых отчаянных.

Графиня Анастасия, даже призывая своих друзей на битву, оставалась леди. Даже если бы она сочла необходимым собственной персоной принять участие в боине, можно быть уверенным — она как-нибудь сумела бы быть выше этого и не допустить, чтобы слишком много крови запятнало ее платье.

Благородное воспитание не является врожденным; ему обучаются, и это занимает много времени. Но раз научившись, разучиться очень трудно — это становится сродни инстинкту. Таким образом, воспитание торжествует над обстоятельствами.

Признанное воровство являет собой другую иллюстрацию. Человек крадет — что ж, прекрасно. Но крадет грациозно и стильно, и люди прощают его, а иногда даже придерживают для него дверь, когда он ступает в ночь с добычей в руках. Воспитание и политес выдерживают самые поразительные провокации, в том числе, и воровство.

Единственное, на что остается уповать, — что вор и его жертва будут играть по одним и тем же правилам.

В бывшей комнате Амалии Йенсен бушевало самое настоящее пламя. Дверь шкафа распахнулась, и простейший робот, в чьи обязанности входило следить за

тем, чтобы одежда висела как полагается, вытянул длинную механическую руку и стал брызгать из огнетушителя.

— ШАЛУН Ронни? — сказал Пьетро и снова зажал себе рот, когда гигантский рыжий эльф развернулся на звук его голоса и занес свою волшебную палочку. Пьетро пришел к заключению, что волшебная палочка не собирается перенести его на Волшебную Планету Приключений, где добрая Тетушка Джун и сварливый, но мягкосердечный Дядюшка Амос в перерывах между схватками с доисторическими зверьями или предателями-инопланетянами будут давать ему разумные советы; скорее она разрубит его надвое. Пьетро взвизгнул и со всей скоростью, на какую был способен, нырнул за кушетку. Меч со свистом разрезал подушки.

Роман, стоя позади Хотвинна, поднял металлический стул и ударил им точно в висок Шалуна Ронни. Ронни взвыл и развернулся, а его волшебная палочка сверкающей дугой разбрасывала волшебную пыль. Женский голос по коммуникатору посулил смерть и твердость. Ронни снова круто развернулся, и Роман поднял стул, чтобы перехватить его. Меч до половины вошел в стул, а потом, подрагивая, застрял. Роман вывернул стул, вырвал меч из рук Шалуна Ронни и швырнул его в угол.

— Любитель цветочков! — заревел Шалун Ронни. Приклеенная улыбка так и не сошла с его лица.

Роман понял, что именно Шалун Ронни повыврывал с корнем цветы в доме Амалии Йенсен. Его сердце наполнилось яростью.

— Варвар, — произнес он и как следует двинул Шалуна Ронни по носу. Ронни бешено развернулся, чтобы нанести ответный удар, не подходя близко. Роман стукнул его снова, попал, ногой ударил Ронни в живот, а затем сделал оборот вокруг себя и ударил Ронни ногой прямо в лоб. Оглушенный, Хотвинн повалился на пол.

— Деревенщина. Это послужит тебе уроком, — твердо сказал Роман, отряхнул руки от пыли и потянулся к двери в коридор. (Политес, политес. Вот вам опять воспитание.) Открыв дверь, Роман увидел в холле Грегора, Мейстрала и Амалию Йенсен.

— Сюда, дама и господа, — произнес он и торжественно поклонился.

Тви добежала до верха служебной лестницы. Через свои сенсорные усилители и торжествующую мысленную музыку, звучавшую в ее голове как аккомпанемент картине, рисовавшейся ее мозгом, она услышала чужой

голос Хосейли: — Сюда, дама и господа, — а затем — шаги людей. Похоже, их было много. Тви внезапно вспомнила, что у нее с собой только парализатор и что настоящие воры презирают насилие. Она также сообщила, что если она выйдет за дверь, то уже не сможет избежать печальных последствий, как это уже было, когда она наполовину проникла через окно Йенсен.

Тви решила немного подождать.

Барон Синн понял, что в его пистолете подходит к концу заряд энергии, а также что у него нет дополнительных зарядов. Кроме того, он понимал, что надо что-то делать, и быстро. Он вручил свою душу Императору и Шестнадцати Активным и Двенадцати Пассивным Добродетелям, затем ринулся вперед и нырнул головой вперед сквозь разбитое окно комнаты Амалии Йенсен, ударился о пол и покатился по комнате с пистолетом наготове.

Комната была освещена пламенем, окутана облаком дыма. У барона зашипало в глазах. Он смутно разглядел руку и оружие, высовывавшиеся из шкафа, и тремя выстрелами наобум из своего пистолета вдребезги разнес простейшего робота, пытавшегося потушить пожар.

— Кретин, — сказал барон, осознав свою ошибку. И захрипел. Комната наполнялась дымом.

Пьетро поднялся из своего убежища за подушками кушетки. Мисс Йенсен вползала в дверь вслед за Мейстралом. — Мисс Йенсен! — восторженно вскричал Пьетро. Он сделал шаг из укрытия, споткнулся о меч Хотвинна, все еще наполовину застрявший в опрокинутом стуле, и грохнулся на пол.

Услышав грохот, Амалия повернулась на звук: — О. Привет, Пьетро, — сказала она.

Втискиваясь в защитный пояс и нащупывая разрывное ружье, Чанг прислушивался к грохоту и глухим ударам, раздававшимся сверху. Он поднял глаза, нахмурился, задумчиво оглядев бесчувственное тело Бикса, и решил, что прямой путь наверх, по спиральной лестнице, сопряжен с опасностью. Чанг открыл французское окно, выходившее на небольшое восточное крыльцо, и бросил взгляд вверх, на окна юго-восточной гостиной. В одном из них, похоже, была аккуратная дыра. Это явно был путь к спасению, избранный злодеями.

Чанг улыбнулся. Ей-Богу, он расставил им ловушку.

Скорчившись за металлическим цветочным горшком, он убрал закрывавшие обзор папоротники, затем сконцентрировал свое внимание на окне. Личность с большим воображением могла бы подождать, пока враг не

предпримет попытку бежать, а потом перехватить их одного за другим. Чанг, как мы отметили, воображением не отличался.

Когда он выстрелил, воздух зашипел.

Роман подобрал пыхтелку Хотвинна, проверил заряды и активировал ее. — Сюда, — сказал Мейстрал, указывая на открытое окно, но, как только он собрался перепрыгнуть через подоконник, на дисплеях его маскировочного костюма предостерегающе заиграли огоньки — индикаторы невидимых разрывных разрядов, с треском летевших в окно. Мейстрал, остановился, огляделся и увидел дверь в библиотеку. Он понял, что ему уже стало надоедать выходить первым. Мейстрал показал рукой:

— ТУДА! — скомандовал он.

Тви сняла с пояса микроинформационный шарик и пустила его заглянуть за угол. Ей надо было вглядываться очень внимательно, чтобы разглядеть человека, чье присутствие выдавали только смутные, странные, искаженные очертания маскировочного костюма. Он стоял у двери в гостиную, видимо, охраняя арьергард. Остальные набились в гостиную.

Тви поразмыслила на ситуацией. В ее мозгу зазвучали драматические аккорды. Тви Бесшумная, Тви-Грабительница подкрадется к этой кучке бандитов сзади и перебьет их одного за другим! Если ей удастся все сделать правильно, они даже не узнают, что она находится у них за спиной.

Роман прорвался через дверь в библиотеку, увидел под собой какое-то движение и тремя хорошо рассчитанными выстрелами из пистолета Хотвинна вдребезги разнес робота, который, по просьбе Чанга, только что появился с большим выбором пива. Ковер заполнила пена. Роман почувствовал приступ сожаления.

— Сюда, — сказал он и бросился через перила, скользя на первый этаж на антигравитаторах. Мейстрал, Амалия Йенсен и Пьетро последовали за ним.

Тви присела на корточки, привела себя в боевую готовность, затем со всей скоростью, на какую была способна, ринулась на смутно видневшуюся в дверном проеме фигуру. Первый разряд Грегора ударил мимо, а для второго уже не было времени. Тви врезалась в Грегора, вминая его в косяк. Грегор потерял дыхание и мешком осел на пол. Тви, у которой тоже из глаз сыпались искры, нащупала тело Грегора под маскировочным костюмом, нашла его шею и, предположив, что над ней где-то должна быть голова, ударила его концом

парализатора. Оружие сработало, и Грегор повалился на пол.

Тви незаметно улыбнулась под своим голографическим панцирем. Дела Судьбы Империи шли уже лучше.

Сознание Хотвинна пробуждалось сквозь резкое мерцание звезд. Дюжина жалких человечков, должно быть, расположилась вокруг него с дубинками. Но с Хотвинном еще не все было кончено — он пребывал в уверенности, что изрубил в капусту мо меньшей мере пятерых или шестерых, а у остальных наверняка уже не осталось сил для битвы. Он с трудом поднялся на ноги, нащупал меч, затем вытащил его из металлического стула. Ему тут же стало лучше. Где эти поганые трусы?

В коридоре кто-то в маскировочном костюме был, по-видимому, занят борьбой, а в ярком освещении библиотеки Хотвинн увидел Амалию Йенсен, все еще со связанными лодыжками, начинавшую спускаться на первый этаж.

Свет! Как только Хотвинн сумел разглядеть врага, его было уже ничем не остановить. Если бы предатели не выключили свет, с ним бы и раньше никто не справился.

С ревом Хотвинн поднял клинок и ринулся в бой.

Наконец-то действие! Смерть предателям!

Напевая, графиня Анастасия бросилась вниз по коридору в библиотеку, прижимая к груди новый отображатель, выполненный по системе Нэйна-Кулвилл, со складным пара-атакующим стволом и прицелом в стиле Тротвинна XVII. Ее песенка была проста: "Убить, убить, убить... твердость, твердость, твердость..." Но пела она на высоком Хосейли, где каждое слово было комментарием к предыдущему, и шло это от сердца. Графиня отдавалась пению всей душой. Даже великая Себастьяна не смогла бы вложить больше чувства в слова песни.

Простые радости, как нам постоянно напоминают, — зачастую самые лучшие.

— Послушайте, — сказал Пьетро Кихано, единственный раз вспомнив о том, что надо понизить голос, — а не следует ли нам подождать Грегора? Он стоял на лестнице второго этажа в библиотеке, по одну сторону двери, наблюдая за Амалией Йенсен, пока она прыгала вниз, в центр комнаты, по направлению к обломкам дымившегося робота и пивному ручью, запачкавшему дорогой ковер. А потом Пьетро услышал вопль, от которого у него кровь застыла в жилах. Шалун Ронни,

понял он, идет сюда, чтобы изрубить на куски мисс Йенсен!

Мысль Пьетро в этот момент, похоже работала поразительно четко. Он бросился на лестницу и поставил ногу на порог.

С ревом Шалун Ронни ринулся через порог, зацепился за ногу (с ревом), описал идеальную с точки зрения архитектора дугу (с ревом), летя над бесчувственным телом Бикса и перилами из кованой стали, и упал (все с тем же ревом) на двадцать футов вниз, приземлившись на полу библиотеки.

Ронни приземлился, и дом содрогнулся. Пиво взметнулось фонтаном до хрустальной люстры. Амалия Йенсен, мимо которой Ронни пролетел всего лишь в нескольких дюймах, удивленно подняла глаза.

Чувствуя некоторую слабость, Пьетро осторожно заглянул через перила. Ронни распростерся внизу в виде буквы Х, его вечная улыбка злобно скалилась вверх. Пьетро почувствовал, как у него внутри все переворачивается.

— Что ж. Так ему и надо! — сказала Амалия. Потом перевела взгляд с Пьетро на Ронни и назад. — Спасибо, Пьетро, — произнесла она.

— Рад быть вам полезен, мисс Йенсен. В эту мрачную минуту Пьетро с болью в сердце осознал, что никогда больше не посетит Волшебную Планету Приключений.

Тви присела на корточки на пороге и, онемев от изумления, следила, как гигант Шалун Ронни промчался через гостиную, хрипло ревя за своей вечной улыбкой. Затем последовал грохот, сотрясший весь дом, но не было ни выстрелов, ни звуков борьбы.

Пришло время предпринять еще что-нибудь, помимо разведки.

Барон Синн, вручая свою душу и проч. и проч., полузадохнувшись от дыма, вылетел в коридор под прикрытием струи пламени. Он почти ничего не видел и свой марш-бросок в сторону юго-восточной гостиной совершил, шатаясь.

Сквозь застилавшие глаза слезы барон увидел фигуру в маскировочном костюме у двери гостиной. Совершенно очевидно, это злодей. Синн поднял оружие и выстрелил.

Тви взвизгнула, когда выстрел барона разнес стену прямо над ее головой. Ее костюм давал обзор коридора за ее спиной, и Тви была рада, что Синн находится там, чтобы прикрывать ее. Однако, вместо предложения по-

мощи, ее босс, даже без объявления враждебных действий принялся стрелять в нее.

Это, заключила Тви, было полной несправедливостью. Она не задумалась о том, почему барон открыл огонь. Больше всего ее сейчас занимала мысль о том, сможет ли ее костюм отразить огонь.

Тви, как сумасшедшая, кинулась к служебной лестнице. Еще один выстрел из огнемета попал в стену, пока она бежала.

Барон Синн, задыхаясь и шатаясь, бросился в погоню. Этот-то от него точно не уйдет.

Мейстрал рассматривал французское окно достаточно долго, чтобы сообразить, что тот, кто стреляет разрывными снарядами по второму этажу, со своей позиции легко достанет и восточную террасу. Он показал на дверь, ведущую внутрь дома.

— ТУДА, — объявил Мейстрал. — А потом — на север.

Роман распахнул дверь и бросился в нее, грудь с грудью столкнувшись с графиней Анастасией и сбив ее с ног. — Прошу прощения, миледи, — быстро произнес он и, освободив графиню от ее Нэйна-Куливлла, предложил ей руку, чтобы помочь подняться.

Глубокая крестообразная морщина прорезала чело графини Анастасии: — Умри, трусливый подонок! — рывкнула она и отбросила руку Романа.

Даже хорошо тренированный политес имеет свои границы.

Роман напрягся. Он проглотил слова, пришедшие ему в голову при таком проявлении грубости и неподобающего для леди поведения. — Желаю вам доброго вечера, миледи, — произнес он глухим, возмущенным тоном, — ваш покорный слуга. Уязвленный до глубины души, Роман широким шагом удалился вглубь дома.

— Эй, — сказал Пьетро Кихано, — а как же насчет Грегора?

Он все еще стоял на лестнице, прислушиваясь к выстрелам, раздававшимся из коридора, где, насколько ему было известно, Грегор в одиночестве противостоял ордам Империи.

Мейстрал, по-видимому, не услышал, поскольку уже шел по коридору. Огонь прекратился.

— Грегор? — горлом спросил Пьетро и в ответ услышал стон.

Он осторожно заглянул в гостиную и увидел силуэт Грегора, распростершегося на пороге; над его головой в стене зияла дыра от разрывного снаряда.

Врагов поблизости вроде не было. Пьетро проскользнул назад в гостиную, уложил Грегора в тележку для дров — без труда, поскольку Грегор в антигравитаторах был в буквальном смысле невесомым — и поспешил вслед за остальными.

Первой мыслью Мейстрала, когда он услышал жалобные расспросы Пьетро про Грегора, было то, что помощники, в конце концов, могут быть и разового использования, второй — то, что Пьетро — тоже. При этом они сами вызвались. Утешаясь таким образом, Мейстрал проплыл под потолком, чтобы избежать встречи с графиней — его подмывало сказать по пути какую-нибудь грубость, но потом он счел за лучшее держаться по ветру — и вместо этого увеличил скорость, направляясь к черному входу.

Компания никого не встретила, кроме робота, мчавшегося к служебной лестнице с огнетушителем, а затем вылетела из задней двери и помчалась над гладкой крокетной лужайкой. По пути они миновали Тви, вскочившую в флаер Бикса и пытавшуюся сорвать замок и запустить его прежде, чем барон примется снова стрелять в нее.

Мейстрал вызвал свои флаеры, чтобы они летели к ним на свидание в миле от дома. Тви завела свой “Дезайн Семь” и умчалась прочь.

Барон Синн выскочил с черного входа, размахивая оружием. Ослепленный слезами, он наступил на один из ярко окрашенных крокетных мячей и грохнулся на газон. Сквозь слезы, застилавшие глаза, барон ничего не видел, кроме разбросанных по небу пустых звезд.

Первое, что почувствовал Бикс, был запах пива. Он приложил руку к своей поврежденной челюсти и, шатаясь, поднялся на ноги. Звезды застилали ему глаза. Покачиваясь, он схватился за перила из кованой стали. Когда его зрение прояснилось, Бикс увидел Шалуна Ронни, распростертого внизу в огромной луже в окружении обломков робота.

— Эй, — сказал Бикс, — я что-нибудь пропустил?

Вошла графиня — спина ее была жесткой, кулаки сжаты. Она в ярости пнула ногой обломок робота, отшвырнув его через всю комнату.

— Свинья! — отрезала графиня.

Бикс решил скрыться из виду. Он, по всей видимости, что-то сделал не так, когда открыл дверь в гостиную.

Помалкивая, Бикс тихонько нырнул назад в гостиную и закрыл за собой дверь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

М-р Пааво Куусинен был по другую сторону холма и не мог видеть много из того, что происходило в резиденции графини. Он отдыхал под своим деревом, подложив руки под голову, как вдруг услышал лай разрывных снарядов, летавших туда-сюда и сопровождавшихся яркими взрывами в парадной части дома. Куусинен подбежал через холм к своему флаеру и прыгнул внутрь, не потрудившись открыть дверь. Он откинул сидение, чтобы лучше видеть и направил флаер по длинной боковой кривой к югу, чтобы иметь возможность наблюдать за домом с безопасной дистанции. Куусинен увидел, что верхняя правая часть дома с парадной стороны определенно горит, но больше ничего интересного не увидел. Он продолжал кружить рядом с домом, описывая широкие круги позади него, и заметил фигуру, покидавшую дом с черного входа. Куусинен навел бинокль и разглядел Амалию Йенсен, летевшую на большой скорости над лужайками и декоративными садами, находившимися позади здания. Если с ней кто-то и был, Куусинен его не увидел, но, что бы там ни было, выглядело это как чистой воды побег.

Куусинен велел флаеру кружить и стал держать Амалию Йенсен под наблюдением. Вскоре над горизонтом появились два "Густафсона", Амалия вплыла в один из них, и над каждым появились экраны защитных костюмов. Куусинен выругался. Он пытался держать их на своих детекторах, когда флаеры поднимались в небо и стартовали в двух различных направлениях, но технология их маскировки была слишком хороша, кроме того, похоже, на них были установлены специальные компьютеры, позволявшие избежать столкновения с землей, и это давало им возможность лететь гораздо ближе к поверхности, чем это осмелился бы сделать Куусинен.

Скоро должны были прибыть пожарные и полиция. Куусинену было самое время исчезнуть.

Он решил снова начать наблюдение утром.

Генерал Джералд тихонько похрапывал в своих боевых доспехах, и ему снилась слава. Мейстрал не пришел и не собирался приходить, но во сне генерал сражался с более грозным противником — с огромной мощью Империи Хосейли: армада, для борьбы с которой его обучали всю жизнь, наконец, явилась.

— Следующее, что я запомнил, — сказал Грегор, — был Пьетро, тащивший меня наружу.

На его виске была опухоль, темневшая с каждой минутой, к которой Роман прикладывал полуживительную примочку. Грегор вздрогнул от прикосновения Романа, взял примочку сам, отбросил мешавшие длинные волосы и осторожно приложил существо к голове. Довольное тем, что его освободили из подвешенного состояния, существо присосалось стержневыми корнями к коже Грегора и принялось заменять живительные лекарства на питательные вещества.

Грегор не мог вспомнить, как его вырубили. Последнее, что он помнил, — он вплывал в комнату вслед за Амалией, восхищаясь Бэзилской вазой.

Остальные пребывали в гораздо более возбужденном настроении. Они без конца говорили, смеялись над своими подвигами и делились впечатлениями с того момента, как флаеры припарковались у дома Мейстрала.

Мейстрал поднял бокал с шампанским: — М-р Кихано, — произнес он, — вы внесли славный вклад в наше дело. Вы победили двух врагов, включая свирепого Шалуна, и спасли Грегора от рук противников. Я приветствую вас, сэр.

Пьетро вспыхнул и опустил глаза: — Я ничего особенного не сделал, — сказал он.

— Совсем наоборот, — заявила Амалия. — Побить это существо — Шалуна, даже я с ним не справилась, а я училась ром-боксингу в течение многих лет. — Пьетро покраснел еще сильнее. Амалия все еще парила в воздухе — до тех пор, пока Роман не найдет подходящего инструмента, чтобы снять оковы с ее лодыжек.

Роман снова всем бокалы, затем поклонился и отправился на поиски подходящего резчика. Теперь, когда операция по спасению была завершена, он вернулся к роли бесстрастного слуги, сменив маскировочный костюм на более официальное одеяние. Мейстрал также переоделся — в отделанную рюшами рубашку и темный расшитый домашний камзол (а именно, в камзол, который не надо было зашнуровывать), причем он был сшит таким образом, чтобы не видно было пистолета, который Мейстрал так и носил в потайном кармане.

— Кстати, — сказал Мейстрал, — по-моему, на нашем герое все еще надеты наши щиты и оружие.

— Ох. И правда.

Пьетро вручил Мейстралу пистолет, исчезнувший в другом потайном кармане, и вылез из маскировочного костюма; Мейстрал бросил костюм на стол. Грегор улы-

бался необычной (для него) мягкой улыбкой, пока живительная примочка кормила его успокоительными средствами.

— Как вы думаете, кто-нибудь из них пострадал? — спросила Амалия. — Кроме Шалуна, я хочу сказать.

— Не думаю, — ответил Мейстрал. — А что, там был кто-то, кого вы специально хотели ранить?

Амалия пожевала нижнюю губу: — Нет. Шалун был единственным противным существом. Остальные просто выполняли свою работу. А вы не видели случайно в какой-нибудь из драк маленькую Хосейли?

Остальные переглянулись: — По-моему, нет, — сказал Мейстрал. — Единственным другим Хосейли, кого я видел, был Барон. — К удивлению Мейстрала, Амалия, похоже, почувствовала облегчение. Он решил никак это не комментировать.

Вернулся Роман с резчиком и микровизуальным капюшоном, с помощью которого собирался проделать деликатную операцию — снять тонкие, как кожа, оковы в лодыжек Амалии. — Подойдите, пожалуйста, к дивану, мисс, — сказал Роман, — и положите ноги на стол. Остальные наблюдали, затаив дыхание и потягивая шампанское, как Роман натянул капюшон на голову и осторожно срезал наручники с рук и ног мисс Йенсен.

Амалия вытянула ноги: — Так гораздо лучше. И ни царапины. Благодарю вас, Роман.

— Я принесу еще бутылку, — сказал Роман и унес свои инструменты и наручники.

— Послушайте, — вспомнил Пьетро, — почему бы нам не показать мисс Йенсен Реликвию? — Он потянулся к вращающейся голове Бартлетта. Рука его нащупала пустоту.

Мейстрал вздохнул. Ему было жаль, что такая приятная вечеринка так скоро закончится. Хорошо, подумал Мейстрал, что он только что разоружил Пьетро. Тот казался вполне симпатичным, но с этими нетерпеливыми юнцами никогда нельзя знать наверное.

— О, — произнес Мейстрал таким тоном, словно только сейчас вспомнил об этом, — я перевез Имперскую Реликвию в другое место. Просто на случай, что наши враги могли выследить нас на обратном пути или ухитриться взять в плен одного из нас и узнать местоположение этого дома.

Пьетро туго воззрился на Мейстрала: — Когда?

— Когда мы летели к графине. Вы были в другом флаере. А я сделал небольшой крюк.

Пьетро нахмурился: — Не следует ли нам за ним съездить? Тогда мы сможем завершить акт продажи.

Амалия Йенсен положила руку на локоть Пьетро: — Мейстрал и я договорились по-другому, Пьетро, — произнесла она.

Пьетро был озадачен: — Когда? Вы же были...

— Это мне напомнило,.. — сказала Амалия, поднимаясь и ставя на стол бокал с шампанским. В ее голосе все сильнее слышался холодок, по мере того, как она вспоминала факты, которые на время улетучились из ее памяти от радости из-за освобождения. — Нам надо уходить, Пьетро. Надо еще о многом договориться.

— Договориться? О чем?

Мейстрал распрямил плечи и поставил свой стакан: — Роман отвезет вас, куда пожелаете, — произнес он. В его голосе слышалась мягкость Высокого Обычая.

— Я думал, вечеринка только началась, — запротестовал Пьетро.

Вошел Роман с новой бутылкой и сразу ощутил перемену обстановки. Он бросил взгляд на Мейстрала: — Сэр? — спросил Роман.

— Отвези наших гостей домой, пожалуйста.

Роман поклонился: — Разумеется, сэр. Подать вам накидку, мадам?

— Нет, Спасибо, Роман. Я думаю, нам просто пора уходить.

— Как вам угодно, мадам.

Таща за собой Пьетро, Амалия Йенсен вышла за дверь, которую придержал для нее Роман. Мейстрал снова взял бокал и отпил глоток. Шампанское показалось ему чуть пресным.

Грегор поднял глаза на Мейстрала, в них была анестезированная радость: — Короткая пирушка, босс, — заметил он.

— Нам лучше собираться, — отозвался Мейстрал. — Надо уйти отсюда до того, как мисс Йенсен приведет подкрепление.

— Не понял, босс.

— Возможно, Грегор, наши друзья вернутся сюда с оружием и убьют нас, — пояснил Мейстрал.

Грегор переварил информацию с некоторым усилием. — Короткая вечеринка, — повторил он.

Мейстрал решил, что лучше всего к оценке ситуации подходит любимое словечко Грегора. Он поставил бокал.

— Еще какая, Грегор. Пора собираться.

До рассвета оставалось еще четыре часа. Шумел ночной ветерок, гоня листья по опушкам лужаек Амалии Йенсен с желтой травой. Амалия и Пьетро наблюдали с крыши, как “Густафсон” Романа исчез из виду. Амалия стала беднее на шестьдесят новых; из-за своего спасения она вошла в долги на последующие двенадцать лет. Пьетро в недоумении повернулся к ней: — В чем дело, мисс Йенсен? — спросил он.

Амалия лениво поддала ногой обломок разбитого Говарда. Он покатился по крыше. — Пойдем со мной вниз. Я хочу начать уборку, а пока буду этим заниматься, я тебе объясню.

Уборка дома — хорошее лекарство от гнева, и хотя Амалия Йенсен не слишком хорошо умела это делать, — обычно такими вещами занимались Говард и ему подобные — физический труд творил чудеса с состоянием Амалии, пока она объясняла, как Мейстрал добавил новые условия ее освобождения. Пьетро, работавший не так усердно, чувствовал, что по мере того, как ослабевал гнев Амалии, его собственный рос.

— Черт бы его побрал! Если бы я знал, я бы избил его!

— Дело в том, Пьетро, что я не знала, что ты с ними, — сказала Амалия. — Если бы я знала, я могла бы отказаться, но тогда он не смог бы просто отменить всю операцию в твоем присутствии — ты бы знал, что что-то затевается.

— Если бы он оставил меня в живых, — мрачно заметил Пьетро.

— Я все равно могла бы справиться, если бы у меня было время все обдумать. Только сейчас я поняла, что, когда меня похитили, его чести было нанесено оскорбление, и, если бы он не спас меня, ему пришлось бы вызывать людей на дуэль налево и направо либо поискать себе другое ремесло.

— Меня подмывает вызвать его самого, — Пьетро показал пальцем на воображаемого Мейстрала. — Бац. Уложить его и забрать реликвию.

— Если бы ты вызвал Мейстрала, ты не мог бы быть уверен, что он принесет реликвию с собой, — резонно возразила Амалия. — Кроме того, Пьетро, ты мог бы проиграть. — Она положила руку на его локоть. — Ты понадобишься для других дел, Пьетро. Нам надо установить местонахождение реликвии и украсть ее, а если не украсть, то уничтожить.

Пьетро ощутил, как в его душе крепнет гордая уверенность. Сейчас, когда он раздумывал о случившемся,

он понял, что был совсем неплох сегодня ночью, и теперь жаждал дальнейших действий. У Пьетро буквально чесались руки схватить Мейстрала за горло. Он похлопал Амалию по руке.

— Правильно, — сказал Пьетро. — Я позабочусь об этом. Мы знаем, где они живут.

— У нас нет оружия, — возразила Амалия. — А у них есть.

Пьетро браво улыбнулся: — Вместо этого мы воспользуемся стратегией, — заявил он.

— Хорошо. У тебя есть какая-нибудь задумка?

Удар. — Нет. — Еще удар. — А у вас?

— Скоро время первого завтрака. Давай что-нибудь съедем и хорошенько все обдумаем, хорошо?

— Да, мисс Йенсен.

Все еще держа его за руку, Амалия повела Пьетро в кухню. — Я думаю, — сказала она, — ввиду того, что ты меня спас, ты мог бы называть меня Амалией.

— С удовольствием, — Пьетро улыбнулся. — Амалия. — Имя в его устах звучало, как песня.

Врач с помощью многочисленных роботов вправлял кости Хотвинна. В закопченном доме эхом отдавались вопли могучего Хосейли.

Барон Синн счистил пену огнетушителя со своего рукава. С бархата хлопьями посыпался пепел. Синн сморщил нос. Он пропах дымом как никогда.

Пожарные и полицейские только что уехали, озадаченные совершенно неубедительным рассказом о налете на дом и насилии, учиненном неизвестными лицами, и на следующий день Синну предстояло помочь графине собраться духом для встречи с владельцами дома. Чанг и Бикс были отосланы домой до прибытия представителей властей — Синн не доверял их способности запомнить любую историю, которую они с графиней могли придумать, чтобы объяснить их присутствие.

По коридорам эхом разнесся еще один вопль Хотвинна. Синн постучал в дверь нижней гостиной и услышал голос графини, предлагавший ему войти.

— Миледи.

Графиня была одета в удобную черную шелковую пижаму и нарядный парчовый халат, эффектность которого несколько портил пристегнутый к поясу пистолет. Она сообщила полиции, что пробудилась от глубокого сна при звуке внезапных выстрелов, и ей пришлось одеться соответственно. Несмотря на одеяние и ранний час, графиня совершенно не казалась сонной; она обнюхала уши барона, закурила сигарету и снова приня-

лась ходить взад-вперед по комнате, плечи прямые, спина неподвижна.

— Тви все еще не объявлялась, — сказал барон. — Надеюсь, она преследует Мейстрала.

— Вы предполагаете, что она НЕ РАБОТАЛА на Мейстрала, — сказала графиня.

— Не понимаю, как ее могли подкупить. Она не знает ни души на этой планете — она прибыла сюда со мной, когда консулат узнал о существовании Имперской Реликвии.

Графиня Анастасия обернулась к барону всем телом, как это делают Хосейли, не сгибая спины. — Я уверена, Мейстрал каким-то образом до нее добрался. Или эта женщина — Йенсен.

— Она могла попасть в тюрьму.

— Что касается того, что она МОГЛА, дорогой барон, — она могла собирать в лесу грибочки. Или посетить круглосуточный магазин-бутик в поисках новых одеяний. Нам надо смотреть в лицо реальности.

Синн уселся в кресло и стал следить за шагами графини. Он был в затруднительном положении, ситуация полностью вышла из-под его контроля, и барону это не нравилось. — Реальности? О какой реальности вы говорите, миледи?

Графиня снова полным корпусом повернулась к нему, ее поза становилась попеременно то более напряженной, то — менее, поскольку, даже прохаживаясь взад-вперед, графиня продолжала смотреть в лицо барону: — Ваши секретные драгуны подвели вас, барон, — заявила Анастасия. — Тви нет на месте, а Хотвинн вышел из строя по меньшей мере на несколько дней. Нам придется мобилизовать для этого моих людей, милорд.

Синн беспокойно заерзал.

— Вы уверены, миледи? Выполнить соответствующее секретное задание, где необходимо соблюдать конфиденциальность — это форма искусства. Чем меньше людей знают...

Графиня рубанула по воздуху сигаретой: — Нам нет необходимости ЧТО-ЛИБО им рассказывать. Просто пустить их всех по следу Мейстрала, а нескольких оставить в доме, людей вроде Бикса и Чанга, которые будут заниматься грубой работой, если... когда... возникнет необходимость.

Синн поднялся со стула. Выбора уже не оставалось; ситуация сама диктовала, как поступать. — Никто не

должен знать, зачем все это делается. Ни ваши люди, ни мои.

Графиня резонно согласилась с этим. Она наклонилась к барону. — Никто не узнает. Мы придумаем историю, которая удовлетворит их любопытство. Возможно, за первым завтраком. — Она направилась к сервисной плате и дотронулась до идеограммы “кухня”. — Вы составите мне компанию, милорд?

— С удовольствием, графиня. Но позвольте мне сначала умыться. Я чувствую себя слегка закопченным.

— Спасибо, сэр.

— Еще как, босс.

Грегор поднял свой кошелек с наличными и прикусил его на счастье. Золотая идеограмма “деньги” поблескивала против глазного зуба. Полуживительная примочка на виске казалась родимым пятном в форме клубники.

Мейстрал положил собственный кошелек в карман. Он только передал помощникам их долю из шестидесяти новых Амалии Йенсен. Домашний робот закончил убирать тарелки после завтрака. Мейстрал перебрался в снятый им надежный дом в Пеленг-Сити после того, как решил, что в городе его менее всего будут искать. В то же время загородный дом был запрограммирован так, словно был обитаем, шторы в нем поднимались и опускались, свет включался и выключался.

Новому дому в городе было около сорока лет, он был построен в период архитектурного авантюризма, последовавшего за победой Восстания, когда все старые границы были сметены, и горизонты человечества казались бескрайними. Дом напоминал матово-голубую летающую тарелку врезающуюся под углом в сорок градусов в кукурузно-желтый газон небольшого размера. По ночам его обод поблескивал в свете меняющихся стробоогней и цветных лучах последовательно мигавшего света. Стабилизаторы гравитации поддерживали всех в удобном вертикальном положении по отношению к полу, хотя выглядывать из окна и видеть наклонившийся набок горизонт было не слишком удобно, пока не привыкнешь.

Стиль казался теперь несколько странноватым, особенно, арматура, сработанная так, чтобы выглядеть слишком похожей на арматуру. Раковины и туалеты демонстрировали сверкающие трубы и водопроводные краны, извивавшиеся замысловатым рисунком над сантехникой. На сервисных платах были металлические рычаги, кнопки и вспышки вместо простых идеограмм. Домашние роботы были сделаны так, чтобы выглядеть

по-настоящему механическими — их руки и ноги управлялись приводами, гидравлическими поршнями и небольшими электродвигателями, и при работе они издавали стук, скрежет и свист, так, словно каким-то образом управлялись паром. Их голоса были явно искусственными, а процесс мышления сопровождался мигающими огоньками. Мейстрал, который терпеть не мог саму идею о крутых роботах, скоро понял, что если ему придется жить здесь достаточно долго, он просто возненавидит все механическое, раньше, чем стук и жужжание сведут его с ума.

Мейстрал встал из-за стола, потянулся и зевнул. — Сегодня, чуть попозже, — объявил он, — мы свяжемся с мисс Йенсен и графиней. — Он похлопал по карману, где лежали наличные. — По-моему, объявление войны между ними может хорошо послужить нам.

Грегор, как заметил Мейстрал, был не так обрадован при мысли о деньгах, как обычно. Мейстрал подумал, может, полуживительная примочка так быстро исчерпала свой запас болеутолителей, потом вспомнил глубокую тревогу Грегора о Судьбе Созвездия. Он кивнул в сторону Грегора.

— Не отчаивайся, — сказал Мейстрал, — по-моему, в результате все сложится к твоему удовлетворению. Грегор, похоже, тут же приободрился. Робот, все еще убиравший посуду, рассчитанно и запрограммированно стучал столовым серебром. Он проделывал это каждые несколько секунд.

— Я собираюсь немного отдохнуть, — продолжал Мейстрал. — Разбуди меня к тринадцати, если я сам не проснусь. И приготовь к этому времени второй завтрак.

Роман поднялся из-за стола: — Сэр. На два слова.

— Разумеется, Роман. Идем со мной.

Он повел Романа к жилым помещениям “тарелки”. Он положил пистолет на столик у кровати и сбросил камзол на стул. Затем поднял глаза и заметил, что одно ухо Романа повернуто к двери, словно тот боялся, что их подслушают.

— Закрой дверь, Роман, если хочешь.

Ухо Романа дрогнуло, но так и осталось повернутым к двери: — Нет необходимости, сэр, — сказал Роман. Он говорил, понизив голос. Мейстрал уселся на постель и принялся расшнуровывать манжеты. Роман подошел и автоматически взялся за работу. — Могу ли я осмелиться спросить, — произнес он, — какую судьбу вы в конечном итоге готовите Имперской Реликвии?

Мейстрал даже не поднял глаз: — Продам ее, разумеется, — ответил он. — Как только это будет возможно. Если мы оставим ее у себя, мы получим только неприятности.

Мех на плечах Романа поднялся под одеждой, почти доставая до воротника. Он молча положил манжеты Мейстрала в ящик: — Полагаю, что могу с полной уверенностью утверждать, — сказал он, — что честь спасена, поскольку мы вызволили мисс Йенсен.

Мейстрал бросил рубашку поверх камзола и pokrutil рукой, вздрогнув от легкой боли в суставе. Должно быть, он потянул плечо где-то во время ночного приключения. Он заговорил отчужденным тоном: — Это правда. Я благодарю вас обоих за наблюдательность и участие в деле от моего имени.

— Было бы позором, — заметил Роман, — карать Имперскую династию, чтобы наказать за грубость некоторых ее приверженцев. Но я полагаю, что Империя располагает большими финансовыми ресурсами, чем мисс Йенсен и ее друзья.

— Возможно, — Мейстрал задумался. — Но мы должны тщательно взвесить наши требования. В какой-то момент может оказаться дешевле нас ликвидировать.

— Разве они пойдут на такой риск?

— Графиня Анастасия — да. Возможно, барон Синн — нет.

— И все же, — сказал Роман, — я не хотел бы, чтобы династия была уничтожена в результате чьих-либо действий на Пеленге.

Мейстрал поднял глаза на слугу. Его улыбка была небрежной: — В таком случае, Роман, мы должны быть осторожны.

— Как скажете, сэр.

— Это все?

— Да, сэр. Благодарю вас.

— Закрой за собой дверь, пожалуйста.

Как только дверь закрылась, Мейстрал выбросил ноги вперед и уселся на кровати. Его мысль напряженно работала. Всякое желание спать пропало. Роман, как он всегда знал, был традиционалистом и хотя он допускал, что иметь свое мнение — это прилично, он, по-видимому, сожалел о существовании Созвездия и проявлял сентиментальную заботу об Империи, в которой никогда не жил. Грегор, наоборот, ненавидел всякую аристократию и желал Империи гибели. Во власти Мейстрала было послужить на благо одной из сторон, но не обеих.

Проблема заключалась в том, что Мейстрал во многом полагался на своих помощников. Грегору нужны были деньги и наставления по поводу хорошего тона, и пока ему платили и тем, и другим, он оставался доволен. Роман был верен семье Мейстрала — Мейстрал знал, что Роман никогда ничего не станет делать исподтишка и не предаст доверия — но все же будущее Мейстрала зависело не просто от сотрудничества, но от готовности сотрудничать. Их работа была слишком рискованной — они должны были отдаваться ей всей душой, иначе можно было ошибиться. Нечаянно проглядеть сигнализацию, оставить инструмент на подоконнике, нетронутую ловушку — и кто может поручиться, что это был “честный” недосмотр, а не невольный саботаж, родившийся в растревоженном сознании?

Ему надо, чтобы оба его помощника оставались довольными и счастливыми и стремились продолжать ограждать его от угрозы, которую представляли “Весна Человечества” и клика Анастасии.

Мейстрал снова устроился на подушках и закрыл глаза. Об этом надо как следует поразмыслить.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Николь, удобно вытянувшись на кушетке, рассматривала свои ноги и думала о том, какими уродливыми они стали. Профессия требовала, чтобы она часами стояла на ногах, и, хотя пять лет назад Николь исправила их форму, у нее опять сильно развилось плоскостопие, и пришло время новой операции. Придется устроить так, чтобы на неделю или десять дней скрыться от общества, тогда она сможет сделать операцию и привыкнуть к ее результатам до появления на людях.

Николь видела свое крошечное отражение в каждом ногте ног. Желая доброго утра, она помахала своему отражению и пошевелила пальцами ног в ответ. У двери раздалось позвякивание.

— Второй завтрак, мадам.

— Несите, комната.

Стол-робот вплыл в безмолвном антигравитационном поле, присел и установился. Мебель в комнате переставилась в новом порядке. К столу подкатил стул и приглашающе откинул спинку.

— Ваш завтрак, мадам. — Вокруг Николь ожил и зазвучал концерт деревянных струнных инструментов Эмануэля Баха.

— Благодарю, комната. — Николь подошла к стулу и уселась. С тарелки поднялась прикрывавшая ее салфетка, и пошел пар. Второй завтрак на Пеленге был гораздо более сытным, чем первый. Николь не была уверена, надо ли еще Мейстралу, чтобы она притворялась, что он все еще у нее, но заказала только один завтрак, поскольку не в силах была вынести вида двух порций. Она отклонила предложение стола и сама налила себе кофе.

Снова раздалось негромкое позвякивание: — Дрейк Мейстрал, мадам.

— О, — Николь поставила на стол молочник. — Соедините немедленно.

Мейстрал, казалось, пребывал в более приподнятом расположении духа. В его зеленых глазах светилась прежняя уверенность, и у Николь при виде его отлегло от сердца. В остальном узнать Мейстрала было трудно — его лицо было покрыто слоем пастельно-голубой краски, в ушах были безобразные серьги, включавшиеся и

выключавшиеся, как механические игрушки, а позади него был вид игрушечной аркады.

Николь, привыкшая к этим маленьким хитростям четыре года назад, заключила, что поскольку Мейстрал прибегнул к маскировке и услугам общественного телефона, опасность еще не миновала.

Николь подняла чашку и улыбнулась: — Счастлива видеть тебя, Мейстрал. Ты, кажется, в хорошем настроении.

— А ты выглядишь прекрасно. Как никогда, Николь.

— Я вижу, твой пугающий вкус в отношении маскировки не изменился.

Мейстрал наклонился в сторону голокамеры: — Я хочу просить об одолжении, мадам. — Его взор обратился к краю голографического изображения, словно стараясь заглянуть за его пределы. Он осторожно дотронулся пальцем до одной из своих серег. — Прощу извинить меня за смелость, но могу ли я поинтересоваться — ты завтракаешь одна?

— Я бы сказала, это зависит от того, считается ли еще, что ты живешь здесь.

Мейстрал улыбнулся: — К несчастью для нашего обмана, его жертвы — те, кому он предназначался, слишком хорошо знают, где я был прошлой ночью.

— Мне показалось, твое приветствие было более бодрым из-за успеха. Все прошло хорошо, что бы это ни было?

— Достаточно хорошо. Во всяком случае, зло было остановлено.

— А имело ли данное зло какое-то отношение к графине Анастасии? — Николь улыбнулась, увидев, как приподнялись веки Мейстрала. — Она звонила сюда вчера вечером и просила передать тебе информацию. Но к сегодняшнему дню информация вполне могла устареть.

Мейстрал лениво повел плечами: — Скажи мне. Это может оказаться забавным.

— Она сказала, что у тебя есть нечто, что ей необходимо, и она готова заплатить за него. Я бы сказала, это звучит, как настоящее послание злодейки.

Мейстрал ухмыльнулся: — Оно именно такое и есть. Мне приятно слышать, что она желает заплатить за мой объект. Это именно то, что я имел в виду.

Николь рассмеялась: — Похоже, у тебя все рассчитано.

— Пока да. — Мейстрал бросил взгляд через плечо с видом конспиратора.

— Ты ведь хочешь попросить меня еще об одном одолжении, — заметила Николь.

Вид у Мейстрала сделался чуть смущенным: — Ты, разумеется, права.

— Я слишком хорошо тебя знаю, Дрейк. Давай.

— Я заметил, что в твоём объявленном расписании не запланированы никакие выходы после встречи с метановыми существами в зоопарке, а это интервью должно закончиться к полудню.

— Это верно. У меня сегодня свободна вторая половина дня и вечер. — Николь зарылась кончиками пальцев ног в ковер радостно предвкушая провести время, как ей вздумается. Она положила подбородок на руки и продемонстрировала образу Мейстрала бесхитростный взгляд, как у маленькой девочки. — Ты ведь не собираешься нарушить отдых моей красоты, правда?

— Надеюсь, разве что приятным образом. Я лелеял надежду, что ты пригласишь твоего избранника Мейстрала к обеду.

Николь рассмеялась: — С твоего позволения, Дрейк, я буду завтракать, пока ты объяснишь мне, что под этим имеется в виду.

— Пожалуйста, приступай. Я уже поел.

Пока Николь слушала, в чем состоял его план, в ее душе пузырьками забурлило веселье. Она расхохоталась.

— Очень хорошо, Мейстрал, я сделаю это. У меня где-то есть твоя голограмма. — Она откусила кусочек, затем задумчиво помахала ему вилкой: — По правде говоря, Дрейк, я благодарна за это твое развлечение. В последнее время жизнь в Диадеме была необычайно скучной.

— Мои соболезнования, леди.

Николь взглянула на него, подняв бровь: — Вежливое сочувствие мне не требуется, Мейстрал. Во всяком случае, от старых друзей.

— Мои извинения, Николь. — Это было сказано быстро.

— Принимаю. — Николь откусила еще кусочек, задумчиво прожевала, проглотила. — Ты не находишь, Дрейк, что твой род занятий, хоть он тебе и подходит, становится утомительным?

Выражения лица Мейстрала было не разобрать: — Он меня вполне удовлетворяет, миледи. Путешествия, новые виды, новые знакомства, приключения, когда я того пожелаю, отдых, когда он мне необходим... Моя известность недостаточна для того, чтобы стать неснос-

ной, но достаточно велика, чтобы со мной хорошо обращались, куда бы я ни пошел. Мне редко бывает скучно, миледи. Если человеку вообще надо чем-то заниматься, моя профессия кажется вполне пристойной.

— Твоя профессия дает тебе больше свободы, чем мне — моя, Дрейк.

— Это верно. Знаешь, почему я...

— Я начинаю раздумывать, Дрейк, а был ли ты прав четыре года назад.

В его глазах появилось понимание: — А-а.

— Я путешествую больше, чем ты, но новые виды всегда скрыты за стеной зевак и толпой репортеров, а также кучей людей, жаждущих со мной познакомиться... это всегда одинаково и совершенно так же стало нереальным. Моя известность мешает моей работе — она СТАЛА моей работой.

— Ты знала об этом, Николь. Ты знала, что такое Диадема, когда вступала в нее.

— Это не одно и то же — вступить и жить в ней. А ведь ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ, что я актриса — Господи, я не играла два года!

— Найди себе новую пьесу.

— Для членов Диадемы подходят только определенные роли. И они так же нереальны, как моя жизнь. Хуже того — они СКУЧНЫ, Дрейк. Невероятно скучны.

Мейстрал переварил информацию: — Ты думаешь оставить Диадему?

— Подумываю. Еще не решила. — Николь снова поиграла пальцами ног. Может, в конце концов, ей и не будет необходимости оперировать их.

Мейстрал пристально смотрел на нее: — А ты будешь счастлива, Николь? Как только выйдешь из нее?

Она пожала плечами: — Мне трудно вспомнить, как все это было.

— Я думаю, ты не будешь счастлива. Я тебя знаю, Николь.

Николь помешала еду в тарелке: — Мой рейтинг понизился на два пункта, — произнесла она.

— А-а.

— Для этого и затеяно это турне. Предполагается, что я представляю моей публике новые чудеса. Мои авторы дают мне текст для каждой из восьми планет. И каждый гарантированно импровизированный, остроумный и легко цитируется.

— Я думаю, если не обидишься на мое замечание, что турне Николь, представляющее Зоопарк Пеленг-Си-

ти, — это не то, что нужно для твоего рейтинга, каким бы великолепным ни было собрание.

Николь подняла глаза: — Я знаю. А что ты еще предлагаешь?

— Найди себе новую пьесу, Николь. Нечто, выходящее за рамки того, что тебе давали до сих пор. Расширь концепцию пьесы Диადемы. Дай себе простор.

Губы Николь сложились в кривую улыбку: — И это все, что мне нужно? Просто новая пьеса? И... простор?

— Возможно, еще что-нибудь, миледи.

— Да?

В его взгляде появилось озорство: — Новая пассия? — предложил он.

Николь засмеялась отрывистым смехом и запустила ложечкой в изображение Мейстрала. Кофе в ее чашке тревожно задрожал: — Черт бы тебя побрал, Мейстрал. Ты слишком хорошо меня знаешь. Неужели ты не дашь мне ни в чем пощады? — Ее смех стал печальным. — Хорошо. Скажу своим людям, чтобы подыскивали что-нибудь.

— Миледи, если вы чего очень хотите, вы должны искать это сами.

С минуту Николь сидела молча, затем медленно кивнула: — Да, Дрейк, я так и сделаю. Спасибо тебе.

— Это самое меньшее, что я могу сделать, если учесть, как сильно ты мне помогла. Мы делаем вид, что все это несерьезно, но твоя помощь еще может спасти мне жизнь. Эти люди, с которыми я связался... они серьезные люди, Николь.

— Я должна позаботиться о том, чтобы сберечь твое здоровье, Мейстрал. Твой совет может стать неоценимым для моей карьеры.

Мейстрал снова бросил взгляд через плечо: — Я вынужден заканчивать, миледи. Мы слишком долго занимаем эту линию, чтобы я мог чувствовать себя в безопасности.

— Хорошо. И как всегда, этот разговор подействовал освежающе. Передай привет Роману.

— Передам.

— Надеюсь увидеться с тобой лично до моего отъезда.

Мейстрал улыбнулся: — Ты забыла, что мы увидимся сегодня вечером.

— Да. Разумеется. Что ж, тогда au revoir.

— Твой самый покорный слуга, Николь.

Его голуболицее изображение исчезло. Ни коль на минуту задумалась, разглядывая кончики своих пальцев,

и попыталась придумать, к кому ей обратиться по поводу ног.

Хотвинн чувствовал, что буквально заряжен энергией. Полуживой панцирь, поддерживавший его разбитую спину и ребра, скормил ему достаточно лекарств, чтобы уничтожить боль и наполнить его силой. Когда врач наложил на ноги Хотвинна несколько дополнительных примочек, которые должны были помочь ему расслабиться и заснуть, тот дождался, пока человечек убежится, содрал разочарованных существ до того, как они успели подействовать, и выбросил их в помойку.

Хотвинн выбрался из постели, зашатался, потом твердо встал на ноги. Оскалил зубы и зарычал. Жалкие трусливые человечки еще получают по заслугам.

В голове Хотвинна копошились темные мысли об отмщении. Он вынул свое оружие из шкафа и пристегнул его.

Хотвинн-Мститель! Ему необходимо было разнести что-нибудь вдребезги, да побыстрее. Он открыл окно, перекинул одну ногу через подоконник и заколебался.

Хотвинн понял, что не знает, куда идти.

Он убрал ногу с подоконника и надолго задумался. Он знал, где живет Амалия Йенсен, но дом был разгромлен, и эта Йенсен скорее всего не станет там жить, а за самим домом, возможно, следит полиция. Тви могла бы помочь ему пробраться туда, но она исчезла. Он мог попытаться проникнуть в резиденцию Мейстрала, но понятия не имел, где тот живет.

В утреннем ветерке раздался звук голосов. Уши Хотвинна прыгнули в их направлении.

Самое время, решил он, немножко подслушать.

Хотвинн тихонько перелез через подоконник, потерял равновесие, и ему пришлось ухватиться за ползучую лозу, чтобы не упасть. В утреннем воздухе все еще стоял запах дыма. Тихонько посмеиваясь про себя, Хотвинн скользил вдоль заднего крыльца, пока не оказался у раскрытого окна столовой.

— ... а другой — лейтенанту Наварру, — говорил голос Синна. — Мисс Йенсен может быть у него. — Хотвинн наострил уши. Уже во второй раз он слышал имя Наварра.

— И этой одиозной особе — Николь, — произнес голос графини Анастасии.

Стук столовых приборов заглушил следующее замечание барона. — Будет гораздо лучше, если за нас это сделают средства информации, — заметил он позже, — охрана вокруг Диадемы очень суровая. Любой, кто по-

кажется в поле зрения Николь без соответствующих рекомендаций, попадет в тюрьму, как минимум, за нарушение спокойствия.

— Возможно, вы сами, барон, могли бы...

— Я сделаю все, что в моих силах, миледи. — Остальная часть разговора была занудной и состояла в основном из имен разных лиц, предлагавшихся графиней для выполнения различных заданий, и расспросов барона об их способностях и рекомендациях.

Хотвинн ухмыльнулся. Стало быть, пусть будет Наварр! Он учуял пищу, и в животе его заурчало.

Хотвинн повернулся и стал пробираться в задней двери в кухню. Он стащит еды на несколько дней, найдет Йенсен через ее дружка Наварра и получит за нее выкуп от ОБЕИХ сторон. А между делом порубит ее товарищей в капусту.

Быть живым было замечательно.

Полиция, наконец, удалась, обескураженная рассказом о похитителях Амалии Йенсен в образе Шалуна Ронни, державших ее в плену целый день, ничего не объясняя, не требуя выкупа и не причинив ей вреда, а потом выпустивших ее. Здесь было что-то еще, они ясно об этом догадывались, но Амалия Йенсен не желала им сообщать. Она считала, что это ЕЕ похитили, и поэтому она может говорить все, что хочет.

Пьетро вернулся назад, в свою квартиру — Амалия решила, что незачем впутывать его в какие-либо дела с полицией. Теперь по дому бесшумно двигались домашние роботы, вытирая пыль в углах и кидаясь на обломки, не замеченные Амалией во время первой уборки. Амалия крайне нуждалась в отдыхе, но долг требовал, чтобы она проследила, как Пьетро будет мобилизовывать местных членов “Весны Человечества”, послав их на поиски Мейстрала и установление наблюдения за бароном Синном, графиней и консульством Хосейли. Амалия пососала стимулирующую палочку и пошла к пульту управления связи. Несколько часов назад он был заменен техниками, работавшими сверхурочно. Пора звонить Пьетро.

Телефон зазвонил прежде, чем она успела прикоснуться к сервисной плате. — Прием, — сказала Амалия и с удивлением уставилась на голографическое изображение.

— Капитан Тарталья. Вот...

— Сюрприз. Я знаю. — Капитан был низеньким широкоплечим мужчиной с лысеющим лбом. Он ушел в отставку с военной службы, чтобы посвятить себя до-

брым делам “Весны Человечества”, и гордился тем, что у него были “человеческие” манеры — из них можно было выделить две: тупость и воинственность. Усердной работой и преданностью делу Тарталья дослужился до заместителя директора местного отделения — практически непосредственного начальника Амалии Йенсен. Амалия встречалась с ним всего дважды и прятала инстинктивную неприязнь под ширмой сдержанной вежливости.

Именно Тарталья в зашифрованном послании сообщил ей о существовании Имперского идола — по-видимому, “Весна Человечества” узнала о нем от двойного агента в высших чинах Империи. Когда Амалия увидела эту вещь в каталоге аукциона, она направила Тарталье послание, сообщив о своем намерении выкупить ее на аукционе. Она ожидала ответного послания с поздравлениями. По всей видимости, с обратной почтой она получила Тарталью собственной персоной.

Тарталья устремил на Амалию взгляд маленьких темных умных глазок: — Как обстоят дела с Артефактом номер один? — спросил он.

Амалия никогда не слышала этого термина, но не сомневалась в его значении.

— Не очень хорошо, сэр. Он украден Дрейком Мейстралом.

Выражение лица Тартальи почти не изменилось: — Семья империалистов.

— Не думаю, чтобы сам Мейстрал был империалистом, сэр. По-моему, он намеревается устроить аукцион между империалистами и нами.

В глазах капитана мелькнуло презрение: — Плут. Аморальный. Мы с ним справимся.

— Они играют грубо. Я имею в виду, империалисты. Меня похитили, и Мейстрал с одним из наших людей, Пьетро Кихано, вызволили меня.

— Ого, — Тарталья поднял брови. — Зачем же Мейстрал в это ввязался? Между вами существует привязанность?

Амалия вспыхнула: — Нисколько, сэр. По-моему, он освободил меня, поскольку ему нужен был кто-то, чтобы вести переговоры о цене с нашей стороны.

— Хорошо. Я привез с собой кредитную карточку и кое-кого из наших лучших людей. Мы заберем эту вещь у Мейстрала так или иначе.

Амалия почувствовала легкий страх. Ей пришлось в голову, что капитан Тарталья не очень симпатичный человек. Она бросила взгляд на его ухмылку и довольное

выражение лица: — Я уверена, что мы это сделаем, — произнесла она.

Лейтенант Наварр собирался заменить пропавший портативный телефон, но до этого у него руки не дошли, поэтому ему просто повезло, что звонок Николь раздался, когда он случайно оказался в доме. Лейтенант считал, что плохо справился со своей ролью — он мямлил и похохатывал, краснел и запинаясь, как мальчишка-школьник, — но, в конце концов, его застали врасплох, и не каждый день тебе звонят члены Диадемы. Да, он прекрасно понимает, почему его отвезут. Нет, он нисколько не возражает против элемента интриги — это будет забавно, хо-хо.

Лейтенант повесил трубку, и у него возникло необычное чувство удивления и предвкушения дальнейших событий. Николь всегда была одной из его любимиц. Хотя его тщеславие не заходило так далеко, чтобы предполагать, что он одержит мгновенную победу, все же он был польщен тем, что из всех мужчин, встреченных Николью на Пеленге, она выбрала именно его, чтобы провести с ним несколько свободных часов. И, откровенно говоря, элемент интриги придавал ситуации некоторую эксцентричность. По меньшей мере, у него будет интересная история, которую можно будет рассказывать дома.

Он решил попросить видео покопаться в памяти и разыскать передачи о визите Николь на Пеленг. Может, он сумеет запомнить некоторые самые лучшие моменты и сказать ей комплимент.

Кто-то был дома. Холодное поле вокруг резиденции Сколдера-Наварра было отключено, и это позволило Хотвинну пробраться прямо к окнам, не подняв тревоги. В атриуме стоял меднокожий человек, примеряя бесчисленные рубашки с помощью робота и вертясь перед зеркалом. Одновременно он одним глазом следил за видео, показывавшим блондинку, разговаривавшую с метановыми формами жизни. Хотвинн не был уверен, но, кажется, человек был один. Йенсен не было. Что ж... как-нибудь он добудет информацию.

Хотвинн открыл какую-то дверь — она была не заперта — и проскользнул в дом. Он тихонько прошел по короткому коридору, ведущему в атриум. — К сожалению, — говорила блондинка, — очень немногие люди могут говорить на языке метанитов.

Хотвинн включил голограмму Шалуна Ронни, затем с ревом ворвался в комнату. Одним ударом меча он разрубил робота надвое. Лейтенант Наварр обернулся толь-

ко для того, чтобы его схватили за горло и ударили о стену..

— ГДЕ АМАЛИЯ ЙЕНСЕН? — заревел Хотвинн. У Наварра глаза вылезли на лоб. Хотвинн снова ударил его о стену: — ГДЕ АМАЛИЯ ЙЕНСЕН? — Ответом было только молчание, разве что видео продолжало толковать про удивительное общение при температуре, приближающейся к абсолютному нулю. Лицо Наварра стало багроветь. Хотвинн ударил его о видео, и оно смолкло.

— ГДЕ? — Трах. — ГДЕ? — Бац. — ГДЕ? — Бум.

Лейтенант Наварр, не отвечавший по той простой причине, что Хотвинн душил его, издал булькающий звук и потерял сознание. Хотвинн зарычал от раздражения, с минуту подержал бесчувственное тело лейтенанта, затем выпустил его. Лейтенант повалился на пол.

Будучи не из тех, кто упускает возможность, Хотвинн принялся тщательно обыскивать комнату. Где-то здесь должен был быть след.

Капитан Тарталья так быстро принял командование, что Амалия Йенсен так и не смогла отчетливо припомнить, как все произошло. Казалось, что через минуту после того, как Тарталья позвонил ей, она и Пьетро оказались здесь, неподалеку от загородного коттеджа Мейстрала, с семьей вооруженными людьми, привезенными Тартальей из Помпеи.

— Говорит Уэйд. Заняли позицию.

Тарталья улыбнулся: — Подтверждаю прием.

Амалия Йенсен бросила на него взгляд: — А как же сигнализация, сэръ?

— Одна нога здесь, другая — там. В этом весь фокус.

— А что, если объекта здесь нет?

— Зато будет Мейстрал или его команда. Как только мы до них доберемся, мы сможем заставить их говорить. — Капитан прикрыл маленькие глазки. — По ЭТОЙ части у меня немалый опыт. Нельзя сохранять империю, если не умеешь убеждать.

Амалия была поражена: — Я думала, — произнесла она, — мы живем не в Империи.

Тарталья ответил, не раздумывая: — Называйте это как хотите. Дело в том, что у нас имеется множество чужих рас, которые надо держать в узде. Иначе мы наверху долго не продержимся. Пусть знают, кто хозяин, вот в чем соль. Как только они это поймут, у нас не будет никаких хлопот.

Амалия бросила взгляд на Пьетро и увидела выражение отвращения на его лице, отвечавшее и ее собственным ощущениям. Мейстрал не слишком хорошо с ней обошелся, но Амалия вовсе не была уверена, что он заслуживает того, что уготовил ему Тарталья.

— Говорит Ройо. Заняли позицию.

— Отлично. Это последний. Готовьтесь приступать.

Тарталья повернулся к Амалии и Пьетро: — Держитесь подальше от линии огня, и все будет в порядке. Предоставьте все нам.

Амалия кивнула, в душе она была благодарна Тарталье: — Отлично, сэр.

— Вы уже сделали свое дело, приведя нас сюда. Я позабочусь, чтобы вы получили поощрение.

— Благодарю вас, сэр.

Вокруг лица Тартальи расцвел голографический камуфляж: — Готовы? — Он обращался к своему отряду. — Тогда выдвигаемся.

А потом не было ничего, кроме молчаливого мигания огоньков в воздухе, когда Тарталья и его люди ринулись к дому, затем раздался треск — это перед атакой вылетели двери и окна. Амалия молча следила за происходящим, кусая губы.

— Амалия, — подал голос Пьетро, — мне НЕ НРАВЯТСЯ эти люди.

Она упорно смотрела в направлении дома Мейстрала. Пьетро с минуту помолчал, затем произнес: — Знаешь, мне Мейстрал вроде даже понравился.

Амалия бросила на него взгляд, Пьетро вспыхнул и стал смотреть на ноги. Но она знала, что он чувствует.

Из дома Мейстрала доносилось завывание и грохот. Амалия услышала, как запротестовал какой то робот, затем последовал треск, показавшийся звуком конца. Никаких звуков битвы не раздавалось. Амалия подумала, не застали ли Мейстрала и его друзей, когда сигнализация была выключена.

Постепенно шум стих. Затем по лужайке быстро замигали огни, и перед Амалией появились Тарталья и компания. На их лицах было написано разочарование.

— Там никого нет, — сказал Тарталья. — Артефакт номер один все еще не обнаружен.

Амалия Йенсен изо всех сил старалась не показывать облегчения: — Они это предвидели, — сказала она.

— Мы найдем их.

— Они сами нас найдут, — ко всеобщему удивлению подал голос Птеро. — Они хотят продать нам Артефакт.

— Артефакт номер один, вы хотите сказать. Хорошо, — Тарталья кивнул. — Мы найдем их. Я так говорю. — Он обратился к своему отряду. — Лучше садиться во флаеры. Скоро явится полиция.

— ГДЕ? — Глухой удар. — ГДЕ? — Глухой удар. — ГДЕ? — Глухой удар.

Мужчину звали Кэлвин. Он был очень хорош в своем деле и гордился этим. Молчаливый, анонимный, квалифицированный, скрытный. Каким же еще быть человеку из службы безопасности Диადемы?

— ГДЕ? — Глухой удар. — ГДЕ? — Глухой удар. — ГДЕ? — Глухой удар.

Кэлвин прибыл, чтобы подготовить лейтенанта Наварра к визиту к Николь — а этот визит, с его необычными элементами, похоже, особенно требовал подготовки. Но как только Кэлвин приземлился на крыше, он услышал хриплые вопли Хосейли и грохот.

Это была явно не из тех историй, в которой Диадема хотела бы видеть своих членов замешанными. Кэлвин спокойно вышел из своего флаера, вынул из хвостовой части пакет первой помощи, включил защиту и взял оружие. Он прошел в верхнюю дверь, заглянул с балкона атриума внутрь и внизу увидел лейтенанта Наварра в руках гигантского Шалуна Ронни. Лейтенанта били, как куклу, о стены и мебель, а игрушка с рычанием снова и снова задавала свой вопрос.

— ГДЕ АМАЛИЯ ЙЕНСЕН? — Трах.

Кэлвин не колебался ни минуты. За свою карьеру он видел и более странные вещи. Не терял он времени и на то, чтобы раздумывать, кто такая Амалия Йенсен. Единственное, что было важно, — это то, что если так будет продолжаться, человек, приглашенный Николью к обеду, неминуемо будет погублен.

Агент безопасности бросил взгляд налево и направо, увидел карликовое дерево в тяжелом свинцовом горшке и направился к нему. Он снова заглянул вниз с балкона, увидел Шалуна Ронни прямо под собой, тщательно прицелился и уронил горшок.

Раздался ужасающий звук сокрушительного удара. Шалун Ронни повалился на ковер. Лейтенант Наварр упал на подушку, хватая ртом воздух и схватился за горло.

— Кэлвин, сэр. Служба безопасности Диадемы. Вы ранены?

Лейтенант Наварр вытаращенными глазами смотрел на расprostертую куклу: — ШАЛУН Ронни? — произнес он

Агент безопасности вынул оружие, осторожно просунул руку под голограмму и отключил маскировку. Хотвинн безжизненным взглядом смотрел в потолок.

— Кто он? — резко спросил Наварр.

— А разве вы не знаете, сэр?

— Никогда его раньше не видел. Он спрашивал про Ама... одну особу, которую я знаю. Но я не знаю, где она, а ему я не мог этого сказать, потому что он все время держал меня за горло. А насчет того, кто ОН такой, я не имею ни малейшего представления.

Кэлвин тщательно обследовал Хотвинна: — Он мертв. Мы не сможем допросить его.

Дыхание лейтенанта Наварра уже приходило в норму. Он встал и посмотрел вниз на тело Хотвинна, затем перевел взгляд на Кэлвина. Потом разгладил смятый шелк своей рубашки: — Спасибо, сэр. Я благодарен вам за ваше вмешательство.

— Это просто моя работа, сэр.

— Я перед вами в долгу. — Лейтенанту пришла в голову идея: — Я начинаю недоумевать, — сказал он. — Со мной в последнее время случаются странные вещи. Ограбление, похищение одного из моих друзей... теперь это. Интересно, не тот ли это человек, который все это делал. — Он пожал плечами. — Лучше всего вызвать полицию, я полагаю. — Он потянулся к стенному сервисному пульта.

Кэлвин вытянул руку: — Сэр, — произнес он, — если вы сейчас займетесь полицией, вы опоздаете на встречу с николь.

Лейтенант Наварр тупо смотрел на него: — Боюсь, что да. Но ведь с этим уже ничего не поделаешь, правда?

Кэлвин говорил мягко и спокойно: — Сэр, осмелюсь посоветовать...

— Непременно.

— У Диადемы прекрасное взаимопонимание с местной полицией. Я уверен, что если Николь попросит, полиция будет счастлива отложить все расследование до более удобного времени.

Лейтенант Наварр, казалось, был поражен: — Вы МОЖЕТЕ это сделать?

— Уверен, сэр.

Наварр потер спину: — По-моему, меня порядочно поцарапали.

— К счастью, на лице у вас нет следов, сэр. Если хотите, сэр, по пути я могу отвезти вас к врачу и массажисту. Но нам надо выезжать немедленно.

Наварр посмотрел на распростертое тело и заколебался: — А это мы так и оставим?

— Я уверен, его никто не потревожит.

Лейтенант, казалось, решил: — Очень хорошо, — произнес он. — Сделаю так, как вы советуете.

Кэлвин изящно поклонился в знак согласия: — Очень хорошо, сэр.

Лейтенант Наварр снял разорванный камзол и надел другой. Затем бросил взгляд на коллекцию костюмов, разложенных на кушетке, и помедлил.

Кэлвин подал голос: — Осмелюсь предложить, сэр.

— Непременно, я слушаю.

— Белый траурный камзол. Очень подойдет.

— Благодарю вас, Кэлвин. — лейтенант Наварр надел камзол. Кэлвин помог ему зашнуровать его, проверив по ходу дела, не спрятано ли в нем где-нибудь оружие или скрытые камеры.

— Выезжаем, Кэлвин?

— Как вам угодно, сэр.

Лейтенант Наварр взял свою траурную накидку и понес вверх по лестнице. Кэлвин неслышным кошачьим шагом следовал за ним. Выходя, Наварр включил охранную сигнализацию дома и ступил на крышу.

— Благодарю вас, Кэлвин. Спасибо за все.

Кэлвин открыл дверь тяжелого лимузина "Джефферсон-Сингх": — Не за что, сэр. Обычная работа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Графиня Анастасия наблюдала по видео, как Дрейк Мейстрал вышел из флаера “Джефферсон-Сингх” и попал прямо в объятия Николь. Она заметила, что у него была при себе небольшая сумка. — Проклятие! — Графиня ударила кулаком по подлокотнику своего кресла с жесткой спинкой. Пепел с сигареты, которую она держала в руке, посыпался прямо на ковер шестисотлетней давности. Робот поспешно бросился его чистить.

— Нам никогда не удастся вытащить его оттуда! — Построение фраз на Высоком Хосейли свидетельствовало о почти безумной ярости. — В этой сумке у него, по-видимому, Имперская Реликвия.

Барон Синн философски кивнул: — Похоже, следующий шаг за Мейстралом, миледи.

Графиня стиснула зубы: — Мне это не нравится, барон.

Барону это нравилось еще меньше. Это означало, что он будет заперт в этом доме, как в ловушке, в обществе разъяренной и мечущейся графини еще долгое время. Возможно, следует дать ей шанс немного поостыть.

— Крокет, миледи? — предложил он, приговаривая себя к целому дню охоты за мячом под ярко-красными деревьями-киблами.

Ее ответом был перекатывающийся язык, похожий на дьявольскую улыбку.

Очутившись в безопасности в апартаментах Николь с Кэлвином и его помощниками, сторожившими помещение, лейтенант Наварр выключил голограмму Дрейка Мейстрала. Николь засмеялась и протянула ему руку. Наварр галантно обнюхал ее запястье, стараясь не обращать внимания на постоянную боль в израненной спине.

— В трауре вы выглядели очень похожим на Мейстрала, — заметила Николь. — Рада видеть вас, лейтенант.

— Это для меня — большая радость видеть вас, — отозвался Наварр. Он говорил правду. Он был по-настоящему благодарен, обнаружив, что здесь он в совершенной безопасности.

Мейстрал выключил видео и расслабился в кресле, довольный. Николь знала, как вводить в заблуждение, а ее подделка, кто бы он ни был, сыграл свою роль

прекрасно, вплоть до имитации бриллианта, который Мейстрал носил на пальце.

Мимо по каким-то делам прогрохотал робот, издавая обычные сигналы. Мейстрал стиснул зубы, потом заставил себя успокоиться. Он уже научился ненавидеть роботов, но сейчас было не время для раздражения. Пришло время осуществлять свой план.

Тви смотрела видео с интересом. Она обернулась к роботу: — Принеси еще бутылку каберне. Сорок четвертого, пожалуйста.

— Да, мадам.

Со времени своего побега из дома графини Анастасии дела у Тви шли весьма недурно. Первым делом надо было бросить “Деуэйн Семь” и стащить новый “Джефферсон-Синг Хай-Спорт”. С тех пор, как она приехала на Пеленг, Тви привыкла к ним.

Затем она нашла место, где спрятаться. Это был комфортабельный дом из двенадцати комнат, по-видимому, в нем обитала семья, чьи интересы заставили их отбыть на Нэйну на полгода. Охранная сигнализация дома была допотопной, и перепрограммировать их так, чтобы они считали Тви членом семьи, было детской забавой.

Теперь ей предстояло найти способ зарабатывать на жизнь.

Красть казалось ей хорошей идеей.

Тви улыбнулась. Жизнь на Пеленге явно становилась лучше.

— Меня зовут Роман, сэр. К вашим услугам.

— Граф Квик. К вашим услугам. Пожалуйста, сидите.

Роман уселся на подбитую подушками скамью рядом с троксанином: — Я вижу, вы вернулись на выставку метановой среды.

— Не смотреть хорошо прежде. Николь мешать с шарами. Очень-очень много толпа.

— О, конечно.

— Я говорю метан.

У Романа возникла мысль, говорит ли граф на языке метанитов в той же исключительной манере, в какой он изъяснялся на прочих, но граф отправился демонстрировать свои способности, наклонив свою тыквообразную голову к микрофону, оставленному как напоминание о визите Николь. По мере того, как голос графа, пульсируя, прорывался сквозь сверхпрохладную среду, метановые существа приобрели нежно-фиолетовую окраску и стали стекаться желеобразной массой к громкоговорителям. При их теперешней скорости это должно было занять у них не меньше полутода.

— Поздравляю, милорд, — произнес Роман. — Кажется, вы их поразительно стимулировали.

Потайные громкоговорители что-то простонали в ответ графу. Он прислушался и что-то сказал в ответ.

— Я сказать, вы со мной. Они интересоваться быть. — Голова графа закачалась в странной троксанской манере. — Плохие эти говоритель быть. Троксане лучше говоритель делать.

— Вне всякого сомнения, самые лучшие, — заверил его Роман. Голова троксанина была таким великолепным проводником звука, что они как раса очень специфически относились к проблемам звукового оборудования.

— Скажите себя, — предложил граф Квик, — я сказать метан существам.

— Я из окружения Дрейка Мейстрала.

— Интересно. Правда, много проблема перевод. Слово “вор” нет мир метан.

— Возможно, их мир лучше нашего, милорд.

— Но скучнее.

— Скучнее. Да, милорд. Вне всякого сомнения.

Граф Квик болтал с метановыми существами. Они что-то стонали ему в ответ. Роман дождался перерыва в разговоре.

— М-р Мейстрал, — вмешался он, — просил меня разыскать вас.

Глубоко посаженные выпуклые глазки графа Квика обратились к Роману: — Да? Для чего, м-р Роман?

— Он надеется, сэр, что вы согласитесь оказать ему услугу. Он понимает, что это необычная просьба, но надеется, что когда вы узнаете все обстоятельства, вы окажете ему честь выступить от его имени в важном деле, коротко говоря, в деле, касающемся Судьбы Империи. Он надеется, что проблема может быть разрешена быстро и ко всеобщему удовлетворению, а также к вашей чести и на благо Империи.

Выражение лица графа Квика не изменилось — фактически оно и не могло измениться, но Роману показалось, что его взгляд стал более пристальным.

— Вы заинтриговать, м-р Роман. Пожалуйста, продолжайте. Я весь уши.

Роман, готовясь излагать замысел Мейстрала, подумал, что из всех случаев, когда ему доводилось слышать последнюю фразу, это, наверное, был единственный, когда она в буквальном смысле соответствовала действительности.

Генерал Джералд слезящими глазами смотрел на молодого человека, стоявшего на пороге его дома. Пробу-

дившись от своих несказанно приятных и по-настоящему яростных снов при первых лучах солнца, он вылез из своих доспехов и отправился в постель, клянясь, что В ЭТОТ РАЗ он по-настоящему выспится, чтобы его не застали клюющим носом, если Мейстрал явится сегодня ночью. Появление молодого человека застало его врасплох. У генерала нечасто бывали посетители. Иногда он даже задумывался — а, может, он отпускает людей?

Генерал мог видеть молодого человека сквозь дверь, оставаясь невидимым. Посетитель был одет официально, но в экстравагантные яркие тона, разом отменявшие все условности и оскорблявшие представление генерала о возможности гармоничного сочетания цветов. Дерзкий малый, подумал генерал. Нахальный. Такому нужна дисциплина. Посмотреть только, как он держит руки в карманах, а стимулирующая палочка свисает из угла рта. Ему бы пошло на пользу послужить в армии.

Служба в армии была рецептом от многих социальных зол, который генерал давал автоматически. Он отворил дверь.

— Генерал Джералд?

— Военно-морские силы, — машинально произнес генерал. — В отставке.

— Меня зовут Грегор Норман. Я помощник Дрейка Мейстрала.

В сонном мозгу генерала Джералда закипело изумление. — А мне-то что до этого? — рявкнул он, все еще на автопилоте, в то время, как мозг лихорадочно соображал, в какую игру играет Мейстрал, черт бы его побрал. Попытка выманить его из дома, чтобы можно было ограбить?

— М-р Мейстрал, — произнес Грегор, — наткнулся на кое-какую вещь, которая может вас заинтересовать. Нечто, касающееся — хотите верить, хотите — нет — ни больше, ни меньше, чем Судьбы Империи.

Если это уловка, подумал генерал, то очень смелая.

А смелость вызывала у генерала Джералда восхищение.

Он отступил в холл: — Заходите, юноша.

— Благодарю вас, генерал.

— Оставьте вы эту проклятую палочку снаружи. Вы что, не знаете, что вам это вредно?

Грегор с минуту колебался, затем разломил возмущавший генерала стимулятор надвое и сунул в карман.

По крайней мере, удовлетворенно подумал генерал, у Мейстрала есть помощник, который знает, как выполнять приказы.

Робот медленно продвигался сквозь чащу деревьев-кибблов по направлению к барону Синну. Синн использовал молоток для того, чтобы разбрасывать фрукты, разыскивая свой крокетный мяч. Пока безуспешно.

Робот протягивал телефон: — Милорд. Звонок от его превосходительства графа Квика.

Барон выпрямился: — Он знает, что я здесь? Робот, у которого не было чувства иронии, не ответил.

Синн выглянул на крокетную площадку и увидел графиню Анастасию, курившую сигарету и смотревшую на него со злорадным удовлетворением, — и на разброс красных пятен под деревьями.

— Очень хорошо, — произнес он. — Я возьму трубку.

Барон, по-прежнему лениво подбрасывая фрукты, взял телефон из манипулятора робота. Робот парил над упавшими кибблами. Барон с минуту поколебался, бросив взгляд на графиню, а затем — на робота, и тут ему в голову пришла идея.

— Робот, — сказал он, — подбери все фрукты и сложи в кучи. — Он вытянул руку. — Примерно вот такой высоты. Если найдешь крокетный мяч, оставь его, пусть лежит.

— Да, милорд.

Когда робот занялся делом, улыбка барона стала шире, затем он нажал идеограмму “ответ”, и телефон тут же выдал ему миниатюрную голограмму крутой головы графа Квика, появившуюся перед хоботом барона.

— Добрый день, барон. Ваш самый покорный слуга.

— Всегда ваш верный слуга, милорд. Какой приятный сюрприз — слышать вас.

— Это день для сюрприз. Сам слышать сюрприз раньше.

— Приятный, надеюсь.

— Я с друг говорить м-р Мейстрал.

При имени Мейстрала по телу барона прокатилась волна лихорадочной энергии, но прошло несколько секунд прежде, чем он сумел расшифровать синтаксис графа Квика и догадаться, что тот имел в виду.

— Вы говорили с другом Мейстрала, милорд? — Барон хотел быть совершенно уверен.

— Правильно есть. Просить помощь моя как нейтральный третий сторона, но гражданин Империя. Я давать.

Мейстрал хорошо себя страхует, подумал барон с некоторой долей восхищения. И действует быстро.

Барон сохранял приветливое выражение лица: — Это было очень великодушно с вашей стороны, милорд, — произнес он.

— Предложить компенсация. Двадцать процент. Отклонить.

— Разумеется, милорд.

— Бескорыстно кажется лучше.

Робот собирал фрукты в небольшую пирамиду. Крокетного мяча еще не было.

Синн, как по команде, притворился бескорыстным, глядя на графа Квика: — Какого же рода помощь, по мнению Мейстрала, требовалась от вашего превосходительства?

— Я предлагать сделка, мой барон.

— Понимаю. — Синн с минуту поразмыслил. — Есть ли какое-либо место, где вас можно застать?

— Да. Отель “Пеленг” сейчас.

Под своей маской Синн от всего сердца чертыхнулся. Это было то место, где Этьен, Николь и (предположительно) Мейстрал жили под охраной службы безопасности Диадемы.

Отсрочку, подумал барон. Чем дольше отсрочка, тем больше шансов схватить Мейстрала без охраны его возлюбленной. Синн осторожно заглянул в голограмму.

— У меня нет предложений в настоящее время, ваше превосходительство. Но не сомневаясь, что получу инструкции от своего консульства, чтобы их представить.

— Понимание, милорд. Но сделка должны быть завершен в течение один местный день. Тридцать восемь часов.

Синн снова выругался. Похоже, Мейстрал все продумал: — У меня нет твердой уверенности насчет того, что предложит ли не предложит правительство Его Величества, — произнес он, — но я убежден, что они готовы предложить справедливую цену за то, чтобы вернуть Имперскую Реликвию. — Уши барона решительно наклонились вперед. — Однако, если Имперская Реликвия по окончании этой авантюры не будет возвращена, я надеюсь, ваш принципал даст себе труд осознать, каковы будут последствия такого недружественного акта. Когда великие империи играют по крупной, те, кто противостоит им, зачастую оказываются в опасности.

— Понимание, барон Синн. Ваш покорный слуга, сэр.

— Ваш покорный слуга. — Ньюансы, подумал барон, ньюансы.

Голограммы графа растаяла. Барон Синн заметил, что робот, похоже, оставил один круглый предмет, единственный красный кружок, попавшийся ему за время работы. Барон подошел к нему и поддел его молотком. Это определенно был его крокетный мяч.

Он зажег сигарету и обратился к роботу: — Продолжай складывать фрукты.

— Да, сэр.

Барон Синн снова ввел свой мяч в игру и зашагал назад, на лужайку. Графиня выбросила сигарету подальше от площадки и направилась к своему мячу.

— Я велел роботу убрать фрукты. Надеюсь, вы не возражаете?

Графиня не подала виду, что ее это опечалило: — Нисколько, барон. — Она стояла над своим мячом и готовилась к удару. — Мне следовало самой об этом подумать, когда я дала вам мой специальный мяч. Прощу вас, простите мне этот недосмотр.

— Разумеется, миледи.

Прицеливаясь, графиня скосила глаза на барона: — Это был какой-нибудь важный звонок, барон? — поинтересовалась она.

Барон точно рассчитал по времени свой ответ: — От агента Мейстрала, миледи.

Удар пришелся мимо центра, и мяч полетел прочь по касательной. — Не повезло, графиня, — сказал барон Синн и приготовился крокировать и послать мяч графини прочь с площадки, под ее фруктовые деревья.

Игра начинала ему нравиться.

— КОНЕЧНО, я возьму двадцать процентов, юноша! Вы что, за дурака меня принимаете?

Пааво Куусинен следил за игрой в крокет с нарастающим раздражением. В доме Амалии Йенсен ничего не происходило с тех пор, как отряд головорезов из “Весны Человечества” вернулся на свой насест. Дрейк Мейстрал, как выяснилось, находился в безопасности под защитой Николь. Куусинен прилетел к резиденции графини в надежде узреть что-нибудь драматическое, а нашел только игру в крокет и робота, складывавшего в кучу фрукты.

Куусинен вздохнул. Он решил слетать к лейтенанту Наварру в надежде увидеть какое-нибудь развитие событий.

Поскольку он присутствовал в начале этой истории, он ни за что не согласился бы пропустить финал.

Амалия Йенсен провела вторую половину дня, приходя к обескураживающей мысли, что ее дом исполь-

зуют как казарму для кучки вооруженных и воинственных мужчин, и ее реакция в конечном итоге выразилась в том, что она в отчаянии подняла руки вверх и удалилась в свою комнату. Там она смотрела видеонюжы в надежде узнать что-то новое о теперешнем местонахождении Мейстрала, но вместо этого увидела репортаж о волне странных преступлений, в настоящее время происходящих в Пеленг-Сити и его окрестностях: кража из дома лейтенанта Наварра предмета, не имевшего большой ценности, но похищенного с помощью очень дорогостоящих средств; насильственное похищение, за которым в непродолжительном времени последовало необъяснимое освобождение; столь же необъяснимое нападение на резиденцию графини Анастасии; разбойное вторжение в загородный дом, где роботы были расстреляны, а весь дом разгромлен; а теперь — последнее развитие событий — разбойное нападение на лейтенанта Наварра Хосейли под маской Шалуна Ронни.

Амалия Йенсен выпрямилась в кресле. Ведущий, надменный Хосейли, обратил внимание публики на то, что организаторы похищения Йенсен использовали как маскировку Шалуна Ронни. В настоящий момент факты казались скудными, но это не мешало репортерам строить предположения.

Амалия Йенсен почувствовала, как по ее коже пробежал холодок, услышав, что Шалун Ронни был убит во время нападения, по-видимому, посетителем, случайно оказавшимся на месте преступления. В репортаже ничего не говорилось о Хосейли, даже о том, какого он был пола, и у Амалии не было уверенности, что это была не Тви. На самом деле, вполне вероятно, что это была она, поскольку высокий Хосейли был, видимо, слишком сильно искалечен во время нападения на дом графини, чтобы принимать участие в дальнейшем разбое.

Дверь отворилась. Ворвался Пьетро: — Ты видела новости? — спросил он.

— Да.

— Почему Наварр?

Амалия на минуту задумалась: — Хороший вопрос, — заметила она. — Возможно, они думали найти меня там.

— А кто же убил Ронни? О нем вообще ничего не сказали.

— Что-то происходит.

— Вы правы, черт побери, происходит. — Последняя фраза принадлежала капитану Тарталье, появившемуся

на пороге. Амалия быстро справилась со своим лицом и постаралась скрыть органическую неприязнь при виде этого человека. Тарталья поскреб подбородок и посмотрел на видео: — Может, нам забрать этого Наварра. Задать ему пару вопросов.

Сердце Амалии тревожно подпрыгнуло: — Похоже, у него надежная защита, — сказала она.

— В любом случае, можно взглянуть на его дом.

— Там везде будет полиция.

Тарталья пожал плечами: — Об этом стоит поразмыслить. Дайте мне время подумать.

Зазвенело видео: — Телефонный звонок от генерала Джералда, мадам. Военно-морские силы. В отставке.

Амалия почувствовала, как на нее медленно накатывает волна изумления. Она была едва знакома с этим человеком: — Что ТЕПЕРЬ? — сказала она. И обернулась к Тарталье: — Прошу прощения, капитан.

Тарталья снова пожал плечами и повернулся, собираясь уйти. Амалия приняла звонок. Красная физиономия генерала Джералда появилась на экране. Амалия постаралась изобразить вежливую заинтересованность:

— Генерал Джералд! Какой сюрприз.

Генерал ухмылялся: — Меня попросил позвонить Дрейк Мейстрал.

За спиной Амалия услышала, как ахнул от изумления Пьетро, а затем капитан Тарталья сделал поворот кругом в коридоре и вернулся в комнату.

Амалия Йенсен сдержала свое изумление и была слегка удивлена спокойным тоном, которым она ответила. Возможно, она уже стала привыкать к интригам: — Вашему звонку будут рады в любое время, генерал. Меня удивляет, что м-р Мейстрал сам не позвонил мне.

— Возможно, не хотел, чтобы его убили.

— Каковы бы ни были наши разногласия, мы не оборудовали каждый телефон на Пеленге взрывным устройством просто на тот случай, если м-р Мейстралу вздумается им воспользоваться.

— Возможно, он хочет соблюдать осторожность. Мне дали понять, что кое-кто из вас, публика, ворвались к нему в дом сегодня утром.

Последовало раздраженное ворчание со стороны Тартальи.

— Давайте перейдем к делу, хорошо? — Генерал, по-видимому, получал удовольствие. — Пока в этом деле вы не сильно покрыли себя славой, и я думаю, Мейстрал поступает весьма разумно, давая вам шанс выпутаться из этой ситуации. — Улыбка генерала стала

шире, демонстрируя неприкрытое, злорадное удовольствие. — Мейстрал желает, чтобы сделка была завершена в течение ближайших тридцати восьми часов — одного дня. Я получаю двадцать процентов как посредник. Я услышу какие-нибудь предложения цены?

Тарталья оттолкнул Амалию Йенсен и встал перед видео, как раз в радиусе голографического приема. Амалию закололо, как иголками.

— Генерал. Я капитан Тарталья.

Генерал, казалось, сверялся со своей памятью: — Не припоминая никакого капитана с таким именем. Ах да, экс-капитан. Тот самый, что ушел с военной службы Созвездия, чтобы примкнуть к дурацкой парамилитаристской организации, страдающей манией величия.

Рот Тартальи сжался в узкую мрачную полоску: — Меня удивляет, что вы в этом замешаны, генерал. На карту поставлена Судьба Созвездия. Похоже, единственное, что вас волнует, — это ваши двадцать процентов.

Генерал побагровел. Амалия вздрогнула: так громко и внушительно прозвучал его ответ: — Меня достаточно ВОЛНОВАЛО Созвездие, чтобы я отслужил шесть сроков во флоте, щенок! Во флоте, напоминаю, готовом сражаться против Империй независимо от того, есть у них Император или его распроклятая сперма! Меня достаточно ВОЛНУЕТ Созвездие, чтобы я согласился сюда позвонить! Не согласись я выступать в роли посредника, вы могли бы вообще остаться в стороне от этой сделки. Поэтому я предлагаю вам проявить достаточную заботу, чтобы выйти с разумным предложением.

— Если вам так будет угодно, генерал.

— Это угодно МЕЙСТРАЛУ, щенок! Если бы у меня была возможность собрать какие-то средства, я бы сам назначил цену за эту вещь, но я знаю, как много времени необходимо военным, чтобы удовлетворить нетрадиционное требование средств. Так что, похоже, Судьба Созвездия в ваших руках, да поможет нам Небо и все Добродетели.

— Стало быть, и любители на что-то годятся.

Генерал назидательно поднял палец: — Деньги говорят за себя громче, чем сарказм, щенок.

Амалия видела, что пальцы Тартальи дрожат от сдерживаемой ярости: — Очень хорошо. Сто пятьдесят. Но скажите Мейстралу вот что. Если он отдаст предпочтение Империи, пусть лучше готовится провести остаток жизни за границей. И даже тогда воздух Империи может оказаться для него нездоровым.

На генерала Джералда это явно не произвело никакого впечатления: — Я передам сообщение, щенок, но на твоём месте я не стал бы сыпать угрозами, выполнять которые у тебя не хватит умения.

Ответ Тарталья был краток: — Сто пятьдесят. Скажите Мейстралу.

— Я так и сделаю и свяжусь с вами снова. Полагаю, цена повысится. — Глаза генерала, казалось, старались проникнуть за пределы голографического изображения, ища Амалию. — Мисс Йенсен, — произнес он, — я очень разочарован обществом, в котором выращиваетесь.

Образ генерала растаял. Тарталья стал сыпать проклятия, а Амалия осталась стоять все больше восхищаясь ловкостью Мейстрала. Он избрал идеального посредника — человека, чьи симпатии были отданы Со звезде, и тем не менее исключительно честного, человека, который счел бы любое нанесение ущерба Мейстралу оскорблением своей чести.

— Мы схватим генерала! — говорил Тарталья. — Мы вытянем из него координаты Мейстрала. А потом... потом...

— Скорее всего он не располагает такой информацией, — отрезала Амалия. — Отдайте должное Мейстралу — он знает свое дело. Он явно действует через подставных лиц, а подставным лицам он о своем укрытии докладывать не станет. — Она встала и посмотрела прямо в изумленные глаза капитана Тартальи. — Генерал Джералд выиграл в прошлом несметное число дуэлей, и, по-моему, если вы пошлете за ним своих людей, они вернутся с серьезными увечьями, а кончится все это тем, что вы получите вызов на дуэль, которую, скорее всего, выиграть не сумеете, и Империя получит реликвию.

Тарталья презрительно фыркнул: — Возможно, вы думаете, что вам следовало бы всем руководить.

— Возможно, именно Амалия должна бы это делать, — заявил Пьетро. — Похоже, она лучше соображает, как вести себя в этой ситуации.

— Будь проклят этот Мейстрал! — Тарталья в ярости ударил кулаком по стене. Амалия услышала удивленный отклик его последователей на яростные выпады и шум. — Будь он проклят!

— Действительно, черт бы его побрал, — сказала Амалия. Как и прежде, она удивлялась собственной невозмутимости. — Проклинайте его сколько вашей ду-

ше уютно. Но прекратите ему грозить, не то мы вообще все потеряем.

Тарталья замолчал, весь красный и озадаченный.

— Вот именно, — сказал Пьетро. — С этого времени позвольте нам вести с ним дела.

Он прошел через всю комнату, присоединяясь к Амалии. Они слишком много пережили вместе, чтобы Тарталья мог так просто это отбросить.

Звуки “Героики”, безупречно воспроизводимые троксанским плеером Грегора отдавались в стенах дома Мейстрала. Робот, направлявшийся куда-то по делам, издал негромкий свист, за ним последовала серия звуков, напоминавших сигналы спутника.

Это была последняя капля. Мейстрал развернулся в кресле и ударил по роботу из разрывного пистолета. Робот замер.

Мейстрал знал, что ему, очевидно, придется уплатить за нанесенный ущерб, но решил, что возможность без помех послушать “Героiku” стоила того. Мейстрал вызвал “Бюллетень личных объявлений Пеленг-Сити”, где генерал Джералд поместил предложение цены, назначенной “Весной Человечества”. По его лицу пробежала улыбка. Сто пятьдесят. Не так уж плохо ждя начала. Империалисты пока с предложением не выходили.

Угрожали, однако, обе стороны — это явствовало из посланий, переданных генералом Джералдом и графом Квиком.

Об этом следовало поразмыслить. Мейстрал велел видео отключиться, и устройство отсалютовало ему бибиканьем и мигающими огоньками. Мейстрал подавил приступ раздражения.

Обе фракции сулили Мейстралу насилие, если он продаст реликвию противоположной стороне. Если дела пойдут совсем уж плохо, Империя, по-видимому, сумеет лучше защитить его, но Мейстрал предпочитал не проводить остаток своих в укрытии. Кроме того, он не желал проводить их в Империи.

С минуту Мейстрал поразмыслил над ситуацией, в особенности, в связи с его мыслями прошлым вечером, когда Роман сообщил ему о своей склонности к поддержке Империи. Затем улыбнулся и кивнул сам себе. Тут требовалась секретность.

Роман, никому не доверявший покупке еды для Мейстрала, отправился за провизией. Его отсутствие давало прекрасную возможность составить небольшой заговор “Без Романа”. Мейстрал последовал за оглушительными

звуками “Героики” к двери Грегора и тихонько постучал.

— Грегор? Могу я поговорить с тобой?

— Конечно, босс. Входите.

Грегор разобрал одного из домашних роботов и исследовал его содержимое.

Уже двоих нет! жизнерадостно подумал Мейстрал.

Грегор положил свои инструменты на стол и выключил четвертую часть, отдав резкую команду своему аудио-устройству.

Мейстрал неслышно прошел к стулу и удобно устроился в нем: — Как самочувствие, хорошее? — поинтересовался он.

— Конечно, босс. — На виске Грегора был едва заметный шрам, но в остальном полуживая повязка сделала свое дело: сняла опухоль, содействовала заживлению, ликвидировала почти весь шрам, а затем, в последней стадии, превратилась в полуживую мозоль и отвалилась.

— Грегор, обе стороны угрожают. Я предвижу здесь определенную опасность.

Грегор пожал плечами: — Что еще нового?

— Боюсь, что оба наши клиента не удовлетворятся, пока не заполучат реликвию.

— Я буду осторожен. Не беспокойтесь, босс. Я, так же, как и все, хочу сохранить свою шкуру.

— Дело не в этом. Дело в том,... — Мейстрал сделал вид, что колеблется. — Я предпочел бы, чтобы наших друзей-империалистов постигло разочарование.

Грегор ухмыльнулся. Наклонился вперед: — Я тоже. Как нам это сделать?

Где-то в глубине ленивых глаз Мейстрала затаилась улыбка. Все получалось гораздо легче, чем он предполагал: — Мне пришло в голову, что реликвия, должно быть, пережила серьезные сражения. Было бы просто позорным, если бы Империя, получив артефакт, обнаружила, что в него попали один-два разрывных заряда.

— И она оказалась стерилизована?

Мейстрал поднял руки ладонями кверху: — Они вряд ли смогли бы обвинить в этом НАС.

Грегор давился от смеха: — Это очень здорово, босс.

— Разумеется, Роману незачем знать. Не то чтобы он был проимпериалистски настроен, просто он не одобрит надувательства по отношению к клиенту.

Грегор заговорщически подмигнул: — Нет проблем. Мои глаза ничего не видят.

— Но если мы собираемся продать Империи сперму Его Величества, наши друзья из Созвездия, вероятно, потребуют доказательств того, что она стерилизована.

Грегор нахмурился: — Улавливаю. Каким-то образом нам надо знать Йенсен и ее друзьям, что образец стерилизован, прежде чем передать его империалистам. — Он озадаченно покачал головой. — Трудная задача, босс.

Мейстрал поднял руку. — У меня есть идея, Грегор, — произнес он. — Посмотрим, согласишься ли ты.

— Барон Синн. Ваш покорный слуга.

— Граф Квик. Всегда к вашим услугам.

— Мое консульство уполномочило меня назначить цену в двести. — Это была ложь. Синн использовал свой собственный кредит — он, как и генерал Джералд, понимал, что пока просьба дойдет по официальным каналам, пройдет слишком много времени.

— Буду передать, мой барон. Мой благодарность.

Барон вернул телефон роботу и бросил взгляд из-под киббловых деревьев в сторону ожидавшей на крокетном корте графини. Вид у нее был не слишком радостный.

Не везет ей, подумал барон, возвращаясь на корт и весело помахивая молотком. По каким-то причинам ее игра разладилась. У барона был реальный шанс выиграть вторую партию.

— А потом из засады выскочило это гигантское существо. Замаскированное под куклу, ни больше, ни меньше. Он, должно быть, был ненормальный. Схватил меня, трепал по всему дому и все время задавал вопросы о мисс Йенсен.

— Это, должно быть, было ужасно.

— Он меня все время душил. Не давал мне говорить. Если бы он убрал руки с моего горла, я бы не смог сказать ему ничего. Я едва знаком с этой женщиной. Пока вы мне не сказали, я понятия не имел, что ее освободили. Если бы не ваш человек, вне всякого сомнения, я бы сейчас лежал мертвым в доме моего дяди.

— Вы думаете, это было то же лицо, что ограбило дом вашего дяди?

— Мне приходило это в голову. Но это означало бы, что кража как-то связана с нападением на мисс Йенсен, а я не могу придумать, какая тут может быть связь.

Николь улыбнулась, в ее голове теснились собственные предположения: — Да, — произнесла она, — совершенно непонятно.

Лейтенант Наварр оперся подбородком на руку и задумчиво заговорил: — Это напоминает мне пьесу, которую я видел в Помпеях. Странная сложная пьеса, написанная одним из местных авторов. Драма, комедия, даже парочка песен. Там была великолепная роль для одной из моих любимых актрис. — Пауза. — Она довольно сильно напоминает мне вас, миледи.

— В самом деле? — Николь положила руку на его локоть. Ее голос был спокойным, мурлыкающим. — Расскажите мне об этом, лейтенант Наварр. Я с удовольствием послушаю все, что вы вспомните.

Было почти время сиесты. Грегор ушел на короткое задание к ближайшему общественному телефону, чтобы передать контрпредложение Империи генералу Джералду, оставив Романа готовить Мейстралу второй завтрак перед сиестой при помощи снаряжения, привезенного к столу на тележке. На сковородке у Романа пылала горячая приправа. Мейстрал с восхищением следил за умелыми движениями Романа.

По-видимому, хватит времени посекретничать, пора.

— Ваш салат, сэр.

— Спасибо, Роман. Что я ем — кава-киви?

— Да, сэр. Плюс моя небольшая причуда.

— Великолепная идея, Роман. Пусть она и в будущем приходит тебе в голову, непременно.

— Благодарю вас, сэр.

Мейстрал снова принялся за салат. Роман занялся уборкой своих кухонных приспособлений. Мейстрал положил вилку и постучал фальшивым бриллиантом по переднему зубу.

— Роман, — произнес он, — можно мне с тобой посоветоваться?

Роман положил лопатку: — Сэр. Почту за честь.

Мейстрал заговорил на языке Хосейли. Ему казалось, что на этом языке лучше можно было выразить логику: — Он в нашей власти, и мы можем изменить ход истории.

— Сэр.

— Это ответственность, какой я никогда бы не пожелал. Мои жизненные интересы, боюсь, всегда были более обыденными. Этот элемент галактической интриги совершенно застал меня врасплох.

— Жизненные обстоятельства разрешения не спрашивают, они складываются сами по себе.

Мейстрал улыбнулся. Это была поговорка Хосейли, и в этом был весь Роман — до мозга костей.

— Очень верно, — согласился Мейстрал. — Обстоятельства сложились так, что я оказался в этой ситуации, и я мог бы, если бы захотел, заставить их сложиться так, чтобы я из нее выпутался.

Роман был явно заинтригован: — Позволив, чтобы аукцион шел, как получится, а потом продав реликвию тому, кто даст наивысшую цену?

Мейстрал поднял вилку: — Именно так.

Уши Романа сдвинулись вперед: — Вы не хотите, чтобы обстоятельства складывались таким образом, сэр?

Мейстрал отвел назад ухо в знак осторожного раздумья. Он разглядывал свой остывающий салат и сообщал, как бы ему все это подать. Он мог, конечно, сказать Роману, что Синн и Амалия Йенсен угрожали ему, но это просто приведет к тому, что Роман загорится праведным гневом и станет уговаривать Мейстрала вызывать на дуэль всех, кто попадется под руку. Надо было изыскать другой путь. — Роман, — сказал Мейстрал, — у меня нет ни малейшего желания нести ответственность за прекращение имперской династии. Это символ цивилизации старшей, чем человечество. Независимо от политики, я чувствую, что не имею права решать: жить Пенджахи или умереть.

— Но честь обязывает вас честно вести торговлю.

— Да. — Мейстрал поднял вилку и бесцельно поковырял ей салат. — Видишь, передо мной стоит дилемма, Роман.

— Сэр, я вряд ли гожусь на то, чтобы советовать...

Мейстрал вскинул руки: — Если не ты, Роман, то кто же?

Ноздри Романа затрепетали от волнения. Мейстралу самому понравилось собственное представление, но он знал, что крик отчаяния был не совсем поддельным. Если он не сумеет уговорить Романа предпринять определенные действия, Пеленг — и, если уж на то пошло, любое другое место — станет для всех их гораздо более опасным местом.

— Сэр, — произнес Роман, — прошу вас, позвольте мне минуту подумать.

— Разумеется, — Мейстрал сделал вид, что снова заинтересовался салатом, и стал следить за Романом из-под полуопущенных век. Нос Хосейли морщился; уши двигались назад, влево, направо; руки размахивали над кухонными приспособлениями. Роман явно с чем-то боролся в душе.

— Сэр, — произнес Роман, — разве нельзя сказать, что некоторые обязанности стоят выше чести, а также

что сохранение жизни — одна из них. Далее, нельзя ли сказать, что сохранение жизни само по себе является благородным долгом?

В душе Мейстрала забурлила радость и облегчение. он тщательно подавил все признаки обуревавших его чувств: — Что ж,.. — произнес он.

— Империалисты, разумеется, считают королевскую фамилию саму по себе непреходящим идеалом, каково бы ни было мнение по эту сторону политической границы.

— Роман, — сказал Мейстрал, — но это же будет означать обман наших клиентов.

— Так оно и будет, сэр.

— Это значит обмануть ГРЕГОРА. Человек его происхождения никогда не поймет, что значит для нас идеал Пенджахи.

— Роман на минуту задумался: — Это будет сложная задача, сэр.

Мейстрал поднес к губам салфетку: — Именно поэтому нам следует разработать план сейчас. Пока Грегора нет.

— Триста.

— Четыреста пятьдесят.

— Семьсот.

— Тысяча.

— Я вас не ждал до того, как состоится обмен, юноша. Для вас может быть слишком опасным, если вас здесь увидят.

— Я принял меры предосторожности. Мой босс прислал меня с предложением, генерал.

— Да? Вы меня интригуете.

— М-р Мейстралу нет так уж безразлично, чем кончится это дело, генерал. Он предпочел бы, чтобы одна из сторон — люди — осталась в выигрыше.

Глаза генерала блеснули: — Вот как? Рассказывайте.

— Тысяча пятьсот.

— Ему они нужны СРАЗУ?

— Наличными, капитан.

— Наличными? Не кредитной карточкой? — Пауза.

— Да тут, может, на всей планете столько не наберется.

— Могу вас заверить, что наберется. Даже в самом упорядоченном обществе всегда есть спрос на средства, которые невозможно проследить.

— М-р Романс. Я рад.

— Вы слишком добры, милорд.

— Пожалуйста, разделить со мной бренди.

— К вашим услугам.

— Удивлен быть видеть вас. После угрозы думать, вы спрятаться.

— М-р Мейстрал прислал меня с предложением. Нельзя сказать, чтобы у него не было никаких убеждений в этом вопросе. Он испытывает сентиментальную привязанность к Имперской фамилии и желает им долголетия и успехов.

— Очень интересно. Пожалуйста, сказать еще и продолжать.

— Подождите минутку, юноша.

— Сэр?

— Все это на словах выглядит более сложным, чем нужно. Откуда я узнаю, если вы не проведете подмену?

— Криоконтейнер все время будет на виду. Вы сможете наблюдать за ним, и м-р Мейстрал до него не дотронется. Если мы провернем обмен, вы будете знать об этом.

— Но, м-р Романс, простите меня. Насколько мы быть уверены в имперской штука?

— Обширные области Имперской генетики были нанесены на карты, милорд. Я уверен, что непосредственно перед обменом можно провести сравнение.

— Грегор.

— Да, босс.

— Мне придется сегодня ночью отлучиться по делу. Пожалуйста, не говори Роману, что меня не будет.

Смешок: — Хорошо, босс. Как скажете.

— Две тысячи сто.

— Роман?

— Сэр?

— Я отлучусь из дома на эту ночь. Уверен, ты понимаешь, зачем.

Пауза. — Да, сэр. Вам потребуется моя помощь?

— У меня есть подозрение, что в банке спермы Пеленг-сити древняя охранная сигнализация.

— Как вам угодно, сэр.

— Пожалуйста, не говори Грегору, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Ни в коем случае не скажу, сэр.

— Две тысячи пятьсот.

— Две тысячи восемьсот пятьдесят.

Имперская реликвия стояла, поблескивая, на столе Мейстрала. Он только что вернулся из своего рейда в банк спермы и все еще был одет в маскировочный костюм. Его стянутые волосы были зачесаны наверх. На глазах были усилители изображения; руки упрятаны в перчатки, обнаруживавшие поток энергии. В доме цари-

ло безмолвие, не считая сигналов робота — последнего из оставшихся, возившегося в дальнем коридоре.

Перед Мейстралом находилось оборудование для хранения и содержания в сохранности спермы Хосейли. Сам он никакой спермы не крал, ему пришлось использовать подлинный образец императорской с нанесенными на карту генами Пенджали, иначе сделкам, которые он заключил, грозил провал.

Мейстрал тщательно проследил узор, нанесенный на реликвию. Пульсация электронов отдавалась в его висках.

Мейстрал подумал о своем плане, и где-то, в потаенной части его сознания вспыхнул страх. Он без нужды все усложняет. И существенно увеличивает грозящую ему опасность.

В мозгу Мейстрала формировались схемы. Инструменты ловко двигались в его руках.

Раздался щелчок. Часть реликвии стала вращаться. Как только холод коснулся воздуха, мороз нарисовал тонкие узоры на гравировке.

Реликвия была открыта и отдана на милость Мейстрала.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Уверенные в своих снах, существа-метаниты в Зоопарке Пеленг-Сити вели свою медлительную жизнь, скользя по замороженному аммониевому морю. Хотя у них определенно имелся язык и ограниченный интеллект, лица, наблюдавшие за ними, не были уверены, признать ли у них существование подлинного интеллекта. Изолированные от внешнего мира, где они немедленно превратились в пар, существа ползали на скорости скольжения по их обиталищу, поглощая пищу и друг друга, порождая отбросы и новых индивидуумов. Их восприятие было ограничено звуком и прикосновением, и они были счастливы в своем замкнутом мире, если не считать раздражающего контакта с забавными маньяками из внешнего мира.

Те, кто следили за ними по мониторам зоопарка, были бы немало удивлены, обнаружив, что метановые существа отказывают им в реальном существовании. Вместо этого метаниты были убеждены, что странные пульсации, направленные к ним из громкоговорителей, были формой согласованной галлюцинации, произвольного побочного продукта их собственных вибрирующих фантазий. На протяжении большей части своей истории метаниты вели длительную драматическую работу — строили возвышенную, замысловатую мозаику, абстрактную, как опера, страстную, как любовный роман, наполненную богами и чертями, юмором и философией, недоумением и странностью, и вся она сама себя комментировала и критиковала по ходу действия. Нескончаемая работа стала жить своей собственной сложной жизнью, повороты сюжета этого романа самым непредсказуемым образом возникали из, казалось бы, простейших драматических приемов, ростки нового проникновения в характеры с поразительной регулярностью прорезались даже у персонажей столь давнего происхождения, что их рождение совпадало по времени с рождением их создателей.

Попытки общения с метанитами в аммониевом море, казалось, были просто аспектами этого спонтанно возникающего нового проникновения. Это, заключили существа, — новая интенсивная форма галлюцинаций, и они начали долгую дискуссию о характере их собственного подсознания, недоумевая, откуда берутся такие

мысли, дискуссию, которая (и по сию пору) не завершена. Объяснения графа Квика по поводу образа жизни Мейстрала слегка потрясли маленькую колонию метанитов; возможно, концепция “вора” могла быть включена в Великое Произведение, возможно, — нет. Концепция предполагала материальную собственность, которой у метанитов не было и которой они не смогли бы манипулировать, даже в том случае, если бы таковая имела. Понятие собственности казалось по меньшей мере радикальными упражнениями в философии предположений. Подсознание метанитов, заключили существа, оказывалось на поверку более изобретательным, чем они предполагали ранее.

Нам не следует испытывать излишнего чувства превосходства. Физические горизонты метанитов могут быть ограничены, но их умственная деятельность более живая. Надо еще учитывать, как опыт метанитов может быть принят в качестве парадигмы нашего собственного опыта. Мы, как и существа, приближающиеся к нулевой температуре, живем, окружив себя концептуальными стенами собственного изобретения, и имя им — легион: религиозный скептицизм, идеология, собственность, Высокий Обычай — право же, Высокий Обычай — это намеренный отказ от некоторых форм опыта в пользу других, считающихся более возвышенными или достойными. Высокий Обычай, по крайней мере, признает свою ограниченность. Совокупность опыта, борьба корпоративного существования и вселенная... похоже, ни одно культурное или идеологическое здание не может хорошо обращаться с макрокосмом. У метанитов есть свои иллюзии, и они, кажется, вполне счастливы ими. Это больше, чем то, на что могут претендовать многие из нас.

У Пааво Куусинена возникло сильное ощущение, что он похож на существо, окруженное стенами, но не собственного изобретения, и он стал уже подумывать, а не были ли события последних дней на самом деле неким странным порождением его больного ума. Он был взбешен целым днем наблюдения за людьми, жившими, казалось, самой обыкновенной жизнью, — как, после прошедших нескольких дней все могли вести себя так нормально? В конце концов, Куусинен забросил свои наблюдения и отправился проводить вечер в отель. По крайней мере, это даст ему возможность принять ванну и переодеться. Его номер, казалось, был слегка удивлен его поведением — он не был в нем почти два дня.

Поднявшись, Куусинен заказал себе завтрак и стал сканировать компьютером номера в поисках развития дальнейших событий. Полиция оставалась в недоумении, Мейстрал оставался в номере у Николь, и — Куусинен наострил уши — Николь объявила, что Мейстрал будет сопровождать ее в этот вечер на прощальном балу в честь отбытия Диადемы. Куусинен порывшись в оставленной ему почте, обнаружил приглашение в компьютерном хранилище и потребовал, чтобы его (а заодно и полосу магнитного кода, с помощью которой он пройдет через службу безопасности Диадемы) распечатали.

По крайней мере, сегодня вечером он будет иметь возможность на всех посмотреть. Возможно, их поведение ему что-то подскажет.

— Надеюсь, вы извините нас, лейтенант.

— Разумеется, мадам.

Лейтенант Наварр поклонился, обнюхал уши Николь и Мейстрала и вышел из гостиной Николь в ее будуар. Дверь за ним затворилась. Николь смотрела на Мейстрала сияющими глазами. Он улыбнулся:

— Новый роман, миледи?

Николь сделала гримаску: — Я же сказала, что ты слишком хорошо меня знаешь, разве нет? — Он ПРОБЕЛ здесь две ночи. Остаться ему не было никакой необходимости — он мог уйти, не прибегая к маскировке, под своим собственным лицом. А теперь я застаю вас вдвоем, когда вы заканчиваете завтракать.

Николь взяла Мейстрала под руку и вздохнула: — Он поразительный человек. У него необыкновенная память — он ничего не забывает. Ясность его воспоминаний — это потрясающе. И он действительно что-то делал, Дрейк. Спасал чужие жизни, рисковал собственной. Он делал все это, пока я совершала турне перед камерами. С ним все было по-настоящему.

— Желаю счастья, Николь.

Она рассмеялась: — Спасибо, Дрейк. Ты знаешь, я очень рада видеть тебя целым и невредимым.

Мейстрал улыбнулся и поцеловал ее: — Я счастлив быть целым, миледи.

— Заказать второй завтрак?

— Нет, спасибо, я уже поел.

— Вот. Садись рядом со мной.

Мейстрал подобрал какой-то факс и лениво пробежал по его строчкам, отдавая роботу: — Пьеса, Николь?

Она слегка улыбнулась: — Вот именно. Лейтенант Наварр сказал, что я в ней буду хороша.

Мейстрал бросил взгляд на Николь: — Он прав?

— Это изумительная роль. Персонаж — манипулятор, и она играет по меньшей мере полдюжины сильных ролей, просто заставляя другие персонажи поступать так, как она хочет.

— Ты будешь это играть?

— Персонаж не первой молодости. А как только начинаешь исполнять роли зрелых женщин, уже не можешь повернуть все вспять и играть инженю.

— Но ты будешь ее играть, да?

— Думаю, да. — Николь закусила нижнюю губу. — Интересно, готова ли я к этому. Роль требует такого размаха.

Мейстрал взял ее руку и сжал ее: — Смелее.

Николь слабо улыбнулась: — Да, я буду играть. ЗНАЮ, что буду. Но я бы еще немножко попсиховала по поводу этого решения, если тебе все равно. Мне противно думать, что я его приняла его.

— Пока ты психуешь, миледи, разреши кое-что тебе показать. — Мейстрал откинул с запястья кружева, сунул руку в карман и, вынув ее, продемонстрировал на ладони два маленьких криогенных флакона. Он повернул запястье, показал Николь обратную сторону кисти, затем снова повернул руку. На ладони был только один флакон. Николь одобрительно кивнула.

— Очень хорошо, — произнесла она. Мейстрал снова проделал те же движения, и на его ладони вновь появились два флакона.

— Как вы думаете, миледи, — спросил он, — могли бы вы обучиться этому к сегодняшнему вечеру?

Николь приняла суровый вид: — Я не участвую ни в каких заговорах, Мейстрал, если не знаю, в чем они состоят. Даже ради тебя, Дрейк.

Он поклонился ей, а флаконы то появлялись, то исчезали в его пальцах: — Естественно, ты должна знать, миледи, — сказал он. — Однако я должен предупредить тебя, чтобы ты не рассказывала ничего из того, что я скажу, лейтенанту Наварру. Если он хоть что-нибудь узнает, ему придется вызвать на дуэль половину из присутствующих на балу сегодня вечером. — Мейстрал взглянул на Николь и улыбнулся, предвидя ее реакцию, а флаконы все танцевали в его руках. — На карту поставлена не больше, не меньше, как Судьба Цивилизации.

В воздухе над бальной залой торжественно парили идеограммы “Счастливого пути” и “Грустно расставаться”, не обращая внимания на танцующие информационные шары. На антигравитационном балконе под потол-

ком оркестр играл музыку, под которую удобно было прохаживаться и быть замеченным. Под оркестром два персонификатора Элвиса насмерть зарезали друг друга. Этьен стоял в парадном алом костюме, теребя пальцами эфес своей рапиры (напоминание о его дуэли) и вежливо зевал в лицо своим поклонникам. Николь была одета в чуть старомодное черное платье с кринолином, открывавшее ее великолепные белые плечи. Она парировала вопросы о Дрейке Мейстрале с привычной легкостью. Политики и местные знаменитости парились в ярком свете, застенчивые искали альковы и парили у чаши с пуншем; другие сбились в кучки, лицом к стене — например, в одном конце зала — империалистическая группа, или, в другом конце группа Созвездия. каждая группа дружно хмурилась, бросала сердитые взгляды и переступала ногами.

А между ним находилась еще одна группа. Мейстрал, Грегор и Роман, смотревшие всем в лицо, открыто и не стесняясь. Каждый из них улыбался, и каждый — по причинам, известным только ему самому.

— Да, мне больше не нужна эта стекляшка, слава Добродетелям. Все шрамы прошли. — Скрывая зевок.

— Я вижу, вы сегодня вооружены. Вы получили еще один вызов?

Сердитый взгляд. — Боюсь, что я не могу здесь оставаться. Я не обсуждаю таких вещей.

— Дрейк.

— Николь. — Мейстрал ласково обнюхал Николь, затем поцеловал ей руку. Шары столпились вокруг них, чтобы лучше видеть. Николь, улыбаясь, разговаривала пониженным голосом. Ее губы, к полному бешенству любителей читать по губам на видео, едва шевелились.

— Я попросила оркестр сыграть "Паломничество к коричному храму" в два раза длиннее, чем обычно. Надеюсь, этого будет достаточно.

— Благодарю вас, мадам. Полагаю, что это прекрасно подойдет. — Мейстрал обернулся к своему окружению. — Николь, могу я представить моего помощника Романа?

— Счастлива снова видеть вас, мой дорогой. — И для камеры: — Разумеется, мы старые друзья.

Обмен обнюхиванием: — Это большая честь для меня, мадам. Вы сегодня просто прелестны.

— Благодарю вас, роман. Вы хорошо выглядите.

— Вы очень добры, что это заметили, мадам.

— Николь, — произнес Мейстрал, — позволь представить тебе моего младшего помощника, м-ра Грегора Нормана.

— М-р Норман.

— Ах. Очарован. Мадам. — Грегор, для которого появление женщины, воплощавшей годы страстных желаний юности, оказалось слишком большим испытанием, рванулся вперед и схватил руку Николь своей влажной ладонью. Уверенно повернув руку, Николь избежала опасности вывихнуть локоть. Ее улыбка оставалась спокойной. Она повернулась к Роману. Грегор смигнул пот, заливавший ему глаза, и молча обругал себя.

— Надеюсь, вы придете меня повидать до моего отъезда. Возможно, завтра утром.

Язык Романа перекатывался во рту: — Буду счастлив, если только я не понадобится м-ру Мейстралу.

Мейстрал снисходительно улыбнулся. Его никогда не переставала слегка забавлять взаимная привязанность, существовавшая между Николь и его слугой. — Разумеется, можешь идти, Роман, — произнес он, — то есть, это в случае, если кто-нибудь из нас доживет до утра.

* * *

— Эта женщина, Йенсен, тоже здесь.

— Я видел ее, графиня.

— Мне не нравится эта последняя военная хитрость, барон. Мне она представляется излишне сложной.

— Мейстрал пожелал продолжать жить здесь, в Созвездии. В ином случае Империя не получит предпочтения.

— Но вы ему доверяете.

— И да, и нет, — барон колебался. — Он знает, что произойдет, если он нас разочарует.

— Да. — В голосе графини послышалось удовлетворенное рычание. — Если он боится, он наш слуга. Остальное не имеет значения.

— Империалисты тоже здесь, Амалия.

— Да, Пьетро. — Амалия улыбнулась. — Империалистов ждет разочарование. Это мне всегда больше всего нравится.

— Кажется, ты в хорошем настроении.

— А почему бы и нет? Мы победили. И, судя по репортажам, погибший империалист оказался тем, кого

я бы предпочла видеть мертвым. — Минутная задумчивость. — Разумеется, я никому не желала смерти.

— Конечно. Я понимаю, что ты хотела сказать.

— А та, которая была действительно... в общем, симпатичная,.. она жива. — Амалия улыбнулась и взяла Пьетро за руку. — Кроме того, когда все это кончится, у нас будут свои планы.

— лейтенант Наварр?

— Да, м-р... боюсь, что моя память, сэр...?

— Куусинен. Ваш самый покорный слуга.

— Разумеется. Прошу вас, извините меня.

— О, конечно. Последние дни, должно быть, были напряженными.

Наварр беспокойно огляделся. Он все еще часто то и дело оглядывался через плечо, ища угрозу — бешеных кукол, размахивающих волшебными палочками и все в таком роде.

— Да, — отозвался он. — Верно.

— Интересно, есть ли какие-нибудь новости о том, кто был напавший на вас?

— Выяснилось, что он был дезертиром из имперской армии. Похоже, никто понятия не имеет, как он здесь оказался и что, по его мнению, творил. Подозреваю, что это существо было сумасшедшим.

— Несомненно. А про его сообщника ничего не говорят?

— Сообщника, сэр?

— Если ваш дезертир был одним из Шалунов, замешанных в похищении мисс Йенсен, значит, у него был партнер.

Наварр снова оглянулся через плечо. Он увидел Николь и улыбнулся, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам. — Я сам этому удивлялся, — сказал он. — Конечно, служба безопасности здесь — высший класс.

— Разумеется.

— И все же я рад, что я на этой планете ненадолго.

— Ваш покорность, джентльмены.

— Граф Квик. К вашим услугам.

— Мисс Никольс. Очень приятно мне видеть вас.

— Благодарю вас, милорд. Вы меня извините?

— Разумеется. — Граф повернулся к Роману и Мейстралу. — Мы заняться делом?

Николь сунула правую руку в кринолин, ощутила прикосновение криогенного флакончика. Она поупражнялась в фокусе, раз, другой. Походя, кивнула Этьену и снова проделала фокус. Ее сердце билось быстрее

обычного — она подумала, не бросается ли в глаза ее нервозность.

К такого рода представлениям она не привыкла. От этого же зависели жизни.

Николь бросила взгляд через зал на лейтенанта Наварра. Он был отчетливо виден: высокий, меднокожий, одетый в траур. У Николь было такое чувство, что он гораздо лучше справился бы с такого рода интригой, в конце концов, он был человеком действия. Лейтенант разговаривал с человеком, одетым по имперской моде, лицо которого было чем-то знакомо. Наварр бросил взгляд через плечо, увидел Николь и кивнул. Ей сразу стало легче на душе.

Николь выполнила фокус безупречно — лучший из всех, какие она проделывала до сих пор.

Она улыбнулась в ответ Наварру и двинулась дальше в сопровождении плывущих серебряных шаров.

Генерал Джералд возвышался над толпой, его мощная грудь была вся в медалях. Он сурово глянул сверху вниз на Мейстрала и быстро обнюхал его шею. Мейстрал ответил на приветствие, его уши были отведены назад, вел он себя так же сухо, как и генерал. Тот повернулся к Грегору.

— Мы готовы, юноша? — Грегор поклонился, подметая пол кружевными манжетами:

— К вашим услугам, генерал. — Генерал Джералд нахмурился. Как бы ни старался этот юнец вести себя по-другому, было в нем что-то такое, что делало его определенно НЕ-У.

— Что ж, к делу, — проворчал генерал.

Графиня Анастасия стояла неподвижно, как статуя, и следила за Романом глазами, похожими на застывший аммоний. Язык барона Синна удовлетворенно перекатылся: — Определенно принадлежит Имперской династии.

В небольшой комнате раздался мелодичный голос графа Квика: — Значит, удовлетворение?

— Да, милорд, — Барон Синн отдал флакон Роману, а тот вынул карманный пистолет.

— Отойдите назад, пожалуйста, милорд барон, — произнес Роман и быстро стерилизовал анализатор, уничтожив остатки спермы Нниса Шестьдесят первого, находившиеся в устройстве. Он поклонился барону: — Ваш покорный слуга, — произнес он.

Барон взвесил на руке небольшую кожаную сумку с наличными: — Всегда к вашим услугам, — ответил он.

Роман отвесил церемонный поклон: — Мы снова встретимся, милорд, в роли паломников к Коричному Храму.

Роман и граф Квик удалились. Графиня взяла барона под руку: — Это слишком сложно, — сказала она.

— У нас нет выбора. Поступи мы по-другому, и это поставит под угрозу Имперскую Реликвию.

— Тем не менее, — настаивала графиня, — мне что-то с трудом верится в эту чудесную подмену.

— Мне кажется, она хорошо продумана.

— Самые простые планы, — сказала графиня на своем самом безупречном Высоком Хосейли, — легче всего осуществить.

— Как верно, — ответил барон уважительным тоном, морща нос от отвращения при этом обмене прописными истинами. — Но для того, чтобы жаркое получилось лучше всего, необходимы самые лучшие ингредиенты. — Он почувствовал, как напряглась рука графини в его руке. Правда, подумал барон, он, кажется, научился справляться с этой женщиной.

— Пааво Куусинен, мадам. Ваш покорный слуга.

— М-р Куусинен. Мы, кажется, уже встречались?

— Очень любезно с вашей стороны вспомнить об этом.

— Прошу вас, идemьте со мной. Мы сможем побеседовать.

— Буду счастлив, мисс Николь. — Николь продела свою левую руку под согнутую руку Куусинена. Тот прочистил горло. — Прошу прощения, мадам, не согласитесь ли вы оказать мне честь ангажировать вас на "Паломничество"?

— Боюсь, что на этот танец я уже ангажирована, м-р Куусинен. Возможно, "Хрустальный лист"?

— Буду счастлив, мадам. — Пауза. — Мадам, могу я осведомиться, по-моему, вы немного нервничаете? Могу я вам чем-нибудь помочь?

Николь застыла: — Почему вы спрашиваете, м-р Куусинен?

— Ваша правая рука, мадам. Простите меня за это замечание, но создается впечатление, что вы что-то крепко сжимаете под кринолином.

Рука Николь метнулась прочь из-под кринолина, словно ее оттуда выбросили. Она бросила быстрый взгляд на Куусинена, затем заставила себя успокоиться. — Подарок, м-р Куусинен. Мне преподнесли его как раз перед приездом сюда, у меня не было времени

даже открыть его. Я в некоторой тревоге, по-видимому, это бросается в глаза.

— Понимаю, мадам. Надеюсь, вы простите мне мою дерзость.

Николь снова бросила на него взгляд. Его лицо было слишком сдержанным, чтобы ей понравиться: — Естественно, сэр, — произнесла она. И задумалась.

— М-р Мейстрал? — Вопрос задал плавающий информационный шар. Это был мужской голос Хосейли.

— Сэр?

— Могу я со всей деликатностью осведомиться о ваших отношениях с мисс Николь?

— Мы старые друзья, сэр.

— Возможно, даже больше, чем друзья. Вы провели три ночи в ее обществе.

— Разве?

— Вы утверждаете, что это не так?

— Я полагаю — со всей деликатностью, пользуясь вашим же выражением, — что ваши вопросы предполагают гораздо больше, чем какие-либо мои ответы. — Мейстрал скосил один глаз в сторону лейтенанта Наварра. — А теперь извините меня, я должен покинуть этот парад деликатности. Я вижу старого друга в том конце зала.

Капитан Тарталья вместе со своими рейнджерами ярости смотрел видео. Что там бубнит этот репортеришка? Почему не задаст ему дельный вопрос, например, где, черт побери, находится императорская сперма? Будь на его месте Тарталья, можно держать пари, что Мейстралу пришлось бы ответить на парочку крутых вопросов.

В гнев кусая губы, Тарталья искал на заднем плане Амалию Йенсен и Пьетро, но увидел только прямую массивную фигуру этого предателя генерала Джералда, шагавшую в конец зала. Приглашения на бал были написаны на их имена, и никто из них не пожелал передать свое приглашение Тарталье. Черт бы их побрал за нарушение субординации.

Чувствуя вкус крови, Тарталья зарычал на видео. Кто-то должен поплатиться за это, если план Мейстрала окажется просто трюком.

— Да, — улыбнулась Амалия Йенсен. — Определенно имперская культура.

— С вашего позволения, мадам.

Грегор вынул разрывной пистолет, тщательно прицелился и дважды выстрелил в анализатор. Машина заши-

пела и умерла. Генерал Джералд, возвышавшийся за спиной Пьетро, гулко рассмеялся.

Улыбка озарила черты Пьетро и Амалии. — Стерилизован, — выдохнул Пьетро. И взвесил на руке сумку с наличными.

Грегор вынул флакон из машины. — Империалисты получают вот этот стерилизованный флакон. Вы же, в обмен на ваши деньги, получите оставшуюся живую культуру. До начала танца можете держать меня под наблюдением, чтобы убедиться, что все идет, как запланировано.

— Не бойтесь, сэр, — заявила Амалия. — Мы так и сделаем.

— М-р Мейстрал, — продолжал Грегор, — будет танцевать в стороне от всех обменов. Флаконы рядом с ним даже не появятся. — Он прочистил горло. — Я предложил так поступить. Подумал, может, вам так больше понравится.

* * *

Мейстрал и лейтенант Наварр рука об руку прогуливались вдоль зала. — Прошу вас, не следует недооценивать давления, под которым придется жить вам обоим, — говорил Мейстрал. — Быть все время на виду. Бесконечные меры службы безопасности. Назойливые вопросы.

Наварр наострил уши в направлении парящих информационных шаров: — Я могу к этому привыкнуть, — произнес он. И хоть однажды сумел подавить желание обернуться и бросить взгляд через плечо.

— Я не смог, лейтенант, а у меня уже был определенный опыт даже до того, как я вообще познакомился с Николь. Но желаю вам большего успеха, чем я.

— Благодарю вас, сэр. Принимая во внимание обстоятельства, вы более чем великодушны.

Оркестр смолк, и публика в знак признательности потопала ногами. Запели трубы. И стали выстраиваться ряды для "Паломничества к Коричному Храму".

Мейстрал взял Николь за руку и ощутил ее нервозность. Он сжал ей руку: — Смелее, мадам, — сказал он. — Я тебе полностью доверяю.

— Я боюсь, Мейстрал.

— У тебя все прекрасно получится. Я, кажется, припоминаю, что твой страх перед сценой всегда проходит, когда оркестр начинает увертюру.

— Увертюра только что закончилась, а я все еще дрожу.

В ленивых глазах Мейстрала зажглись зеленые огоньки: — Танец начинается, мадам. А вместе с танцем начинается комедия. Потому что это всего лишь комедия, и ничего более. Мы должны смеяться над этим обстоятельством, а не чувствовать укоров. — Он поцеловал руку Николь и повел ее на ее место.

— Граф Квик. Ваша слуга.

— Салли Элронд, милорд. Я видела вас вчера в зоопарке.

— Вы казаться знакома.

— Я провожу там много времени. Я говорю на языке метанитов.

Пауза. — Правда, вы говорить?

— Пааво Куусинен, мадам. Прошу вас, окажите мне честь?

— Амалия Йенсен, сэр. С удовольствием.

— Ваш самый покорный слуга.

— К вашим услугам.

Куусинен исполнил прыжок. — Разрешите заметить, мадам, что вы кажетесь вполне оправившейся после вашего несчастного приключения.

— Я пришла в себя, да. Благодарю вас.

— Это не могло доставить большого удовольствия — сначала быть узницей, а потом стать объектом любопытства публики.

— Я сенсация на один день, м-р Куусинен. Будут другие сенсации, и я кану в благодарное небытие.

— Кажется, вас развлекает краткое знакомство с известностью.

— Я просто развлекаюсь, сэр. Но, возможно, не по этой причине.

— Барон Синн.

— Большая честь, милорд. Альтегн Воль.

— М-р Воль, я только что обнаружил сумку, принадлежащую м-ру Мейстралу. Не будете ли вы так любезны передать ее по ряду в его направлении?

— А. О. Разумеется, милорд.

— Вы меня очень обяжете, сэр.

— Рад видеть тебя, Этьенн.

— К твоим услугам, Мейстрал. Как всегда.

— Пеленг пришелся тебе не по вкусу. Мои соболезнования.

Этьенн добросовестно отплясывал, придерживая шпагу, чтобы не задевать ею людей, танцевавших по другую сторону. — Спасибо за сочувствие, Мейстрал. Хотя ты мог бы оставить кое-что в запас. У меня следующая по расписанию Нэйна. — Этьенн моргнул. — Ох, — сказал он, — прости, Мейстрал. Я забыл, что ты оттуда родом.

Мейстрал склонил голову на плечо и нахмурился. — Знаешь, — заметил он, — в конце концов, тебе, по-моему, идет эта стекляшка.

Этьенн закрутил ус: — Ты в самом деле находишь?

— Ваш покорный слуга, мисс Йенсен.

— Вы не могли бы оказать мне небольшую услугу, сэр?

— Разумеется, мадам.

— Я нашла сумку, принадлежащую м-ру Дрейку Мейстралу. Вы не могли бы передать ее по ряду в его сторону? Я уверена, он о ней беспокоится.

— Граф Квик.

— Элвис Пресли. Из Грейслэнда.

— Большая честь, сэр. Надеюсь скоро увидеть Мемфис.

Сержант Тви смотрела танец, лежа на позаимствованной ею кушетке перед видео. Комнату наполнял теплый маслянистый запах лиственных лепешек; уничтожая их, Тви сдувала желтый пигмент с пальцев. Жизнь, которую она вела, до сих пор была вполне сносной. На Тви были надеты украденные драгоценности, а попозже вечером (до окончания бала) она, может быть, выйдет и стащит еще.

Единственной проблемой Тви в настоящее время было то, что она не могла выбраться с этой планеты — воспользоваться имперским паспортом она не осмеливалась и не знала никого на планете, кто мог был достать ей новое удостоверение. К несчастью, в программу ее обучения не входила подделка документов — пока она служила в Секретных Драгунах, имперские консульства в любой момент готовы были выдать ей совершенно аутентичные бумаги.

Тви увидела барона Синна, двигавшегося в ряду танцоров с графиней Анастасией, и ее уши прижались к голове. Она прицелилась в обоих из воображаемого огнемёта: — Бум, — произнесла Тви. Прямо между напряженных лопаток графини.

Информационные шары миновали то место почти в самом центре, где танцевали Мейстрал и Николь, и тут Тви заметила Амалию Йенсен, двигавшуюся вдоль ряда

в паре с каким-то человеком в костюме, сшитом по имперской моде.

Уши Тви прыгнули вперед. Возможно, подумала она, это и есть решение проблемы.

— Мне сообщили, что эта сумка принадлежит м-ру Мейстралу. Не могли бы вы передать ее дальше по ряду?

— Я помощник м-ра Мейстрала, мадам. Позвольте мне убедиться, что это та самая сумка, которую он потерял.

Роман открыл сумку и увидел значительную пачку наличных денег. Он закрыл сумку.

— Это именно то, чего мы хватились, мадам. Приносим вам благодарность за то, что вы вернули ее.

Роман посмотрел вдоль ряда и поймал взгляд Мейстрала.

— Генерал Джералд.

— Графиня Анастасия.

Последовало холодное молчание.

— Грегор Норман, мадам.

— К вашим услугам, сэр. Кстати,.. я только что получила сумку, и мне сообщили, что она принадлежит м-ру Мейстралу. Будьте так добры, передайте ее дальше по направлению к нему.

— Почему нет? Дайте ее сюда.

Временная партнерша Грегора была скандализována, когда Грегор принялся рыться в сумке, быстро убедившись, что в ней на самом деле находятся наличные примерно в той сумме, о которой договаривались. Он посмотрел вдоль ряда, поймал взгляд Мейстрала и помахал ему рукой.

Уши партнерши Грегора отодвинулись назад, и она оскалила зубы. Это было больше, чем НЕ-У. Это было отвратительно.

Пааво Куусине получил сумку и прощупал ее прежде, чем передать дальше. По его лицу стала расплываться улыбка.

— У них определенно очень развитое воображение.

— Конечно.

— У меня есть теория. Возможно, она годится только для аристократа-дилетанта, но разрешите мне изложить в общих чертах...

— Ваш покорный слуга, м-р Кихано.

— Благодарю вас, генерал Джералд.

— Скоро все должно закончиться, юноша.

— Да. Мисс Йенсен почувствует облегчение, когда капитан Тарталья уедет из ее дома.

— Ей следовало выбросить его вон.

— Для было легче искать убежища в моем доме.

Генерал поднял бровь: — Да?

Пьетро вспыхнул: — Мы строили планы на будущее.

Генерал Джералд улыбнулся. Его лицо было не приспособлено к такого рода упражнениям, и результат получился хуже, чем если бы он побагровел и стал орать: — Надеюсь, счастливое будущее, молодой человек. Я думаю, вы очень подходите друг другу.

Пьетро, на которого от улыбки генерала нашел легкий столбняк, потребовалось некоторое время, чтобы отреагировать на слова генерала.

— О, благодарю вас, сэр. Я уверен, мы будем очень счастливы.

* * *

— Сэр. Я случайно нашел этот... предмет... я полагаю, он выпал из кармана барона Синна, вон там. Вас не затруднит передать его по направлению к барону?

— Они не верят, что мы СУЩЕСТВУЕМ?

— Мы — вымысел, если позволите, их подсознания. Так я подозреваю.

— Я не могу... придумать... ничего, что могло бы опровергнуть такое предположение.

— Если это правда, это будет самым глубоким проникновением в их психологию.

Мейстрал, занятый танцем вокруг Николь и наблюдением за сумками и флаконами, путешествовавшими по ряду танцующих, слушал высокий резонирующий голос в течение некоторого времени, прежде чем прозвучавшие в нем знакомые нотки заставили его взглянуть в сторону низенькой круглоголовой фигуры слева от него. Граф Квик.

Граф Квик, безупречно говорящий на стандартном человеческом языке. Мейстрал сообразил, что обычная манера графа говорить была просто аристократической аффектацией.

Слегка ошеломленный, Мейстрал чуть не пропустил па. Затем пришел в себя и продолжал танцевать.

Тарталья был в ярости. — Вы видите? Что происходит, черт побери?

— Может, включить другой канал, капитан.

— Не лезьте не в свое дело, черт бы вас побрал.

— Сэр. Мне кажется, здесь поворот.

— О. Благодарю вас, э, мадам.

Грегор стиснул зубы, сунул кожаную сумку подмышку и нырнул под руку партнерши на правильную позицию. Его ряд сделал два шага назад без него, и Грегор поравнялся с танцорами, когда они уже опять шли вперед. Он вытер пот и размазал косметику по рукаву.

Черт бы побрал этот танец. У Грегора не было времени выучить его как следует.

Теперь, наконец, наступила его очередь стоять, пока третьи пары выполняли пассаж. Мысленно отсчитывая восемь тактов, Грегор сунул руку в карман и вынул стерильный флакон. На восьмом такте он повернулся направо и проделал па спиной к спине со своим новым временным партнером — танкуэром, у которого на носу сидело пенсне с затемненными линзами. Таким образом ему открылся вид хорошенькой девушки, которой предстояло быть его временной партнершей через сорок восемь тактов, и Грегор подмигнул ей. Похоже, девушка удивилась. Грегор и танкуэр закончили па спиной к спине и начали восемь тактов бок о бок.

— Сэр, — сказал Грегор, протягивая флакон, — я только что подобрал одну вещь, принадлежащую мисс Йенсен. Наверное, надо ее вернуть. Окажите мне любезность передать эту вещь по линии.

Мигательные перепонки танкуэра закрылись, что вместе с затемненными стеклами произвело странное впечатление. — Очень хорошо, странный молодой человек, — ответил он.

Грегор совершил прыжок к своей постоянной партнерше и смигнул пот с глаз. Благодарение Богу, все было закончено.

Пааво Куусинен бросил взгляд вдоль ряда и увидел, как по направлению к нему что-то движется. Взглянул в другую сторону и увидел, что что-то движется в другую сторону.

Он продумал несколько фигур вперед и быстро произвел подсчеты. Затем продел свою руку через согнутую руку стоявшего рядом Хосейли и закружил его.

— Подождите, сэр. Это следующая фигура.

— Нет, сэр. Это теперь.

— Сэр. — В голосе звучала обида. Куусинен только что изменил ход танца. Куусинен и Хосейли только что обменялись партнерами.

Амалия Йенсен, уносившаяся в танце дальше, с удивлением взглянула на него.

— Барон Синн.

— Генерал Джералд.

Генерал злорадно бросил: — Попробуйте ТЕПЕРЬ отрицать, что вы не шпион.

Но барона не так легко было смутить: — Я частное лицо, пытающееся оказать услугу моей Империи.

Ха, подумал генерал. Ты ДУМАЕШЬ, мы получим настоящую реликвию и обманываешь нас, заставляя думать, что вашу стерилизуют, хотя это не так. Но я ВИДЕЛ, как вашу штуку стерилизовали и ЗНАЮ, что вы получите всего лишь маленькие бессмысленные виточки протеина. Вот так-то. Ха.

От этого заговора у генерала болела голова, но одно он знал твердо. Это было лучше, чем отделать имперский флот. Больше ЛИЧНОГО удовлетворения.

— Наварр будет заканчивать свои дела здесь. Поместье продадут с аукциона через пять дней.

— Понятно.

— У меня еще одна остановка в турне, а потом я уеду, чтобы привести в порядок ноги. Мы встретимся на Фантоме и начнем договариваться насчет пьесы.

— Возможно, — Мейстрал танцевал вокруг Николь, — я успею попасть на премьеру.

— Это было бы хорошо, Дрейк, вот только сможешь ли ты как следует изобразить разбитое сердце? Тебе ведь пришлось бы это сделать, ты знаешь.

Мейстрал задумчиво отозвался: — Пожалуй, я смогу выжать слезу-другую.

— Здесь требуется нечто большее. В конце концов, предполагалось, что у тебя здесь со мной был пылкий и отчаянный роман, а я в это время влюблялась в красивого лейтенанта. Пойти на премьеру было бы слишком, твое сердце бы этого не вынесло.

Мейстрал поразмыслил над этим, пока Николь обходила его кругом, — Возможно, ты права. Простого приступа мужского горя было бы недостаточно.

— Жаль, что мы не можем сказать правду. Публика пришла бы в ярость, обнаружив, что ты и я изображали роман, устраивая свои интриги, — последователи Диადемы настаивают на аутентичности своих иллюзий, и им захотелось бы отплатить нам за то, что мы их надули.

Мейстрал вспомнил о своем решении, принятом четыре года назад, не вступать в Диадему. И пришел к выводу, что у него нет причин жалеть об этом.

— Мне придется утешаться записью, — произнес он.

— Я тебе пришлю, но только если мое исполнение будет хорошим. Если же я буду выглядеть ужасно, сожгу все копии.

Мейстрал улыбнулся: — Я буду считать получение записи неизбежностью, мадам. — Он повернулся налево, Николь встала лицом в другую сторону. Им с Николь предстояло на время расстаться. Этот эпизод танца состоял из шагов.

— Мы снова встречаемся, м-р Куусинен.

— Николь, я навеки ваш покорный слуга.

Куусинен был временным партнером Николь. Она совсем не доверяла этому человеку. Было в его улыбке что-то, что ей не нравилось.

— Ваш покорный слуга, мисс Йенсен.

— Генерал Джералд.

— Ваш м-р Кихано сказал мне, что вы решили вместе вступить в пионеры. Могу я вас поздравить? Немногие люди в наши дни стремятся заниматься тяжким трудом колонизации.

— Благодарю вас, генерал.

— Ваш отец гордился бы вами, мисс.

На губах Амалии появилась медленная улыбка: — Генерал, — сказала она, — я очень надеюсь, что вы правы.

Мейстрал ожидал нового приступа привычного детского страха, но был приятно удивлен, обнаружив, что его сердце больше не уходит в пятки при появлении графини Анастасии. Вместо этого он увидел графиню, чувствовавшую себя беспокойно, стоявшую напряженно, с плечами, отведенными назад, словно ей на шею надели ярмо.

Она взглянула на Мейстрала глазами, напоминавшими осколки бриллиантов: — Как ты МОГ? — спросила она.

Как я мог что? недоуменно подумал Мейстрал. Разгромить ее дом, стрелять в ее слуг, освободить ее жертву, обмануть всех вокруг?

— Простите, матушка, — отозвался он. — Сила обстоятельств, знаете ли.

Несчастный случай произошел не по вине Николь. План Мейстрала требовал трех флаконов, и он не желал верить в совпадение, что Николь может оба флакона одновременно. Он был осторожен, но также был неправ.

Живая культура, двигавшаяся вдоль ряда к Амалии Йенсен, прибыла первой. Николь улыбнулась, приняла ее левой рукой. Ее правая рука дотронулась до кринолина, где ждала другая культура, на счастье; но это был еще не обмен — ей надо бы протянуть правую руку Куусинену, дотронуться до его пальцев и обойти его кругом. Затем прыжок, потом повтор.

В конце повторения она повернулась направо, готовая поросить ее временного партнера передать флакон дальше. Но новый партнер, озадаченный пожилой Хосейли с количеством колец на физиономии, явно превышавшим отпущенный ему срок, только что получил стерильную культуру и протягивал ее Николь.

Руки встретились. Флаконы звякнули. Хосейли все перепутал и снова столкнул флаконы. Николь охватила ужас, когда флаконы покатались на пол.

Рааво Куусинен внимательно следил за предметами, падавшими из пальцев Николь, заметил и выражение ужаса на ее лице. Казалось, время остановилось.

Мейстрал уголком глаза заметил происходящее и замер на полпути. Графиня налетела на него и наступила каблуком ему на ногу. Он не почувствовал боли.

Пьетро Кихано, танцуя в своем ряду, изумленно смотрел во все глаза. Он мог поклясться, что видел, как на пол со звоном упал флакон.

Барон Синн отчетливо видел этот инцидент и оскалил зубы. Его партнерша испуганно попятилась.

По рядам в обе стороны стало распространяться ощущение катастрофы. Мало кто точно знал, что именно пошло не так, но все понимали, что что-то случилось, и ритм танца был нарушен — головы стали поворачиваться направо и налево. Информационные шары стрелами летали взад-вперед в поисках источника возмущения.

Пожилой Хосейли пробормотал извинение и поднял флакон. Он озадаченно смотрел на него. Флакон казался ТОЧНО таким же, как тот, что он только что держал в руках. Но так ли это?

Мейстрал стоял неподвижно, как каменный, в мыслях представляя себе графиню с пистолетом, Имперскую военноморскую пехоту, Коммандос смерти Созвездия, всех — с оружием в руках. Графиня задыхаясь, сыпала оскорблениями в его адрес, называя неблагодарным подонком, мерзавцем, неумехой и не ее сыном.

Мейстрал желал, чтобы, по крайней мере, последнее было правдой.

Пааво Куусинен выступил вперед: — Прошу прощения, мадам, — произнес он и наклонился, чтобы поднять флакон, лежавший у ног Николь. — ВАШИМ флаконом, сэр, был вот этот, — сказал он.

Пожилой Хосейли перевел взгляд с одного на другого: — Неужели? — спросил он.

Николь посмотрела на один флакон, затем — на другой, и поняла, что настало ее время. Она приняла решение: ее рука нырнула в кринолин и появилась со

спрятанным флаконом. Она взяла флакон у Куусинена, безукоризненно произвела подмену и передала его на-лево: — Барону Синну, — сказала она.

Имперские военно-морские силы стали исчезать из сознания Мейстрала.

Николь взглянула на старого джентельмена, все еще смотревшего на флакон в своей вытянутой руке. Она взяла его руку в свою, помогла ему сделать поворот: — Это принадлежит мисс Йенсен, — произнесла Николь, — отправьте его, пожалуйста, вдоль ряда.

Коммандос смерти становились прозрачными.

Публика стала припоминать свою часть танца. Постепенно ряды снова выстроились.

* * *

— Я полагаю, сэр, — произнес Грегор, — здесь вам надо делать поворот.

— О. Вы, без сомнения, правы. Благодарю вас, сэр.

Грегор удовлетворенно улыбнулся. По крайней мере, эту часть он запомнил.

Пьетро кусал губу, манипулируя вторым сканнером. Он мог слышать шум толпы, отправившейся после танца к буфету с прохладительными напитками.

Сканнер зазвенел. Пьетро затопила волна облегчения. Он взглянул на Амалию и усмехнулся.

— Это живая культура. Теперь мы точно знаем, что стерилизованная ушла в другом направлении.

— Слишком сложно. Я знала, что это не сработает.

На сканнере мигали огоньки. Барон Синн развернул дисплей так, чтобы графиня могла его видеть.

— Это Имперская реликвия, миледи. Бесспорно.

Графиню охватило какое-то смятение.

— Значит, Мейстрал-таки провернул обмен.

— Очевидно.

Графиня признала свое поражение. Она распрямила плечи: — Да здравствуют Пенджахи, — сказала она. Ее голос прозвучал, как труба. Может, чуть приглушенно, но искренне.

— Да здравствует имперская династия, — эхом откликнулся барон. В почтительном тоне.

Он положил флакон в карман и подал руку графине: — Возможно, нам пора откланяться, миледи.

Потому что, думал Мейстрал, он не мог поступить иначе. К его некоторому удивлению, оказалось, что под

маской скрывается больше угрызений совести, чем сам Мейстрал когда-либо подозревал. Даже несмотря на то, что он не хотел жить в империи и не желал, чтобы над ним стоял император, он не мог хладнокровно приговорить к смерти имперский род — ведь он значил так много для многих миллиардов живых существ. Если в результате Созвездие Человечества окажется под угрозой — а в этом Мейстрал вовсе не был уверен — то с этой угрозой надо будет разбираться, когда она станет реальной. Мейстрал не мог присвоить себе права разрушить многовековую цивилизацию ради ничтожного шанса, что когда-то, через много лет, может возникнуть какой-то конфликт.

И еще. Начать с того, что сперма все же принадлежала Императору.

Барон Синн заверил Мейстрала, что вопрос будет решаться очень деликатно. В отдаленных районах будут найдены наложницы из хороших семей. Ни одну из них не будут оплодотворять в течение нескольких лет. Никого из наследников не покажут народу десятилетиями. Когда же их представят общественности, будет пущен слух — либо о том, что был обнаружен один из других двух контейнеров, либо что Пенджали вопреки всем традициям все-таки тайно клонировали бедного Нниса, и не желают в этом признаться.

Сама ситуация, к удовлетворению Мейстрала, напоминала старый роман. Неведомый наследник, выросший сиротой где-то вдали от двора, станет следующим императором из династии Пенджали, к удивлению своему и всех остальных. И все из-за угрызений совести, возникших у вора. При мысли об этом у Мейстрала теплело на сердце.

Неужели я сентиментален? — недоумевал Мейстрал. Он не знал.

— Сэр?

Мейстрал обернулся к шару, парившему на уровне его груди. У шара был человеческий голос.

— Мадам? — отозвался Мейстрал.

— Мне показалось, что во время “Паломничества” происходила какая-то интрига — люди все время друг другу что-то передавали. Вы не в курсе этих событий?

Мейстрал пожал плечами: — Лично мне никто ничего не передавал, — ответил он. — Возможно, вам следует спросить у кого-нибудь другого.

— Вы намерены сопровождать Николь в ее дальнейшем путешествии?

Мейстрал вспомнил, что к этому времени он уже должен страдать от разбитого сердца.

— Это еще не решено, — произнес он. — Некоторые события застали нас врасплох.

На этой двусмысленной ноте Мейстрал и закончил интервью.

Пааво Куусинен выскользнул из зала незамеченным. На его лице играла улыбка.

Его пребывание на Пеленге, решил, было вполне удовлетворительным.

Ему будет что рассказать своему нанимателю.

И он знал, что снова увидит Мейстрала.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Капитан Тарталья тщательно прицелился из пистолета: — Готовься! — скомандовал он. — Целься! Огонь!

Пальцы напряглись на курках. Темный задний двор дома Амалии Йенсен заполнили безмолвные невидимые потоки энергии.

Где-то в темноте раздался крик ночной птицы.

— Прекратить огонь, — сказал Тарталья и посмотрел на маленький флакончик, установленный на стуле.

Казалось, он не изменился. Тарталья ощутил легкое разочарование. Я уничтожил тебя, мерзавец-нелюдь, подумал он, но эта мысль почему-то не принесла ему утешения.

Амалия Йенсен вложила пистолет в кобуру. Похлопала по карману, где лежала кредитная карточка Тартальи. Завтра она сможет выплатить свои долги. — Через два часа на космодром отправляется шаттл, сказала она. — У вас и ваших людей будет достаточно времени, чтобы заказать билеты на проезд.

— Два часа?

— Достаточно времени, как по-вашему? — Амалия взяла флакон и поднесла его к звездному свету. — Я думаю, я сохраню его. — Она положила флакон в карман, потом заметила, как нахмурился Тарталья, и засмеялась: — Я его заработала, — заметила она. — Ведь это меня похитили.

Тарталья сдался. — Ну, если вы настаиваете. — Он вспомнил, что еще может составить убийственный отчет и ожидать благодарностей и повышения по службе. Сильная рука, подумал он, всегда ближе к вершине.

Амалия вынула конверт и протянула Тарталье: — Моя отставка из рядов “Весны Человечества”, — сказала она. — И м-ра Кихано.

— Хм. Чего еще я мог ждать от слабодушных?

— Слабодушных? Мы вступаем в Корпус Пионеров, капитан. Нам следовало это сделать с самого начала.

Тарталья сказал себе, что ему это все до лампочки и велел себе сконцентрировать внимание на ожидаемых им наградах и повышении. Но почему-то ни то, ни другое его не вдохновляло.

Он стал отдавать приказы своему отряду собирать вещи отправляться к шаттлу.

Над террасой плыла мелодия “Прощайте, товарищи, прощайте”. Мейстрал набрал в легкие прохладного воздуха и подсчитал свои доходы. Он расплатится с лордом Гиддоном, выкупит бриллиант, и останется еще достаточно для некоторых долгосрочных вложений. Правда, если при этом постоянно делать поправку на то, что могут появиться новые лорды Гиддоны.

— Ты не видел Грегора, Роман?

— По-моему, он завел дружбу с юной леди. Одной из окружения графини Тэнк.

— Тогда я полагаю, что сегодня мы его уже не увидим.

Мейстрал посмотрел на своего слугу с жизнерадостной симпатией. Все прошло хорошо.

— Роман, я думаю, мы очень хорошо справились сегодня вечером.

— Да, сэр.

— Я полагаю, за наш окончательный успех мы должны благодарить м-ра Куу... Куусинена, так ведь его зовут?

— Я тоже так считаю, сэр.

Мейстрал нахмурился: — Мне бы хотелось лично поблагодарить его, но, мне думается, я должен продолжать держаться подальше от всего этого. Нет причин, чтобы мое имя связывали с этим делом.

— Ровно никаких, сэр.

Мейстрал повернулся, услышав за спиной звук шагов. На террасу ступил Этьен, на его руке повисла юная леди. Вокруг одного глаза Этьена поблескивало золото.

— Я вижу, ты снова вставил стекло, сэр.

— Да, Мейстрал. По-моему, оно мне очень идет.

— Действительно, идет.

Этьен повернулся к своей даме. — Это стекло — результат дуэли с Женщиной-Перл. Полагаю, вы слышали об этом?

— Да, сэр. По-моему, я смотрела запись раз двадцать. И каждый раз у меня сердце билось где-то в горле. Я так боялась за вас, думала — я умру.

Этьен улыбнулся. Мейстрал сделал шаг вперед.

— Надеюсь, вы нас извините?

— Разумеется, Мейстрал. Пожелай мне удачи на Нэйне.

Мейстрал обнюхал щеку Этьена и получил в ответ легкий укол его правого уса. Мейстрал, за которым следовал Роман, вышел прочь из бального зала, видя, как последние несколько танцоров кружатся под звуки последней песни, а остальные медленной толпой поки-

дают зал. Мейстрал заметил Николь, шедшую рука об руку с лейтенантом Наварром и, спохватившись, вздохнул.

Пора было поработать над своим разбитым сердцем.

— Кто там? — позвала Амалия Йенсен из кухни, где она следила за работой нового робота, убиравшего тарелки и хрусталь, которыми пользовались Тарталья и его рейнджеры во время своего пребывания в доме.

Пьетро попросил комнату дать голографический обзор лица, находившегося на крыше. Он прищурился, глядя на изображение в ярком дневном свете. — Я что-то не узнаю ее. Маленькая Хосейли на “Джефферсон-Сингхе”. Вся увешана драгоценностями.

— Что ты говоришь! — воскликнула Амалия. Пьетро был удивлен той радостью, что прозвучала в ее голосе. Амалия высунула голову из кухни и посмотрела на голограмму. Изучая изображение, она нахмурилась, потом кивнула: — Пойду встречу ее, — решила она.

— Это кто-то, кого я должен знать?

— Я тебе потом расскажу. Долгая история.

Амалия встала на антигравитатор и поднялась на крышу. Прикрыла глаза рукой от яркого утреннего солнца. Полной уверенности у нее не было. — Могу я быть вам чем-нибудь полезна? — спросила она.

— Возможно. — Казалось, хосейлийка тоже испытывала неуверенность. — Вероятно, вы меня не узнаете. Меня зовут Тви. — Сердце Амалии наполнилось радостью.

— Голос я узнаю прекрасно.

Язык Тви перекатылся во рту, когда Амалия обняла ее.

— Я была не совсем уверена в том, какой прием мне будет оказан.

— Я полагаю, что мы можем раз и навсегда оставить политику в покое. Могу я предложить вам позавтракать?

— С удовольствием, мисс Йенсен. — Тви протянула бумажный пакет. — Я принесла немного листовых лепешек.

— После всего, что мы пережили вместе, по-моему, вам лучше называть меня Амалией.

До ноздрей генерала Джералда доносился запах ремней, упряжи и смазки. Он испытывал в душе легкое сожаление. Генерал разобрал свои доспехи и теперь убирал их на хранение.

Мейстрал теперь не придет, в этом генерал был уверен. Славная битва, которой он так ждал, никогда не состоится.

У него нет причин для разочарования, размышлял генерал. Он оказал исключительную услугу Созвездию, и, хотя о его роли никогда не станет известно широкой публике, он мог получить удовлетворение от хорошо выполненной работы, долгой карьеры, увенчавшейся последней славной победой.

Жаль было только, что было мало насилия.

* * *

Пьетро только что уразумел, кем именно оказалась Тви. — Это одна из твоих похитительниц?

— Да, — Амалия усмехнулась, — та, что симпатичная.

— Симпатичная! — Руки Пьетро сжались в кулаки. — Она же держала тебя заложницей!

— Я просто выполняла свою работу, м-р Кихано. — Тви слизнула джем с пальцев. — Вообще-то я не признаю насилия, но так получилось, что мне нужна была работа.

— Нужна была работа. — Казалось, что Пьетро повторил слова, не понимая их смысла. Он покачал головой. — А теперь, — он показал вилкой на Тви, — а теперь вы предлагаете мисс Йенсен — вилка метнулась по направлению у Амалии — мисс Йенсен, СВОЕЙ ПРЕЖНЕЙ ЖЕРТВЕ, стать своим посредником в дальнейших преступлениях.

Тви поразмыслила на этом заключением: — Правильно, м-р Кихано.

— А ее прежняя жертва, — Амалия улыбнулась, — предлагает согласиться.

— Амалия!

— Что ж, а почему бы и нет? Тви собирается стать Признанным Грабителем, что бы там мы ни говорили. Поскольку она собирается красть, почему не выступить ее агентом в переговорах со страховыми компаниями и не взять десять процентов, когда она продаст вещи назад владельцам? В особенности, поскольку у меня в последнее время появился опыт в такого рода переговорах.

— ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ? — Мысли у Пьетро путались. — ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ? — Его пальцы принялись

крошить листовенную лепешку. — Я припоминая, что ваше положение в качестве признанного грабителя было позорным пережитком разложившейся имперской культуры, а воровство не должно признаваться ни при каких обстоятельствах и должно быть наказано, если такое случается.

Амалия посмотрела на Тви: — Возможно, — сказала она, — я нашла, что пребывание в заложницах расширило мой кругозор. В любом случае, я буду работать на Тви только до тех пор, пока она не сможет украсть какое-нибудь пристойное удостоверение личности и покинуть Пеленг. Кроме того, — резонно заметила Амалия, — это не означает, что я ЗАСТАВЛЯЮ ее красть.

— Это софистика, Амалия.

— Плюс, если я собираюсь вступить в пионеры, мне придется что-то делать с моей эпилепсией, а Тви могла бы с тем же успехом заплатить за это, как и за что-то другое.

— Я полагаю, — заметил Пьетро, что слово жениха в этом деле мало что значит.

Амалия положила руку на его локоть: — Боюсь, что нет, мой дорогой. Моя дружба с Тви восходит к более ранним временам, чем наша... э... договоренность.

Пьетро вздохнул: — Дружба, — произнес он, сдаваясь. — Договоренность. Он решил, что ему нечего больше сказать по этому вопросу. Домашнее счастье, подумал он, во многом состоит в компромиссе.

Пьетро, разумно порассудив, протянул руку за новой лепешкой и съел ее.

Она растаяла у него на языке, как вкус нового мира.

Мейстрал поцеловал руку Николь. — Именно в этом месте, как я понимаю, мое сердце разбивается навечно.

Николь улыбнулась: — Боюсь, что да, Мейстрал. — Она похлопала по кушетке. — Иди, сядь рядом со мной.

Садясь, Мейстрал бросил взгляд в направлении ее гостиной. Утренний свет заливал окна. — Лейтенант Наварр? — спросил он.

— Дает свою первую пресс-конференцию.

Мейстрал поднял брови: — Не слишком ли рано скормливать его воронам, миледи?

Николь бросила на него быстрый взгляд: — Ничего, пусть привыкает. Если это его отпутнет, лучше узнать об этом раньше, чем позже.

Мейстрал вздохнул: — Это верно. Ухаживать за членом Диадемы — занятие не для слабонервных.

Николь посмотрела на него и положила руку на его локоть: — Это замечание было не в твой адрес, Мей-

страл. Я прекрасно поняла твое решение, как бы сильно я ни сожалела о том, что ты его принял.

— Я не обиделся.

На минуту воцарилось молчание. — Так что ты намерен делать, Дрейк, чтобы склеить свое разбитое сердце?

Его ленивые глаза спокойно блестели: — Награбить на Пеленге столько, сколько смогу унести с собой. Это самое меньшее, что может сделать для меня эта планета, принимая во внимание, сколько у меня здесь было хлопот. Некоторые из моих объектов просрочены на несколько дней.

— Звучит так, словно ты собираешься хорошенько компенсировать разочарование в любви.

— Я справлюсь, миледи.

Николь улыбнулась и сжала его руку: — Стало быть, ты доволен, Дрейк? Своей ролью в этом деле?

— Не могу сказать, чтобы я это приветствовал или был благодарен за то, что ввязался. Но, кажется, все сошло хорошо, особенно, учитывая возможность потенциальных увечий. Могу даже сказать, что, по крайней мере, для большинства из нас я добился счастливого конца.

В комнате зазвенел смех Николь: — Да уж, я думаю, — добился! Скажи мне, это был тот конец, которого ты хотел?

Глаза Мейстрала почти полностью скрылись за веками: — Почти, миледи, — произнес он. Этим ей и пришлось удовольствоваться.

ОКО РАЗУМА

***В ОСНОВЕ ПОВЕСТИ — ПЕРСОНАЖИ
И СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ, СОЗДАННЫЕ
ДЖОРДЖЕМ ЛУКАСОМ***

ГЛАВА ПЕРВАЯ

“Как прекрасна Вселенная, — думал Люк. — Как чудесно она парит, великолепная и сверкающая, словно королевская мантия. Льдисто-черная в своей пустоте и одиночестве, так непохожа она на пестрый коллаж танцующих пылинок, именуемых людьми их мирами, где человеческие микробы разрастаются, множатся и зверски истребляют друг друга. И все для того лишь, чтобы кто-то один мог сказать, что стоит чуть выше себе подобных”.

В тяжелые минуты Люком овладевала уверенность, что ни в одном из этих миров ни одно живое существо не было по-настоящему счастливо. В избытке были лишь разрушительные человеческие болезни, постоянно борющиеся и обрушивавшиеся друг на друга, скопление цивилизаций, которые, как раковая опухоль, питались собственным телом, никогда не исцеляясь, но и не умирая по-настоящему.

Одна такая особенно злобная опухоль погубила отца и мать Люка, потом его дядю Оуэна и тетю Бэру. Она же отняла у него человека, которого он уже стал уважать больше всех на свете, — престарелого рыцаря-джедая Бэна Кеноби.

Но хотя Люк своими глазами видел, как Кеноби был поражен лучевым мечом Дарта Вейдера на борту ныне канувшей в вечность имперской боевой станции “Звезда смерти”, он не был уверен в том, что старый волшебник действительно умер. Меч Вейдера оставил за собой только пустоту. Бесспорно было то, что Бен Кеноби покинул эту плоскость существования. Чего никто

не мог сказать, — это в какую плоскость существования он переместился. Может быть, это была смерть и...

Может, и нет.

Временами к Люку подкрадывалось приятное ощущение, словно что-то маячило у него за спиной. Иногда казалось — чье-то невидимое присутствие двигало его руками и ногами, подавало идеи или подсказывало мысли в то время, как его собственный разум был пуст и бессилен. Пуст, как разум того прежнего мальчика с фермы в пустынном мире планеты Татуин.

Что бы это ни было — невидимые духи или нечто иное, мрачно размышлял Люк, — но в чем он был твердо уверен, так это в том, что неопытный юнец, каким он когда-то был, мертв и обратился в прах. У Люка не было официального поста или звания в Союзе повстанцев, боровшихся против прогнившего имперского правительства. Но никто не поддразнивал его и не называл деревенским мальчишкой — с того времени, когда он помог уничтожить надменную боевую станцию, тайно построенную Правителем Моффом Таркином и его верным адъютантом Дартом Вейдером.

У Люка не было опыта по части титулов, и потому он в них не нуждался. Когда руководители предложили ему любую награду, он лишь попросил, чтобы ему разрешили и впредь пилотировать истребитель на службе Союза. Некоторые сочли его просьбу неоправданно скромной, но один проникательный генерал возразил, объяснив, что Люк станет более ценным приобретением для повстанцев без всякого титула или звания, ибо, доказывая ветеран своим коллегам, оно могло бы лишь сделать юношу главной мишенью для имперских убийц. Так Люк и остался простым пилотом, о чем всегда мечтал. Он совершенствовал свое мастерство, и всегда и везде ему помогала Сила, распознавать и понимать которую научил его Бен Кеноби.

Сейчас не время для размышлений, напомнил себе Люк, изучая приборы своего Х-образного истребителя. Бросив взгляд перед собой, он увидел сверкающий пульсирующий шар звезды Большой Серкарпус, чье невыносимое, разрушительное сияние с помощью фототропного материала, из которого было сделано стекло левого борта, снизилось до таких пределов, что на него можно было нормально смотреть.

— Там у тебя все в порядке, Арту? — спросил Люк через свой адаптер. Жизнерадостное “бип” коренастого робота, закрепленного позади кабины пилота, заверило Люка, что все хорошо.

Их пунктом назначения была четвертая планета системы. Как и многие другие, серкарпусиане были в ужасе от зверств, творимых Империей, но страх слишком парализовал их, чтобы они отважились открыто примкнуть к Союзу повстанцев. С годами на Серкарпусе появились ростки подпольного движения — движения, которое нуждалось теперь лишь в некоторой поддержке и ободрении со стороны Союза, чтобы поднять голову и присоединить свой мир к делу борьбы за свободу.

И теперь с крошечной станции повстанцев, глубоко запртанной на самой дальней планете этой системы, Люк и Принцесса летели на решающую встречу с руководителями подполья, чтобы заверить их в том, что Восстание окажет им необходимую поддержку. Люк проверил хронометр, закрепленный на кронштейне. Они прибудут с большим запасом времени, чтобы подбодрить слишком нервных руководителей подполья.

Слегка наклонившись вперед и бросив взгляд в пространство по левому борту, Люк залюбовался глянцевитым истребителем с крыльями в виде буквы Y, скользящим рядом. Приборные огни освещали два силуэта в кабине. Один из силуэтов — золотистый и блестящий — принадлежал Си-Трипию, роботу и приятелю Арту.

Другой же... когда бы Люк ни смотрел на нее, все его чувства вскипали в нем, как суп, слишком долго стоявший на огне, независимо от того, разделял ли их почти полный вакуум, как теперь, или расстояние вытянутой руки в каком-нибудь конференц-зале. Ибо ради этой девушки и из-за нее — Леи Органы, Принцессы и Сенатора ныне обратившейся в пар планеты Олдеран, Люк впервые оказался вовлеченным в Восстание. Сначала ее изображение, а затем она сама начали это необратимое преобразование деревенского паренька в пилота-истребителя. Теперь они оба были официальными эмиссарами правящего Совета правительства повстанцев, направленными на переговоры к колеблющемуся подполью на Серкарпус.

Люк с самого начала считал, что посылать Принцессу с такой опасной миссией было слишком рискованно. Но к Союзу готова была примкнуть еще одна, вторая сис-

тема, если будет объявлено, что Серкарпус встал в его ряды. В то же время, если вторая система объявит о своем намерении отмежеваться от Империи, серкарпусианское подполье без колебаний перейдет на сторону повстанцев. Так что исхода миссии ждала не одна, а две системы. И Люк знал, что если миссия провалится, обе системы скорее всего потеряют мужество и не окажут помощи, в которой Восстание так отчаянно нуждалось. Они ДОЛЖНЫ были успешно выполнить свою миссию.

Люк молча скорректировал положение корабля в пространстве на четверть градуса по отношению к солнечной эклиптике. У него не было сомнений в исходе миссии. Люк не мог себе представить человека, которого Лея не сумела бы убедить. ЕГО самого она могла убедить в чем угодно. Для Люка драгоценны были те мгновения, когда она забывала о своем положении и титулах. Он мечтал о том, что, возможно, настанет время, когда она забудет о них навсегда.

“Бип”, прозвучавшее сзади, пробудило Люка от грез и стерло улыбку с его лица. Они готовились пройти вплотную к Серкарпусу V, и Арту напоминал ему об этом. Эта планета — огромный, скрытый облаками шар — в каталоге Люка значилась как почти неисследованная, если не считать ранней имперской разведывательной экспедиции. По данным компьютера, она была также известна серкарпусианам под названием Мимбан, и...

Загудел коммуникатор связи между судами, требуя внимания.

— Слушаю, Принцесса.

В ее голосе звучало раздражение: — Мой двигатель левого борта начинает генерировать неравные импульсы радиации. — Даже недовольный, голос Леи был для Люка так же сладок, как засахаренные фрукты.

— Насколько это серьезно? — спросил он, озабоченно нахмурившись.

— Достаточно серьезно, Люк, — голос звучал напряженно. — Я уже теряю контроль, а неравномерность усиливается. Не думаю, что смогу ее компенсировать. Нам придется сделать остановку на первой же базе внизу на Мимбане, чтобы поправить дело.

Люк открыл рот, чтобы ответить, и, колебавшись, спросил: — Ты точно не сможешь в безопасности добраться до Серкарпуса IV?

— Я думаю, нет, Люк. Я могла бы подобраться вплотную к орбите, но тогда нам придется иметь дело с официальными ремонтными системами, и мы не сможем приземлиться, как запланировали. Мы пропустим встречу, а нам нельзя ее пропустить. Там будут все группы Соппротивления со всего Серкарпуса. Если я не прибуду, они ударятся в панику. И нам придется изрядно помучиться, чтобы вытащить их опять на свет из подполья. А миры Серкарпуса жизненно важны для Восстания, Люк.

— Я все же не думаю,.. — начал он.

— Не заставляй меня приказывать, Люк.

Проглотив свой ответ, Люк стал поспешно проверять визуальные информационные отчеты и карты банка данных: — По моим данным, на Мимбане нет ремонтной станции, Лея. Вообще нет, — добавил он, глядя на склонившийся набок туманный бело-зеленый шар. — Там может не быть даже аварийной техстанции.

— Не важно, Люк. Я должна попасть на конференцию, и я буду спускаться, пока еще хоть как-то могу сохранять реальный контроль. Я уверена, что в такой населенной системе, как эта, любой мир, где есть атмосфера, пригодная для дыхания, должен быть оснащен средствами для срочного ремонта. У тебя, наверное, устаревшие сведения, или ты не там искал. — Затем, после паузы, она добавила: — Можешь получить доказательство, переключив монитор своего коммуникатора на частоту 0 — 4 — 6 — 1.

Люк скорректировал контрольные реквизиты. Ровный вой сигнала сразу же наполнил маленькую кабину.

— Знакомый звук? — спросила Лея.

— Правда. Это сигнальная башня директории приземления, — смущенно признал Люк. Однако дальнейшие запросы не выявили следов нахождения станции на Мимбане. — Тем не менее, ни в имперских отчетах, ни в банке данных Союза ничего нет. Если мы... — голос Люка оборвался. Он увидел, как ярко вспыхнуло облачко газа, вырвавшееся из истребителя Принцессы, потом, поблескивая, расплылось и исчезло.

— ЛЕЯ! Принцесса Лея!

Ее маленький корабль уже уходил от него в сторону.

— Боковой контроль совсем отказал, Люк! Придется садиться!

Люк рванулся, стараясь попасть в ритм ее скольжения.

— Я не отрицаю, что здесь есть сигнальная башня. Может, нам повезет! Попробуй переключить подачу энергии на контроль левого борта!

— Я делаю все, что могу, — после короткой паузы последовало замечание: — Перестань ерзать, Трипио, и следи за своими вентральными манипуляторами.

— Извините, Принцесса Лея, — в металлическом голосе ее соседа по кабине, бронзового робота-специалиста по связям киборга и человека Си-Трипио, звучало раскаяние. — Но что, если мастер Люк прав, и внизу нет станции? Мы можем оказаться навеки затерянными на этом необитаемом острове, в этом пустынном мире, без общения, без пленок со знаниями, без... без СМА-ЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ!

— Ты же слышал сигнальный маяк, разве нет? — Люк увидел легкий взрыв, а потом Y-образный истребитель нырнул вниз, в направлении поверхности планеты, под очень острым углом. В течение нескольких минут ответом на его отчаянные призывы были одни атмосферные помехи. Потом они прекратились: — Я близко, Люк. У меня окончательно вышел из строя верхний двигатель правого борта. Я на девяносто процентов выключила двигатель левого борта, чтобы сбалансировать системы наведения.

— Я знаю. Я тоже снизил мощность, чтобы замедлить ход вместе с вами.

В крошечной кабине Y-образного истребителя Трипио вздохнул и крепче вцепился в стенки: — Пожалуйста, постарайтесь сделать посадку помягче, Принцесса. Тяжелые посадки самым ужасным образом отражаются на моих гиороорганах.

— На мои внутренние органы они тоже действуют не лучшим образом, — бросила Принцесса сквозь зубы, сражаясь с заедающими механизмами контроля. — Кроме того, тебе нечего беспокоиться. У роботов не бывает космической болезни.

Трипио мог бы поспорить с этим утверждением, но промолчал, потому что истребитель начал головокружительный спуск вниз, от которого внутри все переворачивалось. Чтобы следовать за ними, Люку пришлось

реагировать очень быстро. Здесь был только один маленький положительный момент: сигнал башни им не привиделся. Он существовал в действительности и ровно загудел, когда Люк скорректировал приборы на панели таким образом, чтобы можно его услышать. Может быть, Лея права.

И все же он не был уверен: — Арту, если заметишь что-нибудь необычное по пути вниз, дай мне знать. Включи все свои сенсоры на полную мощность. — Кабину заполнил утвердительный свист.

Они находились на высоте двести километров, спускаясь вниз, когда Люк неожиданно подскочил в кресле. Он ощутил толчки в мозгу. Движение Силы. Люк попытался расслабиться, дать ей влиться и заполнить себя, как учил его старый Бен.

Его чувствительность была далека от совершенства, и Люк искренне сомневался в том, что когда-нибудь сможет контролировать Силу хотя бы вполовину так, как контролировал ее Кеноби... впрочем, старый рыцарь выражал серьезную уверенность в отношении потенциальных возможностей Люка. И все же он знал достаточно, чтобы отличить это легкое покалывание. Оно рождало в Люке почти осязаемое чувство тревоги и шло от чего-то (или кого-то) с поверхности внизу. И тем не менее окончательной уверенности у него не было. Во всяком случае, сейчас он ничего не мог с этим поделать. Единственное, что его сейчас волновало, — это надежда, что корабль Принцессы приземлится благополучно.

Но чем скорее они покинут Мимбан, тем будет лучше для него.

Несмотря на свои проблемы, Принцесса старалась давать Люку информацию о координатах приземления. Так, словно он не мог сам вычислить ее курс. Вместо этого он пытался определить то, что только что засек внизу, под ними, когда они входили во внешнюю атмосферу. Что-то было странное в здешних облаках, но что именно... Люк не мог понять.

Он поделился своими новыми тревогами с Принцессой: — Люк, ты слишком волнуешься. Ты себя доконаешь беспокойством раньше срока. А это было бы потерей...

Люк так и не узнал, какой потерей было бы, если бы он доконал себя тревогами, потому что в этот момент они вошли в тропосферу, и последовавшую немед-

ленно вслед за этим реакцию кораблей на более плотный воздух, равно, как и воздействие воздуха на корабли, можно было назвать какими угодно, только не нормальными.

Ощущение было таким, словно они вдруг ворвались из испещренного тучами, но по виду совершенно обычного неба, в океан жидкого электричества. Гигантские разноцветные языки энергии возникали из пустого воздуха, касались носов обоих кораблей и вызывали хаос в приборах, там, где секунду назад царил порядок. Вместо голубоватого или желтоватого облачного покрова, через который они предполагали проплыть, атмосфера вокруг них была насыщена причудливыми, двигавшимися из стороны в сторону вихрями энергии, такими бешеными и неистовыми, что они казались почти живыми. За спиной Люка нервно засигналил Арту Диту.

Люк сражался с приборами. Они самым вызывающим образом выдавали ему смесь электронной бессмыслицы. Бешено трясущийся истребитель был захвачен какими-то неизвестными силами, достаточно мощными, чтобы швырять его из стороны в сторону, как игрушку. Разноцветный шторм позади них утих, так, словно перед этим он неожиданно вырвался из водяного смерча, но приборы Люка продолжали демонстрировать то, что можно было квалифицировать как электронную несущую.

Наскоро проведя поверхностный осмотр, Люк убедился, что сбылись его худшие опасения: истребителя Принцессы нигде не было видно. Стараясь держать пьяный корабль в повиновении при помощи ручного управления одной рукой, другой Люк включил коммуникатор:

— Лея! Лея, ты?..

— Я потеряла... управление, Люк, — слышался насыщенный электричеством голос. Люк едва разбирал слова. — Приборы... не работают. Пытаюсь сесть,.. не развалившись на части. Если мы...

Как ни пытался Люк в отчаянии уговорить коммуникатор, голос пропал. Внимание Люка было отвлечено какой-то штукой, взорвавшейся на верхней панели, рассыпавшись дождем искр и металлических частиц. Воздух в кабине наполнился едким дымом.

Движимый отчаянием, Люк включил прибор радиолокационного слежения. Он находился среди наиболее хорошо сконструированных и защищенных деталей. Но

и при этом прибор был перегружен яростью странной, коверкавшей все подряд энергии, силы которой его конструкторы никак не могли предусмотреть.

Бесполезная сейчас, все же автоматическая запись оказалась в порядке, и ее можно было прокручивать. В течение нескольких секунд она показала падающую спираль, которую мог оставить только корабль Принцессы. Насколько он был в силах это сделать без автоматического увеличения скорости, Люк направил свой истребитель по следу Принцессы. Следовать точным курсом было практически невозможно. Люк просто молился, чтобы они приземлились хотя бы не на противоположных сторонах планеты. А потом он уже молился, чтобы они вообще приземлились.

Слегка клонясь в сторону, как хромой верблюд в песчаную бурю, истребитель продолжал падение. По мере того, как стремительно приближалась покрытая буйной растительностью поверхность Мимбана, Люк урывками замечал ровные, без малейшего намека на возвышенность просеки, в которые вплетались вены и артерии грязно-коричневого и голубого цвета.

Хотя Люк не имел ни малейшего представления о топографии Мимбана, зеленые и коричнево-голубые реки, ручьи и растительность казались ему более предпочтительными посадочными площадками, чем, скажем, бескрайняя лазурь открытого моря или серые шпильки молодых гор. Никакая скала не сравнится по мягкости с водой, а вода — по мягкости с болотом, вспомнил Люк, пытаясь подбодрить себя. Он начинал верить, что сможет пережить посадку, так же, как и Принцесса.

Люк лихорадочно пытался найти комбинацию схем, которые могли бы снова запустить прибор слежения. Однажды ему это почти удалось. Экран показал, что Y-образный истребитель все еще следует тем курсом, который он только что наметил. Похоже, у Люка появилось больше шансов сесть поблизости от корабля Принцессы.

Вопреки всему, что заботило сейчас юношу, он никак не мог отделаться от мыслей об искажениях энергии, уничтоживших их аппаратуру. А тот факт, что радужный водоворот ограничивался одним сектором, находившимся совсем рядом с посадочной сигнальной башней, вызывал вопросы столь же интригующие, сколь тревожные.

Пытаясь свести к минимуму действие сбесившегося управления, Люк отключил двигатель и продолжал планирующий спуск. Дома, на Татуине, у него была большая практика по части ленивого скольжения на “небесном попрыгунчике” — скайхоппере. Но все это значительно отличалось от того, чтобы проделать практически тот же фокус на такой сложной машине, как его истребитель. Люк не знал, придет ли та же мысль в голову Принцессе и есть ли у нее вообще какой-нибудь опыт парящих полетов с выключенным двигателем. Беспокойно покусывая нижнюю губу, он понял, что если даже она и пыталась когда-нибудь парить, его собственный корабль был гораздо больше приспособлен для таких маневров, чем ее истребитель.

Если бы только он мог ее увидеть, он бы почувствовал себя значительно лучше. Но хотя он изо всех сил напрягал зрение, нигде не было и следа ее. Скоро, как он знал, все шансы на визуальный контакт исчезнут. Корабль стал отчаянно нырять в поле грязно-серых, ватных, густых дождевых облаков.

В воздухе гроыхнуло несколько разрядов, но на сей раз молния была естественной. Правда, к этому времени Люк находился глубоко в тучах и не мог ничего видеть. Его охватила паника. Если видимость останется такой же на всем пути к поверхности, он засечет площадку слишком поздно, да и сделать это будет трудно. Пока Люк раздумывал, не переключиться ли снова на автоматический режим, как бы ни были исковерканы приборы, он вырвался из нижнего слоя туч. Воздух был насыщен дождевой влагой, но не настолько сильно, чтобы он не мог разглядеть землю внизу. Теперь время истекало еще быстрее, чем высота. У Люка едва хватило того и другого, чтобы перейти снова на атмосферное управление, прежде чем что-то ударило истребитель снизу. Затем последовал целый ряд таких же ударов и треск — истребитель сбивал верхушки самых высоких деревьев.

Краем глаза следя за показаниями спидометра, Люк выпустил тормозные ракеты и мягко направил нос корабля вниз. Во всяком случае он хоть избавлен от тревоги за то, что растительность вокруг посадочной площадки может загореться. Все вокруг было пропитано влагой.

Люк снова выпустил тормозные ракеты. Серия мощных толчков и ударов сотрясла его, несмотря на боевое

снаряжение и ремни безопасности. Впереди воздвигнулась зеленая цветущая волна и накрыла его темнотой.

Люк заморгал. Перед ним в идеальном геометрическом обрамлении переднего стекла левого борта предстали джунгли. Сделав попытку наклониться вперед, он почувствовал мягкое прикосновение воды к лицу. Это помогло ему — разум его прояснился, и окружающий пейзаж стал отчетливым. “ Даже дождь здесь падает осторожно, ” — в раздумье пробормотал Люк, если только это действительно легкий дождик, а не исключительно плотный туман.

Вытянув шею, Люк заметил, что металлическая надстройка начисто, словно гигантским консервным ножом, срезана толстым, теперь расщепленным суком огромного дерева. Если бы по чистой случайности истребитель пролетел чуть выше, голову Люку срезало бы так же чисто, а чуть левее — и широкий ствол дерева вдавил бы его в винтомоторную установку. Люк избежал опасности быть обезглавленным и расплюснутым насмерть в метре с обеих сторон.

Сверху с деревьев в разбитую открытую кабину продолжала капать вода. Люк неожиданно ощутил, что у него запеклось в горле, и открыл рот, чтобы позволить воде утолить его жажду. При этом он почувствовал легкий привкус соли, который показался ему странным. Дождевая (или туманная) влага вроде бы была чистой и прозрачной. Соленый привкус, сообразил Люк, исходил от крови, струившейся из глубокой раны у него на лбу. Кровь стекала по левому крылу носа на губы.

Расстегнув замки, Люк освободился от ремней безопасности. Даже передвигаясь медленно и осторожно, он чувствовал себя так, словно каждый мускул в его теле схватили и стянули с противоположных концов с такой силой, что, казалось, они вот-вот порвутся. Стараясь изо всех сил не обращать внимания на боль, Люк обследовал то, что его окружало.

После разрушений, вызванных электронным штормом, через который прошел корабль, и более прозаическими последствиями катастрофы, вся его аппаратура годилась только для мастерской вторсырья. Эти приборы больше никогда не поведут истребитель. Повернувшись влево, Люк нажал кнопку панели выхода и ничуть не удивился, когда она не отреагировала. Рванув двойной переключатель на ручной режим, Люк ударил ку-

лаком по кнопке запасного выхода. Два из четырех взрывных болта рванули. Панель сдвинулась на несколько сантиметров, потом замерла.

Усевшись снова в кресло пилота, Люк уперся обеими руками, собрался с силами и ударил ногами по панели. Этим он ничего не добился, кроме стреляющей боли в обеих ногах. Оставался обычный выход, если только он не слишком завален. Протянув вверх обе руки, Люк толкнул механизм, регулирующий выход, потом потянул его. Ничего. Он остановился, тяжело дыша и соображая, что делать дальше.

И тут шлем кабины стал подниматься сам по себе.

Лихорадочно изогнувшись, Люк пытался нашарить свой пистолет. Ворчливое “бип” успокоило его.

— Арту Диту!

Круглый металлический робот склонился над Люком, обеспокоенно разглядывая его единственным красным электронным глазом.

— Да, со мной все в порядке... я думаю.

Используя центральную ножку Арту в качестве скобы, Люк подтянулся и выбрался наружу. Высвободив ноги, он встал и обнаружил, что стоит на крыше лежащего на земле истребителя. Люк прислонился к изгибу огромной нависшей над ним ветви.

Прозвучал печальный свист-гудок, и Люк взглянул вниз на Арту, надежно прижавшегося к металлическому корпусу поблизости от него.

— Не знаю, что ты говоришь, Арту, без Трипио и его перевода. Но могу догадаться. — Взгляд Люка устремился в пространство. — Не знаю, где он и Принцесса. Я даже не уверен, где МЫ находимся.

Медленно он разглядывал поверхность Мимбана. Везде поднималась густая растительность, но росла она большими пучками, а не вставала сплошным фронтом, как полагается нормальным джунглям. Было достаточно и открытого пространства. Мимбан или, по крайней мере, та его часть, где приземлился Люк, был покрыт частично болотом, частично джунглями, а частью — лесом.

Жидкая грязь заполняла большую часть ручья, лениво струившегося справа от корабля. Ручей медленно изгибался. Слева от корабля в тумане возвышался ствол огромного дерева, на которое Люк чуть не налетел при приземлении. Дальше было сплетение каких-то других

высоких растений, с бахромой кустов и усталых клонящихся папоротников. Их обрамляла серо-коричневая земля. С расстояния нельзя было определить, насколько твердой была поверхность. Держась рукой за маленькую ветку, Люк перегнулся через борт корабля. Истребитель, как оказалось, лежал на такой же почве. Он не проваливался. Это означало, что Люк, возможно, сможет идти по земле. Это было для него большим утешением, поскольку без корабля его способности летать были весьма скромными.

Слегка улыбнувшись про себя, Люк изогнулся и заглянул под ветку. Двойное крыло по левому борту корабля было начисто оторвано еще где-то в лесу позади, и от него остались только два металлических обломка. Оба двигателя на этой стороне, естественно, тоже отсутствовали. Корабль приземлился в буквальном смысле слова.

Осторожно забравшись назад в разрушенную кабину, Люк открепил сидение и сдвинул его в сторону, затем стал шарить в задраенном отделении за ним в поисках того, что ему придется унести с собой. Сухой паек, лучевой меч его отца, термальный костюм... последний потому, что, несмотря на то, что окружавшая его растительность казалась тропической, снаружи определенно было прохладно.

Люк знал, что существуют не только тропические дождевые леса, но и умеренные. И хотя температура воздуха вряд ли могла понизиться до опасной точки, все же в сочетании с вечной влажностью она могла вызвать неприятную простуду и в конечном счете подорвать здоровье Люка. Так что он принял меры предосторожности и упаковал тонкий костюм. Аварийный рюкзак был пристегнут к спинке кресла сзади. Отстегнув его, Люк принялся заполнять его запасами из отделения.

Когда рюкзак из нервущейся ткани был набит, Люк попытался запечатать кабину настолько прочно, насколько это было возможно, чтобы защитить ее. Затем он уселся на край кресла и задумался.

Первые наблюдения не обнаружили никаких признаков корабля Принцессы. В то же время во влажном, насыщенном туманом воздухе он мог приземлиться в десяти метрах и все же оставаться невидимым. Она, видимо, села или упала чуть впереди него, судя по тому, как быстро Люк посадил свой корабль. За неимением

какой-либо другой информации у него не оставалось другого выбора, кроме как следовать — уже пешком — курсом, который он засек.

Люку пришло в голову, что можно было бы встать на носу корабля и кричать, но он решил, что лучше сначала засечь ее корабль визуально. Какофония криков, уханья, завываний, свиста и жужжания, раздававшаяся из окружающего болота и густой растительности, не располагала его к тому, чтобы обнаруживать себя. Крик мог привлечь чье угодно внимание, в том числе, возможно, и плотоядных.

Лучше сначала найти корабль Принцессы. Если повезет, она будет сидеть в кабине, как разумный человек, живая и невредимая, и кипеть от нетерпения в ожидании его прихода.

Выбравшись снова из кабины, Люк схватился за ветки для равновесия и спустился вниз на обломки двойного крыла левого борта. Он осторожно спустился на землю, мягкую, почти упругую. Подняв одну ногу, Люк увидел, что подошва его башмака уже покрыта липкой массой, похожей на мокрую глину, из которой лепят модели художники. Но земля держала, поддерживала его. Арту присоединился к Люку минутой позже.

Благодаря скорости его вынужденной посадки, Люку не пришлось тратить время на поиски трости. За истребителем тянулось огромное количество разбитых, расщепленных веток. Люк выбрал одну, которая могла служить одновременно для поддержки и прощупывания почвы под ногами.

Используя нос корабля в качестве грубой точки отсчета, Люк установил свой компас, и они двинулись в путь, отклоняясь на несколько градусов по правому борту.

Что бы там ни было: движение веток в кустарнике, Сила или старомодное предчувствие, но даже Бен Кеноби вынужден был бы признать, что у Люка был единственный шанс найти Принцессу. Если ее корабль не лежал прямо вдоль пути, которым он шел, если бы Люк пропустил его и прошел мимо, он мог бы обследовать поверхность Мимбана тысячу лет и никогда больше ее не увидеть.

Если его первоначальный график курса был точен, и если Лея не изменила курс приземления в последнюю минуту по какой-нибудь странной причине, он должен найти ее в течении недели. Конечно, Люк учитывал и возможность того, что она не смогла предотвратить пе-

ремены угла падения корабля. Но он отмел эту возможность. Ситуация была достаточно мрачной и без этих соображений.

Дождь-изморось-туман стал менее упорным, но так и не перестал окончательно. Прошло совсем немного времени, и открытые части тела Люка основательно промокли. "Сейчас, — подумал он, — это, скорее, не дождь, а воинствующий туман".

Костюм предохранял Люка от влаги, но по лицу, рукам и голове скоро потекли ручьи. Случались редкие мгновения, почти чистые и сухие, но он все же тратил много энергии, регулярно вытирая капли собиравшейся воды со лба и щек.

Однажды он увидел нечто, напоминающее четырехметровую белую змею, — при его приближении оно заползло в кусты. По мере того, как он осторожно пробирался по выбранной им тропе, Люк заметил, что эта штука оставила на мягкой земле неровный след, обрамленный светящейся желтой слизью. Но на Люка это не произвело особого впечатления. Он всегда уделял мало внимания зоологическим изысканиям. Даже на Татуине, где водились свои протоплазменные чудовища, подобные вещи его не особенно интересовали. Если существо не пыталось вас съесть, схватить в когти или проглотить каким-либо другим способом, были другие вещи, поглощавшие все внимание.

Тем не менее, сейчас ему приходилось направлять все свое внимание на то, чтобы держаться выбранной им тропы. Несмотря на компас, вмонтированный в рукав его костюма, Люк знал, что легко может сбиться с пути. Отклонение на одну десятую градуса могло стать критическим.

Люк преодолел небольшой подъем в один из редких, почти ясных периодов. Сквозь туман и дымку он разглядел вдали монолитные серые зубчатые стены. Ему показалось возможным, что они были возведены не рукой человека.

Из-за однообразного серо-стального цвета стены выглядели так, словно их строили из детских игрушечных кубиков. Люк не был уверен с такого расстояния, был ли их цвет естественным или его искажал переменчивый туман. Парившие над ним серые башни были выложены черным камнем или металлом, над ними хвастливо возвышались бесформенные купола.

Люк помедлил, впервые испытывая соблазн изменить направление и провести разведку. Здесь явно можно

было сделать открытия. Однако Принцесса ждала не в этом таинственном городе, а где-то впереди, в окружении, которое в любую минуту могло оказаться враждебным.

Словно в ответ на его мысли, Люк заметил, что в гуще ржаво-зеленых кустов впереди что-то шевелится. Напрягая все чувства, он упал на колено и отцепил от пояса лучевой меч. В зарослях раздался пронзительный хруст. Большой палец Люка скользнул на пусковую кнопку. Рядом нервно засигналил Арту.

Что бы там ни было, оно двигалось в их сторону. Люк подумал было о том, чтобы проверить, куда дует ветер, потом сконфуженно вспомнил, что ветра нет. Тем не менее, отсутствие ветра могло оказаться не помехой для приближавшегося к ним существа.

Внезапно кусты впереди раздвинулись. Из них вышел мимбанит. Это был большой пушистый темно-коричневый шар с телом, покрытым пятнами и полосами зеленого цвета, размером примерно с метр в диаметре. Он держался на четырех коротких покрытых мехом ногах, оканчивавшихся раздвоенными пальцами. Четыре лапы отчетливо выделялись на теле сверху. Скромный хвостик был голым, как у крысы.

Два больших глаза, выглядывавших из жесткого меха, — все, что можно было разглядеть из его физиономии. Глаза расширились, остановившись на Арту Диту.

Люк напряженно ждал, держа палец на пусковой кнопке лучевого меча.

Создание не стало нападать. Вместо этого оно издало изумленный, сдавленный писк и круто повернулось. Орудуя всеми восемью конечностями, существо кинулось назад под защиту безопасных кустов.

После нескольких минут молчания Люк поднялся. Его палец соскользнул с кнопки меча, и он снова пристегнул его к поясу, улыбаясь чуть ли не истерически.

Его первое столкновение с жителем этого мира заставило того в ужасе бежать прочь. Может быть, дикая жизнь здесь была если не мирной и кроткой, то во всяком случае, менее чем опасной. С этими мыслями Люк двинулся дальше, шагая чуть шире, касаясь земли более уверенно. Его осанка стала прямее, а настроение заметно улучшилось, поддерживаемое самым мощным из бакенов — ложной уверенностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лея Органа сделала еще одну довольно вялую попытку привести в порядок намокшие от дождя волосы, потом с отвращением отказалась от этого и бросила осторожный взгляд наружу, на окружавшую ее буйную растительность.

Потеряв контакт с Люком, Лея сумела совершить тяжелую посадку в этом сыром аду. Ее немного успокаивала мысль о том, что если Люк тоже выжил, он попытается отыскать ее. В конце концов, это его работа — проследить, чтобы она в целости и сохранности добралась до Серкарпуса IV.

Лея сердито размышляла о том, что теперь она более чем чуть-чуть опоздает на конференцию. Краткий осмотр показал, что ей больше незачем беспокоиться о неисправном двигателе левого борта, превратившемся в искореженный продолговатый металлический предмет, неспособный сдвинуть себя или что-либо другое с места хотя бы на световую секунду. Остальная часть истребителя выглядела ненамного лучше.

Принцесса подумала, не стоит ли пойти поискать Люка. Но было больше смысла в том, чтобы один из них подождал, пока придет другой, а она знала, что Люк придет за ней, как только сможет.

Прошу прощения, Принцесса, — сказал металлический робот позади нее, — но как вы думаете, мастер Люк и Арту смогли благополучно приземлиться в этом ужасном месте?

— Конечно, смогли. Люк — лучший из наших пилотов. Если я смогла сесть, не сомневаюсь, что ему это

удалось без труда. — Это была маленькая ложь. Что, если Люк лежит где-нибудь раненный, не в состоянии пошевелиться, а она просто сидит и ждет его? Лучше об этом не думать. Представив себе искалеченного, истекающего кровью Люка, Принцесса почувствовала ком в желудке.

Она снова опустила крышу кабины, сморщив нос от мерзкого запаха окружавшего их топкого болота. Ее окружало и множество звуков, издаваемых невидимыми существами, украдкой пробиравшимися в нижних слоях растительности. Однако до сих пор не появилось ничего большего по размеру, чем пара квази-насекомых яркой расцветки. Пистолет спокойно лежал у нее на колене. Не то чтобы он был особенно нужен, Лея была в полной безопасности в кабине, скользящую крышу которой она могла опустить и запереть в одну секунду. Она была в полной безопасности.

Трипио был на этот счет другого мнения: — Мне не нравится это место, Принцесса. Совсем не нравится.

— Расслабься. Там снаружи не может быть ничего, — Лея кивнула в сторону густейших кустов, — что могло бы счесть тебя удобоваримым.

Пронзительный вопль, напоминавший звуки расстроенной трубы, прозвучал слева, совсем рядом. Лея рывком обернулась, чуть не задохнувшись от неожиданности. Но там никого не было.

Принцесса вплотную прижалась лицом к открытому отверстию левого борта, изо всех сил стараясь проникнуть тревожным взглядом сквозь коричнево-зеленую стену растительности. Звук не повторился, и она усилием воли заставила себя расслабиться.

— Ты что-нибудь видишь, Трипио?

— Нет, Принцесса. Ничего большего по размеру, чем несколько членистоногих, а я сканирую и инфракрасным тоже. Это, правда, не значит, что там, снаружи, не может быть чего-то крупного и враждебно настроенного.

— Но ты ничего не видишь?

— Нет.

Лея разозлилась на себя. Удариться в панику из-за обычного шума! Наверное, жалкий крик какого-нибудь травоядного, а она перепугалась, как ребенок. Такое БОЛЬШЕ не повторится.

Она злилась еще и потому, что, какова бы ни была причина их катастрофы, из-за этого уже совершенно точно не состоится ее запланированное торжественное прибытие на Серкарпус, и, скорее всего, официальные лица, призванные ее встречать, придут в раздражение. Лея была вдвойне зла на Люка. Зла за то, что он не совершил чуда навигации и не последовал за ней на поверхность в целости и сохранности, без приборов и управления, а больше всего — за то, что он был прав, настаивая на том, что им не следует здесь приземляться.

Ах-х-ху-у-у!

Снова этот трубный звук. Что бы там ни издавало его, оно, в конце концов, никуда не ушло. Если разобратся, то звук раздался ближе. На сей раз пальцы Леи стиснули пистолет. Она еще раз обследовала окружающие джунгли и ничего не увидела.

Пристально разглядывая лес, Лея размышляла. Что, если она неправильно истолковала сигналы той башни? Что, если это было простейшей автоматической установкой, и этот мир лишен не только механизмов, но и удобств для путешественников из органического вещества?

Если Люк погиб, она будет заживо погребена здесь одна, не имея ни малейшего представления... Что-то с треском сломалось, на этот раз справа. Развернувшись в кресле, Лея инстинктивно выстрелила через разбитое стекло левого борта и была вознаграждена запахом горелой мокрой растительности. Дуло пистолета по-прежнему было направлено на обутое пятно. Лея надеялась, что попала в цель. К счастью, она промахнулась.

— Это я! — раздался голос, в котором явственно слышалась дрожь. Лея промахнулась всего на волосок.

— Это я и Арту!

— Арту Диту! — Трипио выкарабкался из кабины и двинулся навстречу своему приземистому напарнику.

— Арту, как хорошо, что... — Трипио запнулся, потом продолжал другим тоном: — Как это по-твоему называется — заставлять меня столько ждать? Подумать только, что я пережил из-за тебя...

— Люк, с тобой все в порядке?

Люк вскарабкался по поврежденному борту истребителя и пристроился рядом с кабиной: — Да. Я сел сразу же вслед за вами. Я боялся, что мы с Арту не найдем вас.

— А я боялась, что ты... — Лея замолчала, опустив глаза и не смея встретиться с ним взглядом. — Люк, извини меня. Я ошиблась, пытаюсь здесь приземлиться.

Люк тоже отвернулся, смущенный: — Никто не мог предвидеть возмущений в атмосфере, заставивших нас сесть, Лея.

Принцесса посмотрела на джунгли: — Мне удалось засечь местонахождение той башни до того, как приборы отказали. — Она указала назад и чуть-чуть налево.

— Это там, позади. Как только мы доберемся до башни, мы сможем установить, кто там командует, и договориться, как нам покинуть этот мир.

— Если там вообще есть станция, — мягко заметил Люк, — и есть кому ей командовать.

— Мне приходила в голову мысль о том, что эта станция может оказаться полностью автоматизированной, — призналась Лея, — но я не знаю, что еще мы можем предпринять.

— Согласен, — сказал Люк с глубоким вздохом. — Во всяком случае, сидя здесь, мы ничего не выигрываем. Раньше я верил в чудеса. Больше не верю. Нас могут съесть, как только мы выйдем на дорогу.

Лея казалась подавленной: — Так ты встретил здесь плотоядных?

— Да нет, я фактически не встретил здесь никакой жизни. Единственное животное, с которым я здесь столкнулся, — продолжал Люк с легкой усмешкой, — едва взглянув на меня, бросилось бежать, как призрачный Банта. — Люк повернулся и направился к входу в кабину. — Давай двигаться, пока еще светло. Я помогу тебе собраться.

Люк осторожно опустился рядом с Принцессой. Отстегивая ее сиденье, он вдруг ощутил, в каком замкнутом пространстве они работают. Неловко прижатая к нему Принцесса, казалось, не замечала их близости. Однако, в этом влажном воздухе тепло ее тела представлялось Люку почти осязаемым, и ему приходилось прилагать усилия к тому, чтобы сосредоточиться на том, чем он занят.

Поднявшись из кабины, Принцесса встала на носу истребителя и наклонилась к нему: — Давай сюда, Люк.

Он поднял пухлый рюкзак: — Не слишком тяжелый? — спросил он, подавая его. Лея водрузила рюкзак на

спину, просунула руки в лямки и поправила, прежде чем затянуть их.

— Бремя публичной ответственности было гораздо тяжелее, — отпарировала она. — Давай двигаться.

Быстро соскочив вниз по борту, Лея скатилась на землю, встала на ноги, сделала два шага в направлении маяка и... стала проваливаться.

— Люк... Трипио...

— Не волнуйся, Принцесса. — Осторожно перебравшись через тот же борт, Люк прошел по неповрежденному крылу, стоя лицом к Лее.

— Люк! — Серая слизь доходила ей уже до колен. Она явно стала проваливаться быстрее.

Стараясь закрепить с помощью левой руки, Люк протянул через край крыла правую: — Наклонись ко мне. Арту, ты пристегивайся к кораблю. Трипио, давай руку.

Лея сделала так, как велел ей Люк, при этом движении болото зачавкало. Ее рука потянулась к нему и шлепнула по мягкой почве за много сантиметров до него.

Люк поднялся, пробрался назад в кабину и взял свою трость. Затем он поспешно вернулся на то же место на крыле и протянул трость: — Наклоняйся в мою сторону, — снова настойчиво сказал он.

— Трипио, вы с Арту держитесь крепче, а не то я отправлюсь за ней следом.

— Не беспокойтесь, сэр, — заверил его Трипио. Арту свистом присоединился к нему.

Лея уже погрузилась по пояс. С первой попытки она не смогла ухватиться за трость. Со второго раза ее пальцы сжали палку, и она сумела схватиться за нее другой рукой.

Люк обеими руками стиснул свой конец трости и сел на крыле, откинувшись назад. Его ноги заскользили по гладкому металлу: — Арту, Трипио,... тяните!

Надежно вцепившись в Лею, земля неохотно отдавала свою добычу. Напрягая каждый мускул, Люк одновременно старался вызвать и мобилизовать Силу.

Усталый, чавкающий звук — и Принцесса наклонилась вперед. Люк позволил своим измученным рукам короткую передышку и занялся гипервентиляцией легких, пока была возможность.

— Ты можешь поиграть в двигатель потом, — сделала ему выговор Принцесса. — Тащи сейчас же!

Гнев мгновенно придал Люку энергии, и он целиком вытащил ее из топи. Наклонившись, он подал ей руку, и вот они уже сидят рядом на краешке крыла.

Вид у Принцессы, покрытой по грудь серо-зеленой грязью и кусочками какой-то субстанции, весьма напоминавшей солому, был, прямо скажем, не королевский. Она тщетно пыталась счистить грязь, быстро застывавшую в некое подобие тонкого слоя бетона. Она ничего не говорила, и Люк знал, что все, что он откажется сейчас сказать, будет принято не слишком благосклонно.

— Пошли, — просто предложил он. Взяв трость, он направился к другой стороне крыла. Перегнувшись, Люк попробовал землю, и она не изъясвила наклонности проглотить палку. И все же, спускаясь, он держался за крыло рукой. Его ноги провалились в мягкий суглинок, но всего на полсантиметра. При этом земля здесь по виду ничем не отличалась от глины, почти поглотившей Принцессу.

Лея мягко прыгнула на землю рядом с Люком, и скоро они уже пробирались через перемежающиеся участки уже почти знакомой растительности. Ветви и кусты путались в усталых ногах, а попадавшиеся время от времени колючки с надеждой цеплялись за них, но предположение Люка, что почва под более высокими растениями была самой твердой, оправдывалось в полной мере. Даже тяжеловесные роботы не проваливались в грязь.

Время от времени, по мере того, как они пробирались дальше, Принцесса с отвращением ударяла себя по ногам, сейчас уже плотно покрытым грязью, в которую она провалилась. Она сохраняла непривычное спокойствие. Люк не мог сказать, было ли ее молчание вызвано желанием поберечь силы или смущением из-за своего нынешнего положения. Насколько он знал, смущение не было для нее характерно.

Часто они останавливались, поворачивались кругом и устанавливали стрелки компасов, чтобы удостовериться, что идут в направлении сигнальной башни.

— Даже если это автоматическая станция, — заметил Люк через несколько дней в попытке подбодрить Принцессу, — кто-то ведь установил ее здесь и должен за

ней следить. Как бы редко они это ни делали. Я видел какие-то довольно крупные развалины около того места, где мы сели. Может быть, в них все еще живут туземцы, может, они пусты, но башня ведь МОЖЕТ использоваться как пост для ксеноархеологических исследований.

— Возможно, — живо согласилась Принцесса. — Да,.. это объясняет и то, что башня нигде не зарегистрирована. Маленький научный пост может быть временным!

— И недавно созданным, — добавил Люк, взволнованный возможной правотой своего предположения. Просто поговорить о такой возможности — от этого им обоим стало легче. — Если это так, то на автоматической станции, даже эпизодически используемой, должен храниться неприкосновенный запас и аварийное оснащение. Черт побери, там может даже оказаться субпространственное планетарное реле для связи с Серкарпусом IV, на случай, когда здесь работает команда ученых.

— Взывать о помощи было бы не слишком красивым способом объявить о моем прибытии, — заметила Принцесса, откидывая волосы. — Не то чтобы я была какой-то особенной, — быстро добавила она. — Я договорюсь о прибытии в медицинском коконе.

Некоторое время они шли в молчании, потом Люку пришел в голову еще один вопрос: — Я все еще не могу понять, Принцесса, из-за чего взбесились наши приборы. Этот колоссальный объем поднимающейся свободной энергии, через которую мы прорывались... удары молний, прыгавших с неба на корабли и назад... Никогда раньше ничего подобного не видел.

— Я тоже, сэр, — выдал свой комментарий Трипио, — я думал, что сойду с ума.

— Мне тоже не приходилось видеть что-либо подобное, — задумчиво призналась Принцесса. — И я никогда не читала о таком явлении природы. На нескольких колонизованных газовых гигантах бывают штормы и посильнее, но такие яркие — никогда. И при этом всегда бывают сильные громовые раскаты. Мы были над плотным слоем туч, когда это произошло. И все же, — заколебалась Лея, — что-то мне это напоминает. — Арту гудком выразил свое согласие.

— Думается, что те, кто установил сигнальную башню, — кто бы они ни были — могли бы заодно передавать предупреждение кораблям, чтобы избежать опасности.

— Да, — согласилась Принцесса. — Трудно представить, чтобы научная экспедиция или экспедиция любого рода была столь небрежна. Такое упущение — это почти преступление. — Лея медленно покачала головой. — Этот эффект... я почти вспоминаю что-то вроде этого... — затем улыбнулась уже другой улыбкой: — У меня голова все еще забита конференцией.

А должна бы, подумал Люк, быть забита только одной мыслью: добраться до этой самонаводящейся башни и надеяться, что там есть еще что-нибудь, кроме кучи механизмов. Вслух он сказал: — Я понимаю, Принцесса.

Не сила, а более древнее, более сильно развитое в человеке чувство убеждало Люка в том, что за ними следят. Он обнаружил, что быстро оборачивается, пристально вглядываясь в деревья и туман позади и по обе стороны дороги. Ничто не ответило на его взгляд, но неприятное чувство отказывалось его покидать.

Однажды Лея поймала его на том, что он вглядывался во влажные заросли. — Нервничаешь? — это был полувопрос-полувызов.

— Нервничаю, это точно, — отпарировал Люк. — Я нервничаю и боюсь, и жаль, черт возьми, что мы уже не на Серкарпусе. Лучше уж быть где угодно на Серкарпусе, чем бродить пешком по этим болотам.

Посерьезнев, Принцесса сказала: — Человек учится принимать все, что уготовила ему жизнь, с самым лучшим, по возможности, настроем. — Она смотрела прямо перед собой.

— Именно этим я и занимаюсь, — признался Люк. — Принимаю все с самым лучшим настроем, на какой способен, — нервничаю и боюсь.

— Что ж, незачем смотреть на меня так, словно это МОЯ вина.

— Я разве это имел в виду? Я что-нибудь такое говорил? — возразил Люк чуть более жарко, чем намеревался. Принцесса бросила на него пронизательный взгляд, и он проклял свою неспособность скрывать свои чувства. Из меня вышел бы дрянной игрок в карты, решил Люк. Или политик.

— Нет, но ты все равно что... — горячо начала говорить Лея.

— Принцесса, — мягко перебил Люк, — по рассчитанному вами местонахождению, нам еще далеко идти. Тот факт, что разные зубастые и когтистые штуки до сих пор не бросались на нас с каждого дерева, не означает, что такие существа здесь не водятся. Так что единственное, чего у нас нет, — это времени препираться между собой. Кроме того, проблема ответственности — это уже пройденный этап. Ее заслонила проблема выживания. Мы и выживем, да пребудет с нами Сила.

Ответа не последовало. Это само по себе уже обнадеживало. Они побрели дальше. В те моменты, когда Принцесса не могла этого видеть, Люк бросал на нее восхищенные взгляды. Растрепанная, покрытая ниже пояса грязью, она все равно была красива. Люк знал, что она переживает не из-за него, а из-за того, что может пропустить запланированную встречу с повстанцами Серкарпуса.

Самая темная ночь — это ночь, наполненная туманом, а на Мимбане все ночи были именно такими. Путники устроились на ночлег между раздвоенными корнями огромного дерева. Пока Принцесса разжигала костер, Люк и роботы соорудили прикрытие от дождя, натянув два плаща между обоими массивными корнями. Люк и Лея свернулись калачиком в поисках тепла и следили, как ночь старается пробраться сквозь языки пламени. Пламя ободряюще потрескивало вопреки туману и звукам ночи, хором звучащим вокруг них. Они ничем не отличались от дневных звуков, но под покровом ночи все, особенно, в чужом мире, приобретает оттенок ночной тайны и ужаса.

— Не беспокойтесь, сэр, — сказал Трипио, — Арту и я будем нести вахту. Сон нам не требуется, а там снаружи нет ничего, способного проглотить нас. — В темноте раздалось громоподобное воркование, напоминавшее по звуку испорченную трубу, и Трипио вздрогнул. Арту издал насмешливое “бип”, и оба робота двинулись в темноту.

— Очень смешно, — укорил своего товарища Трипио. — Надеюсь, какое-нибудь здешнее плотоядное подавится тобой и переломает тебе все внешние сенсоры.

Арту засвистел в ответ — похоже, тирада не произвела на него особого впечатления.

Принцесса крепко прижалась к Люку. Он старался успокоить ее и при этом не выглядеть встревоженным, по мере того, как ночь сгущалась до темноты стигийской пещеры, а ночные звуки превращались в замогильные стоны и завывания. Его рука инстинктивно обвилась вокруг плеч Принцессы. Лея не возражала. Люку было приятно сидеть вот так, прижавшись к ней и стараясь не обращать внимания на влажную землю под собой.

Раздался чей-то пронзительный крик — словно из бездны, и Люк, вздрогнув, проснулся. За умиравшим костром ничего не двигалось. Свободной рукой он подбросил в догоравший костер несколько деревянных щепок и стал наблюдать, как снова ярко вспыхнуло пламя.

Потом Люк случайно взглянул на лицо своей спутницы. Сейчас это было не лицо Принцессы и Сенатора, лидера повстанцев, но личико замерзшего и испуганного ребенка. Влажно приоткрывшись во сне, ее губы манили его. Люк склонился ниже, ища спасения от влажной коричневой зелени болота в этих гипнотизирующих алых губах. На секунду он заколебался, затем отодвинулся. Она была аристократкой и лидером Восстания. Чего бы он ни достиг на Йейвене, он был всего лишь пилотом, а прежде — племянником фермера. Пастух и Принцесса, с отвращением подумал Люк.

Его заданием было защищать ее. Он не станет злоупотреблять ее доверием, каковы бы ни были его безнадёжные мечты. Он будет защищать ее от любого существа, которое выпрыгнет из темноты, выползет из болота, свалится с сучковатых ветвей, под которыми они шли. Он сделает это из уважения, восхищения и, может быть, самого сильного из чувств — неразделенной любви.

Он защитит ее даже от самого себя, устало решил Люк. Через пять минут он уже крепко спал.

* * *

Люк проснулся первым, и это избавило их от чувства неловкости. Сняв руку с плеча Леи, он легонько встряхнул ее раз, другой. На третий раз Лея села, широко раскрыв глаза и совсем проснувшись. Она резко повернулась и посмотрела на Люка. Затем ей на память пришли события последних нескольких дней, и она слегка расслабилась.

— Извини. Я подумала, что я где-то в другом месте. Я немного испугалась, — Лея принялась рыться в своем рюкзаке, и Люк занялся тем же. Трипио бодро поздоровался: — С добрым утром!

Пока где-то позади них поднималось полускрытое тучами солнце, слегка согревая туман, они съели скудный завтрак, состоявший из концентратных кубиков из аварийного запаса.

— Кто бы там ни изобрел эту еду, — Лея состроила гримаску отвращения, откусив маленький кусочек от розового квадрата, — должно быть, был наполовину машиной. Он не запрограммировал для нее ни вкуса, ни запаха.

Люк старался не подавать виду, насколько отвратительна ему пища: — Ну, не знаю. Они предназначены для того, чтобы поддерживать в нас жизнь, а не для вкуса.

— Хочешь еще? — Лея протянула ему синий квадратик, по консистенции смахивавший на дохлую губку. Люк с полуулыбкой смерил его взглядом, ощущая легкую тошноту.

— Нет... не сейчас. Я, кажется, сыт, — она понимающе кивнула, затем улыбнулась. Люк усмехнулся ей в ответ.

Долгий день так и не стал приятным, но костюмы и термошляпы помогали им сохранять тепло. К полудню стало достаточно жарко, и они расстегнули шляпы, сложили тонкую материю в маленькие прямоугольники и убрали их в карманы костюмов.

— Мы должны уже подходить к башне, — сказала Принцесса около полудня. Люк раздумывал, сколько же часов они проспали. Дни и ночи на Серкарпусе-Мимбене, должно быть, долгие.

— Мы должны быть готовы к тому, что не найдем ничего, Принцесса. Вполне возможно, что при башне нет станции.

— Я знаю, — спокойно отозвалась она, — и все-таки нам придется искать. Мы можем идти по расширяющейся спирали от того места, которое я вычислила, и надеяться на лучшее.

Впереди простиралась длинная стена деревьев и более низкой поросли. Путники без колебаний углубились в нее, пробуя дорогу для безопасности.

— Прошу прощения, сэр.

Люк посмотрел чуть вперед и направо. Оба робота остановились, и Си Трипио на что-то опирался: — Что это, Трипио?

— Прошу прощения, сэр, но то, на что я опираюсь, не дерево, — сказал робот. — Это металл. Я счел этот вопрос достаточно важным, чтобы привлечь ваше внимание. Существует вероятность, что... — громкое “бип” прервало его речь, и он уставился сверху вниз на Арту: — Слишком много говорю? Что значит — слишком много говорю, ты, фабричный хлам?

— Металл... это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** металл! — Принцесса стояла рядом с роботами в ожидании, когда Люк проложит себе путь сквозь кусты.

— Арту, посмотри, не сможешь ли ты расчистить нижний слой растительности, — маленький робот включил пламя кислородной резки и прожег им тропу в джунглях: — Это стена... должна быть стена, — пробормотал Люк, пока они шли вдоль металлической поверхности, изборужденной лесом.

Металл, конечно, скоро кончился, и они вышли из кущи деревьев на довольно прилично расчищенную дорожку. Она вела к улице, вымощенной прессованным глиноземом. По обе стороны гордой аллеи, уверенно прорезавшей клубящийся туман, стояли здания. Теплый желтый свет струился из плотно закрытых окон, освещая и вычерчивая приподнятые металлические обочины, укрытые от тумана и дождя.

— Благодарение Силе, — прошептала Принцесса.

— Во-первых, — начал Люк, — надо найти место, где мы можем вымыться. Потом... — он сделал шаг вперед. Рука схватила его за плечо, удерживая. Он обернулся и с любопытством взглянул на Лею: — В чем дело?

— Подумай минутку, Люк, — мягко, но настойчиво сказала Принцесса.

— Здесь не просто есть обычная самонаводящаяся башня. Здесь нечто гораздо большее. — Она заглянула за угол. Теперь по металлическим тротуарам улицы двигались какие-то фигуры. Другие фигуры пересекали окутанную туманом улицу. — И потом, это слишком много для научной станции.

Люк стал разглядывать окутанную пеленой улицу, силуэты, грубые формы строений: — Ты права. Это

большая установка. Может быть, какая-нибудь компания с Серкарпуса...

— Нет, — Лея сделала резкий жест. — Смотри туда.

Две фигуры, покачиваясь, шагали по самой середине улицы. Вместо свободной одежды на них были доспехи — бронированная черно-белая форма. Форма, которая была им слишком хорошо знакома.

Оба мужчины небрежно несли в руках шлемы. Один из них обронил свой, наклонился, чтобы его поднять и нечаянно пнул шлем ногой так, что тот покатился по улице. Его спутник набросился на напарника с бранью. Отчаянно ругаясь, незадачливый солдат Империи поднял свой шлем, и они отправились дальше по извилистой улице.

Глаза Люка распахнулись так же широко, как у Леи. — Имперские штурмовики, здесь! Без ведома серкарпусиан, конечно, иначе мы бы знали об этом от повстанцев.

Лея возбужденно закивала: — Если серкарпусиане узнают об этом, они плюнут на Империю быстрее, чем какой-нибудь чиновник заполняет свой бланк!

— А кто сообщит им об этом вторжении? — поинтересовался Люк.

— Мы, конечно, — Принцесса, помрачнев, запнулась. — Теперь у нас есть две причины искать помощи, Люк.

— Ш-ш-ш, — прошептал Люк. Они отошли дальше в тень. Рядом с углом показалась большая группа мужчин и женщин. Они негромко переговаривались между собой, но не их неразборчивая речь заинтересовала Люка и Лею. На них была необычная одежда — комбинезоны из какого-то черного, отражающего свет материала, брюки заправлены в высокие сапоги того же цвета.

Сверху комбинезоны заканчивались шапочками, обтягивавшими голову. У некоторых членов группы капюшоны были подняты и застегнуты, у других они были откинuty и плоско болтались на спине. Различное снаряжение, назначения которого Люк не знал, висело и покачивалось на их широких ремнях.

Лея, по-видимому, знала, кто они. — Шахтеры, — сообщила она Люку, наблюдая, как группа удалялась по металлической дорожке. — На них одежда шахтеров. Империя выкачивает что-то ценное из этой планеты, а серкарпусиане об этом и знать не знают.

— Откуда у тебя такая уверенность? — поинтересовался Люк.

Голос Принцессы звучал убежденно: — У них была бы своя собственная установка, и без всяких войск. Империя явно не хочет, чтобы кто-нибудь знал об этом. — Арту тихим свистом выразил свое согласие.

Дальнейший разговор сделался невозможным, потому что воздух внезапно наполнился отчаянным воем, идущим откуда-то издалека. Это было похоже на парад демонов, топавших прямо у земной поверхности.

Звук продолжался несколько минут, потом стих. Выражение лица Принцессы изменилось — она все поняла.

— Энергетическая разработка недр! — задыхаясь, пояснила Она Люку.

— Они используют здесь какие-то крупные генераторы. — Она на секунду задумалась, потом продолжала: — Этим можно объяснить и возмущения в атмосфере, заставившие нас сесть. Я ЗНАЛА, что где-то читала раньше об этом эффекте. Кораблю нужна специальная изоляция, чтобы сесть в зоне, где работает энергетическая дрель. Побочные продукты, в том числе, избыточный заряд, вырываются в небо... Но радиоактивные осадки! Если в этом мире есть туземная раса, это незаконно — такой вид разработок.

— С каких это пор, — с горечью заметил Люк, — законность стала иметь для Империи какое-то значение?

— Ты, конечно, прав.

— Мы не можем стоять здесь вечно, — продолжал Люк. — Первое, что нам надо сделать, — это найти какую-нибудь нормальную пищу. Эти концентраты способны поддерживать жизнь только до тех пор, пока не нужен протеин. И кроме того, — добавил он, бросив взгляд на грязную одежду Принцессы, — нам надо почиститься. Мы не можем привлекать внимание. Со времен Йейвена и Звезды Смерти мы слишком хорошо знакомы должностным лицам Империи: нас узнают с первого взгляда.

Он оглядел свою летную форму, затем — костюм Леи: — Мы не можем так ходить по городу. Мне думается, нам надо разработать план, как украсть смену одежды.

— Украсть?! — возмутилась Лея, выпрямляясь. — У какого-нибудь честного торговца? Если ты думаешь, что

бывшая Принцесса королевского дома планеты Олдеран докатится до такого...

— Я украду ее сам, — отрезал Люк. Он заглянул за угол. Окутанная туманом улица на короткое время опустела, и Люк сделал Принцессе знак следовать за ним.

Они жались к стенам домов, стараясь побыстрее проскочить участки перед освещенными окнами и открытыми дверьми, незаметно скользя из тени в тень. По пути Люк поспешно оглядывал порог каждого дома. Наконец, он остановился и показал на вывеску над дверью.

— “Шахтерское снаряжение”, — прошептал Люк. — Вот то, что нам надо. — Пока Принцесса следила за дорожками, он попытался заглянуть в темное окно. — Может быть, у них выходной, — бодро предположил он.

— Скорее всего, единственные заведения, которые работают в такое время, посреди ночи, продают только крепкие напитки, — высказала более прозаичное предположение Принцесса. — Что теперь? — Она была явно не в своей тарелке.

Вместо ответа Люк повел ее вокруг дома. Как он надеялся, там находился черный вход. Но, как он и боялся, вход был оборудован сигнализацией. Дело осложнялось еще и тем, что за зданием была широкая открытая лужайка, отделявшая его от джунглей и болота. Сзади окон у заведения не было, возможно, именно для того, чтобы пресекать намерения вроде тех, что возникли у них.

Люк снял с пояса лучевой меч, очень медленно регулируя приборы управления, вмонтированные в рукоятку.

— Что ты собираешься делать, Люк?

— Не знаю, насколько велик этот город, но шумный взлом привлечет слишком много внимания. Так что я попытаюсь не наделать шума.

С интересом следя за его действиями, Лея сделала несколько шагов назад, нервно оглядывая аллею. В любую секунду она ожидала увидеть, как взвод разъяренных штурмовиков мчится к ней из-за угла, поднятый по какому-то скрытому сигналу, который они нечаянно задел.

Однако, пока Люк приводил в действие меч, до них доносились только звуки джунглей. Вместо метрового

луча белой энергии из эфеса вырвалась короткая струйка не толще нити. Сосредоточившись не хуже искусного ремесленника, Люк сделал шаг вперед и двинул энергетический луч вдоль узкой щели, видневшейся между дверью и косяком. На расстоянии примерно трети пути раздался отчетливый щелчок, и дверь послушно отворилась. Скорректировав свой меч, Люк выключил его и снова прикрепил к поясу.

— Иди, — велела ему Лея, — роботы и я покараулим.

Он кивнул и исчез внутри.

Главная цель Люка была удобно расположена совсем рядом с задней дверью магазина. Несколько минут он шарил по полкам, пока не нашел того, что ему было нужно. Взяв поношенную одежду, он поспешил к черному входу и бросил добычу Принцессе. Затем вышел за порог, потянулся назад и дотронулся до ручки “Закрыто” Люк едва успел отдернуть руку, как дверь тихонько затворилась за ним. Если повезет, пройдет несколько недель, прежде чем владелец магазина обнаружит пропажу.

Весьма довольный собой, Люк спустился с крыльца и стал расстегивать свой летный костюм. Он уже стал раздеваться, как вдруг остановился, заметив, что Принцесса стоит и смотрит на него.

— Давай. Нам надо спешить.

Лея уперлась руками в крутые бедра, наклонила голову и многозначительно посмотрела на него.

— О, — пробормотал Люк с полуулыбкой. Затем отвернулся и продолжал раздеваться. Чувствуя, что за его спиной все осталось по-прежнему, он украдкой оглянулся и увидел, что Принцесса все еще с беспокойством смотрит на него: — В чем дело, Принцесса?

В ее голосе было смущение: — Люк, ты мне нравишься, и мы довольно давно знаем друг друга, но я не уверена, что могу тебе доверять... сейчас.

Он усмехнулся: — Знаешь, если штурмовики обнаружат нас в летной форме, это не будет иметь никакого значения, — Люк махнул рукой. — Ты можешь переодеться в кустах.

Отвернувшись от нее, он продолжал переодеваться. Лея бросила взгляд назад, на джунгли. Крошечные светящиеся точки, глаза неведомых существ, мелькали в кустах. До нее доносились странные, путающие звуки

и шипение. Лея вздохнула, начала снимать свой костюм, но вдруг остановилась: — Ну, а вы двое на что устались?

— О, извините, я... — Раздался настойчивый свист. — Да, ты прав, Арту. — И оба робота отвернулись от Принцессы.

Вскоре Люк получил возможность обернуться и одобрительно обозреть ее внешность. Простой, поношенный костюм сидел чуть-чуть в обтяжку, но в остальном смотрелся на ней совершенно естественно.

— Ну? — спросила Лея, явно не в восторге от своего нового туалета.

— А ты что разглядываешь?

— Я вот думаю, что, может быть, немного краски, — начал Люк. И тут же ему пришлось демонстрировать быструю реакцию, чтобы увернуться от брошенного ею ботинка. Ботинок со стуком ударился о металлическую дверь.

— Извини, — сказал Люк, и голос его звучал совершенно искренне. Нагнувшись над старым костюмом, он стал перекладывать различные предметы из него и рюкзака в карманы шахтерской униформы.

Люк осторожно раскрыл один из маленьких ящичков и быстро проглядел его содержимое, прежде чем закрыть ящичек и положить в карман. — У меня достаточно имперских денег, чтобы мы могли продержаться какое-то время. А у тебя?

Она отвела взгляд в сторону: — Что делать представителю Союза с обычными имперскими деньгами при выполнении дипломатической миссии?

Люк вздохнул: — Продержимся, я думаю. Как ты смотришь на то, чтобы съесть что-нибудь более существенное, чем концентраты?

Лея посмотрела ему в лицо, явно приободрившись: — Я могла бы съесть половину чу-шу, Люк. А ты уверен, что нам следует это делать?

— Нам придется иногда смешиваться с толпой. Если мы не будем выглядеть и вести себя, как чужие, нас никто не потревожит. — Они снова пошли по направлению к главной улице, предварительно похоронив свои рюкзаки и летные костюмы в болоте.

На полпути света стало больше, и Люк остановился.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Принцесса.

— Две вещи, — сурово сказал Люк, оглядывая ее.
— Во-первых, твоя походка.

— Что плохого в моей походке?

— Ничего. В том-то и беда.

Брови Леи озадаченно сдвинулись: — Я что-то не улавливаю, Люк.

Он медленно пояснил: — Ты ходишь, как... как принцесса. Не как работница. Опusti плечи, поубавь уверенности и широты шага. Шаркай чуть-чуть. Ты должна ходить, как усталая сборщица камней, а не как член королевской семьи. И потом, еще одно...

Протянув руку, Люк яростно растрепал ее аккуратную прическу.

— Эй! — запротестовала Лея, вырываясь. Когда Люк отступил, ее волосы представляли собой спутанную массу прядей, в беспорядке свисавших вдоль ее лица, а от замысловатых двойных узлов, которые она обычно носила, не осталось и следа.

— Вот так-то лучше, — заметил Люк, — но все равно еще кое-что осталось. — С минуту помедлив, Люк нагнулся, набрал полную пригоршню влажной земли, затем шагнул к Принцессе.

— Ну нет! — возмутилась Лея. Защищаясь, она подняла обе руки к лицу и отступила: — Я прожила в грязи неизвестно сколько времени. Я не даю тебе вымазать мне лицо этой гадостью!

— Как знаешь, Лея, — Люк бросил грязь, и она с громким звуком шлепнулась на землю. — Сделай это сама.

Принцесса колебалась. Затем при помощи слюны и совсем капельки грязи она умудрилась полностью снять грим с лица и испачкать его так мало, насколько это было возможно.

— Ну, как? — настороженно спросила она.

Люк одобрительно кивнул: — Гораздо лучше. Ты выглядишь, как человек, который слишком долго пробыл в пустыне без воды.

— Спасибо, — тихонько отозвалась она. — Знаешь, я именно так и начинаю себя чувствовать.

— Это необходимо. Я просто хочу, чтобы мы выбрались из этого мира живыми.

— У нас из этого ничего не выйдет, если мы не найдем еду, о которой ты столько говорил. — С этими словами Лея зашагала по направлению к улице, и Люку пришлось поспешно догонять ее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пробираясь по металлическим тротуарам к более освещенным зданиям, они переговаривались шепотом. Стало появляться все больше шахтеров и других фигур — они как бы материализовались из тумана.

— Город оживает, — тихонько сказала Лея. — Они, наверное, работают на шахтах в три смены. Похоже, одна как раз заканчивается.

— Не знаю, — признался Люк, — но ты должна все-таки что-то сделать со своей походкой. Ссутулься еще больше.

Она кивнула и попыталась сгорбиться. Люк старался не смотреть в лица прохожих, опасаясь, что кто-то станет разглядывать их в ответ.

— Ты все равно слишком напряжена. Расслабься. Вот так, уже лучше.

Они остановились у довольно тихого, приличного вида строения, вывеска на котором гласила, что это таверна.

— Во всяком случае, ВЫГЛЯДИТ оно довольно мирно, — Люк обернулся.

— Трипио, ты и Арту подождите снаружи. Нет смысла нарываться на неприятности. Найдите где-нибудь темный угол и стойте спокойно, пока мы не придем.

— Вам незачем нас убеждать, мастер Люк, — пылко вскричал золотистый робот. — Пошли, Арту. — Оба робота направились к узкому проходу между таверной и соседним зданием.

— Как ты думаешь, Принцесса? Рискнем?

— Я умираю с голоду... мы и так потеряли достаточно времени. — Лея положила руку на ручку двери. Двойные двери тут же, скользя, распахнулись.

В глаза и уши им ударил яркий свет, оглушительный шум и говор. Они уже оказались на виду, так что им ничего не оставалось, как только войти, со всей неприужденностью, на какую они были способны. Внутри таверны там и сям находились низкие кабинки, заполненные возбужденными людьми. Люк чуть не задохнулся от миазмов, источаемых дымом наркотиков и других веществ и с трудом удержался от кашля.

— В чем дело? — Принцесса забеспокоилась, хотя на нее нездоровый воздух не оказал ни малейшего воздействия. — На тебя люди смотрят.

— Это... воздух, — объяснил Люк, изо всех сил стараясь дышать нормально. — Что-то в нем такое... И даже больше, чем что-то.

Принцесса коротко рассмеялась: — Слишком много для тебя, пилот-истребитель?

Люку было не стыдно признаться в этом. Когда он снова обрел дыхание, он сказал: — Видишь ли, Лея, внутри я все тот же деревенский мальчишка. У меня не такой уж большой опыт в утонченных развлечениях.

Лея оценивающе втянула в себя воздух: — Не сказала бы, что эти ароматы такие уж утонченные. Густые — да, но не утонченные.

Где-то поблизости от центра человеческого водоворота они чудом отыскивали свободный столик. Когда официант — он был человеком — приблизился к ним, Лея сосредоточила все свое внимание на столе. Впрочем, она волновалась напрасно. Официант на них даже не взглянул.

— Что вам угодно? — равнодушно осведомился он. Люк заметил, что и за работой парень что-то курил.

— А какое сегодня самое лучшее блюдо? — спросил он официанта, стараясь, чтобы его голос был похож на голос человека, прошедшего десять часов в недрах земли.

— Бифштекс из коммеркена, вырезка и утуверги... как обычно.

— На двоих, — сказал Люк, стремясь свести разговор к минимуму.

Похоже, что официанта это вполне устраивало.

— Принято, — все так же бесстрастно бросил он и растворился в толпе.

— Он не задал никаких вопросов, — возбужденно шепнула Лея, повернувшись к Люку.

— Да. Это может оказаться даже легче, чем я думал, — перед Люком слабо засветилась надежда.

Затем его лицо потемнело.

— В чем дело, Люк? — Он показал знаком, и Лея обернулась к бару.

Там к огромному, как гора, шахтеру вяло приставало существо ростом с человека, костлявое и с ног до головы покрытое светло-зеленым мехом. У него были большие, как у ночной птицы, глаза, а с макушки головы до середины спины спускался гребень более длинного и темного меха. Примитивно обработанная шкура какого-то неизвестного животного опоясывала его чресла, а с шеи свисало несколько позвякивавших ожерелий с примитивными украшениями.

Сейчас существо издавало мяукающие, умоляющие звуки высоким, серебристым голосом. В чужом, напевном говоре явно угадывался намек на отчаяние: — Позалуста, сэр, — молило существо, — чуть-чуть выпить, чуть-чуть выпить.

Громадный шахтер отреагировал на эту жалкую просьбу, подняв огромную ногу и ударив туземца в лицо. Люк вздрогнул и отвел глаза. Принцесса бросила на него взгляд: — Ты что, Люк?

— Не могу видеть, когда так унижают, — пробормотал он, — будь то человек, животное или какое-то инопланетное существо. — Он посмотрел в глаза Принцессе: — Как ты можешь на это смотреть?

— Я видела, как уничтожили весь мой мир — семь миллионов людей, — ответила Лея будничным тоном, от которого пробирала дрожь. — Ничто человеческое меня больше уже не удивляет, за исключением того, что кто-то еще сохранил способность удивляться таким вещам. — Она снова обернулась к бару и принялась наблюдать разыгрывавшуюся сцену с каким-то медицинским интересом.

— БУУТОП! — заорал шахтер на аборигена, в то время, как его спутники давились от смеха. — буутоп, да?

Жалобно завывавший гуманоид, вращая головой каким-то совершенно неестественным образом, поднял го-

лову и усталился на человека, стирая кровь с лица: — ВИКЕРМАН, ВИКЕРМАН?

— Да, викерман, — согласился шахтер, которому игра уже начала надоедать. — Буутоп.

Без дальнейшей подсказки туземец плюхнулся на живот. Он высунул неожиданно длинный, змеиный язык и стал слизывать грязь и угольную пыль с ботинок мужчины.

— Меня сейчас стошнит, — еле слышно прошептал Люк. Принцесса только пожала плечами.

— У каждого есть свои ангелы и свои дьяволы, Люк. Ты должен быть готов к тому, чтобы справиться и с теми, и с другими.

Когда она снова обернулась к бару, туземец уже закончил свою унижительную работу и взволнованно сложил руки: — Дай викерман, дай, сейчас?..

— Да, конечно, — сказал шахтер. Потянувшись к бару, он взял бутылку причудливой формы и дотронулся до крышки сбоку. Часть верхней секции бутылки стала наполняться темной жидкостью. Щелчок — и наполнение прекратилось.

Повернувшись к стоявшему в ожидании туземцу, шахтер перевернул бутылку, вылив густую красную жидкость не в сложенные горстью руки, а прямо на пол. Пока мужчины и женщины веселились за счет бедного аборигена, тот точно так же упал на пол, и его удивительный язык, стремительно снуя взад-вперед, как у лягушки, подобрал жидкость прежде, чем она успела впитаться в трещины и углубления пола.

Не в силах наблюдать дальше, Люк с любопытством обвел взглядом обширное прокуренное помещение. Теперь он заметил и других покрытых зеленым мехом двуногих, бродивших вокруг. Многие выпрашивали выпивку в лихорадочной надежде, другие раболепно выполняли лакейскую работу.

— Я не узнаю эту расу.

— Я тоже, — призналась Принцесса. — Наверное, аборигены этого мира. Империя не отличается мягкостью по отношению к неприсоединившимся туземцам.

Люк собирался ответить, но Лея сделала ему знак молчать. Появился официант с их заказом.

У мяса был необычный цвет, у овощей — тем более. Но все было горячим и пахло приятно. Три краника выросли, как цветы, из центра столика. Наполнив из

одного из них свой стакан, Люк с любопытством попробовал его содержимое: — Ничего.

В это время Принцесса осторожно попробовала мясо. Прожевав и проглотив кусочек, она скривила ротик: — Если бы у меня был выбор, я бы взяла не это...

— Но у нас его нет, — заметил Люк.

— Правильно... нет. У нас... — она остановилась, пристально глядя на что-то, и Люк обернулся.

Официант все еще стоял там, наблюдая за ними. Как только он заметил, что Лея обернулась на него, он тут же ушел.

— Думаешь, он что-то подозревает? — тревожно прошептала Лея.

— С чего бы это? Одежда у тебя нормальная, он не мог тебя узнать.

Немного приободрившись, Лея склонилась над тарелкой и снова принялась за еду.

— Смотри, вон там, — снова прошептала она. Люк обернулся и украдкой бросил взгляд в указанном направлении.

Официант разговаривал с высоким человеком с хорошими манерами, одетым в форму имперского чиновника.

— Они действительно подозревают! — напряженно прошептала Лея. Она стала подниматься с места. — С меня довольно. Надо выбираться отсюда.

— Мы не можем сорваться с места, особенно сейчас, когда за нами следят, — возразил Люк. — Не паникуй, Принцесса.

— Я сказала — я ухожу, Люк, — она нервно повернулась, собираясь уйти.

Не очень соображая, что делает, он протянул руку, отвесил ей сильную оплеуху, и когда ее голова мотнулась в направлении стоявших людей, громко сказал: — И не проси, пока я не поем!

Рука Леи потянулась к пылающей щеке. Онемев и широко раскрыв глаза, она медленно опустилась на сидение. Люк лихорадочно набросился на свой бифштекс, тогда как имперский служащий в форме неторопливо приблизился к ним в сопровождении официанта, державшегося на почтительном расстоянии.

— Если у вас какие-то затруднения... — начал чиновник.

— Нет, ничего, — заверил его Люк, выдавливая улыбку. Но чиновник не уходил: — Может, я могу быть вам чем-то полезен?

— Ты — нет. С тобой все ясно, кто ты, шахтер, — бюрократ перевел свой масляный взгляд на Лею. — Меня больше интересует твоя спутница. — Лея не подняла на него глаз.

— Почему? — бодро спросил Люк. — В чем проблема?

— Ну, одета она почти как шахтеры, — сказал чиновник, — но как заметил Иларес, — кивок в сторону официанта, — ее руки указывают на другую профессию.

Вздвогнув, Люк тоже обратил внимание на руки Принцессы: мягкие, белые, без мозолей — по ним было явно видно, что эти руки могли заниматься чем угодно, только не ручным трудом. Годы, проведенные на ферме его дяди, сделали фигуру Люка, в том числе руки, вполне пригодными для роли простого шахтера, но Принцесса Органа всю жизнь манипулировала разве что книжными записями, но уж никак не экскаватором или бульдозером.

Люк отчаянно соображал: — Нет, она,.. э-э, я ее купил, — Лея судорожно дернулась и с минуту пристально смотрела на него, затем решительно вернулась к еде. — Да, она моя служанка. Истратил на нее все сбережения. — Люк старался говорить равнодушным тоном, потом пожал плечами и принялся за еду. — Она, конечно, не то чтоб очень. — Плечи Леи задрожали. — Но это было лучшее, что я мог себе позволить. В общем, забавно иметь ее рядом, хотя она норовит побрыкаться, и приходится ее умирять.

Бюрократ понимающе кивнул и впервые улыбнулся: — Сочувствую, молодой человек. Извините, что помешали вам обедать.

— Ничего страшного, — сказал Люк, и мужчину вернулся за свой столик.

Глаза Принцессы метали молнии: — Получил удовольствие, да?

— Нет, конечно, нет. Мне пришлось все это говорить, чтобы спасти нас.

Она потерла щеку: — А эта история про служанку?

— Это единственная логичная вещь, которая пришла мне в голову, — настаивал Люк. — Кроме того, это

объяснение сойдет для тебя так же, как и любое другое. — По голосу было слышно, что Люк доволен.

— Никто не станет задавать вопросов, когда пройдет слух об этом.

— Слух? — Лея встала. — Если ты думаешь, Люк Скайуокер, что я буду разыгрывать твою служанку, пока...

— Эй, милочка... с тобой все в порядке? — спросил новый голос. Люк взглянул на старуху, появившуюся рядом с Принцессой. Положив руку ей на плечо, старуха мягко, но решительно сжала его. Все еще немного ошеломленная, Лея медленно села.

Люк настороженно разглядывал старуху, а та подтянула стул к их столику. — Насколько я понимаю, мы незнакомы. И не помню, чтобы я приглашал вас к нам присоединиться. Так что будьте любезны оставить меня и мою служанку в покое.

— О, я вас не потревожу, мой мальчик, — заявила старуха, и что-то в ее тоне говорило о том, что она знает то, чего не знают они. Она повернула голову к Принцессе.

— Неудивительно, что мы раньше не встречались. Вы двое — чужеземцы, так ведь?

Это заявление, казалось, вывело Принцессу из оцепенения. Она в изумлении уставилась на старую женщину, потом отвела взгляд, готовая смотреть куда угодно, только чтобы не встречаться с этими всезнающими, обвиняющими глазами.

— С какой стати вы говорите такие глупости? — запинаясь, произнес Люк.

Старуха заговорщически пригнулась ниже: — У старой Халлы хорошая память на лица. Вы не жители этого города, и в четырех других я вас тоже никогда не встречала. Этот мир — он больной и дряхлый, и я знаю всех больных и дряхлых, кто в нем живет. Вы для меня — новые лица.

— Мы... мы прибыли на последнем корабле, — Люк придумал первое пришедшее на ум алиби.

Старуха ухмыльнулась — на нее это не произвело ни малейшего впечатления: — Да неужто? Хотите провести старую Халлу? Ну, не пугайтесь так, девочка и мальчик. У вас лица становятся белыми, как форма у штурмовиков на пузе. Так, значит, вы чужеземцы. Это

хорошо, хорошо. Мне нужны чужеземцы. Мне нужна ваша помощь.

Принцесса отклонилась назад и недоуменно смотрела на нее: — ВАМ нужна НАША помощь?

— Удивлены, так ведь? — закудаhtала Халла.

— Помощь в чем? — в смятении спросил Люк.

— Просто помощь, — сказала она, небрежно и загадочно. — Вы поможете мне, я помогу вам. А я знаю, помощь вам нужна, потому что в этом мире не бывает чужеземцев, и все же вы тут. Хотите знать, откуда Я знаю, что вы не здешние? — Она снова оперлась на стол и помахала всезнающим пальцем в сторону Люка: — Потому что, молодой человек, в тебе сильна СИЛА.

Люк выдавил улыбку: — Сила — это суеверие, миф, которым клянутся люди. Сказка, которой путают детей.

— Ах, вот как? — Халла откинулась и удовлетворенно сложила руки. — Ну, значит, в тебе сильно суеверие. Притом сильнее, чем в ком-либо, кого я встречала в этом Богом забытом ковше грязи.

Неожиданно Люк стал внимательно всматриваться в старуху. — В чем дело, Люк? — спросила Лея, увидев странное выражение, появившееся на его лице. Он не обратил внимания на ее вопрос.

— Ты сказала, тебя зовут Халла? — Женщина медленно наклонила голову. — В тебе самой есть немного этой Силы.

— Больше чем немного, молокосос! — возмущенно запротестовала она.

— Я повелительница Силы, повелительница!

Люк промолчал.

— Так тебе нужны доказательства? — продолжала она. — Смотри!

Сосредоточившись на соуснике, стоявшем в центре стола под одним из кранов, Халла заставила его немного задрожать. Соусник стукнул по столу раз, другой, затем сдвинулся на несколько сантиметров влево. Откинувшись назад, Халла набрала побольше воздуха в легкие и вытерла пот с лица.

— Вот, видишь? НЕМНОГО СИЛЫ, как же!

— Ты меня убедила, — согласился Люк, бросив странный взгляд на Принцессу, с любопытством следившую за происходящим. Этот взгляд говорил, что такие

салонные штучки ему не в новинку. — В тебе много Силы.

— Я могу делать и другие вещи, когда захочу, — с гордостью объявила Халла. — Два повелителя Силы... самой судьбой нам предназначено объединиться, а?

— Я не так уж уверена,.. — начала Принцесса.

— Не беспокойся обо мне, моя прелесть, — настаивательно сказала Халла. Она потянулась, чтобы дотронуться до руки Принцессы, но та неуверенно отдернула ее. Халла внимательно посмотрела на Лею, затем улыбнулась и крепко схватила ее за запястье.

— Ты думаешь, я сумасшедшая? Ты думаешь, старая Халла спятила.

Принцесса покачала головой: — Нет... я этого не сказала. Я так не говорила.

— Э, зато ты так подумала, так ведь? — Лея не ответила, и Халла пожала плечами. Если она и обиделась, то не подала виду: — Не важно, не важно. — Халла отпустила запястье Леи, и та медленно отвела руку, потирая ее другой рукой.

— Почему ты хочешь, чтобы мы тебе помогли? — твердо спросил Люк. — Если мы допустим в чисто дискуссионном плане, что нам нужна помощь, и ты права в своих догадках.

— Чисто в дискуссионном плане, — передразнила Халла, — я до этого еще дойду. Скажите, что вам нужно от меня.

— Ну, вот что, старуха,.. — угрожающе начал Люк.

Халла осталась спокойной: — Со мной это не пройдет, сопляк. Вы ведь не хотите объявить всем и вся, что вы чужие? — На последних словах она слегка повысила голос, и Люк сделал предостерегающий жест, оглянувшись вокруг, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

— О'кей. Раз ты знаешь, что мы чужеземцы, ты знаешь, что нам нужно. Нам надо убраться с этой планеты. — Принцесса бросила на Люка предостерегающий взгляд, но он только головой покачал:

— Нет, успокойся. В ней действительно есть Сила, — Люк повернулся, чтобы заглянуть в глаза старой женщины: — В любом случае, кто ты?

— Всего лишь старая Халла, — безучастно ответила та. — А вы всего лишь хотите выбраться с Мимбана. Вы ведь не принимаете меня за дурочку? — Она хитро

прищурилась. — Слушайте, а как вы все-таки сюда попали? И не пытайтесь убедить меня, что прибыли с рейсовым кораблем снабжения.

— Рейсовый корабль снабжения? — воскликнула Лея. — Ты хочешь сказать, что на Серкарпусе известно об этой установке?

— Послушай, женщина, я разве сказала, откуда прибыл корабль? — Халла презрительно фыркнула. — Серкарпусиане... эти провинциалы! Все это творится у них на задворках, а они и понятия не имеют. Нет, имперское правительство управляет шахтой и городом напрямую.

— Так мы и предполагали, — согласилась Лея.

— Они контролируют пространство на многие планетарные диапазоны, — продолжала Халла. — У серкарпусиан есть вполне приличная колония на Десятом. Если корабль проходит где-нибудь поблизости, они все отключают. Шахту, самонаводящийся маяк, все.

— Я, кажется, понимаю, почему они нас не засекали, — отважился вставить Люк. Лея жестом остановила его, ее взгляд был предостерегающим. Люк отмахнулся: — Или мы доверяем Халле, или нет. Она уже подозревает достаточно, чтобы выдать нас местным властям в любой момент, когда захочет.

Он открыто посмотрел на старуху: — Мы летели с Серкарпуса Десятого на Четвертый по делу.

— То есть вы хотите сказать, что летели с базы повстанцев на Четырнадцатом, — самодовольно поправила Халла. — Так-то ты мне доверяешь. — Когда Люк поперхнулся своим ответом, она отмахнулась.

— Ничего, мальчик. Единственное правительство, которое признаю я, — мое собственное. Если бы я хотела выдать повстанцев, вы думаете, эта база еще существовала бы?

Люк заставил себя расслабиться и улыбнулся: — Мы летели на двух одноместных истребителях. Если здесь стандартная аппаратура, у нее калибр недостаточный, чтобы засечь такие маленькие корабли. Наверное, вот почему здесь не подняли тревогу. Мы приземлились незамеченными.

— А где ваши корабли? — встревожилась Халла. — Если они поблизости, их могут скоро найти.

Люк равнодушно махнул рукой куда-то на северо-восток: — Где-то там, это несколько дней пути. Притом,

если грязь, которая здесь сходит за землю, не поглотила их к этому времени.

Халла удовлетворенно фыркнула: — Хорошо! Люди здесь не уходят далеко от городов. Вряд ли их обнаружат. Как же вам удалось сесть без сигнальной башни и летного поля?

— Сесть! — повторила Принцесса. — Если это вообще можно так назвать. Держу пари, мы влетели в какой-то эффект искажения поля, который производят эти их энергетические установки. Он вырубил нам все приборы. Я полагаю, кораблю нужна специальная защита, чтобы пройти сквозь атмосферу, насыщенную такими выбросами энергии. И все-таки нам чертовски повезло, а не то мы бы сели прямо на имперское поле.

— Видишь, Халла, — пояснил Люк. — Ты должна помочь нам организовать побег из этого мира.

— Это все равно что невозможно, мальчик. Подумай еще вот о чем. Вы здесь нелегально. У вас нет нужных удостоверений личности. Как только кто-нибудь потребует предъявить их, а вы не сможете, вас упекут в местную каталажку и начнут допрашивать. Местный начальник — грязный придурок по имени Граммел. — Она серьезно посмотрела на них обоих. — Самое лучшее — это с ним не встречаться.

— Хорошо, — тут же согласился Люк. — Тогда, если мы не можем улететь как полагается, тебе придется помочь нам украсть корабль.

Впервые с того момента, как она присоединилась к ним, Халла потеряла дар речи: — А больше ты ничего не хочешь, мальчик? — осведомилась она, когда к ней вернулась способность говорить. — Мундир Граммела или, может быть, Двойственность Императора? Украсть корабль! Ты, верно, совсем рехнулся, мальчик.

— В таком случае, мы в хорошей компании, — с удовлетворением заметила Принцесса.

Халла обернулась к ней: — Знаешь, моя радость, я, похоже, сыта тобой по горло. И я не уверена, что хочу помощи от ТЕБЯ.

— Ты вообще имеешь представление о том, кто я? — начала Принцесса, но вовремя спохватилась. — Впрочем, это не имеет значения. А что имеет значение — так это то, что ты этого сделать не можешь, да?

Халла открыла рот, чтобы возразить, но Принцесса с вызовом оборвала ее: — Так МОЖЕШЬ или нет?

— Дело не в том, что я не могу, моя прелесть, — осторожно сказала Халла, — а в том, стоит ли того такой риск,.. — она замолчала, потом, наконец, нехотя подняла глаза на Люка: — Ну, ладно, юноша и леди. Я помогу вам украсть корабль.

Люк возбужденно посмотрел через стол на Принцессу, продолжавшую наблюдать за Халлой.

— Но при одном условии. — Принцесса понимающе кивнула: — Что это за условие? — спросила она официальным тоном.

— Сначала вы поможете мне.

— Не вижу, чтобы у нас был выбор, — подытожил Люк. — Чем мы должны тебе помочь?

— Найти кое-что, — начала Халла, — с твоим знанием Силы в сочетании с моим, мой мальчик, это будет нетрудно. Но одна я этого сделать не могу и никому больше не доверяю. Я знаю, что могу доверять вам, потому что, если вы меня обманете, я выдам вас Грамелу.

— Разумно, — непринужденно заметила Принцесса. — Ты говоришь, это легкая задача. Что надо найти?

Прежде чем снова повернуться к ним, Халла огляделась вокруг с трагикомической серьезностью: — Не думаю, чтобы кто-нибудь из вас, дети, когда-нибудь слышал о кристалле Кайбурр.

— Пока верно, — невозмутимо сказала Лея.

— Меня не удивляет ваша неосведомленность, — заметила Халла. — Всего несколько человек, знакомых с исследованиями Мимбана, слышали о нем; а серкарпусианские ксеноархеологи впервые узнали в своей первой и единственной исследовательской экспедиции на эту планету. Видимо, они решили, что это легенда — сказка, придуманная местными туземцами в попытке выманить у них побольше спиртного. Большей частью они о ней позабыли. Но в реестрах Империи она была, когда они проделали здесь дыру для шахты.

Согласно легенде, кристалл находится в храме Помоджемы — это местное божество, так говорят зеленушки, с которыми я разговаривала.

— Звучит правдоподобно, — Люк готов был уступить. — Где находится храм?

— Отсюда далекий путь, опять же судя по сведениям, добытым мной по кусочкам у туземцев, — продолжала Халла. — Этот мир весь кишит храмами. И запом-

ни, этот Помоджема — третьеразрядный божок. Так что никто никогда особенно не интересовался поисками его обиталища.

— Храмы, бог, кристаллы, — пробормотала Принцесса. — О'кей, предположим, это легендарное место действительно существует, — сказала она, обвиняюще уставив палец на Халлу. — Этот кристалл Кайбурр... что он из себя представляет — какой-нибудь драгоценный камень?

— Какой-нибудь, — согласилась Халла со своей хитрой усмешкой. — Заинтересовалась против воли, да? — Принцесса отвела глаза.

— Нас интересует все, что может приблизить нас к побегу отсюда, — признал Люк. — Должен сказать, что история этого кристалла сама по себе звучит интригующе. Что это за самоцвет?

— Пф! Меня совершенно не интересует, какое ожерелье можно из него сделать для какого-нибудь развращенного дворянина, мальчик. — Халла многозначительно оглядела Принцессу, затем продолжала: — Меня больше интересует некое свойство, которым он должен обладать.

— Снова сказки, — пробормотала Принцесса. — Откуда у тебя такая уверенность, Халла? Ты так убеждена в том, что ксеноархеологи ошиблись и это не легенды туземцев?

— Потому что у меня есть доказательство! — торжествующе объявила Халла. Сунув руку в карман своей одежды, она извлекла из него пакет из изоляционного материала и развернула на столе. В нем была крошечная металлическая шкатулка. Ногтем мизинца правой руки Халла несколько раз повернула комбинацию миниатюрного замка. С едва слышным щелчком отскочила крошечная крышечка.

Люк наклонился, чтобы рассмотреть получше. Принцесса последовала его примеру.

То, что они увидели, было осколком, похожим на красное стекло. Он тихо мерцал. Цвет его был более глубоким и насыщенным, чем обычный красный, — скорее корундовым. Осколок обладал стеклянным блеском и напоминал кристаллизовавшийся мед.

— Ну, — спросила Халла после долгого молчания, — теперь убедились, что я говорю правду?

Все еще скептически настроенная Принцесса откинулась и вопросительно посмотрела на Халлу: — Маленький осколок блестящего стекла или пластмассы, или обычного силиката, умеющий светиться. Ты думаешь, я должна принять это за доказательство?

— Это же кусочек самого кристалла Кайбурр! — настаивала Халла, обиженная неверием Принцессы.

— Ну, конечно, — согласилась Принцесса. — Где ты его достала?

— У зеленушки, в обмен на бутылку спиртного.

Лея сурово взглянула на старуху: — Ты пытаешься убедить нас, что один из этих первобытных, суеверных туземцев согласился расстаться с обломком какого-то полубогатого самоцвета из своего храма за паршивую бутылку спиртного?

— Это не был храм и бог его предков, — возразила Халла с легким презрением, — а если бы и был, это бы не имело значения. Посмотри на этих жалких существ, — Халла указала жестом, и они увидели опустившихся, ползающих нищих, выклинивавших у хозяев возможность делать самую унижительную работу в обмен на глоток спиртного.

— Они сделают все, что угодно, разве что не убьют себя, за выпивку. Делают самую грязную работу за десятую часть бутылки.

— Может, ты и права, — вынуждена была согласиться Принцесса, чувствуя себя неловко. — Допустим, это и есть кусочек того, о чем ты говоришь, из того места, откуда, как ты утверждаешь, он взялся. Но я все же не понимаю, почему ты хочешь предпринять эту поездку в погоне за ним, особенно, если настаиваешь, что как драгоценность он тебя не интересует.

— Все еще не понимаешь, нет? — негромко сказала Халла. Затем резко повернулась к Люку. — Дотронься до него, мой мальчик.

Люк поколебался, переводя взгляд с Принцессы на Халлу и назад. Халла вынула осколок из шкатулки и протянула ему в сложенной горстью ладони.

— Смотри, он не горячий, — сказала она. — Давай, дотронься до него и ты согласишься. Боишься? — Люк все еще колебался.

— Я дотронуся до него, — вызвалась Принцесса, протягивая палец. Но Халла тут же отдернула камень, чтобы Лея не могла до него дотянуться.

— Нет. Это не для тебя. Если ты до него дотронешься, это тебе ничего не докажет. — Она снова протянула осколок Люку. — Давай, мальчик. Он ничего тебе не сделает.

Облизнув нижнюю губу, Люк осторожно попробовал камень пальцем. Дотронулся.

Секунду камень был таким, каким казался, — кусочком сверкающего холодного стекла. Но ощущение, пронизавшее Люка, шло не от его пальца, не от его нервов. Он быстро отдернул руку, словно дотронулся до открытого тока.

— Люк, что с тобой? — воскликнула Принцесса, неожиданно встревожившись. Она устремила обвиняющий взгляд на Халлу: — Ты сделала ему больно!

— Нет, моя миленькая болтушка, я не сделала ему больно. Он поражен, шокирован, удивлен — то же почувствовала и я, когда впервые прикоснулась к этому камню.

Лея повернулась лицом к Люку: — Что ты почувствовал?

— Я... ничего не почувствовал, — мягко сказал он, теперь уже полностью убежденный в правоте Халлы. — Я это пережил. Эта штука,

— Люк показал на осколок красного минерала, — увеличивает восприятие Силы. Она растет и проясняется... пропорционально его размеру и плотности, я так думаю, — он устремил пристальный взгляд на Халлу. — Любой, кто завладеет всем кристаллом целиком, если тот значительно больше этого обломка, получит такую власть над Силой, что сможет совершить все, что угодно, абсолютно все.

— Я тоже так думаю, мальчик, — согласилась Халла. Она положила осколок назад в шкатулку, захлопнула крышку, затем снова завернула ее в мягкую материю. И протянула сверток Люку: — Чтобы показать тебе, что все, что я говорю, серьезно, держи его у себя. — Люк повиновался и положил осколок в карман.

— А теперь, я думаю, — продолжала Халла, — у вас нет другого выхода, как только помочь мне, и без промедления.

— Кто это сказал? — возмутилась Принцесса.

— Никто, моя прелесть. Факты. Дотронувшись до этого осколка, Люк создал ощутимое движение Силы. Я почувствовала это. Это могли заметить и другие люди,

обладающие Силой, чуть не по всей Галактике. В правительстве Империи тоже есть люди, чувствительные к Силе. Они могли тоже ощутить движение.

— Хотя, — продолжала Старуха, пожимая плечами, — это движение могло и не пойти дальше меня. Но станешь ли ты так рисковать, Люк? Если вы оба в Союзе повстанцев, а сейчас я уже уверена, что это так, то Империя теперь по-настоящему заинтересуется Люком. Сколько я знаю, им не шибко понравится, что на стороне повстанцев есть человек, которому подвластна Сила.

Кроме того, мальчик, ты знаешь, какой вред может принести владетель Силы, имея в руках весь кристалл. Так можешь ли ты допустить, чтобы Империя нашла его первой? — Вид у Халлы был почти извиняющийся. — Простите меня, но я должна была что-нибудь сделать, чтобы вы поняли, что назад пути нет. Я же не могла рисковать, чтобы мои первые надежные помощники от меня отвернулись.

— Она права, Лея, — сказал Люк. — Мы не можем пойти на такой риск. Нельзя, чтобы кристалл попал в руки Империи.

— Если ты прав, Люк...

— Кроме того, Лея, выбора у нас нет. Нам нужна Халла, чтобы выбраться с этой планеты, а она не станет нам помогать, пока мы не найдем кристалл. — Люк с надеждой смотрел на Принцессу. — Ну что, согласна?

— Ой-ой-ой, что же это такое? Шахтер спрашивает позволения у своей служанки? — оба не смели встретиться с пронизательным взглядом Халлы. — Легче, легче, детки. Кто бы вы ни были, я вас не выдам. — Она огляделась. — Здесь не самое тихое место, чтобы обсуждать дела. Вот что, если закончили ужинать, мы можем пойти куда-нибудь еще.

Люк кивнул: — Кстати, пора уже подбодрить Трипио и Арту.

— Одну минуту, — Халла предостерегающе подняла руку. — Я думала, вас только двое.

Люк усмехнулся: — Это два робота, которых я купил... можно сказать, унаследовал.

Оплачивая счет, Люк краешком глаза взглянул в сторону имперского служащего. Но тот явно не проявлял к ним никакого интереса, даже не смотрел в их сторо-

ну. Видимо, история про служанку его полностью удовлетворила.

Стоило только двойным металлическим дверям хлопнуться за ними, как Лея вдруг с силой ударила Люка по голени. Он зашатался и упал с узкой дорожки в грязный арык, отделявший ее от более твердой части улицы. Придя в себя, он изумленно уставился на Принцессу.

— Ну, вот, теперь ты больше похож на шахтера, — широко улыбнулась она. — Это за то, что ты ударил меня там, внутри. Без обид?

Люк отряхнул грязь с рук, вытер грудь, потом улыбнулся Принцессе: — Без обид, Лея.

Он приподнялся и протянул руку. Принцесса нагнулась, левой рукой держась за перила и протягивая правую, чтобы помочь Люку.

Предосторожность оказалась напрасной. Люк сильно дернул, и Лея плюхнулась в арык рядом с ним. Он сидел, ухмыляясь, пока она в отчаянии оглядывала себя: — Ты только посмотри на меня! Посмотри, что ты натворил!

— Просто сделал тебя более похожей на служанку, — беспечно ответил Люк, — здесь, как ни осторожничай, все будет не лишнее.

— Ну, в таком случае... — Люк увернулся от первой пригоршни грязи, которой запустила в него Принцесса, поймал часть второй — и они сцепились.

Халлу все это забавляло до тех пор, пока за ее спиной не показались несколько крупных мужчин, вышедших из таверны. Они остановились: их внимание было также привлечено возней в грязи. Они уже достаточно напились, чтобы быть опасными, и чем дольше наблюдали, тем спокойнее казались.

Слишком спокойными, чтобы это могло устраивать Халлу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Ради всего святого, — торопливо зашептала Халла.
— Немедленно прекратите, вы двое!

Покрытые грязью, ни Люк, ни Лея не слышали ее взволнованного шепота.

Один из мужчин наклонился вправо, сплюнув что-то в бороду, и объявил: — Служанки не дерутся с хозяевами, ребята.

— Что-то здесь не так, — согласился его спутник.

— Кроме того, — сказал первый мужчина, — драться в публичных местах — нарушение законов города, так?

— Правильно, — подтвердил еще один мужчина, — может, мы им вправим мозги, пока их не забрал ночной патруль. Им это пойдет на пользу.

— Он крикнул Люку: — Держись там, паренек. Мы не дадим ей тебя в обиду!

Ухмыляясь и пересмеиваясь, все пятеро сошли с дорожки. Обнаружив, что никто ей не интересуется, Халла неслышно скрылась в тени.

— Мы можем быть вам чем-нибудь полезны, мадам? — спросил чей-то голос ей прямо в ухо. Халла подскочила. Трипио тоже подпрыгнул.

— Ты не имеешь никакого права так меня путать, ты, хлам, удравший из лавки старьевщика!

— Прошу прощения, но мой хозяин и леди...

— А, так ты Трипио? — Робот слегка кивнул. — А это, должно быть, Арту. — Темный силуэт рядом издал "бип". — Боюсь, что пока мы ничего не можем сделать, — Халла выглянула на улицу. — Может, эти гориллы просто играют.

Двое мужчин оттащили Лею от Люка. Таким образом, им впервые представилась возможность хорошенько разглядеть ее. Их веселость тут же уступила место менее радостным чувствам.

— Ну и ну, — пробурчал субъект — обладатель выпуклой бочкообразной грудной клетки и усов, подстриженных на маньчжурский манер, — эта служанка — не робот, это уж точно.

Лея ощутила на себе взгляды шахтеров. Кое-какие пряжки и бретельки облегающего костюма расстегнулись, пока она боролась с Люком, и обнажившиеся участки тела, хоть и покрытые грязью, привлекали нежелательное внимание. У нее было такое чувство, словно по ней под одеждой что-то ползает.

Не обращая внимания на грязь и стараясь стянуть на себе одежду, она горделиво выпрямилась и, хотя голос ее дрожал, с достоинством произнесла: — Большое спасибо. Это наши личные дела. А теперь мы будем вам признательны, если вы оставите нас и дадите нам возможность самим их уладить.

— “Большое спасибо, это наши личные дела”, — жеманно передразнил один из мужланов, и остальные загоготали. Бородатый злобно ухмыльнулся Лее: — Ты не зарегистрированная гражданка, красотка, — он показал на ее плечо. — У тебя ни бирки с именем, ничего. Драться на улице — противозаконно. Закон шахтеров гласит, что мы должны задерживать всех, кто нарушает общественный порядок, где угодно и когда угодно. Ну-ка, иди сюда, я тебя задержу.

Быстро отпрянув, Принцесса продолжала мерить его сверкающим взглядом, но ее уверенность в себе таяла, как снег в печи.

— Я не могу вам сказать, кто я, но если кто-нибудь из вас дотронется до меня, вы за это ответите.

Выпуклая грудь придвинулась ближе. В голосе шахтера не было веселья, и он не улыбался: — Маленькая грязнуля, да я до тебя не только дотронусь...

Стройная фигура скользнула между Принцессой и ее противником:

— Послушай, друг, это личная ссора, и мы можем разобраться сами.

— Я тебе не друг, сынок, — ровным голосом сказал мужчина, протягивая руку и отстраняя Люка, — не лезь. Ваша ссора — это уже не важно.

Принцесса испуганно вскрикнула. Один из мужчин подобрался к ней сзади и обхватил ее левой рукой. Люк быстро подступил к нему и ударил его ребром ладони по запястью. Взвизгнув от боли, шахтер отступил, держась за запястье.

— Сыночек хочет поиграть, — захихикал мужчина, чье запястье покалечил Люк, — он сопротивляется публичному аресту. Шахтер выбросил вперед правую руку. Раздался щелчок, и из рукава его комбинезона выскользнул стилет с двумя лезвиями. Плоские лезвия сверкали у него в кулаке. Неясный свет, падавший из окон таверны, зловеще отражался на обоих ножах. Мужчина медленно, пригнувшись, стал приближаться к Люку.

Принцесса молча смотрела во все глаза. Халла, Трипио и Арту тоже следили за этой сценой из спасительной тени.

— Давай, сынок, — поторапливал мужчину, делая Люку знак приблизиться свободной рукой. Затем он замахнулся, и из пустого рукава тоже выскользнули двойные лезвия. Шахтер сделал выпад одной ногой, потом другой. Из подошв обоих его башмаков выскочили такие же двойные стилеты. — Давай потанцуем. Я продлю тебе удовольствие.

Стараясь держать в поле зрения все восемь лезвий одновременно, Люк сделал попытку отвлечь внимание своего противника: — Леди и я кое-что обсуждали. Нам не нужно вмешательство посторонних.

— Слишком поздно, сынок, — ухмыльнулся мужчина, — теперь и ты, и я — мы оба замешаны. — Его спутники наблюдали за ним, ухмыляясь и подталкивая друг друга локтями. Они явно наслаждались каждой минутой представления.

Прыгнув вперед, мастер ножевых сражений замахнулся на Люка левой рукой, но, промахнувшись, пролетел мимо, ибо Люк успел отпрянуть и нанести ему удар сбоку. Затем нападающий завертелся волчком, пытаясь достать Люка правой рукой. Двойные лезвия жужжали в густом и влажном ночном воздухе.

— Нам не нужны неприятности, — объявил Люк, и рука его невольно потянулась к эфесу лучевого меча.

— Через пару минут тебе не о чем будет волноваться, — заверил его нападавший. Он с криком нырнул в сторону Люка, но тот ловко отразил удары и рук, и ног.

— Люк, берегись! — закричала Принцесса, но... слишком поздно. Один из мужчин подкрался к Люку сзади и, обхватив его, прижал его руки к бокам. Боец на ножах лениво приближался, улыбка исчезла с его лица, он сжимал и разжимал кулаки. Лезвия сверкали, как и глаза нападавшего.

— Неплохо танцуешь, а, паренек? Мне надоело за тобой гоняться.

— Давай, сделай его помедленнее, Джейк, — посоветовал один из шахтеров. — У парня хорошо подвешен язык.

— Я сказал, — начал Люк, не сводя глаз с приближавшихся к нему раскачивающихся лезвий, и его правая рука опять потянулась к поясу, — нам не нужны неприятности. — И нажал кнопку на эфесе.

Ожив, появился метровый луч голубой энергии. Его клинок был направлен назад. Он прошел насквозь правое бедро человека, державшего Люка. Тот с воплем отпустил юношу и упал на землю, держась за ногу.

Повелитель ножей на мгновение замер, потом бросился в атаку. Люк начертил мечом почти в полной темноте замысловатый узор из переплетающихся дуг и кругов, и его противник заколебался. Человек, поверженный на землю, непрерывно стонал.

Люк сделал выпад в направлении мастера ножевых схваток, ровно настолько, чтобы заставить того отступить: — А теперь, вы все, пошли вон!

Но вместо того, чтобы исчезнуть, мрачная четверка извлекла ножи и другое холодное оружие. Они стали двигаться так, чтобы окружить Люка, стараясь держаться вне пределов досягаемости этого сверкающего, рокового светлого луча.

Лея несколько уравнила силы, прыгнув на спину тому из нападавших, который стоял к ней ближе всех и вцепившись ногтями ему в лицо. Трое оставшихся продолжали делать выпады против Люка, проверяя быстроту его реакции с профессиональной точностью, переговариваясь и обмениваясь мнениями о его возможностях, строя планы, как лучше на него напасть. Если они ожидали, что их четвертый спутник присоединится к ним, то тут им предстояло разочароваться. Он был по горло занят Принцессой, поносившей его во всю силу своих легких.

Халла тревожно наблюдала за ними, как вдруг ее внимание было отвлечено каким-то движением в конце улицы. К таверне быстрым шагом приближался отряд крепких фигур, закованных в черно-белую броню. Халла перевела взгляд с подходивших имперских солдат на зашедшую в тупик схватку.

Один из мужчин атаковал Люка сзади. Люк подпрыгнул над шилом, направленным на него противником, и одновременно нанес удар вниз. И тут же рука нападавшего, как по линейке, отсеченная огнем в запястье, отлетела в сторону и приземлилась в грязи, слегка дымясь. Мужчина упал навзничь, потеряв дар речи, и устоялся на свою отторженную конечность.

Солдаты были уже совсем рядом. Халла покинула свое убежище и, сделав знак Трипио и Арту следовать за ней, скользнула в проход между зданиями и скрылась в ночи. Подождав секунду и убедившись, что если их схватят, от этого будет мало проку, оба робота последовали за ней.

Двое оставшихся противников продолжали медленно обходить Люка, но действовали уже более осторожно. Принцесса расправилась со своим единственным противником, нажав в нужный момент нужную точку, и уже примеривалась, как бы напасть на следующего, как вдруг в центре круга полыхнула громкая и яркая, как солнце, вспышка. Все оцепенели. Затем обернулись, моргая от яркого света, и увидели направленные на них дула энергобластеров.

— Сдайте оружие, — резко приказал сержант, командовавший отрядом: в неясном свете на его закованном в броню рукаве были видны знаки, складывавшиеся в три угла. Такие же знаки пересекали и его шлем. — Именем Императора, вы арестованы за драку с применением оружия в общественном месте.

Как только шахтеры спрятали в ножны или другими способами убрали оружие, Люк отключил лучевой меч. Солдаты подошли и собрали маленький арсенал. Принцесса заметила, что ее жертва приходит в сознание, и дала ему хорошего пинка.

— Эй, ты там, а ну прекрати! — приказал сержант.

— Простите, — сладким голосом ответила Принцесса.

Их провели через город под вооруженным конвоем. Люк воспользовался возможностью осмотреть окружа-

ющие строения. Некоторые из них сильно отличались от тех, которые они уже видели. В таком городе, как этот, вспомнил Люк, взаимозаменяемость экономически необходима.

Жители, встречавшиеся им по пути, жались к стенам домов и перешептывались, время от времени указывая на злосчастных нарушителей. Эти зрители, по-видимому, имели представление о том, что их ждет.

Люк тоже хотел бы это знать.

— Как ты думаешь, куда нас ведут? — шепотом спросил он у Принцессы.

— В местную тюрьму, куда же еще?

Люк кивком показал вперед: — Если это она, то выглядит впечатляюще.

Они приближались к массивному, отталкивающего вида зиккурату древней мимбанской постройки. Здание было построено из черного и серого камня, в точности, как те руины, которые Люк заметил, когда разыскивал Принцессу. Несмотря на грубую коническую форму, сооружение нависало над более современными и простыми зданиями шахтерского городка.

— Не какая-нибудь средней руки каталажка, — громко заметил Люк, когда они прошли под толстой каменной аркой, громоздившейся над входом. Затем он храбро обратился к штурмовику, шедшему рядом: — Что это за место?

Солдат в шлеме повернулся к нему со словами: — Задержанные не задают вопросов, они отвечают.

К их удивлению, пока они шли по каменному коридору, оборудованному современным трубопроводом и электронной техникой, солдат сам выдал им некоторую информацию: — Это один из старых храмов, построенных аборигенами этого мира.

Люк искренне изумился: — Неужели этими жалкими созданиями, которые выпрашивают выпивку?

Неожиданно солдат рассмеялся: — У тебя есть чувство юмора, это хорошо. Оно тебе пригодится. Чтобы зеленушки построили ЭТО? Ты, должно быть, все время проводишь в шахтах. А я — нет, — штурмовик раздувался от сознания собственной важности. — Я всегда стараюсь заниматься самоусовершенствованием. Как ты знаешь, — начал он, — в этом мире, кроме зеленушек, есть еще полуразвитые расы. Некоторые деградировали меньше, некоторые — больше. Какая бы

раса ни построила это здание, — он указал ружьем на каменную крышу, закруглявшуюся у них над головами, — они давно уже вымерли. Во всяком случае, так установлено изысканиями Империи, — они снова завернули за угол, и Люк пришел в восхищение от размеров постройки.

— Это здание превращено в шахтерские конторы и имперский штаб Мимбана, — солдат покачал головой. — Вы, шахтеры, мало что знаете, кроме собственной работы.

— Это точно, — согласился Люк, не испытывавший утрызений совести, слыша, как поносят шахтеров. С тех пор, как он оказался в их обществе, они не слишком гостеприимно к нему относились. — Мы из другого города, — прибавил он для пущей убедительности.

Краткая вспышка дружелюбия у солдата прошла, и он холодно сказал: — Вы, хронические скандалисты, — отчаянные вруны. То, что Империя мирится с некоторыми нарушениями дисциплины, чтобы дать вам отдушину, еще не значит, что этим можно злоупотреблять. Из-за тебя твоим же товарищам придется хуже, — он показал вперед на солдата, несшего мешок с оружием: — Когда речь идет о смертоносном оружии, это уже не просто вопрос рабочей дисциплины. Вы за это ответите, и вам придется туго. Надеюсь, вы получите сполна, что заслужили.

— Спасибо, — сухо ответил Люк.

Один из шахтеров буркнул: — Мы не виноваты. Парень с мечом и женщина травили нас в это дело.

— А ну, заткнись, ты, — приказал сержант, — у тебя будет возможность самому высказаться в свою защиту перед капитаном-надзирателем Граммелом.

При этих словах Люк и Лея содрогнулись. Именно от Граммела предостерегала их Халла.

— Может, он проявит великодушие, — философски заметил сержант, — здесь трудно найти хороших работников. Может, он оставит вам большую часть ваших пальцев.

— Жаль, что мы не расспросили Халлу об этом Граммеле поподробней, — прошептал Люк.

— Да, Халла... — в голосе Принцессы звучало уныние, — она не очень-то надрывалась, пытаясь спасти нас.

— А что она могла сделать, — возразил Люк, — против имперских солдат?

— Наверное, ты прав. Но мне кажется, она могла бы попытаться, — пожала плечами Лея. — Впрочем, наверное, нельзя винить ее за то, что она спасала свою шкуру.

— По крайней мере, Трипио и Арту не попались, — мягко прибавил Люк.

— Эй, если еще там сзади услышу разговорчики, я сам отрежу вам парочку суставов, — предупредил сержант.

— Как тебе понравится, если если тебя похоронят под четырьмя футами грязи эдак на часок? — бросила ему Принцесса.

— Не понравится, — спокойно согласился сержант. — А как тебе понравится, если твой хорошенький язычок отрежут низковольтным бластером?

Лея сдалась. У них и так достаточно неприятностей. Провоцируя солдат дальше, она ничего не выиграет. Она сосредоточила свой взгляд на центре спины сержанта, стараясь довести его до припадка. Но что-то было не заметно, чтобы ее действия оказали на него какой-либо эффект. “Наверное, под этим шлемом очень крепкие кости”, — раздумывала Принцесса.

Они в последний раз свернули за угол и вошли в большое помещение. После спартанского камня внутри и снаружи сибаритское убранство этой комнаты подействовало, как шок. В интерьере щедро использовался искусственный и натуральный мех. Здесь присутствовали атрибуты комфорта, ассоциировавшиеся у Люка с мирами, гораздо более развитыми, чем Мимбан. Причем здесь их не афишировали, что доказывало, что обитатель этой комнаты считает их естественными аксессуарами.

В противоположном конце комнаты за не слишком внушительным и вполне функциональным столом восседал один-единственный человек: — Ведите их сюда, сержант. — Его скучающий голос был сорван и звучал, как шелест гальки. Люк подумал, что у него, по-видимому, повреждены голосовые связки.

По сигналу сержанта семерых узников, включая шахтера с хромой и грубо забинтованной ногой, провели через комнату и поставили прямо перед столом.

Самым впечатляющим в Граммеле, подумал Люк, была реакция на него шахтеров. Все их хвастовство и развязность мгновенно испарились. Они стояли, глядя в пол, на стены, друг на друга, — куда угодно, только не на человека за столом, и переступали с ноги на ногу.

Хотя и незаметно, Люк старался рассмотреть этот персонаж, вызывавший почтительно-раболопное отношение у таких очерстневших людей, как пятеро шахтеров. Граммел изучал их, прикрыв голову и опираясь локтями на стол.

Капитан-надзиратель не прибавлял колорита окружавшему его интерьеру. Его лицо было бледным, как яичная скорлупа, и образ имперского офицера еще больше потускнел, когда он поднялся, демонстрируя скромное брюшко, мягко крутлившееся под грудью, как замерзший водопад жира, терявшийся ниже пояса в складках мундира.

Однако сам серебристо-серый мундир был без единого пятнышка и очень опрятен, словно пытался замуфлировать брюшко Граммела. Над высоким, жестким воротником шея вырастала в квадратную челюсть, обрамленную висячими усами. Линия этих усов гармонировала с суровым выражением лица капитана-надзирателя — его привычной маской, как догадался Люк. Крошечные пронзительные глазки смотрели из-под бровей, нависавших, как гранитная гряда, а под ними в беспорядке висели черно-седые волосы.

Это лицо редко смеется, решил Люк, а если и смеется, то по неуместным причинам.

Граммел принялся изучать каждого из стоящей перед ним группы встревоженных людей. Люк по примеру шахтеров старался сосредоточить свой взгляд в одной точке на покрытом мехом полу.

— Так, значит, это и есть скандалисты, нарушающие покой по ночам драками со смертоносным оружием, — неодобрительно заметил Граммел. Снова этот голос, похожий на скрип ржавого механизма, давно нуждавшегося в смазке, резанул слух Люка. Он звучал хрипло и визгливо и вполне подходил Граммелу.

Бодро шагнув вперед, сержант отрапортовал: — Так точно, капитан-надзиратель. Разрешите направить двух раненых в лазарет.

— Исполняйте, — разрешил Граммел. Он не то чтобы улыбнулся, но его вечные морщины разгладились на-

столько, что его губы слегка распрямились: — На какое-то время им будет лучше, чем тем, кто останется здесь.

Под конвоем безрукого шахтера и его хромого товарища вывели из комнаты. Граммел возобновил осмотр оставшихся пленников. Когда очередь дошла до Люка и Принцессы, его рот скривился, как будто его укололи булавкой.

— Вас двоих я что-то не узнаю. Кто вы? — он вышел из-за стола и встал лицом к лицу с Люком: — Ты, мальчик! Кто ты?

— Я просто работаю по контракту, капитан-надзиратель, — запинаясь, пробормотал Люк, стараясь выглядеть должным образом напуганным. Это была нетрудная задача. И если уж ставкой в этой игре была его жизнь, пусть его тон будет немного подхалимским — он не против.

Граммел перешел к Принцессе и уставился на нее сверху вниз. Он осторожно улыбнулся, так, словно ему было больно от усилия: — А ты, моя дорогая? Ты ведь тоже из шахтеров, я полагаю?

— Нет, — Лея не смотрела на него. Она коротко кивнула в сторону Люка, — я... его служанка.

— Это правда, — быстро подтвердил Люк, — она всего лишь...

— Я слышу, малыш, — пробурчал Граммел. Он уставился на Принцессу, потом провел пальцем по ее щеке. — Хорошенькая женщина... — она вывернулась из его рук, — и к тому же с норовом. — Он бросил взгляд на Люка: — Поздравляю, мальчик, у тебя хороший вкус.

— Спасибо, сэр. — Лея сверкнула на него глазами, но еще он мог сказать?

— Ваши манеры под стать только вашей некомпетентности, — заявила она Граммелу.

Тот только удовлетворенно кивнул: — Манеры. Некомпетентность. Довольно странный способ выражаться для служанки. — Он рявкнул на сержанта, стоявшего рядом с ним по стойке "смирно": — Какие вы нашли у них удостоверения?

— Удостоверения, капитан-надзиратель? — Мы полагаем, они стандартные.

— Вы не проверили у них удостоверения, сержант? — медленно осведомился Граммел.

Вид у сержанта был такой, словно он исходил потом под доспехами. Он неуверенно ответил: — Н-нет, сэр. Мы просто предполагали...

— Никогда не стройте предположений, сержант. Вселенная набита людьми, которые погибли из-за того, что верили в предположения. — Он вежливо обернулся к Люку и Лее: — Ваши удостоверения личности, пожалуйста.

Люк сделал вид, что роется в одежде, и постарался придать своему лицу удивленное выражение, не обнаружив несуществующего удостоверения. Принцесса из всех сил старалась ему подражать.

— Мы, наверное, потеряли их в драке, — заявил Люк и сделал торопливую попытку перевести разговор на другую тему: — Эти пятеро — теперь их трое — напали на нас без предупреждения и...

— Вранье! — энергично запротестовал один из шахтеров. Он посмотрел на Граммела, ища сочувствия, но не нашел его.

— Ты, — очень спокойно сказал ему Граммел, — заткнись. Мужчина с готовностью повиновался.

В комнату вошел штурмовик и заискивающим тоном позвал: — Капитан-надзиратель!

Граммел, похоже, был раздражен тем, что его прервали: — Да, в чем дело?

Солдат подошел к столу и что-то зашептал Граммелу на ухо. Тот вроде удивился: — Хорошо, я поговорю с ним, — и направился к двери.

Появилась невысокая закутанная фигура, и они с Граммелом занялись оживленной беседой. Люк не мог ничего разобрать, кроме отдельных слов.

Наклонившись к Принцессе, он прошептал: — Не нравится мне это, Лея.

Она сердито прошептала в ответ: — У тебя есть поразительное свойство, Люк, сводить любые, даже мучительно неприятные обстоятельства, к чисто бытовым вопросам.

Вид у Люка был обиженный. Капитан-надзиратель продолжал беседовать с закутанной фигурой, которая затем низко поклонилась и поспешила вон из комнаты. Люк вяло раздумывал о том, было ли существо под накидкой человеком или туземцем. Его размышления прервало возвращение Граммела.

— Это вы, шахтеры, начали драку, — заявил он тоном, не терпящим возражений, подчеркнуто исключая Люка и Лею из их числа.

— Да, но, капитан-надзиратель, — подобострастно начал самый крупный из троих шахтеров, — нас спровоцировали. Мы только пытались соблюдать городской закон о драках.

— Нарушив его, — возразил Граммел, — и напав на юную леди?

— Это была шутка, — отважился сказать мужчина, — мы только хотели сначала немного позабавиться.

— Ваши ЗАБАВЫ обойдутся вам в штраф в размере половины зарплаты за рабочий период, — объявил Граммел. — Я не собираюсь проявлять к вам снисходительность.

Трое мужчин выглядели обескураженными.

— Шахтерские законы здесь очень мягкие и дают вам изрядную свободу в часы отдыха, — теперь он смотрел на них сердито. — Но тем не менее, нападение с целью убийства не отвечает представлениям Империи о продуктивном досуге. Независимо от того, — добавил он как бы в запоздалое пояснение, — какого мнения придерживаюсь лично я в этом вопросе.

Расхрабрившись, один из шахтеров решил попытать счастья. Выступив вперед, он заявил: — Капитан-надзиратель, я подаю апелляцию.

Граммел посмотрел на него взглядом ботаника, увидевшего новый вид сорняка: — У тебя есть такое право. На каком основании?

— Краткость... краткость правосудия и неформальные обстоятельства, — наконец, выдал шахтер.

— Очень хорошо. Поскольку я представляю здесь закон Империи, я рассмотрю твою апелляцию сам. — Граммел с минуту помолчал, затем непринужденно заявил: — Твоя апелляция отклоняется.

— Тогда я апеллирую к представителю Имперского департамента ресурсов, заведующему деятельностью шахт, — настаивал мужчина, — я хочу, чтобы решение было пересмотрено.

— Конечно, — согласился Граммел. Он подошел к стене позади стола. Достав из потаенного места брусок из пластика, он нажал кнопку на одном конце и вернулся, обойдя стол, — Наша беседа записана, — сообщил он во всеуслышание.

Граммел нажал еще одну кнопку, и на бруске появилась бегущая строка, двигавшаяся по ее навощенной поверхности. Когда запись закончилась, Граммел поднял и резким движением воткнул один конец жесткого пластика прямо в глаз спорщика.

Кровь и пульпа брызнули во все стороны, и шахтер с криком повалился на пол. Один из его товарищей в ужасе склонился над ним, стараясь остановить струю крови, бившую из погубленной глазницы. Кровь струилась ручьями по лицу и комбинезону шахтера.

— Вы трое, можете идти, — будничным тоном, словно ничего не случилось, сообщил им Граммел. — Сержант!

— Капитан-надзиратель?

— Отведите этих троих в задние камеры. Их двое товарищей могут присоединиться к ним, как только достаточно оправятся. Пусть посидят немного и подумают. Запишите их имена и регистрационные коды, это облегчит им выплату штрафа. Разве что, — закончил он, постукивая брусом записывающего устройства по ладони, — кто-нибудь еще захочет апеллировать к суду.

Когда двое шахтеров полупонесли-полупотащили своего потерявшего сознание товарища к выходу под конвоем, Граммел ткнул брусом в их направлении. — Его глаз сохранился, знаете ли. Он навечно записан здесь. Приведите его, когда он придет в себя, я дам ему еще раз на него посмотреть.

Сержант проводил стражников и шахтеров, затем вернулся, встав на вахту у двери.

— Не люблю я этих административных тонкостей, — любезно сообщил Граммел Люку и Принцессе. — Но это совсем неизведанный, неисследованный мир, и я не могу терять много времени. Иногда мои решения должны быть быстрыми и жесткими.

— Только уровень способности изобретать более изощренные унижения для себя, — продолжал он, — отличает работающих здесь человекоподобных животных от туземцев. Такого рода изобретательность тысячелетиями была постоянным и прискорбным качеством, присущим человечеству. Вы, должно быть, все же понимаете это, и я уверен, вы двое будете более разумными, нежели те низшие существа, которые нас только что оставили. — Граммел снова уселся на край стола и

стал похлопывать себя по икре брусом, окрашенным в красное. Люк нервно следил за ним.

— Я уже говорил, капитан-надзиратель, — повторил Люк, — мы, наверное, потеряли свои удостоверения в драке. Если бы вы только отпустили нас туда, я уверен, мы бы их нашли. Разве что, — добавил он с наигранной тревогой, — кто-то приходил туда после драки и подобрал их.

— О, я не думаю, чтобы кто-то из работяг — жителей этого города стал бы это делать, — отвернувшись, заметил Граммел. Он резко обернулся и посмотрел через плечо. — На самом деле я не думаю, чтобы они вообще там валялись. Я думаю, у вас вообще нет удостоверений, и терять вам было нечего.

Судя по тому, что мне сообщили, вы двое не просто чужие в этом городе. Вы чужие в этих шахтах, в имперских войсках, во всем этом мире. Как вы сюда явились незамеченными и без всяких полномочий, не могу представить, — Граммел сжал зубы и угрожающе добавил: — Но я это выясню. Я всегда узнаю то, что хочу узнать.

— Странно, — заметила Принцесса, — поскольку уж что мне бросилось в глаза, так это ваша исключительно ограниченная способность к обучению.

Ее замечание никак не задело Граммела. Если разобратся, то намеренные оскорбления Принцессы даже доставляли ему удовольствие:

— Совсем недавно, юная леди, вы обозвали меня некомпетентным. Теперь вы отказываете мне в интеллекте. Я, конечно, не интеллектуал, но я ни некомпетентен, ни плохо образован. Этого я достиг, научившись получать ответы на свои вопросы.

Однако ваше первое замечание было верным — относительно моих манер, — Граммел отвел назад левую ногу и пнул Принцессу в левое бедро носком сапога. Застонав от боли, Принцесса схватилась за бок и упала на пол. Правой рукой она задержала падение, левой все еще держась за больное место, где осталась ссадина. Люк внутренне весь кипел от ярости, но решительно смотрел перед собой. Здесь было не место и не время умирать.

— Во всяком случае, я прямолинеен, — продолжал Граммел, глядя на Лею сверху. Затем снова ударив ногой, вышиб из-под Принцессы правую руку. Она упала

ничком, перекатилась через себя и села, все еще держась за левую ногу. Капитан-надзиратель резко пнул ее в копчик, но не настолько сильно, чтобы парализовать. Лея жалобно застонала, обе ее руки метнулись к спине, потом она упала на бок и осталась лежать, издавая стоны.

Граммел снова занес ногу. Не в силах больше оставаться в стороне, Люк встал между ними и быстро произнес: — Если я скажу вам правду, капитан-надзиратель, вы все равно не поверите.

Предложение было достаточно интригующим, чтобы заставить Граммела ненадолго забыть о Принцессе: — Я всегда готов слушать, молодой человек.

Люк безутешно вздохнул и уныло потупил взгляд: — Мы сбежавшие преступники с Серкарпуса, — с грустью признался он. — Нас там ищут за шантаж и вымогательство. — Он указал на поверженную Принцессу.

— Девушка — мой партнер, она служила приманкой. Мы... совершили ошибку, скомпрометировав некоторых людей, а они оказались более важными персонами, чем мы предполагали. Мы не очень важные преступники, но мы ухитрились добиться того, что некоторые очень крупные шишки злы на нас, — Люк запнулся.

— Продолжай, — небрежно бросил Граммел.

— На Серкарпусе все еще существует смертная казнь за многие преступления, — продолжал Люк, — это беспокойный мир частного предпринимательства.

— Я все знаю про Серкарпус, — нетерпеливо отрезал капитан-надзиратель.

Люк поспешно продолжал свой рассказ: — Мы стащили маленькое спасательное судно. Мы еще раньше слышали о колониях на Десятом и Двенадцатом.

— Значит, вы попытались сбежать туда, — вставил Граммел, — что ж, логично.

— В надежде найти способ выбраться за пределы системы, — быстро закончил Люк. Его энтузиазм был искренним, потому что Граммел, во всяком случае, до сих пор, не отмел эту историю. — Мы даже зашли так далеко, — добавил Люк для пущей убедительности, — чтобы подумывать о присоединении к Восстанию, если это поможет нам избежать наказания.

— Из вас обоих вышли бы довольно жалкие предатели, — заметил Граммел. — Повстанцы бы над вами просто посмеялись. Они не принимают в свои ряды

преступников. Странно, потому что, с точки зрения закона, они сами — преступники худшего сорта. Глядя на вас, каждый скажет, что они бы вас не приняли, — Люк знал, что, к счастью, Принцессе было слишком больно, чтобы фыркать от смеха.

— Я полагаю, молодой человек, что ваша история, хотя она и похожа на правду, — просто хорошо сфабрикованная ложь, — Люк внутренне похолодел. — Но... она могла бы оказаться правдивой. Если это так, и вы те, за кого себя выдаете, мы можем даже ухитриться немного смягчить для вас законы. Я восхищаюсь изобретательностью в других.

— Мы могли бы даже найти вам какое-нибудь занятие на Мимбане. Многие недовольные работают здесь на Империю в шахтах. С пятерыми из них вы уже встретились.

— Конечно, — заключил Граммел, — я всегда могу вернуть вас на Серкарпус, чтобы вы понесли наказание.

— О нет, капитан-надзиратель! — вскричал Люк, падая на колени и отчаянно цепляясь за обтянутую брюками ногу Граммела, — прошу вас, не делайте этого... Они нас казнят. Пожалуйста, мы будем работать до полного изнеможения, только не отправляйте нас назад! — он уже открыто рыдал.

— Уберись с моих ног, — с отвращением приказал Граммел. Когда Люк покорно отполз, капитан-надзиратель нагнулся, чтобы отряхнуть брюки в том месте, где Люк до них дотронулся.

Вытирая с глаз с таким трудом вызванные слезы, Люк старался не подавать виду, что питает какие-то надежды. Между тем Принцесса приняла сидячее положение. Она все еще потирала одной рукой копчик, стараясь не встречаться взглядом с Граммелом.

— Как я уже сказал, все, что ты мне наплел, и возможно, и маловероятно, — продолжал капитан-надзиратель. Он смотрел на Люка странным взглядом. — Однако есть еще одна вещь, которая меня интересует. Если ты мне все честно расскажешь, это будет знаком твоей доброй воли.

— Не понимаю, капитан-надзиратель, — тупо сказал Люк.

— Мне сказали, — продолжал Граммел, — что у тебя имеется маленький драгоценный камень.

Люк замер.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Великий капитан-надзиратель, — наконец, выдавил Люк, — я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Пожалуйста, — потребовал Граммел, и впервые в его голосе послышался намек на какое-то чувство, — не надо играть со мной в игрушки. Тебя видели беседующим с некой личностью из местных, — последние слова он произнес с явным отвращением, — чье присутствие здесь закон Империи только терпит. Она всегда балансирует на грани. Вопреки моим личным чувствам, депортировать ее нелегально и без особой необходимости — значит привести в раздражение определенные слои населения, которые находят ее забавной. Кроме того, это влетело бы в копеечку.

— Тебя видели, — продолжал он, — когда ты показывал ей маленький сверкающий камешек. Это, наверное, что-то, что ты приобрел в период твоего временного пребывания на Серкарпусе?

Люк был в смятении. Бесспорно, какой-то осведомитель Граммела, может быть, та самая закутанная фигура, с которой капитан-надзиратель беседовал несколько минут назад, видел осколок кристалла Кайбурр, подаренный ему Халлой. Но шпион не видел, как Халла достала его и показала Люку.

Значит, Граммел и его шпион предполагают, что камень был привезен Люком, и это Люк показывал его Халле! Это прекрасно для старухи, подумал Люк. Сейчас ее не следует втягивать во все это.

В какой-то жуткий момент Люк было подумал, что Граммел чувствителен к Силе, и у него есть знания и

способности, чтобы управлять кристаллом, или, во всяком случае, ощутить его специфические свойства. Но торопливая проверка показала в мозгу Граммела только обычный пресный вакуум, ассоциировавшийся с нормальными людьми. Он не мог ничего заподозрить об истинном значении осколка. Тем не менее, Люку пришлось отдать драгоценный осколок в руки служащего Империи.

Однако Граммел был не из тех, кто теряет время даром: — Давай, молодой человек. Ты, похоже, относишься к числу людей разумных. Конечно же, камень не стоит того, чтобы создавать себе дополнительные трудности.

— Правда, — настаивал Люк, лихорадочно стараясь выиграть время, — я не знаю, о чем вы говорите.

— О, если ты настаиваешь, — ответил Граммел, не обнаруживая особого недовольства. Он обратил взгляд на Принцессу, все еще сидевшую на полу, потирая ссадины. — Эта юная леди, возможно, не только деловой партнер? Она для тебя что-нибудь значит?

Люк небрежно пожал плечами: — Она не значит для меня ничего.

— Прекрасно, — объявил капитан-надзиратель, — тогда ты не будешь возражать против того, что случится дальше.

Он подал знак сержанту. Закованный в латы солдат подошел и нагнулся над Принцессой. Лей потянулась к нему, схватила за руку, подставила ножку, затем одновременно рванула его на себя и сильно пнула. Пока сержант с грохотом валился на пол, Принцесса уже мчалась к двери, крикнув Люку, чтобы следовал за ней.

Но как ни старалась она открыть дверь ключом и повернуть ручку, дверь не поддавалась.

— Ты даром теряешь время, моя дорогая, — сообщил ей Граммел. — Тебе надо было забрать у него оружие. Дверь подключена ко мне персонально, к некоторым лицам из числа моего персонала и к солдатам, у которых в оружие встроен соответствующий резонатор. Боюсь, что ты не подходишь ни под одну из этих категорий, моя дорогая.

Теперь уже разозлившись, сержант вскочил на ноги и двинулся к Принцессе, широко расставив руки. Она попыталась увернуться от него и растянулась на полу. Граммел навис над ней, рука его сжалась в кулак.

— Нет! — воскликнул Люк в самый последний момент.

Рука Граммела повисла в воздухе, и он бросил взгляд назад.

— Так-то гораздо лучше, — назидательно сказал он Люку, — лучше быть разумным, чем упрямым. Я бы, конечно, и сам нашел камень, но мой способ поисков тебе не понравился бы.

Люк расстегнул карман и сунул руку внутрь.

— Не смей! — раздался протестующий возглас. Он обернулся и увидел, что Принцесса пристально смотрит на него снизу. Видимо, она все же поверила, хотя бы частично, в историю, рассказанную Халлой. Или, может быть, мысленно поправился он, просто разыгрывает свою роль мелкого воришки, которому жаль расставаться с трудно добытыми трофеями.

— У нас нет выбора. — Поскольку Граммел не интересовался их именами, Люк не видел необходимости называть их, будь то выдуманные или настоящие. Развернув шкатулку, он подал ее стоявшему в ожидании Граммелу.

Тот осмотрел шкатулку, а затем задал вопрос, застигший Люка врасплох: — Какая тут комбинация?

На секунду Люка охватила паника. Если он признается, что не знает комбинации, вся его тщательно сфабрикованная ложь рассыплется на месте. И он сделал ставку на единственно возможный козырь: — Она открыта.

Оба — и Люк, и Лея — затаили дыхание, когда Граммел дотронулся до замочка. Раздался отчетливый щелчок. Люк ведь не потрудился снова набрать комбинацию, когда Халла отдала ему шкатулку.

Капитан-надзиратель Граммел зачарованно смотрел на сияющий багровый осколок: — Очень мило. Что это?

— Не знаю, — солгал Люк. — Понятия не имею, что это за камень. — Граммел пристально взглянул на него. — Это правда... Я не геолог и не химик. — Ну вот, это сделать было нетрудно.

— Блеск естественный, — поинтересовался Граммел, — или это результат внешнего возбуждения? — Он осторожно катал камешек по шкатулке.

— Понятия не имею. Он так и сиял с того момента, как он у нас появился, так что я бы рискнул предположить, что это естественное свойство камня.

Капитан-надзиратель улыбнулся Люку, и тому его улыбка совсем не понравилась: — Если вы знаете так мало об этом камне, зачем же вы его украли?

— А я и не говорил, что украл его. — Граммел презрительно фыркнул, и Люк, с готовностью играя свою роль, рискнул принять защитный тон: — Ну, хорошо, так и есть, мы его украли. Он был красивый, и я ничего подобного раньше не видел. А все красивое и редкое скорее всего бывает и ценным.

— Ты же сказал, что твоя специальность — вымогательство, а не грабеж, — возразил Граммел.

— Эта штука меня заинтриговала, а кроме того, у меня была возможность ее свистнуть, я и свистнул, — хвастливо ответил Люк.

Видимо, этот подход был верным. — Разумно, — признал Граммел. Он снова посмотрел на осколок: — Я тоже такого не встречал. Как драгоценный камень он не очень впечатляет... он не огранен и даже не обтесан для огранки. Но ты прав — он необычный. Одного этого его свойства светиться достаточно, чтобы он выделялся среди прочих. — Внезапно Граммел перестал крутить осколок пальцами и убрал руку: — А он не вредный?

— Нет, насколько я знаю, — сказал Люк, приняв внезапно озабоченный вид. Пусть Граммел немного попотеет.

— С тех пор, как он у вас оказался, вы не почувствовали никакого дурного воздействия?

— Нет, до тех пор, пока нас не привели сюда. — Это заявление почти насмешило Граммела.

— Я думаю, — медленно продолжал он, что я отдам его на анализ экспертам, прежде чем прийти к какому-нибудь заключению насчет него. — Капитан приветливо взглянул на Люка.

— Он конфискован, разумеется. Можете считать его штрафом за ваше участие в драке.

— Но ведь на нас напали, — для вида заспорил Люк.

— Ты оспариваешь мое решение? — с угрозой спросил Граммел.

— Нет, капитан-надзиратель!

— Это хорошо. Я вижу, ты умный юноша. Жаль, что твоя спутница работает языком в ущерб мозгам. — Лея сверкнула на него глазами, но хоть раз у нее хватило здравого смысла промолчать.

— Я думаю, мы можем что-нибудь придумать. А пока вы двое остаетесь лицами, незаконно проникшими в этот мир, в нарушение величайших усилий Империи держать эту установку в секрете. Так что вы будете задержаны, пока я не получу подтверждения вашей истории.

Люк стал было что-то говорить, но Граммел махнул рукой, приказывая ему молчать: — Нет, не утруждайте себя именами. Я полагаю, вы все равно назовете мне вымышленные. Мы снимем ваши отпечатки сетчатки глаза, портреты в натуральную величину и прочую информацию подобного рода. У меня есть связи на Серкарпусе, легальные и не очень.

— Если они пришлют мне информацию о том, что вы известные в этом мире мелкие преступники, а судя по вашей истории, вас там должны знать, значит, то, что вы мне рассказали, подтвердится, и мы соответственно будем строить наши отношения — причем обязательно вам во вред. Если же выяснится, что никто не может раскопать на вас никаких данных, или они будут противоречить тому, что вы мне рассказали, тогда мне придется предположить, что ваша история — чистая ложь. В этом прискорбном случае я буду вынужден прибегнуть к не деликатным способам, чтобы узнать правду. — Люк предпочел бы любую улыбку пустому, нечеловеческому выражению лица, какое было у Граммела, когда он произносил эти слова.

— Но до тех пор нет причин, почему бы нам не находиться в приятных отношениях. Сержант!

— Капитан-надзиратель? — откликнулся тот, живо выступив вперед.

— Проследи, чтобы этих двоих отвели в зону задержания.

— Какой отсек, сэр?

— Максимально охраняемый, — лицо Граммела было совершенно непроницаемо.

Сержант заколебался: — Но, сэр, этот отсек уже занят. И его обитатели опасны... они уже троих отправили в лазарет.

— Не имеет значения, — равнодушно сказал Граммел. — Я уверен, что эти двое сумеют постоять за себя. Кроме того, заключенные не дерутся с другими заключенными. Во всяком случае, не слишком часто.

— О чем вы говорите? — требовательно спросила Принцесса, вставая на ноги. — В какую клетку вы намерены нас засадить?

— Узнаешь, — любезно заверил ее Граммел. В комнату вошли несколько солдат и окружили Люка и Лею: — Прошу вас, постарайтесь остаться в живых до тех пор, пока я не проверю вашу историю. Я был бы огорчен, если бы выяснилось, что вы мне рассказали правду, но не смогли выжить в компании сокамерников и дожидаться дня, когда вас освободят.

— Мы вам все рассказали честно! — настаивал Люк, и в его голосе звучало отчаяние.

— Сержант!

Унтер-офицер повел узников к выходу. Граммел игнорировал все попытки Люка узнать, куда их ведут.

Когда они ушли, и в комнате опять стало тихо, капитан-надзиратель несколько минут рассматривал сияющий осколок кристалла. Открылась другая дверь, и снова появилась закутанная фигура.

— Это та штука, которую ты видел, Бот? — спросил Граммел, жестом указывая на открытую шкатулку на столе. Фигура в капюшоне кивнула.

— Ты знаешь, что это? — На сей раз фигура покачала головой.

— Я тоже, — признался Граммел. — Я думаю, что юнец недооценивает его странность. Я никогда не видел ничего подобного и ни о чем подобном не слышал. А ты? — И снова покрытая капюшоном голова отрицательно покачала головой.

Граммел бросил взгляд на закрытую дверь, через которую увели Люка и Лею: — Эти двое могут быть действительно теми, за кого себя выдают. Я не знаю. У меня такое чувство, что его история чуть-чуть слишком гладкая, чуть-чуть слишком удобная. Словно он подстраивал свои ответы под то, что я хотел бы услышать. Я не могу определить, то ли он неумелый обманщик, то ли великолепный лжец.

— И еще одно. Он говорил почти уверенно, что они с девушкой смогут установить контакт с повстанцами на Десятом или Двенадцатом. Никто из наших агентов не смог этого сделать.

Закутанная фигура приглушенно произнесла какую-то фразу, и Граммел кивнул.

— Я знаю, что у повстанцев есть способы отличать настоящих предателей от наших людей, но уверенность этого мальчишки беспокоит меня. Она как-то не к месту в мелком преступнике. И у девушки больше духу, чем обычно бывает у девиц такого сорта. Я озадачен, Бот. Но я думаю... Я думаю, здесь может быть что-нибудь важное. У меня просто недостаточно фактов, чтобы все связать вместе... пока. Это может много значить для нас обоих. — Фигура энергично закивала, довольная.

Граммел принял решение: — Я намерен связаться с высшими органами. Мне не нравится мысль о том, что придется с кем-то этим делиться, но другого выхода я не вижу, — он презрительно дернул головой в сторону двери: — В любом случае мы вырвем из них правду до того, как какая-нибудь важная персона сюда доберется.

Встав из-за стола, он подошел к стене позади него и дотронулся до небольшого выключателя. Часть стены исчезла, и вместо нее появился пустой золотистый экран. Граммел скорректировал ручку управления. Под светящимся экраном плавно появилась панель с дисками и кнопками. Еще корректировка, и Граммел заговорил в микрофон:

— Мне надо связаться по связи глубинного пространства первой степени приоритета с Правителем Бин Эссадой в территориально-административном мире Джиндайна. — Он бросил взгляд на закутанную фигуру для ободрения и получил в ответ кивок.

— Связь устанавливается, — безлично объявил компьютерный голос. Мгновение экран был неподвижен, потом, к удовлетворению Граммела, быстро осветился. По меркам Империи, Джиндайн был не очень далеко.

Появившееся на экране изображение оказалось жирным смуглым человеком, самой примечательной чертой которого был ряд подбородков, ступенями спускавшихся на верхнюю часть рубашки. Курчавые черные волосы, тронутые на висках сединой и спиралью выкрашенные в оранжевый цвет на макушке, обрамляли лицо, как водоросли — валун, долго пробывший в воде. Темные глаза сильно косили, а их розовые зрачки были сверхчувствительны к свету. — У меня много дел, — контральто Правителя Эссады напоминало хрюканье свиньи. — Кто звонит и зачем?

При виде нависшего над ним с экрана самодовольного и властного лица, Граммел потерял большую часть

привычной самоуверенности. Его собственный голос дрожал и прозвучал раболепно:

— Это всего лишь я, Правитель, скромный слуга Империи, капитан-надзиратель Граммел.

— Не знаю никакого капитана-надзирателя Граммела, — заявил голос.

— Я заведу секретной колонией шахтеров на Серкарпусе V, сэр, — с надеждой пояснил Граммел.

Эссада секунду помедлил, подняв голову от пленки, которую изучал. — Я знаком с операциями Империи в этой системе, — сурово сказал он. — Что за дело у вас, что вы требуете первой степени приоритета? — Огромная туша наклонилась вперед. — И лучше бы оно оказалось важным, капитан-надзиратель Граммел. Теперь я вас знаю.

— Да, сэр, — Граммел все время склонял голову перед экраном, — у меня проблема с двумя чужестранцами, неизвестно каким образом тайно приземлившимися здесь. Двое чужеземцев и странный кусочек кристалла, который был у них с собой. Люди не важные персоны, но, поскольку вы, сэр, широко известны в качестве эксперта по необычным излучениям, я подумал, что, может быть...

— Не тратьте мое время на лесть, Граммел, — предостерег Эссада. — С тех пор, как Император распустил Сенат, у нас, Правителей, дел выше головы.

— Понимаю, сэр, — поспешно сказал Граммел, кидаясь к крошечной шкатулке с камнем. Он поднял шкатулку так, чтобы ее было видно через видеопередающее устройство, — вот он.

Эссада всмотрелся в камень: — Странно... никогда ничего подобного не видел, Граммел. Излучение идет изнутри?

— Да, сэр. Я уверен.

— А я — нет, — ответил Правитель, — но признаю, что выглядит похоже. Расскажите мне поподробнее об этих людях, у которых он был.

Граммел пожал плечами: — Они ничего из себя не представляют, возможно, просто парочка мелких воришек, стянувших его.

— Парочка мелких воришек тайно проникла и приземлилась на Серкарпусе V? — недоверчиво спросил Правитель.

— Думаю, да, сэр. Юноша и молодая женщина.

— Молодая женщина, — повторил Эссада, — до нас дошли слухи с Серкарпуса IV о том, что там готовится важное собрание лидеров подполья... молодая женщина, говорите? Она случайно не темноволосая, вспыльчивая, даже чуть саркастичная?

— Это именно она, сэр, — пробубнил ошеломленный Граммел.

— Вы установили их личности?

— Нет, сэр. Мы только поместили их в тюрьму. Мы посадили их вместе с...

— Хаос бы побрал ваши подробности, Граммел! — заорал Эссада. — Дайте мне визуальные изображения этих людей.

— Это нетрудно, — ответил Граммел. Он вынул пластиковый брусок записывающего устройства из стола и неуверенно поднял его перед экраном. — Это еще не переведено, сэр. Как вы думаете, вы сумеете разобрать образы на бруске?

— Я могу во многом разобраться, Граммел, вплоть до самых глубин вашей собственной души. Поставьте его поближе к вашему энергопередающему устройству.

Капитан-надзиратель настроил нужную ручку и приставил длинную стекловидную трубочку к панели экрана. Он тронул кнопку поиска информации, и в веществе бруска появились два двухмерных изображения. После паузы он передвинул брусок, чтобы показать оба объекта в полный рост.

— Это может быть она, клянусь Силой, это вполне может быть она, — пробормотал Эссада, теперь пришедший в возбуждение. — Юношу я не знаю, но он тоже может оказаться важной птицей. Я весьма доволен.

— Важные птицы, сэр? Вы их знаете?

— Я надеюсь, что смогу частично поставить себе в заслугу их пленение и казнь в дальнейшем — ее, во всяком случае, — Эссада бросил пронзительный взгляд на озадаченного капитана. — Им не должен быть причинен вред — вообще никаких повреждений до тех пор, пока за ними не прибудет должным образом уполномоченное лицо, Граммел.

— Все будет сделано, как вы приказываете, сэр, — сказал ошеломленный капитан-надзиратель. — Но я не понимаю. Кто они и каким образом попали на заметку к таким людям, как...

— Я требую от вас только службы, Граммел, — не вопросов.

— Да, сэр, — жестко отчеканил капитан.

Эссада чуть-чуть смягчился: — Вы правильно сделали, что связались прямо со мной, хотя это и не то, что вы думали. Как только эти двое попадут в руки Империи, вы станете полковником-надзирателем.

— Правитель! — Граммел совсем растерялся. — Вы слишком великодушны, сэр. Не знаю, что сказать...

— Ничего не говорите, — сказал Эссада, — так вас легче переносить. Позаботьтесь, чтобы они были живы, Граммел. Ваш путь в ад или к славе зависит от того, насколько хорошо вы выполните эти приказы. Если не считать того, что они должны быть живы и здоровы, я разрешаю вам применять любые строгости.

— Да, сэр. Могу я, сэр...

Но Правитель Эссада уже почти забыл о Граммеле.

— Особенно одна персона сочтет эту информацию очень важной. Это будет хорошо для меня, да. — Он вдруг заметил, что связь еще не прервана. — Живыми, Граммел. Запомните это.

— Но, сэр, не могли бы вы мне сказать?..

Экран погас.

Несколько долгих минут капитан-надзиратель в задумчивости стоял перед темным прямоугольником. Затем он водворил на место экран и панель управления и обернулся к закутанному существу, выползавшему из-за спасительного громоздкого кресла свободной формы, стоящего в другом конце комнаты.

— Похоже, мы наткнулись на нечто, гораздо более важное, чем мы могли даже мечтать, Бот. "Полковник-надзиратель"! — Граммел устремил взгляд на кристалл, который держал в руке, все мысли о его летальных свойствах померкли перед видением открывавшегося перед ним блестящего будущего. — Надо быть осторожными.

Закутанная фигура энергично закивала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Полегче, — пожаловался Люк, освобождая руку из лап солдата, эскортировавшего их вниз по длинному узкому каменному коридору. Пока они шли, Люк воспользовался возможностью изучить сырые стены, с которых капала вода. Было совершенно ясно, что извечная мимбанская влага проникла даже сквозь них.

— Надо думать, правительство Империи могло бы раскошелиться и построить более современный штаб, — пробормотал он.

— Зачем? — возразил унтер-офицер, шедший впереди, — когда первобытный народ этого мира оставил нам такие полезные строения?

— Храм, место поклонения, а его превратили в конторы и тюрьму, — сердито сказала Принцесса.

— Империя поступает так, как считает нужным, — заметил унтер-офицер флегматичным тоном, который вполне удовлетворил бы его начальство, — мне говорили, что все эти разработки — дорогое удовольствие. Империя достаточно хорошо соображает, чтобы экономить на всем, чем можно.

— Надо полагать, это распространяется и на ваше жалованье и пенсионные льготы, — ядовито вставила Принцесса.

— Хватит болтать, заключенные, — вслух решил разозлившийся сержант, недовольный тем оборотом, который принял их разговор. Они круто завернули за угол. В конце коридора сеть диагонально пересекавшихся балок образовывала крепкую ячею.

— Вот ваш новый дом, — сообщил им унтер-офицер, — там внутри вы сможете на досуге поразмышлять о том, что готовит вам Империя. — Он провел рукой по стене рядом с собой, и в центре металлической сетки появилось незарешеченное отверстие в виде эллипсоида.

— Иди, — скомандовал солдат, стоявший рядом с Люком, подталкивая его оружием.

— Мне говорили — у нас здесь будет общество, — рискнул спросить Люк, с большой неохотой направляясь к пустому пространству. Это вызвало неожиданный взрыв веселья среди собравшихся солдат.

— Вы его скоро обнаружите, — хихикнул унтер-офицер, — или оно обнаружит вас.

Как только оба узника оказались внутри камеры, унтер-офицер снова провел рукой по фотопластине, и исчезнувшая решетка вернулась на место с громким щелчком.

— Общество, говорит, — повторил один из удалявшихся солдат, пока они шли по коридору. Они продолжали пересмеиваться между собой.

— Почему-то мне невесело, — пробормотал Люк. Каждая угловая перекладина была толщиной с его руку. Он постучал по одной из них ногтем, и она зазвенела: — Цельная, не полая, — объявил Люк. Эта камера предназначена для содержания не просто обычных людей. Интересно, что...

Принцесса ахнула и, показав в дальний угол, стала пятиться к ближайшей стене. В дальнем конце камеры под единственным окном возвышались два массивных мохнатых холма. Мех вздымался и опускался, свидетельствуя о том, что под ним скрывается что-то живое.

— Тихо... спокойно, — велел Люк Принцессе, попятился и встал рядом с ней, положив ей руки на плечи. Она прислонилась к нему. — Мы ведь еще не знаем, кто они.

— Мы не знаем, ЧТО это, — испуганно шепнула Принцесса, — по-моему, они просыпаются.

Один из огромных силуэтов поднялся, потянулся и, прочищая горло, издал рычание, напоминавшее рев вулкана. Он повернулся, и взгляд его упал на Люка и Принцессу.

Глаза Люка расширились. Он двинулся по направлению к силуэту. Принцесса протянула руку, чтобы задержать его, но Люк стряхнул ее.

— Люк, ты что, сошел с ума? Да они разорвут тебя на части!

Люк продолжал идти по направлению к стоявшей в ожидании фигуре. Существо было чуть выше его ростом, но отличалось более массивным сложением. Волосатая лапа потянулась к полу камеры, вытаскивая камень. Из центра морды вытянулся длинный хобот, загромождавая рот. Два огромных черных глаза выжидательно смотрели на Люка.

— Люк, не надо, вернись...

Фигура, к которой приближался Люк, издала недовольное ворчание, похожее на раскаты грома, словно из-под земли сердито вырвался наружу источник. Принцесса замолчала, обеспокоенно прижавшись к холодному камню, и тихонько скользнула в дальний угол.

Люк осторожно разглядывал массивное существо. Им надо подружиться очень быстро, иначе ему и Лее не придется беспокоиться о том, как выбраться с Мимбана, разве что в кусочках. Он потянулся и особым образом дотронулся до руки существа, ни на секунду не сводя глаз с угольно-черных шаров, смотревших в его глаза.

С поразительной скоростью создание отскочило назад и что-то прочирикало. По весу оно в несколько раз превосходило Люка. Тусклый свет иллюминаторов, вмонтированных в потолок камеры, освещал толстые, как кабель, мускулы плеч над руками длиной в две человеческие.

Пара ладоней размером с тарелку потянулась к Люку. Он откликнулся, произнеся что-то низким тоном. Качая головой, размахивая хоботом, существо поколебалось, потом снова заворчал. Люк произвел какие-то нечленораздельные звуки более громко.

Протянув руки, существо обхватило Люка и подняло его над головой, словно собираясь швырнуть об пол. Принцесса вскрикнула. Существо прижало Люка к своему телу, крепче и... наградило его двумя сочными поцелуями в обе щеки, а затем осторожно опустило его снова на пол.

Принцесса, не веря своим глазам, уставилась на нежного противника Люка. — Почему он не оторвал тебе

голову? Ты... — она с восхищением смотрела на Люка. — Ты поговорил с ним?

— Да, — скромно признался Люк, — я много изучал определенные миры, еще на ферме моего дяди на Та-туине. Это был для меня единственный способ отвлечься, да и для общего развития тоже. Это, — показал он на существо, стоявшее, положив руку ему на голову и дружески тряся его, — это яззем.

— Я слышала о них, но вижу впервые.

— Они очень темпераментны, — сообщил ей Люк, — поэтому я подумал, что лучше попытаться приветствовать их первым с помощью тех немногих слов, которые я знаю, — он что-то прошептал существу, и оно зачирикало в ответ. — Где-нибудь в другом месте он, может, и убил бы меня, но, похоже, все заключенные — союзники.

Яззем повернулся, попятился неверными шагами и наткнулся на стену. Затем нагнулся и стал трясти своего товарища, все еще пребывавшего в состоянии оцепенения. Второй яззем перекатился, проснувшись, и сердито кинулся на первого. Массивная лапа промахнулась, попав в стену и ударив в нее с такой силой, что в скале остался след. Перекатившись, он уселся и что-то зачирикал разбудившему его товарищу, держась одной рукой за голову.

— Ну и ну! — воскликнула Лея, вдруг сообразив, что к чему. — Да они оба пьяны! — Второму яззему, наконец, удалось подняться на ноги. Он зарычал на Принцессу. — Не обижайся, — быстро прибавила она.

— Того, с которым я говорил, зовут — насколько я могу перевести его имя — Хин. А на стену опирается Ки, он хотел бы оказаться где-нибудь в другом месте... — Люк что-то прошептал Хину и стал слушать ответ.

— Кажется, он сказал, что работал на операциях имперского правительства, потом где-то неделю назад ему все это до чертиков надоело, и он стал все ломать. С тех пор их и заперли здесь.

— Я не знала, что Империя нанимает и гуманоидов.

— Видимо, у этих двоих не было выбора, — объяснил Люк, слушая Хина. — Они любят Империю не больше, чем мы. Я стараюсь убедить их в том, что не все люди такие, как имперцы. Почти уверен, что у меня это получается.

— Надеюсь, — сказала Лея, разглядывая длиннорукых существ с мощными мускулами.

— И Хин, и Ки оба молоды, примерно нашего возраста, и не очень разбираются в делах Империи. Они записались — ну, совсем рабством я бы это не назвал, — но и "работа по контракту" — слишком мягкое для этого определение. Когда они, в конце концов, запротестовали, какой-то начальник на шахте помахал у них под носом кипой бумаг и стал отпускать шуточки. Тогда они подхватили свое снаряжение и попытались засыпать шахту, вместо того, чтобы вынимать из нее породу.

— Судя по тому, что говорит Хин, — единственная причина, почему Граммел не расстрелял их на месте, — это потому, что каждый из них выполняет работу за троих людей, а кроме того, они были пьяны в стельку. Видимо, у язземов, — без всякой необходимости добавил Люк, — долгое похмелье. Хин думает, что Империя даст им еще один шанс. Но он не слишком уверен, что этот шанс ему так уж нужен. Их держат здесь, потому что обычная камера их не выдержит. Иди поздоровайся.

— Принцесса заколебалась, но Люк подошел к ней и прошептал: — Все в порядке. Я думаю, мы можем рассчитывать на них. Только лучше не говорить им, кто мы.

Лея кивнула, подошла и протянула руку. Ее рука полностью исчезла в мохнатой лапе. Хин что-то прошептал ей. — Конечно, взаимно, — сказала Лея, быстро обретая уверенность. Ки завыл, и оба человека уставились на второго яззема, который что-то нечленораздельно объяснял Люку.

— Говорит, в последнюю неделю ему буром буравят голову.

Лея отошла от них к единственному окну. Из него открывался вид на затуманенные огни города. Окно затемняла такая же решетка из толстых диагонально расположенных балок.

— Я знаю кое-кого, кого бы я угостила буром, — безутешно прошептала Лея.

— Ты имеешь в виду Халлу, — объявил Люк. — Но она и не могла, и не может ничего для нас сделать. Если бы я был на ее месте, я бы, наверное, тоже сбежал.

Обернувшись к нему, Принцесса ослепительно улыбнулась: — Ты же знаешь, что это неправда, Люк. Ты

слишком верный, и у тебя большое чувство ответственности — к твоей чести, — ее взгляд снова обратился к окутанному туманом крышам далекого города.

— Если бы мы не потеряли контроль над собой там, перед таверной, мы не привлекли бы внимания тех шахтеров. И не сидели бы сейчас здесь. Это я виновата.

Люк ободряюще положил ей руку на плечо: — Послушай, Лейя... Принцесса. Во всей этой буче никто не виноват. А кроме того, так здорово иногда терять над собой контроль.

Она снова улыбнулась, на этот раз благодарно: — Знаешь, Люк, Восстанию повезло, что ты с нами. Ты хороший человек.

— Да, — он отвернулся, — к счастью для Восстания.

Из другого конца камеры донеслось чириканье. Лейя вопросительно посмотрела на Люка.

— Ки говорит — сюда идут, — перевел он.

Вместе с двумя язземами они обратили все свое внимание на коридор. Шаги быстро приближались. Появились несколько штурмовиков во главе с встревоженным Граммелом. Увидев узников, он, казалось, несколько успокоился.

— Вам не причинили вреда? — Люк покачал головой. — Это хорошо, — с явным облегчением объявил Граммел. Он перевел глаза на язземов, затем снова взглянул на Люка.

— Я вижу, у вас приятное соседство... пока. Я рад. Я боялся, что придется перевести вас, но если язземы нормально переносят ваше присутствие, думаю, вам лучше оставаться здесь. Здесь вы в надежном месте. Как выяснилось, еще кое-кто выразил интерес к вашему делу.

— Да уж, держу пари, какой-нибудь законник на Серкарпусе, — храбро заключил Люк.

— Не совсем, — на лице Граммела появилась одна из тех загадочных полуулыбок, от которых у Люка по спине бежали мурашки. — Представитель Империи придет сюда допросить вас лично. Для меня этого достаточно. Я знаю, когда надо отойти в сторону. Так что я не собираюсь связываться с нашими источниками на Серкарпусе, пока он мне не скажет.

— О! — только и нашелся сказать Люк. Он был одновременно и доволен, и обеспокоен: доволен потому, что его сказка о том, что они сбежавшие преступ-

ники с Серкарпуса, видимо, поможет им на некоторое время избежать расспросов; озабочен, потому что не мог представить, что такого Граммел мог сказать, чтобы заинтересовать представителя Империи. Где они допустили промах и что-то выдали?

— С чего бы представителю Империи нами интересоваться? — спросил он в попытке выудить какую-нибудь информацию.

— Я и сам хотел бы это узнать, — ответил Граммел. Он подошел ближе и встал прямо перед прутьями решетки. — Полагаю, вы мне этого не сообщите?

— Не знаю, о чем вы говорите, — отозвался Люк, отступая от решетки.

— Я мог бы заставить вас сказать, — зарычал Граммел, — но я получил приказ, — ему пришлось заставить себя отойти от прутьев, — строгий приказ оставить вас в покое. Но пусть вас это не слишком обнадеживает. У меня такое впечатление, что у этого представителя — а он очень важная персона — будут свои планы на ваш счет, и они могут оказаться более неприятными для вас, чем то, что я могу изобрести со своими скромными средствами.

— Вы или другой офицер Империи, — пожал плечами Люк, стараясь сохранять небрежность уличного мальчишки, — нам все равно, лишь бы нас не отправили назад на Серкарпус. Хотя лично мне хотелось бы знать, из-за чего весь сыр-бор.

Граммел медленно покачал головой: — Вы двое меня впечатляете. Я действительно хотел бы, чтобы вы сказали мне, — и при чем тут это, — он сунул руку в карман и извлек оттуда шкатулочку с осколком кристалла Кайбурр.

— Но я не думаю, что вы это сделаете, — со вздохом заключил Граммел, кладя шкатулочку назад в карман. — Поскольку у меня сейчас руки связаны, я не могу из вас ничего вытянуть так, как я хочу. Я должен признать, что то, что видит в вас Правитель Эссада, от меня полностью ускользает.

— Имперский Правитель... — Лея внезапно опустилась на пол и попятилась, прерывисто дыша и закрыв руками лицо. На лбу ее каплями выступил пот.

Граммел пристально смотрел на нее: — Да... а почему тебя это так волнует? — Он быстро и пронзительно взглянул на Люка. — Что здесь происходит?

Не обращая на него внимания, Люк подошел к Принцессе успокоить ее: — Не волнуйся, Лея, это может ничего и не значить.

— Имперских Правителей не интересуют обычные воры, Люк, — напряженно шепнула она. Что-то сжало ей горло. — Меня будут допрашивать так же, как в тот раз... в тот раз. — Она вырвалась, прижимаясь к стене камеры.

В тот раз, на Звезде Смерти, маленькие черные червячки впивались в ее мозг. Вопросы другого Правителя Империи, ныне покойного Моффа Таркина, машина, вплывающая в ее камеру. Черная машина без угрызений совести, незаконная, созданная имперскими учеными-извращенцами, в нарушение всех кодексов, законов и морали. Машина подплывала к ней, нагибалась, металлические конечности готовились точно, без эмоций, выполнять свою работу по бесчеловечной программе.

И она кричала, кричала, кричала, казалось, она никогда не остановится.

Что-то сильно ударило ее. Лея заморгала, обернулась и увидела тревожно смотревшего на нее Люка. Она скользнула по стене и села, прислонившись к ней. Хин мелкими шажками подошел к Принцессе. Массивная фигура черноглазого язема склонилась над ней. Одной рукой он с любопытством дотронулся до Леи, его хобот обнюхивал ее.

— С ней все будет в порядке, Хин, — сказал Люк гуманоиду, помогая Лее вытереть холодные слезы.

— Просто жестокая репутация Империи! — выкрикнул он Граммелу. Объяснение прозвучало неубедительно даже для его собственных ушей.

Граммел снова прижался к прутьям: — Ее уже раньше допрашивали. Она что-то знает, — возбужденно настаивал он. — Кто она? Кто вы оба? Скажите мне! — Он ударил кулаком по прутьям. — Скажите мне! — Затем его тон стал вкрадчивым и мягким: — Может быть, я смогу походатайствовать за вас перед имперским представителем, кто бы он там ни был. Я хочу получить все, что смогу, от этого дела, слышите? Вы двое станете моим пропуском прочь из этого затерянного мира. Мне нужно вырваться отсюда и нужно повышение, которое обещал мне Эссада, и я хочу еще большего, если смогу это получить! Скажите мне, кто вы, что вам известно. Дайте мне что-нибудь, что я смогу

использовать, любую информацию, с которой я могу действовать, чтобы мне не встретить вашего инквизитора безоружным!

Люк с жалостью посмотрел на Граммела.

— Кто вы? — в ярости завопил Граммел, беснуясь от собственной беспомощности, из-за того, что был вынужден просить, а к этому он не привык. — Почему вы так важны для него? Скажите, или я велю разрезать женщину на куски, несмотря на приказ Эссады! Скажите, скажите, скажите мне... а-м-м-м!

Через прутья решетки стремительно просунулась огромная лапа и вцепилась Граммелу в горло... почти. Отчаянными усилиями капитану-надзирателю едва удалось вырваться. За первой лапой потянулась вторая. Стоявший наготове солдат упал на колено и выстрелил. Даже при том, что оружие было поставлено на режим оглушения, от выстрела, ударившего Ки в бок, яззем покотился по полу. На густом мехе появилось черное пятно от ожога. Ки перекатился, держась за обожженное место, слегка задыхаясь и глядя сквозь прутья. Хин подошел к раненному товарищу, проверил его рану, также устрашающе сверкая глазами на Граммела. Затем двинулся к прутьям решетки.

Граммел стоял как раз на таком расстоянии, где до него нельзя было дотянуться. Он не улыбался. Хин тянулся к его горлу. Огромная рука шарила по воздуху в нескольких сантиметрах от капитана-надзирателя, который в это время массировал шею. Яззем вцепился в прутья и стал тянуть в обе стороны, напрягаясь изо всех сил.

Наблюдая за происходящим с академическим интересом, Граммел успокоил стоявшего рядом унтер-офицера: — Больше нет никакой опасности, Пуддра. Они не смогут сломать прутья. С ними и дюжина язземов не справится.

Несмотря на всю его уверенность, казалось, что Хину удалось неимоверным усилием все же слегка согнуть один прут. Затем он сдался, тяжело дыша. Держась за прутья и трясясь от ярости, он бросал на Граммела взгляды, полные открытой ненависти.

Граммел невольно тихонько вздохнул: — Вот видите, что я вам говорил, — заметил он унтер-офицеру.

— С вами все в порядке, капитан-надзиратель? — спросил тот из-под бронированных доспехов.

— Теперь да, Пуддра, — заверил Граммел своего подчиненного. Затем он демонстративно сморщил нос. — Если не считать запаха, конечно.

— Он непринужденно обратился к Люку: — Вы, двое, должно быть, нечто особенное. Любой, кто может выносить запах яззема... — он скорчил гримасу и покачал головой с насмешливым изумлением. — Существовать среди такой вони больше пяти минут — значит, иметь какие-то ОСОБЫЕ качества, — Хин удостоил капитана-надзирателя бешеным ревом. — Давай, бесись дальше, — любезно сказал Хину Граммел, — как только мне удастся убедить директора шахты в том, что вы двое не стоите риска, чтобы дать вам оправиться для работы, я собственноручно разрежу вас на куски. Предварительно как следует sprysнув дезодорантом, конечно. — Он развернулся, чтобы уйти.

Пока он проделывал это, Хин издал странный звук. За ним последовало громкое “тьфу” из длинного хобота, огромный стусток слюны попал Граммелу в шею, прямо над высоким воротником. Вытирая плевок, капитан-надзиратель злобно прорычал через плечо: — Ах ты, ухмыляющаяся пародия на человека! Скоро, очень скоро. Обещаю тебе.

— Он резко сделал знак солдатам, и они исчезли в проходе вверх по коридору.

Хин отошел от прутьев и вернулся, чтобы проверить, как там Принцесса. Она потеряла сознание, и Люк одной рукой поддерживал ее. Раздалось ворчливое фыркание, и Люк со знанием дела прокомментировал: — Да уж, настоящий принц, наш тюремщик.

Вместо ответа Хин поднял с пола кусок гравия. Перекатывая его между длинными пальцами, он без труда растер его в песок и дал ему высыпаться на пол.

— Я надеюсь, ты сможешь когда-нибудь с ним это сделать, Хин, — согласился Люк, глядя на яззема. — Правда, сейчас боюсь, что наши шансы вырваться отсюда, не говоря уж о том, чтобы добраться до капитана-надзирателя, не очень велики.

Раздался стон, и Принцесса протянула руки к Люку. Он схватил их, и она с удивлением открыла глаза. Сначала ее взгляд был неуверенным, потом она увидела, что Хин с любопытством разглядывает ее огромными глазами.

— Извини, Люк, — он помог ей подняться на ноги. — Но мысль о том, чтобы снова пройти через имперский допрос... я просто потеряла контроль.

— Это понятно. Но тебе не придется больше через это пройти. Я прослежу за этим.

Лея улыбнулась ему. Зачем подрывать такую уверенность простыми фактами?

Люк подошел к единственному окну и стал проверять прутья решетки, толчками обследуя их.

— Они именно такие твердые, какими кажутся, — буркнул он. — Отсюда не выйти.

— Яззем, наверное, уже пробовал, — резонно предположила Принцесса.

Маленькая секция в стене отошла, и Лея подскочила. Оба яззема обрадованно бросились к стене, и Люк успокоился. В камеру на металлических подносах просунули несколько котелков и блюд с чем-то дымящимся, и каменная плита снова стала на место.

Хин и Ки не оставили им сомнений в содержимом подносов. Они тут же схватили по одному и принялись жадно поглощать пищу.

— Что-то я не слишком высокого мнения о поведении язземов за столом, — заметил Люк, — я думаю, что если мы хотим поесть, надо поторопиться, а то нам ничего не достанется.

Обменявшись взглядами, они стали изучать содержимое двух оставшихся подносов. Люк понюхал одну из мисок, пожал плечами и попробовал проглотить ложку.

— Что-то вроде тушеного мяса, — заключил он. — Неплохо для тюремного рациона.

— Вспомни, — сказала Лея, — Граммелу даны инструкции следить за нашим здоровьем. Пока не прибудет представитель Империи.

Люк сделал пузу между двумя глотками и жизнерадостно заявил:

— По крайней мере, если у нас действительно появится возможность бежать, мы сделаем это не на голодный желудок.

Люк покончил с едой, поднялся и подошел к решеткам, образовывавшим их камеру. Он пристально посмотрел вниз по коридору, на далекое пятно в стене, где находилось управление замком камеры. Лея спокойно следила за ним.

Если бы только им удалось чем-нибудь накрыть выемку с фоточувствительной панелью, размышлял Люк. Он обвел взглядом камеру. Подносы, на которых им доставили пищу, были сделаны из гладкого нековкого металла. Не было никакой возможности соединить их друг с другом. А если бы даже это и удалось, их длины все равно было бы недостаточно, чтобы достать до далекой панели. И было совершенно очевидно, что она находилась далеко за пределами досягаемости длинных рук двух язземов.

— Нам надо накрыть рукой или еще чем-нибудь эту панель, — расстроено прошептал он.

— Или еще чем-нибудь, Люк, мой мальчик.

Все вздрогнули от неожиданности, когда раздался этот голос, особенно, легко возбудимые язземы. Хин бросился к окну, но, к счастью, Люк оказался там раньше его.

— Нет... это друг, Хин. — Язем зачирикал и зацокал на него, но, в конце концов, отступил. Люк бросился к окну, схватился за решетки и поднялся на цыпочки. На него радостно смотрело морщинистое, улыбающееся лицо.

— Халла! — Почти выкрикнул он. — Значит, ты все же нас не забыла!

— Он сделал попытку заглянуть ей за спину. — А как Трипио и Арту Диту?

— С твоими роботами все прекрасно, мальчик. Что до меня, то я никогда не забываю партнеров. Кроме того, вы двое мне нужны. Так что не надо эмоций по моему поводу. Я ведь охочусь за кристаллом.

— Ее усмешка исчезла, и она сурово взглянула на Люка. — Ты что-нибудь говорил обо мне этому червяку Граммелу?

— Нет, — заверил ее Люк. Раздался кашель, и Люк почувствовал на себе пристальный взгляд Принцессы. — То есть не совсем, — поправился он, — он думает, что МЫ пытались продать осколок кристалла ТЕБЕ.

Халла коротко рассмеялась: — Так вот почему меня не водили на допросы. Граммел всегда видит вещи в неверном свете. Я так понимаю, что он забрал кристалл?

— Извини, — подавленно сказал Люк, — мы тут ничего не могли поделать. — Ничего, малыш. У нас

скоро будет весь кристалл. Как только вытащим вас отсюда.

— Но как? У тебя есть что-нибудь, чем можно взорвать стену?

— Это было бы потерей времени, мальчик. Что бы вы тогда сделали, сбежали отсюда? — Она помолчала, чтобы он мог оценить ее слова. — Послушай, держу пари, ты не можешь выглянуть из этого окна вниз?

— Нет, я вижу только по прямой, — сказал Люк.

— Мальчик, я стою на карнизе шириной около десяти сантиметров, над пропастью глубиной в сорок метров. На другой стороне есть барьер, который засечет любое энергетическое оружие или взрывчатку, если кто-нибудь попытается их сюда пронести. Или ты думал, что я так тесно прижимаюсь к стене, потому что мне нравится твой запах изо рта?

— Халла, ты с ума сошла! А что если ты упадешь?

— Я издам легкий плеск, Люк, мальчик. Для начала, поскольку все здесь убеждены, что я сумасшедшая, не вижу никакого вреда в том, чтобы так и сделать. Только сумасшедшая старуха может свалиться с этого крохотного краниза. Что означает, что спорить здесь не о чем. Нет, мой мальчик. Единственный путь на свободу — тот, которым вы сюда пришли.

За спиной Люка раздалось громкое бурное рычание. Хин подошел ближе, положил лапу на плечо Люка и изучающе посмотрел на Халлу. Затем они с Люком стали быстро обмениваться ворчливыми возгласами. Хин ушел назад вглубь камеры и принялся негромко беседовать с Ки, в то время, как Халла неуверенно следила за ними.

— Что все это значит? — спросила она Люка. — Этот обезьяний язык я не понимаю.

— Хин сказал мне, — перевел ей Люк, — что если ты сможешь вытащить нас из камеры, они с Ки возьмутся за то, чтобы вывести нас из здания.

— Думаешь, смогут? — поинтересовалась Халла, облизывая губы.

Вид у Люка был уверенный. — Я бы не стал держать пари против двух язземов. Кроме того, есть и еще кое-что. Если мы поможем им выбраться, они помогут нам в охоте за кристаллом.

— От них будет толк, — с готовностью согласилась Халла. — И я даже понимаю, почему они готовы идти

с нами. Как только они сбегут из тюрьмы, им нечего ждать снисхождения от Граммела.

— Как ты собираешься вытащить нас отсюда?

Халла поудобнее устроилась на своем шатком месте над пропастью, затем с гордостью произнесла: — Я говорила тебе, что могу управлять Силой. Отойди, молодой человек.

Не зная, чего ожидать, Люк повиновался. Принцесса сложила руки на груди, одновременно обеспокоенная и скептическая.

Глаза Халлы закрылись, казалось, она погрузилась в какой-то транс. Люк почувствовал движение и понял, что она управляет Силой так, как у него никогда не получалось. Не самым совершенным образом, просто... по-другому. Его больше всего беспокоило то, что в своем новом состоянии она может не удержаться на карнизе храма. Но она оставалась на месте, словно выросла к нему, ее лоб был нахмурен, она старалась сосредоточиться.

Люк услышал изумленный возглас, обернулся и взглянул туда, куда указывала Принцесса. Один из подносов для еды приподнялся и лениво плыл по воздуху в камере. Затем поднос стал двигаться по направлению к прутьям решетки. Люк обернулся к Халле. Это был простой салонный фокус, но сам он никогда не смог бы его повторить. Поднимать предметы — это был не тот вид мастерства, которым он овладел как следует. Но, Халла, похоже, умела делать именно это. Он вспомнил соусник на столе в таверне и затаил дыхание.

По лицу Халлы струился пот, оно исказилось от усилий — и она продолжала двигать поднос. Он ударился о решетку. Люк вздрогнул при мысли, что поднос может оказаться слишком широким и не протиснется в отверстия. Но тот повернулся, встал под правильным углом и проскользнул между прутьями с легким скрежетом. Подрагивая, поднос продолжал плыть по коридору.

Халла уже едва дышала, все силы ее существа были брошены на это невероятное усилие. Люк наблюдал за тем, как поднос нырнул, потом снова поднялся на прежнюю высоту, снова нырнул, прежде чем продолжить свое скольжение вверх по коридору.

— Мальчик, — услышал он эхо голоса старой женщины, — ты должен помочь мне. — Глаза ее все еще были закрыты. — Я не умею, Халла, — напряженно

произнес он. — У меня это не выходит. — Ты должен, мой мальчик. Я не смогу долго удерживать его сама. — Как только она произнесла эти слова, поднос нырнул, со звоном ударился о пол, потом снова поднялся.

Люк тоже закрыл глаза и попытался сосредоточиться только на подносе, забыв о камере, о Принцессе, обо всем, кроме плавающего плоского предмета из формованного металла. Знакомый голос, казалось, напоминал ему о чем-то.

— Не старайся изо всех сил, Люк, — сказал голос. — Помни, чему я тебя учил. Расслабься, расслабься, пусть Сила действует через тебя. Не старайся форсировать Силу.

Позволив другим мыслям проникнуть в свой мозг — приятным мыслям — Люк старался подчиниться. Он чувствовал, что у него все хорошо, это ощущение пронизало его, и он улыбнулся. Поднос уверенно поднялся на прежнюю высоту и продолжал быстро двигаться по холлу.

Принцесса все время переводила взгляд с Люка на Халлу и назад. Стукнувшись о стену коридора, поднос стал ударяться о нее. Наконец, он добрался до потайной панели управления и накрыл углубление. Прозвучал очень слабый щелчок. В центре решетки камеры появился открытый эллипсоид.

Халла испустила долгий медленный вздох и пошатнулась, чуть не упав. Она спохватилась, когда поднос стал падать на пол. Хин и Ки ахнули, Принцесса — тоже.

Люк наклонился вперед, резко подняв брови. Что-то подхватило поднос чуть не в сантиметре от пола и мягко, бесшумно опустило.

Двое язземов первыми выбрались в отверстие. Принцесса тут же последовала за ними. Выбравшись, она обернулась и позвала Люка: — Чего ты ждешь... пошли!

Но Люк снова стоял у окна: — С тобой все в порядке, старушка?

— Все будет нормально, — с сарказмом отозвалась Халла, на лице которой все еще было написано напряжение, — если ты не будешь так меня называть слишком часто. Я бы не смогла это проделать без твоей помощи, мальчик. У тебя хороший контроль.

— Ну, не лучше твоего руководства, — мягко ответил он. — Ты показала мне путь. Мне повезло — у меня были хорошие учителя.

Халла протянула руку сквозь прутья и похлопала Люка по руке:

— Ты добр, Люк, мой мальчик. Здесь поблизости есть большой гараж лендспидеров и станция техобслуживания. Как только выйдете из этого мавзолея и минуете несколько сборных кооперативов, сворачивайте направо. Ступайте дальше, пока не наткнетесь на небольшой отрегулированный ручей. Снова сворачивайте направо — по течению ручья. Минуете еще несколько более крупных строений. В конце концов, вы дойдете до депо. Гараж — большое строение совсем рядом, слева. Я встречу вас там с вашими роботами.

— А что будет, когда мы туда придем?

— Что будет? Послушай, малыш, нам надо стащить лендспидер или болотный вездеход. Или думаешь, мы пойдем за кристаллом пешком? Только не на этой планете. Увидимся на месте.

— Хорошо, — согласился Люк.

— Скорее, Люк! — звала его Принцесса, ожидая, что с минуты на минуту зайвится целое целое войско. Когда Люк не отозвался, она бросилась назад в камеру, схватила его за руку и потянула за собой. Он с готовностью последовал за ней, все еще оборачиваясь назад к окну, которое уже оставила Халла.

Впереди послышался громкий шум, и Люк обеспокоенно произвел какие-то звуки.

— Что-нибудь не так? — спросила Принцесса, пытаясь разглядеть, что происходит впереди них, за углом.

— Это яземы.

— Судя по звукам, они развлекаются, — негромко сказала Лея после того, как внизу раздался особенно оглушительный грохот.

— Нам бы следовало попытаться выбраться отсюда без шума.

— С нашими тихонями яземами, как же. С тем же успехом можно было бы пожелать, чтобы здесь оказался эскадрон истребителей, — презрительно фыркнула Лея. Затем подняла поднос, провела им над замком камеры и бросила назад внутрь.

— Пусть поломают голову немного, — с удовлетворением объявила она.

— Пусть думают, что мы дематериализовали решетку. Граммела это не очень будет волновать, но кое-кто из его солдат забеспокоится. Я хочу, чтобы те, кто будет идти по моим следам, нервничали как можно больше.

Они вместе пошли вверх по коридору.

Хин и Ки ждали за вторым углом. Первый яззем стоял над обмякшими телами троих солдат. Он превращал в кашу четвертого солдата, используя при этом робота. Робот, которого он держал за ногу, разлетался на части почти так же, как человек.

У Ки руки были полны оружия, по-видимому, отобранного у выведенных из строя солдат. Люк поймал брошенный ему пистолет, то же сделала Лея, оба гуманоида тоже вооружились.

Ки быстро прислушался, повернулся и бросился к дальней двери.

— Нет, не сейчас! — запротестовал Люк. Он протянул руки, но в них остались только два клокоча коричневой шерсти. На яззема, похоже, это не произвело никакого впечатления.

— Этого я и боялся, — простонал Люк. Разнести дверь и ворваться внутрь — все это заняло у Ки какие-то секунды. Они последовали за язземом.

Большая комната была центром коммуникаций, наверное, связующим для всего храмового комплекса. Ки метался по комнате, бешено поливая все вокруг огнем из оружия, которое держал в одной руке, а другой круша и приборы, и операторов с небрежным безразличием к тому, протестовала его мишень или была неорганической.

Люк метался следом за Ки, крича на языке язземов: — Нам надо выбираться отсюда, Ки! Послушай меня!

Бесполезно. Это создание не подчинялось доводам рассудка. Люк покинул комнату. Когда он выходил, прямо над его головой в стену ударил энергетический заряд. Упав на колено, Люк круто развернулся и выстрелил из пистолета, уложив имперского солдата, целившегося в него из отводного коридора. Лея остановила второго в середине, а оставшиеся двое, продолжая стрелять, нырнули в укрытие.

— Начинают появляться солдаты, Люк! — крикнула Лея. — Мы не можем здесь оставаться... нам надо уходить.

— Я вижу, — нервно отрезал Люк. Он снова прижался к стене и стал трясти Хина, чтобы привлечь его внимание: — Давай, Хин, пошевели мозгами, а не спиной, для разнообразия!

Огромный язем угрожающе зарычал на Люка. Однако Люк не позволил себя запутать: — Я знаю, это гнусное, вонючее место. Я сам был бы рад взорвать его ко всем чертям и уйти, но нас здесь немного превосходят в численности.

Хин обнажил острые клыки и схватил Люка за горло. Люк решительно смотрел на его мохнатую физиономию. Неожиданно рука отдернулась, и Хин медленно кивнул головой, издав извиняющееся ворчание.

— О'кей, — вздохнул Люк. — Иди приведи Ки. — Еще один удар разбил камень над ними, и Люк обернулся, собираясь отстреливаться. Проход стал заполняться воинами Империи. Люк отступил вниз по холлу, зовя: — Идем, Лея! Под прикрытием его огня остальные бегом присоединились к нему. Затем они вдвоем с Леей прикрывали отступление язземов.

Как только Ки появился из коммуникационной, дверную раму позади него сотряс мощнейший взрыв. Из разбитого портала вырвались дым и пламя, опалив черный мех яззема, но это помогло скрыть их от собиравшихся солдат.

У Хина для Люка был сюрприз, и он с выжидательным видом протянул его Люку.

— Мой лучевой меч! Где ты его нашел? — Язем объяснил, что солдату, у которого находился меч, он уже не понадобится.

Люк пристегнул свою семейную реликвию к поясу, и все четверо помчались к выходу из здания, оставляя за собой кровь и смятение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Граммел ворвался в коридор, за ним по пятам следовали несколько солдат. Капитан-надзиратель застегнул, наконец, брюки и заорал на собравшуюся толпу штурмовиков:

— Клянусь двойными лунами, что здесь происходит?

— Ложитесь, ложитесь, сэр! — отчаянно закричал ему один из унтеров.

— Это еще зачем, ты, идиот? — рявкнул Граммел. — Ты что, не видишь, им главное — удрать отсюда, а не прикончить вас тут? — Вытащив из кобуры пистолет, он схватил стоявшего рядом сержанта. — Иди туда, — велел он унтеру, показывая пистолетом на коммуникационную, — и скажи, пусть перекроют выходы. Никто не войдет и не выйдет из комплекса, пока я лично не дам добро.

— Есть, капитан-надзиратель! — сержант ринулся вон из помещения, а Граммел повел теперь целую армию вооруженных солдат вверх по дымящемуся холлу.

Очень скоро из коммуникационной появился сержант и крикнул, что всякая связь прервана, а в самом помещении одни мертвые или умирающие. Но Граммел был уже за пределами слышимости. Сержант помчался вслед за ним.

Люк предостерегающе поднял руку, и трое беглецов остановились: — Выход там, — сообщил он, указывая за угол.

Впереди были двойные прозрачные двери, ведущие на ставшую теперь желанной мокрую землю. По одну

сторону двери за столом сидел солдат без доспехов и что-то писал.

— Они еще не слышали сигнала тревоги, — прошептал Люк.

— Это ненадолго, — со знанием дела заявила Принцесса. — Он там не один. — И она указала на двух охранников, блокировавших вход. Помимо пары тяжелых ружей, каждый был в изобилии снабжен всяческими устройствами.

Люк прислонился к стене, лихорадочно соображая. Путь по открытому пространству до дверей был неблизкий.

— Мы могли бы прикрыть язземов, — предложила Принцесса. — Если им удастся вывести из строя того, что за столом, до того, как он поднимет тревогу...

— Нет, — возразил Люк. — Слишком рискованно. Если охранники — хорошие стрелки, Хин и Ки оба погибнут. Может быть, если мы с тобой спрячем оружие и притворимся, что у одного из нас беда...

— Так, — продолжал он, — мы могли бы поднять здесь шум, может быть, это отвлечет одного из них или даже обоих от кнопки сигнала тревоги...

Хин и Ки еще с минуту слушали, что говорят люди, затем обменялись взглядами. Хин рыкнул, и Ки кивнул в ответ.

От пронзительного, рвущего слух вопля Лея и Люк подскочили. Размахивая свои огромными руками и потрясая тяжелыми ружьями, как игрушками, двое язземов косматой лавиной ворвались в коридор.

Эта тактика была, быть может, грубой, но зато действенной. На мгновение все трое стражей были парализованы при виде нависших над ними гигантов. За столом солдат в форме трясущимися руками нажал две кнопки, и обе не те.

Хин набросился на первого охранника прежде, чем тот успел поднять свое тяжелое оружие. Оно выстрелило и прожгло огромную дыру в полу. Не тратя время на то, чтобы разоружить беднягу, Хин принялся разрывать его на части.

Ки поднял пульт вместе с консолями коммуникаций и швырнул его в сидевшего за ним перепуганного солдата. Второй охранник, наконец, отстегнул свое тяжелое оружие. Он прицеливался в того из неистовствовавших язземов, что был ближе к нему.

— Ки, берегись! — на бегу закричал Люк — они с Леей мчались за угол и через альков. Разряд энергии наполнил ионами воздух над головой яззема и взорвался, ударив в дальнюю стену. Люк уложил охранника одним выстрелом из своего пистолета.

К этому времени Принцесса добралась до дверей и отчаянно дергала ручку: — Бесполезно, Люк! Она должна приводиться в действие дистанционным управлением. Наверное, оттуда, — она показала на разбитый пульт.

Люк огляделся и стал шарить по телу убитого им солдата. К его поясу были прикреплены две гладкие, размером с ладонь канистры, и Люк осторожно отцепил их.

Взявшись за дело со своей стороны, Хин сорвал шлем с убитого им охранника. Надев его на свой кулак, он стал бить им по прозрачным дверям. Но несмотря на невероятную физическую силу яззема, металл, казавшийся хрупким, отказывался ломаться.

— Так не пойдет, Хин, — наконец, сказал ему Люк, поспешно подойдя и встав рядом. — Закаленное вещество... Ты его никогда не пробьешь. Ступай за угол. И ты тоже, Принцесса.

Лея не стала спорить. Вместе с двумя язземами она побежала в укрытие за тем углом, откуда они приняли атаку.

Люк повернул диск счетчика наверху канистры, перевернул маленький цилиндр и установил диск на его дне в соответствующее положение. Просунув его в место соединения двух дверей, он бросился бежать к своим товарищам. Прошло несколько секунд.

Взрыв прозвучал так, словно прямо у них за спиной ударила молния. Из-за угла вырвалось зеленое пламя и тут же превратилось в едкий дым.

Осторожно выглянув из-за стены, они увидели, что обе двери и часть фундамента здания исчезли.

— Они усовершенствовали эти штуки, — профессиональным тоном констатировал Люк. Принцесса не стала ждать, пока дым рассеется. Она уже прокладывала путь к свободе сквозь дымящиеся обломки. Хин и Ки шли за ней по пятам.

Над головой Люка прозвучал выстрел, и он пригнулся, заколебавшись. Лея уже добралась до зияющей ды-

ры, где раньше был выход. Она помедлила, обернулась и тревожно замахала рукой: — Пойдем, Люк!

Но Люк был занят. Став на колени на пол, среди непрерывно бивших вокруг него разрядов, он активировал три оставшиеся из взятых им канистр. Один разряд энергии ударил в опасной близости от него, и Люк заморгал. Затем он быстро пустил канистры катиться вниз по коридору, а сам вскочил и со всех ног бросился бежать за своими товарищами.

Граммел и его отряд резко затормозили, увидев, что в их направлении катятся канистры, невинно позвякивая друг о друга. Коридор опустел с прямо-таки невероятной быстротой.

Люк промчался через взорванный вход, громко считая вслух. При счете “шесть” он бросился на землю и прикрыл голову руками. Внутри храма раздались три ужасающих взрыва, и во все стороны полетели обломки современного металла и древнего камня.

Когда обломки, наконец, перестали сыпаться, Люк поднялся на ноги и побежал дальше. Лея и язземы вышли из-за деревьев, служивших им укрытием, и бросились ему навстречу.

— Ничего не сломано, — заверил их Люк в ответ на невысказанный вопрос. Он стряхнул грязь и осколки пластика с комбинезона. — Но чувствую я себя так, словно я весь в грязи с головы до ног.

— Странно, — голос Принцессы выдавал напряжение, — я себя чувствовала точно так же, когда Граммел смотрел на меня, — она жестом указала назад. — Во всяком случае, мы на пару минут задержали погоню.

Люк обернулся. Весь вход в здание обрушился. Дым и пламя вырывались из трещин в стенах и крыше. Из города зазвучали сирены и сигналы тревоги.

Двигаясь быстрым шагом, причем язземы старались подлаживаться под шаги людей, беглецы отправились в направлении, указанном Халлой. В конце концов, они нашли ручей и торопливо направились вдоль по течению. Довольно скоро они добрались до станции техобслуживания, оказавшейся более крупной и впечатляющей, чем того ожидал Люк. Уже стемнело. Огромное безмолвное пространство было заполнено массивными узлами горного оборудования и переносными транспортерами, некоторые из них были в различных стадиях разрушения.

— Ничего не вижу, — шепнул Люк.

К Принцессе, стоявшей рядом, вернулась былая подозрительность: — Как ты думаешь, она не могла уйти?

Люк бросил на нее раздраженный взгляд: — Она рисковала жизнью, чтобы вытащить нас из тюрьмы.

— Даже признанные герои могут впадать в панику, — последовал холодный ответ Принцессы.

— Я действительно запаникую, — прозвучал голос, от которого все вздрогнули, — если мы не уберемся отсюда, и чем скорее, тем лучше!

— Из теней, окутывавших огромный сборочный ангар по левую руку, появилась Халла. За ней следовали две фигуры, одна похожая на гуманоида, другая — нет.

— Трипио... Арту!

— Мастер Люк! — позвал Трипио. — Мы так волновались, что вам не удастся вырваться на свободу. Ох!

Трипио уставился на две скорчившиеся носатые фигуры за спиной Люка и Принцессы.

— Не волнуйся. Это Хин и Ки, язземы. Они с нами. — Арту вопросительно загудел. — Я знаю, Арту, вид у них диковатый, но они помогли нам бежать. — В ответ раздался довольный свист.

Халла с восхищением смотрела на Люка: — Что ты там сделал, мальчик? — В ответ на ее вопрос прозвучал отдаленный взрыв со стороны штаба в храме. — Звук такой, словно сама шахта взлетает на воздух.

— Я просто попытался немножко задержать погоню, — скромно объяснил Люк. Очередной взрыв заставил их слегка вздрогнуть. Столб желтого дыма осветил ночное небо, прорвав туман. — Похоже, я чуть-чуть перестарался.

Халла повела их внутрь открытого ангара, направляя их путь между длинными рядами массивных предметов, к открытой машине, возвышавшейся на многочисленных надувных колесах. Они забрались внутрь. Халла устроилась за пультом управления: — Сначала я не знала, как запустить этого зверя, — сообщила она, — но твой маленький друг позаботился об этом. Арту, давай запускай нас.

Приземистый робот класса Диту подъехал вперед. Вытянув руку, он вставил свой инструментальный сенсор в закодированный, запертый замок зажигания. Двигатель тут же с ревом ожил.

— Временами, — вынужден был признать Трипио, — от него все же есть какая-то польза.

— Ты уверена, что можешь вести машину такого размера? — осведомилась Принцесса у Халлы.

— Нет, но любую машину меньшего размера я умею водить, а учусь я быстро, — Халла дотронулась пальцем до какой-то кнопки, и вездеход прыжком рванул вперед, набирая скорость с быстротой, поразительной для такой громоздкой машины. Они вылетели из ворот ангара, чуть не сбив нескольких механиков, направлявшихся к ним, чтобы выяснить причину шума двигателя. Они разбежались в стороны, а один в бешенстве и с отвращением бросил им вслед свою каску. Остальные побежали сообщить начальству.

Халла резко повернула руль. Они прорвались через проволочную ограду. В считанные секунды твердая почва уступила место болоту и джунглям. Халла направляла вездеход над болотом, сквозь кусты, мимо деревьев, беспечно игнорируя, где они будут мчаться — по твердой земле или бездонной трясине.

Так они летели с полчаса, в сплошной тьме, прорезавшейся лишь многочисленными противотуманными фарами вездехода. Люк положил, наконец, руку на плечо Халлы, сдерживая ее: — Я думаю, мы теперь можем притормозить, — сказал он, бросив взгляд в том направлении, откуда они прибыли. По крайней мере, в его представлении это было в той стороне. Халла сделала столько поворотов и разворотов во время их отчаянного бегства, что он не был ни в чем уверен.

— Да, помедленней, — настойчиво попросила Принцесса. — Вполне возможно, что Люк не оставил там никого, кто был бы в состоянии немедленно отрядить за нами погоню.

Халла откинула прядь седых волос, падавших ей на глаза, и постепенно замедлила ход. Пользуясь фонариком на гибком кронштейне, установленным с ее стороны кабины, Халла стала шарить им сквозь туман, пока не осветила группу высоких кустов. Заведя в них вездеход, она выключила зажигание, оставив только свет внутри кабины.

— Ну, вот, — устало воскликнула она, откидываясь назад на водительском сидении. — Даже если они идут прямо за нами, против чего я могу поспорить, им придется потратить немало времени, чтобы нас обнаружить.

Огни кабины мрачно светились в мягком клубящемся тумане.

За их спиной раздалось вопросительное чириканье.

— Ки спрашивает, есть ли у нас какая-нибудь еда, — сказал Люк. Снова раздалось рычание. — Хин тоже этим интересуется.

— Покажите мне яззема, который не был бы вечно голоден, — заметил Халла. Повернувшись, она указала в сторону заднего сидения машины:

— Вон там, сзади, ящик. Там полно припасов. — Халла позволила себе лукавую улыбку. — Я хорошенько обследовала этот двор, прежде чем остановиться именно на этом вездеходе. Он заправлен до отказа, и мы можем кататься на нем неделями. На борту полно еды и снаряжения. С водой на Мимбане проблем вообще не бывает, если позаботиться о том, чтобы поубивать существ, которые в ней живут, а потом уже пить.

— Впечатляет, — признала Принцесса. — Как такому человеку, как ты, я хочу сказать, не имеющему никаких полномочий, удалось организовать кражу полностью экипированной и дорогой машины вроде этого вездехода?

— Вы здесь явно приезжие, — заявила Халла. — Здесь ничего не охраняется, если оно по размеру больше портфеля. С какой-то крупной вещью тут просто некуда скрыться. Единственный путь с планеты — под контролем Империи, а они проверяют все, что сюда садится, и особенно — все, что взлетает. Так что кто угодно может удрать с вездеходом вроде этого или грузовиком. Но попробуй только стащить маленькую деталь от дрели! Нет, у любого вора есть только одно место, куда бежать, и это — назад в один из пяти шахтерских городов... к Граммелу.

Принцесса кивнула: — Я и сама проголодалась. А ты, Люк?

— Одну минуту, — пока Лея пересела, чтобы раскопать им что-нибудь поесть, Люк обернулся к Халле: — Сколько, ты считаешь, нам придется ехать, чтобы добраться до храма, где должен быть кристалл?

— Судя по тому, что сказал тот туземец... Ах, да, будет больше смысла, если ты сам увидишь. — Халла полезла во внутренний карман своего костюма и вытащила небольшую папку, раздувшуюся от бумаг. Порыв-

шись в ней, она в конце концов выудила одну и развернула перед Люком.

Он принялся разглядывать рисунок в тусклом свете лампы вездехода: — Ничего не могу разобрать.

— Я не художник, — огрызнулась Халла, — и туземец тоже.

— Нет, не художник, — в тумане Люк пристально смотрел на эту загадочную старуху. — Так кто же ты, Халла?

Широкая улыбка обнажила зубы Халлы: — Я тщеславна, мой мальчик. Тебе достаточно знать только это. — Подобрав карту, она проверила какие-то приборы на пульте, потом указала рукой в темноту.

— Неделя или десять дней пути на вездеходе по местному времени.

— И всего-то? — изумился Люк. — Так близко к шахте? Мне думается, корабль на низкой высоте без труда может засечь его.

— Даже если сможет, сквозь этот суп, — сообщила ему Халла, — это не значит, что он тут же рванется к нему. Здесь, в непосредственной близости от шахтерских городов находится добрая сотня храмов, и еще полно разбросанных по всем джунглям неподалеку. Так чего с ними возиться? И потом, в пяти метрах от храма может промаршировать тысяча людей и даже не заметить его.

— Понимаю, — Люк откинулся на сидении, размышляя. — А что это вообще за место? Похоже на тот храм, который Граммел и его люди облюбовали для своего штаба?

— Этого никто не знает, даже туземцы. Ни один человек никогда еще не видел храма Помоджемы. Не забудь, что у туземцев, строивших храмы, были тысячи богов и божков. И у каждого было свое святилище.

— Судя по архивам, — продолжала Халла, — в которые мне удалось заглянуть, — они никак не систематизированы, ничего, — этот Помоджема был малым божеством, но при этом мог давать своим жрецам способность творить чудеса. Исцеление больных и прочие фокусы в этом роде. Конечно, предполагалось, что половина мимбанских богов могла творить чудеса. Никто не хочет, чтобы у соседского бога репутация был лучше, чем у твоего собственного. Но что касается этого По-

моджемы, тут в легендах может быть доля правды. И основой таких легенд мог служить кристалл Кайбурр.

— Если этот граммеловский Эссада до него доберется, — расстроенно пробормотал Люк, — он станет разрушительной, а не целительной Силой.

— Халла нахмурилась: — Эссада? Кто такой этот Эссада? — Она перевела взгляд с Люка на Принцессу: — Вы что-то от меня скрываете?

— Правитель Эссада, — сказала Принцесса, спокойно задвигавшись при упоминании этого имени.

— Правитель? Имперский правитель?! — Халла явно все больше приходила в расстройство. Люк кивнул. — За вами охотится Правитель Империи? — Люк снова кивнул.

Халла круто развернулась на сидении и завела мотор: — Экспедиция отменяется, мальчик! Начисто! До меня доходили слухи о том, что Правители могут приказывать сделать с обычными людьми. Я не хочу в этом участвовать.

— Остановись, Халла! Перестань! — Люк боролся с ней за пультом управления. Он был физически сильнее и в конце концов победил — Халла заглушила двигатель. — Арту, не смей его снова заводить, пока я не разрешу. — Прозвучало “бип” в знак согласия.

Халла сдалась и устало опустилась на сидение. — Оставь, мальчик. Я старая женщина, но во мне еще осталось немного жизни. И я не хочу пустить ее по ветру. Даже за возможность получить кристалл.

— Халла, нам придется найти кристалл, и мы должны сделать это до того, как нас схватит Граммел, либо этот правитель или его представитель прибудет на Мимбан.

— Граммел, — понимающе пробормотала Халла. — Он, наверное, понял важность осколка, который у вас отнял. Он, видимо, связался с этим Эссадой.

— Да, — признался Люк, — но я не уверен, что он понимает, в чем ценность кристалла, и этот Эссада — тоже. Но мы не можем этим рисковать. Мы должны найти кристалл первыми, потому что, если нас поймают, они узнают о нем от нас... как бы мы ни старались скрыть эту тайну.

— Это так, — согласилась Халла.

— А если мы не сможем бежать с ним, — безжалостно продолжал Люк, — нам придется уничтожить его. Нельзя допустить, чтобы он попал в руки Граммела.

— Семь лет, мой мальчик, семь лет, — бормотала Халла. — Я не могу обещать, что если мы найдем его, я буду готова превратить его в пыль.

— Хорошо, — согласился Люк. — Давай считать, что об этом мы сейчас волноваться не будем. Самое важное — найти его до того, как нас найдет Граммел.

— Неделя или семь дней, — напомнила Халла, — и то если поверхность не окажется слишком непроходимой, и у нас не будет хлопот с туземцами.

— С какими туземцами? — на Принцессу все это не произвело никакого впечатления. — Не с этими же жалкими созданиями, которых мы видели там, в городе, когда они ползали и выпрашивали выпивку?

— Некоторые туземные расы Мимбана не были погублены контактом с человеком, — сказала Халла. — Далеко не все они так деградировали, как зеленушки. Некоторые из них умеют и будут сражаться. Имей в виду, что этот мир фактически не исследован. И никто на самом деле не знает толком, что там снаружи, — она махнула рукой в ночь, — вне пределов непосредственной близости к шахтерским городам. Ни археологи, ни антропологи... никто.

Рядом с городами уже сделано достаточно открытий, чтобы имеющаяся здесь маленькая научная станция была занята по горло, девочка. У них нет ни времени, ни необходимости выходить и копать в этой грязи в поисках образцов новых. Нет, коль скоро эти образцы сами захаживают в города.

— Мы поедем в такие места, — продолжала она, — заглядывать в которые раньше ни у кого причины не было, и вполне вероятно, что мы можем наткнуться на существа, с которыми раньше никто не сталкивался. Это цветущий, здоровый мир. А мы — вполне приличный кусок мяса. Мне случалось видеть изображение некоторых мимбанских плотоядных. Описание их методов поглощения пищи ничуть не красивее их самих.

Она обернулась к Люку: — Посмотри под сидением, мальчик. — Люк повиновался и нашел отделение, где лежали два автомата-бластера и четыре пистолета. — Они все заряжены, — сообщила им Халла, — чего нельзя сказать о тех, с которыми вы вырвались на волю.

Люк вынул автоматы и вручил их язземам, которым не составило бы труда справиться с таким громоздким оружием. Затем он дал по пистолету Лее и Халле,

оставил один себе. Четвертый остался лежать в отделении.

Хин принялся с видом экспериментатора осматривать оружие. В этой модели предохранитель был установлен прямо у курка. Слишком близко для толстого пальца яззема. Хин обеими руками особым образом надавил на предохранитель. Тот соскользнул. Хин сдвинул его на другую сторону и с удовлетворением потрогал курок большим пальцем.

Люк задумчиво направил свой пистолет на близлежащий кустарник, прицеливаясь. Он притронулся к пусковой кнопке, и в короткой вспышке света кусты растворились. Довольный новым оружием, он поставил пистолет на предохранитель и пристегнул к поясу.

Ему надо было сделать еще кон-что. Вынув привезенный с собой пистолет, он вскрыл его рукоятку. Переключив управление терминала с "заряда" на "тягу", он присоединил его к соответствующим терминалам в эфесе своего меча.

Откинувшись, Люк молча всматривался в туман, а древнее оружие отца наполнялось энергией.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Заменив костный мозг, врач срастила кость и уложила вокруг нее мышцы, мясо и кожу, чтобы все зарастало. Приток эпидермы завершил операцию — теперь новая кожа приживется и не отпадет по кусочкам в ближайшем будущем.

Несмотря на то, что местная анестезия, примененная врачом, была очень сильной, ее действие заканчивалось. Правая рука капитана-надзирателя Граммела по-прежнему ничего не чувствовала, но он мог ее видеть. Левой рукой он приподнял восстановленную конечность к свету и перевернул ее, чтобы посмотреть, как там другая сторона.

Он осторожно попробовал сгибать пальцы. Реакция была совсем слабой, но она была.

— Необратимого повреждения нервов не было, — сообщила врач после того, как Граммел вышел из хирургической кабины лазарета. Капитан продолжал разглядывать руку. — Уложить нервы на место было нетрудно, и кость срослась гладко. Рука у вас теперь как новая. Дней через пять она и действовать будет как новая. Единственная вещь. — Капитан-надзиратель взглянул на врача, — Она никогда не будет потеть. — Продолжая складывать свои инструменты, врач рассказывала: — Если бы такие же повреждения были у вас не только в предплечье, а, например, во всей верхней части правого бока, мы вынуждены были бы снабдить вас хотя бы одной серией искусственных проводников пота. Но при радикальной реабилитации вашего правого предплечья организм компенсирует потерю очень легко.

Она протянула руку и изучающе потрогала правую сторону лица Граммела: — Как вы слышите этим ухом?

— Нормально, — коротко бросил Граммел. — Вы сильный специалист, доктор. Я прослежу, чтобы вы получили хорошую награду.

— Есть один способ это сделать.

— Что бы вы хотели?

Врач сняла свой испачканный, в пятнах, халат и снова принялась аккуратно раскладывать инструменты по нужным ящичкам. Она была старой женщиной, и зрение и слух у нее уже были не те, что прежде. И уж, конечно, не такими острыми, как у капитана-надзирателя, даже при том, что в его восстановленное ухо она вставила новую барабанную перепонку.

Бедная женщина, она когда-то позволила, чтобы ее скромные таланты использовала Империя. Это часто случалось с людьми, которым было уже все равно, жить или умереть. Ей было все равно с тех пор, как один молодой человек погиб в страшной лэндспидерной катастрофе лет сорок назад. Тут вмешалась Империя и предоставила ей если не повод для продолжения жизни, то хотя бы возможность приносить пользу вместо того, чтобы умереть.

Она искоса посмотрела вверх на Граммела: — Не казните этих шестерых солдат. Тех, из дальнего отделения тюрьмы.

— Удивительное требование для награды, — Граммел размышлял. — Нет,

— очень серьезно ответил он, увидев выражение ее лица. — Думаю, что нет. Это исходит не от вас. Я вынужден отказать.

Он провел рукой по темному шву, сбегавшему с верхней части его наполовину выбритой головы по восстановленному уху и исчезавшему, наподобие лески, в нижней части челюсти. Вдоль этого шва была введена органическая суспензия. Она поможет поддерживать на месте челюсть и позволит ей нормально функционировать, пока эта сторона лица полностью не зарастет. Когда процесс заживления завершится, шов полностью рассосется.

— Они оказались некомпетентными, — закончил Граммел.

— Им просто не повезло, — твердо возразила врач. Она была чуть не единственным человеком на Мимбане,

отваживавшимся спорить с Граммелом. Целители обычно могут позволить себе быть независимыми. Те, у кого мог возникнуть соблазн ругаться с врачами, никогда не знали, когда им потребуется их помощь. Граммел считал, что заплатить мелким препирательством за страховку от случайного сбоя агрегата для сращивания костей было совсем недорого.

Отвернувшись от женщины, он принялся изучать свое отражение в зеркале: — Шестеро дураков. Они позволили узникам сбежать.

Как обычно, врач никак не могла прочесть мысли Граммела. Вполне возможно, что он любовался шрамом, шедшим параллельно наложенному ею шву. Большинство мужчин пришли бы от него в ужас. Однако у Граммела были свои представления об эстетике.

— Двое язземов, — напомнила врач, — если они пользуются помощью людей, это сочетание победить очень сложно. Особенно, если у них была подмога извне.

Граммел обернулся к ней: — Именно это меня и тревожит. У них должна была быть помощь извне. Побег был совершен слишком чисто, слишком гладко, чтобы это было не так. Особенно для чужеземцев. Но вы так и не привели мне уважительной причины, почему я должен отменить казнь шестерых охранников.

— Двое из них изуродованы на всю жизнь, — сказала врач, — а остальные изувечены шрамами, вылечить которые не в моих силах. Ваши ресурсы здесь далеко не безграничны, капитан-надзиратель. Если вы намерены прочесывать районы близ всех городов, вам понадобится каждый человек, который может ходить. Кроме того, сочувствие заставляет людей работать лучше, чем страх.

— А вы романтик, доктор, — заметил Граммел. — Но несмотря на это, ваша оценка моих ресурсов вполне точна. — Он повернулся, чтобы выйти из комнаты.

— Значит, вы отмените приказ о казни? — вслед ему спросила врач.

— У меня нет выбора, — признался Граммел. — С цифрами не спорят. — Дверь за ним бесшумно затворилась.

Доктор вернулась к своему белому святилищу удовлетворенная. Ее задачей было спасти людские жизни. И когда ей удавалось этого добиться в ситуации, где

был замешан Граммел, у нее возникало настоящее чувство победы.

Дни шли — четыре, пять, потом шесть.

Утром седьмого дня Люк скользнул в кресло рядом с Халлой. Старая женщина настояла на том, что сейчас ее очередь управлять машиной, и ни Люк, ни Лея не смогли отговорить ее от этого.

— Ты сказала — семь дней, — наконец, решился Люк. Голос его звучал ровно.

— Или десять, — приветливо отозвалась она, продолжая все свое внимание сосредоточивать на земле перед ними. Она изо всех сил старалась создать впечатление, что возраст не ослабил, а закалил ее способность проникать сквозь туман.

Совсем рядом над ними нависли гнутые ветви огромных деревьев. Халла прокладывала извилистую тропу между толстыми корнями.

Лея отдыхала сзади на одном из сидений с водоотталкивающими подушками, грызя продолговатый кусочек какого-то плода, обнаруженный ею в одном из ящиков с провизией. Плод поблескивал в тусклом свете дня. Он был покрыт каким-то консервантом, придававшим ему медовый блеск.

— А ты уверена, что мы едем в правильном направлении?

— О, здесь невозможно ошибиться, девочка, — твердо сказала Халла.

— Но расстояние может быть немного неточным. У зеленушек есть манера говорить то, что от них хотят услышать. Может быть, тот, кто проболтался мне, думал, что если скажет, что храм Помоджемы находится на расстоянии месяца пути вместо недели, я не дам ему его вожденную бутылочку метанола.

— Может быть, — предположила Принцесса, — он сказал тебе, что этот храм существует тоже потому, что так думал. Может, этого храма и вовсе нет.

— Но у нас же есть в доказательство кусочек кристалла, — заметил Люк. — Во всяком случае, был. — Вид у него был подавленный.

— Ну, ну, Люк, мой мальчик, — утешила его Халла, — ты ведь он сказал, что ничего не мог поделать.

— А ты уверен в свойствах кристалла, Люк? — с сомнением спросила Принцесса.

Люк медленно кивнул: — Я не мог ошибиться, Лея. Это движение внутри меня, когда я к нему прикоснулся... я такое раньше испытывал только в присутствии Оби-вана Кеноби, — он пристально смотрел наружу, во влажную зелень. — Это странное чувство, словно в голове разбиваются волны и пронизывают все тело.

— О'кей, тогда кристалл в первую очередь, — Лея обернулась и посмотрела в лицо Халлы. — Но потом мы должны выбраться с этой планеты. Если ты нам поможешь, Халла, Союз даст тебе любую награду, какую захочешь.

— О, на это вы можете рассчитывать, — отозвалась Халла, — я сделаю для вас двоих все, что смогу. — Она услышала “бип” Арту и добавила: — Простите... для вас четверых. Но я не хочу иметь ничего общего с повстанцами. Я не разбойница.

— Мы тоже не разбойники! — воскликнула разъяренная Лея. — Мы революционеры и реформаторы.

— Значит, политические разбойники, — отпарировала Халла.

— У Империи весь штат набит бандитами.

Старая женщина, умудренная годами, усмехнулась в ответ Лее: — Я не философ, детка, и растеряла весь комплекс мученицы, который мог у меня быть лет сорок назад.

— Ну, хватит вам, — с беспокойством вмешался Люк.

— Думаешь, она права? — спокойно спросила Принцесса.

— Лея, я...

— Ну, мальчик? — Халла выжидательно смотрела на него.

От необходимости отвечать Люка избавил толчок, бросивший всех на левый борт вездехода. Халла тут же отреагировала, повернув все шесть колес в противоположном направлении. Опираясь на борт, Люк на мгновение испугался, увидев, как переднее колесо погрузилось во что-то, напоминающее по консистенции жидкую кашу.

Но вездеход был хорошо спроектирован. Полный привод и мощный двигатель вытащил их. Халла нагнулась на минуту над колесом, потом стала рассматривать почву впереди них. Между пятнами предательской трясины лежал более светлый участок земли. Снова тро-

нувшись с места, вездеход влез на более твердую почву.

— На Мимбане каждую минуту приходится быть начеку, — заявила Халла. — Это сумасшедший мир, где сама земля — твой самый страшный враг. — Словно в ответ земля под ними задрожала. Люк нахмурился и заглянул за борт.

— Насколько устойчив этот регион? — с беспокойством спросила Принцесса.

— Сначала ты хочешь, чтобы я была философом, теперь — сейсмологом, — язвительно сказала Халла. — Устойчив? Я знаю столько же, сколько и ты, детка. Здесь поблизости нет вулканов, но...

Она вдруг застыла, успев затормозить.

— Я знал, что землетрясение — не то слово, — констатировал Люк.

Твердая, извилистая почва, по которой они двигались, внезапно поднялась впереди них, повернулась назад и теперь недоуменно смотрела на них.

— Да хранит нас Сила! — взвизгнула Халла, разворачивая вездеход на центральном колесе и пуская его мчаться с бешеной скоростью в обратном направлении.

У светло-бежевого с коричневыми полосками колоса не было ничего, отдаленно напоминающего глаза. Вместо этого тупой конец, закручивавшийся по направлению к ним, мог похвастаться набором разбросанных в беспорядке тусклых черных пятен, похожих на глаза паука.

Неровный разрыв под черными шарами был единственной чертой, которую можно было распознать. Теперь он раскрылся, обнажая угольно-черные зубы. Посаженные концентрическими кругами, они обрамляли глотку, казавшуюся бездонной.

Оба яззема отчаянно чирикали и стреляли в огромное тело столь же беспорядочно, сколь неэффективно. Их ружья оставляли тонкие черные ручейки на анемичной плоти, но не проникали достаточно глубоко, чтобы нанести серьезные повреждения. Люк вынул свой пистолет и стал стрелять, Принцесса — тоже. Их выстрелы скользили по спине и бокам чудовища, не причиняя ему ни малейшего вреда. Трипио и Арту отчаянно цеплялись за вездеход.

— Уондрелла! — кричала Халла. — Это уондрелла! Мы пропали!

Огромная раздутая голова все еще неуклюже закручивалась в их сторону. Теперь они ехали по твердой земле, а не по спине чудовища. Но болотный вездеход был создан для устойчивости и надежности, а не для быстроты передвижения.

Ветви и целые стволы разлетались, когда голова, зондировавшая почву, закручивалась им вслед, а за ней тащилось огромное, как поезд, тело этого Гаргантюа. Из-под массивных ног чудовища раздавались густые, чавкающие звуки — оно вздымалось горбом, двигаясь вслед за ними. Перемещалось оно медленно, но с каждым рывком покрывало по несколько метров. И оно шло неуклонно прямым путем, в то время, как вездеходу приходилось петлять, объезжая деревья и лужи бездонной трясины. Чудовище подобралось так близко, что Люк и остальные в отчаянии собрались в передней части вездехода.

— Целься в глаза! — приказал Люк.

Все последовали его приказу, и на этот раз выстрелы имели больший эффект. Несколько разрядов попали в парочку черных кругов и основательно повредили их. В глубине существа заклокотал и вырвался наружу глухой рокот — тоскливый, стонущий раскат грома. Отчасти это было смятение, отчасти — почти неосознанная боль.

К этому времени стало ясно, что нервная система уондреллы была либо слишком примитивна, чтобы энергетический огонь мог нейтрализовать ее в одну минуту, либо слишком ровно распределена по ее массе и потому лишена каких-либо жизненно важных центров.

Поднявшиеся в воздух десять метров передней части монстра упали, как огромное белое дерево. Халла попыталась увернуться, и вездеход налетел на толстый гниющий ствол. Первое колесо толчком вскарабкалось на него, и все находившиеся в машине покатались по полу кабины, но второе застряло. Они повисли, ствол зацепил их между первым и вторым мостом, и тут кошмарный торс обрушился на них.

Широко раскрывшись, черная пасть вцепилась и крепко сомкнулась вокруг задней части машины. Хватка была поразительно цепкой для такого резинообразного существа. Отдавать приказ покинуть машину не было надобности. Это стало ясно в один момент.

Ки спрыгнул последним, задержавшись, чтобы еще раз выстрелить в приоткрытое горло. Едва он успел

соскочить, как вездеход поднялся в воздух. И только сверхдлинные руки помогли Ки ретироваться целым и невредимым.

А потом они мчались в поисках убежища, но его нигде не было. Не было ни гор, на которые можно было бы взобраться, ни пещер в склонах холмов, а им еще приходилось выбирать путь, а не то казавшаяся твердой земля могла поглотить их с тем же успехом, что и гнавшийся за ними гигантский червь.

До них донесся хруст. Оглянувшись на бегу через плечо, Люк увидел, как уондрелла жует болотный вездеход, словно что-нибудь вкусненькое, только что сорванное с дерева. Аналогия была не напрасной. Если бы они попытались забраться на дерево в поисках спасения, их постигла бы та же судьба, что и несчастную машину. Единственный шанс был — найти хоть какое-то подобие убежища, спрятаться с глаз долой и молиться, чтобы нюх чудовища не оказался под стать его размерам.

Возможно, это существо принадлежало к настолько примитивному виду, что, не видя добычи, будет действовать по принципу “с глаз долой — из сердца вон”. Если оно потеряет их из виду, то есть надежда, что тупоумный монстр решит, что раз их нет, значит, они уже не существуют.

— Сюда! — внезапно решил Люк, повернул и помчался влево. Лея последовала за ним. Но Халла, немного опередившая их и зажатая между язвами наподобие бутерброда, не услышала Люка. Они продолжали бежать в прежнем направлении.

Прошло несколько минут, прежде чем уставшая Халла замедлила бег и оглянулась назад. Но обернувшись, она увидела только фосфоресцирующую колонну червя, скользившего сквозь туман на приличном расстоянии позади них.

Халла остановилась, знаком показав язвам сделать то же самое: — Оно ушло в другом направлении! — воскликнула она. Хин, пытая, как паровоз, кивнул в знак согласия. Все трое покосились на окружавший их туман.

— Люк, мальчик, дитя мое, — позвала Халла. — Можешь выходить. Оно отстало от нас. — Ответом были только безликие звуки тумана и писк из-под кустов. — Давай, Люк, мой мальчик, — прибавила Халла,

начиная уже слегка нервничать, — не надо так шутить со старой Халлой.

Пытаясь помочь, Ки издал громоподобный вопль, и Халле пришлось подпрыгнуть, чтобы заткнуть ему пасть рукой. Потом она приложила руку к своему рту и покачала головой, показывая на остаток хвоста уондреллы, исчезавший в кустах неподалеку. Ки кивнул в знак того, что все понял, и снова позвал пропавших товарищей, но более мягко, через хобот. Арту скорбно свистел.

— Люк! — снова позвала встревоженная Халла. Все втроем они принялись обшаривать близлежащие кусты. Через несколько минут, не обнаружив следов Люка и Принцессы, Халла созвала обоих язземов и посмотрела в том направлении, откуда они пришли.

— Не думаю, чтобы они попались... пока, во всяком случае. Они бежали прямо за нами, — Халла повернулась, и они пошли по своим следам назад в надежде, что Люку и Лее каким-то образом удалось избежать пасти чудовища.

— Они могут прятаться где-нибудь под деревом, — с надеждой отважился вставить Трипио.

Ни одно из предположений не было верным. Люка и Принцессу не проглотили, но им не удалось и отвязаться от своего бесформенного преследователя. Когда они покидали вездеход, уондрелла автоматически засекла движение. И как только выяснилось, что раздавленный болотный вездеход вовсе не возбуждает аппетита, Левиафан отправился в погоню за более мелкой и, как он надеялся, более удобоваримой добычей.

Вдруг еда таинственным образом разделилась на две порции. В примитивном представлении уондреллы вкуснее было то, что находилось ближе. Не обращая внимания на Халлу и остальных, она повернула вслед за Леей и Люком.

— Оно все еще гонится за нами, — сказал Люк, с трудом переводя дыхание. Массивный круг, обрамленный черными точками, толчками передвигался по болоту и низким зарослям следом за ними. Лея споткнулась об изгрызенный ствол, и Люк с трудом помог ей подняться.

— Я не знаю... сколько... смогу еще так... продержаться, Люк.

— Я тоже, — устало признался он, лихорадочно ища глазами хоть что-нибудь, что угодно, где они могли бы укрыться.

— Как насчет какого-нибудь дерева?

— Я уже думал об этом, — сказал Люк, пока они, спотыкаясь, бежали дальше. — Эта штука может стащить нас с самого высокого дерева или повалить его.

— Она приближается! — вскрикнула Лея, бросив взгляд назад. Ее голос уже срывался.

Люк краем глаза увидел нечто, напоминающее ровную гряду скал.

— Туда! — поторопился он Лею.

Они вскарабкались на скалы, оказавшиеся не естественным образованием, а искусственным сооружением. Каждый камень был обтесан в форме восьмиугольника и прилегал к соседним без видимых следов цемента или какой-то другой замазки. Над круглой стеной возвышалась странного вида тренога из дерева и сплетенных лоз, разрисованная красками.

— Похоже на какой-то ритуальный резервуар, — решила Принцесса, когда они, спотыкаясь, преодолевали последние метры до сооружения.

— Может, удерживает воду в сухой сезон. — Она оглянулась. Безжалостный бледный кошмар неуклонно продолжал следовать за ними.

Люк уже перекидывал через стену ногу, как вдруг случайно заглянул за нее и в ужасе отшатнулся. Каменная стена окружала яму добрых девяти-десяти метров в окружности. И хотя солнечный свет здесь был далек от яркого, просачиваясь сквозь туман и дождь, его было достаточно, чтобы разглядеть, что пропасть, разверзшаяся под ними, была устрашающей глубины.

Принцесса тоже бросила на нее взгляд, и у нее перехватило дыхание: — Люк, мы не сможем... Но он уже бежал по краю бездны, зовя ее: — Сюда, Лея! — Она поспешно подбежала к нему.

— Люк, мы не можем здесь оставаться... — он покачал головой и показал на что-то внутри стены. Перегнувшись, Лея увидела, что вызвало у него такое волнение.

Они стояли в том месте, где стена была вырублена. Срез обрамляла неразборчивая надпись на чужом языке. Маленькие колонны обвивали две лозы. Они спускались во тьму, переплетаясь и образуя некое подобие причудливой спиральной лестницы.

— Люк, я не знаю... — начала Лея.

Люк бросился на землю, схватил одну из лоз и потянул изо всех сил. Лоза не поддавалась. Позади них уондрелла был уже в пятнадцати метрах. Она раскрыла зубастую пасть. Из ее глубин вырвался низкий, леденящий душу вой.

Это решило вопрос для Люка: — У нас нет выбора, — настойчиво сказал он.

— Туда, вниз, Люк? — Принцесса покачала головой. — Мы не можем. Мы не знаем, что...

— Я лучше умру в темной дыре, — твердо сказал Люк, сурово глядя на нее, — чем попаду на завтрак какой-то твари. — И он стал спускаться по лестницы из лоз. — Иди сюда! — настойчиво поторопил он Лею снизу: — Оно схватит нас обоих. — Люк продолжал спускаться.

Бросив последний взгляд на дрожащую пасть, разверстую позади нее, Принцесса перебросила обе ноги через стену и стала спускаться в неизвестность. Пропасть была не такой черной, как ночь, но достаточно темной, и Люку приходилось нащупывать ногой каждую последующую ступеньку. Однажды он сделал слишком поспешный шаг и чуть не упал. Правой ногой он стал нащупывать следующую ступеньку.

Следующей ступеньки не было.

Он добрался до конца лестницы.

— Постой! — негромко крикнул он вверх Лее. Тихое эхо в яме придало его голосу какой-то замогильный оттенок. Он едва мог разглядеть снизу испуганное лицо Леи, когда она нагнулась, чтобы посмотреть на него.

— В чем дело? Что случилось?

— Конец лестницы. — Под ногами Люк мог разглядеть нескончаемую пустоту. Казалось, будто они и не спускались вовсе. Но когда его глаза привыкли к темноте, Люку почудилось, что он что-то видит в нескольких шагах вверху, чуть правее.

Взобравшись повыше, Люк соприкоснулся с ногами Принцессы. Успокоив ее, он подтянулся и ступил на шаг в сторону. Карниз, который ему удалось разглядеть, был от силы шириной в метр, но над ним к стене была прикреплена еще одна крепкая лоза, бегущая вдоль стены параллельно карнизу примерно на уровне пояса. Люк осторожно продел одну руку в лозу. — Здесь есть карниз, Лея, — объяснил он, протягивая ей руку. Она

шагнула к нему, ухватилась за лозу обеими руками и попробовала камень под ногами.

— Кто-то вырезал это в стене пропасти, — утвердительно сказала Принцесса. — Интересно, кто и зачем?

— Я тоже хотел бы это знать, — согласился Люк. — Как жаль, что здесь нет Халлы. Держу пари, она бы нам рассказала.

Громкий, отозвавшийся эхом, скребущий звук, раздавшийся у них над головой, сделал дальнейший разговор невозможным. Крепко прижавшись к стене ямы, они широко раскрытыми глазами уставились вверх. Звук не повторялся.

Люк ощутил тепло тела стоявшей рядом Принцессы и опустил глаза вниз. В слабом свете, струившемся сверху, она казалась еще более сияющей — красивее, чем когда-либо. — Лея, — начал он, — я...

Снова царапанье, громче, угрожающе. Несколько камней и кусков стены посыпались вниз и пролетели мимо них. Люк и Лея старались вжаться в неподатливый камень, смешаться с влагой, сочившейся по краям пропасти.

Далеко внизу раздался стук. Это один из брошенных камней, наконец, обо что-то ударился. Люк не был уверен, что о дно.

Затаив дыхание, они стояли, прижавшись друг к другу, взгляды их были прикованы к кружку туманного солнечного света. С беспредельной медлительностью что-то появилось в поле их зрения. Сначала оно было похоже на темно-коричневую тучу, закрывшую солнце. Из горла Принцессы вырвался тихий нечленораздельный звук. Люк был полностью парализован.

Гигантская голова червя заслонила отверстие. Она раскачивалась взад-вперед, как горизонтальный маятник, двигаясь из стороны в сторону, рыская вокруг каким-то невероятным нюхом.

В отчаянии оглядываясь, Люк заметил в стене нечто, напоминающее отверстие. Оно было в дальнем конце карниза.

— Иди за мной! — велел он Принцессе. Та не пошевелилась, и Люк схватил ее за руку и потащил за собой. Она последовала за ним, но ее взгляд был по-прежнему прикован к чудовищу наверху.

Углубление было достаточно большим, чтобы вместить их обоих. Оно было и достаточной высоты, так

что Люку не пришлось нагибаться, чтобы поместиться в нем. Взгляды обоих были устремлены вверх, они чувствовали облегчение от того, что покинули узкий карниз.

Возможно, существо наверху почуяло их облегчение. Что-то явно привлекло его внимание, потому что огромный череп вдруг перестал сновать взад-вперед. Оно наклонилось вниз и оказалось лицом к лицу с ними.

— Оно нас видит! — выдохнула Принцесса, до боли стиснув руку Люка.

— Ох, оно же видит нас!

— Может быть, — может, оно просто смотрит вниз в яму, — ответил Люк, больше надеясь на это, чем будучи уверенным.

Толчками, от которых с верху ущелья посыпались камни и обломки, голова лениво поплыла по направлению к ним. Огромная пасть разверзлась, открывая пропасть глубже, чем та, что была у них под ногами.

— Оно спускается, — выдохнула Лейя. — Оно ползет за нами, Люк.

— Не сможет. Оно не сможет достать нас, — настаивал Люк, нащупывая пистолет. Пистолета не было. Люк потерял его во время их отступления с вездехода. Его рука сжала рукоятку лучевого меча.

Раздался оглушительный рев. Мимо них пронеслись еще более крупные куски выпавших из стены камней и с грохотом, ломаясь, ударились о стены внизу.

— Какой же оно длины? — изумился Люк, указывая на червеобразное существо.

— Не знаю. Я не разглядела. Мне казалось — оно никогда не кончится, — ответила Лейя. Уондрелла была менее чем в двенадцати метрах от них и все еще двигалась. Не оставалось сомнений, что она их видит. — Эта штука не может опираться на стену? Она такая скользкая.

— Не знаю, — тупо пробормотал Люк. Его пальцы сжались в кулак, конвульсивно стиснув рукоятку меча.

И тут им показалось, что гигантский червь прыгнул на них. Принцесса закричала, и ее отчаянный вопль эхом отозвался в стенах колодца, тогда как Люк выхватил меч из ножен и привел его в действие. В адских глубинах пропасти его голубой свет был слабым утешением.

Но уондрелла не собиралась нападать на них. Слишком растянувшись даже для ее немыслимой длины, она падала. Она стрелой летела мимо — казавшийся бесконечным белый водопад слабо светящейся плоти. Нагнувшись вперед, они увидели, как чудовище превратилось в точку, потом в едва заметную, не более булавочной головки, искорку. А потом оно исчезло в глубинах бездны. На лету оно гулко билось о стены, и эхо этих ударов доносилось до них все слабее — замирающее воспоминание об огромной смерти.

Люк неверной рукой выключил меч и снова пристегнул его к поясу.

В эту минуту Принцесса осознала, как тесно она прижалась к Люку. Эта близость вызвала в ней волну смущения. Приличия требовали, чтобы она оторвалась, чуть-чуть отодвинулась от него. Это соответствовало бы условностям, но было бы и вполтину не так хорошо и спокойно. Она была совершенно выжата, и успокоение, которое она черпала, прижимаясь к нему, стоило того, чтобы немного нарушить приличия.

Казалось, они стояли так целую вечность. Люк обнял Принцессу, и она не сопротивлялась. Правда, томным взглядом она на него тоже не смотрела, но ему было довольно и этого, по крайней мере, сейчас. Он был счастлив.

Прошла, казалось, целая вечность, и гулкое эхо колодца донесло до них голос, звучавший так слабо, что они не были до конца уверены, что вообще что-то слышали: — Люк, мальчик,.. ты там внизу?

Люк и Принцесса обменялись взглядами. Люк неуверенно выглянул из маленького алькова, где они нашли убежище, и стал внимательно всматриваться, глядя вверх. С высоты на него смотрели четыре лица. Два были носатыми и мохнатыми. Одно было металлическим, золотистого цвета.

— Халла! — в ответ донеслось возбужденное чирикание. Это был Хин, тут нельзя было ошибиться. Когда замер истерический вой, Халла снова позвала Люка.

— С вами обоими все в порядке, мастер Люк? — осведомился сверху Трипио.

— По-моему, да, — крикнул Люк в ответ. — Оно бросилось сюда вслед за нами.

— Я все время считала, что вы бежите за нами, — донесся ответ Халлы, — я рада, что ты все еще жив.

— Мы тоже, — воскликнула Принцесса, к которой быстро возвращалась ее обычная уверенность в себе. — Сейчас мы к вам присоединимся. — Она сделала попытку выйти из впадины.

— Нет, не присоединимся, — мрачно возразил Люк, протягивая вперед руку, чтобы остановить ее.

Лея проследила взглядом за его вытянутой рукой. Там, где упала уондрелла, стены колодца были ободраны, так, словно их выскоблили огромным куском наждака. Спиральная лестница из лозы, по которой они спустились, совершенно исчезла. И больше половины карниза — тоже.

— У нас больше нет пути наверх, — крикнул вверх Люк своим взволнованным наблюдателям. — Лестница из лозы, по которой мы спустились, оторвана. Вы можете сделать другую?

Сверху никакого отклика не последовало. На несколько минут их друзья исчезли из виду. Люк был обеспокоен их отсутствием, но вскоре они вернулись.

— Я бы не стала полагаться ни на одну из лоз, растущих здесь поблизости, — крикнула им вниз Халла. — Наверное, лестница, по которой вы спустились, была сделана из лоз, принесенных откуда-то из другого места. Но, может быть, есть другой путь. — Люк оглядел стены колодца.

— Другой путь? О чем ты говоришь, Халла?

— Где вы стояли, когда эта тварь свалилась сверху?

— Здесь в стене есть небольшая выемка, в конце карниза, — сообщил ей Люк.

— Ага, и карниз есть, — повторила Халла, и в голосе ее звучало удовлетворение. — А какой величины углубление?

— Достаточно велико, чтобы мы оба могли в нем стоять.

— Так я и думала. Вы в шахте ковеев, Люк, мой мальчик.

— В чьей?! — нахмурившись, крикнула Принцесса.

— Ковеев, детка, — повторила Халла, — я же говорила, что на Мимбане сосуществовали и до сих пор сосуществуют разные расы. Ковей родственны зеленушкам, которых вы видели в городе, но они ничуть не раболопны. Они живут под землей, и поэтому никто ни черта о них не знает. Но они пользуются старыми колодцами трелл для того, чтобы иногда подниматься на

поверхность, помимо естественных водосточных колодезев и других отверстий.

— Сначала ковей, потом колодцы трелл, — пробурчал Люк, рассматривая пустоту под ногами. — Что такое колодец трелл?

— Колодец, пробуренный треллами, — как и следовало ожидать, ответила Халла. — Их называют просто колодцами. Никто не знает, для чего их использовали на самом деле, как никто ничего не знает толком о треллах. Возможно, что они построили и много храмов.

— В любом случае, — продолжала она, — они давно уже вымерли, а ковей живут по сей день. Если вы вернетесь в свою нишу, вы скорее всего обнаружите, что в ней открывается проход.

— Если он есть, мы его найдем, — заверил ее Люк.

— Ковей не делают никаких попыток скрыть отверстия, из которых они выходят на поверхность, — продолжала Халла. — Если вы сможете найти путь, мы вас встретим наверху. Я уверена, что смогу найти ближайший выход ковеев.

— Звучит обнадеживающе, — жизнерадостно согласился Люк, — за исключением одной-единственной вещи. Что нам делать со светом? У меня есть аварийный фонарик на поясе, и я всегда могу воспользоваться мечом. Только мне не хотелось бы расходовать заряд.

— Ты только найди проход, — уверенно сказала Халла, — у тебя будет масса света, если это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** туннель ковеев. Поверь мне на слово, мальчик.

— Попробуем, — согласился Люк. — Мы пройдем через него, а вы встречайте. — Он обернулся, колебался, потом снова выглянул и позвал: — Халла!

Над краем колодца появилось маленькое лицо: — Да, мой мальчик?

— Что нам делать, если мы встретим кого-нибудь из ковеев?

— Они не очень многочисленны и много путешествуют туда-сюда, — сказала Халла. — Вряд ли вы кого-нибудь встретите. Если же столкнетесь с парочкой, они скорее всего так перепугаются, что удерут от вас. Не забудь, они ведь не приручены, в отличие от зеленушек. Они знают о нас так же мало, как и мы о них... во всяком случае, я так думаю. Все время слышишь отчеты о том, что они болтаются вокруг городов, но исчезают,

если кто-то начинает их преследовать. Так что, скорее всего, они пугливые и мирные.

— Это два очень важных “скорее всего”, — с сомнением крикнул вверх Люк.

— У тебя же есть твой меч.

Рука Люка потянулась к спасительному эфесу.

— Ладно. Подождите там еще минуту, — он обернулся к Лее. Ее не было.

— Лея! — громко позвал Люк. Растущий страх исчез, когда спустя несколько секунд она появилась на его зов.

— Там дальше — туннель, в точности, как думала старуха,

— жизнерадостно заявила Лея. — Я включила свой фонарик. — Она сделала жест крошечным изолированным лучиком. — Он сразу же расширяется.

— В каком направлении?

— На восток, курс примерно тридцать один градус, — Она указала на компас, вмонтированный в ее костюме.

— Тридцать один к востоку, Халла, — передал Люк информацию Халле.

— О'кей, малыш. Мы будем двигаться в этом направлении. Как у вас с питанием?

— У нас достаточно концентраторов, чтобы идти примерно с неделю. Я полагаю, мы найдем много воды.

Стены колодца донесли до них иронический смех Халлы: — Я полагаю, у тебя будут трудности, чтобы ее избежать, Люк, мальчик. Если то, что я знаю о туннелях ковеев, — правда, то мы должны встретиться дня через два, самое большее — через три. Свет, пища, вода... вы, детки, держитесь, ясно? Мы вас найдем, — Хин и Ки подтвердили это серией возгласов, затем три лица исчезли.

— Пожалуйста, будьте осторожны, сэр, — прибавил Трипио. Затем он тоже исчез.

Люк еще с минуту постоял, глядя вверх. Несмотря на кажущуюся близость неба, его вовсе не удивляло, что он не может дотронуться до него пальцем.

— Они уже пошли, — сказал Люк Принцессе, обернувшись к ней и включая свой фонарик. — Нам лучше тоже трогаться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Они шли уже минут десять, когда Люк задумчиво сказал: — Я вот думаю, не лучше ли было бы нам подождать в том алькове, пока Халла и язземы сходили бы в город, стащили там какой-нибудь кусок кабеля и вернулись за нами. С такими руками, как у Хина, он мог бы вытащить нас оттуда один.

Лея перешагнула через маленькую кучку гравия: — Ты думаешь, Халла согласилась бы вернуться в город и встретиться нам с Граммелом без кристалла?

— А какая разница, с кристаллом или без?

Лея тепло посмотрела на него: — Ты ведь не понимаешь ее, да, Люк? Совершенно очевидно, она убеждена, что сможет с помощью кристалла превратить Граммела в лягушку.

Люк пренебрежительно фыркнул: — Лея, она слишком разумна, чтобы так думать о кристалле.

— Ты полагаешь? — Принцесса мягко и осторожно выбирала слова. — Задумайся на минуту, Люк. Халла очень знающая женщина и умеет убеждать, но она живет в этом мире слишком давно. Она потратила годы на охоту за мифом. Для меня совершенно ясно, что она считает, что кристалл обладает сверхъестественными свойствами. Даже ты соглашаешься с тем, что у него их нет.

— Я знаю. О'кей, может быть, она несколько фанатично к нему относится, но...

— Фанатично? — Принцесса вздохнула. — Люк, как ты не понимаешь, бедная женщина одержима иллюзиями. Мечты вытеснили у нее чувство реальности. Мы

нуждаемся в ней так же, как и она в нас, чтобы выбраться с этой планеты.

— Кристалл не иллюзия, — мягко возразил Люк. — Он — реальность. И если этот правитель Эссада и его люди заполучат его раньше нас...

Лея явственно содрогнулась: — Эссада. А я почти забыла о нем.

— Лея, почему ты так боишься имперских правителей? — мягко спросил Люк, пока они шли дальше. — Что такого мог сделать с тобой Мофф Таркин там, на Звезде Смерти, перед тем, как мы с Ханом Соло выручили тебя?

Принцесса обратила на него взор, затуманенный воспоминаниями:

— Может быть, когда-нибудь я тебе расскажу, Люк. Только не сейчас. Я еще не совсем забыла об этом. Если я стану рассказывать, я могу вспомнить слишком много.

— Думаешь, я не в состоянии это вынести? — сурово спросил Люк.

Лея поспешила разуверить его: — Нет, Люк, что ты, не о тебе речь. Речь обо мне, о моей собственной реакции. Меня это беспокоит. Как только я пытаюсь точно вспомнить, что они со мной делали в тот раз, я начиная расклеиваться.

Они продолжали путь в молчании. — Послушай, тебе не кажется, что здесь становится светлее? — наконец, с наигранной бодростью спросила Лея.

Люк заморгал, и мысли, которые жгли его последние несколько минут, стали рассеиваться — он оценил важность ее наблюдения.

Да, похоже, действительно стало светлее. Практически совсем светло.

— Выключи фонарик, — велел он Принцессе, нащупывая большим пальцем кнопку своего.

На какое-то мгновение стало темнее. Затем их глаза адаптировались, и снова стало так же светло, как раньше. Свет был слабым, желтовато-голубым, чуть ярче, чем у лучевого меча Люка.

Когда он снова взглянул на Принцессу, та уже стояла у стены туннеля. — Вот здесь, — позвала она, показывая ему на особенно ярко освещенный уголок каменной стены. Люк нагнулся, чтобы рассмотреть поближе. Со-

здавалось такое впечатление, что камень сам по себе излучает свет.

— Нет, — поправила его Лея, когда он высказал свои мысли вслух, — посмотри поближе. Вот, — она провела ногтем по камню, и свет переместился на ее руку, ладонь засветилась тоже. Рука сияла холодным светом. Потом он медленно стал гаснуть.

— Это какое-то растение, — объявила Лея. Лишайник или гриб, не знаю. Я не ботаник. Вот о чем говорила Халла — что мы найдем это, если будем идти дальше. — Лея стряхнула живой свет с руки и посмотрела на постепенно понижающуюся пещеру. — Там, внизу, другой мир, но теперь он не кажется мне пугающим.

По мере того, как они продолжали идти вниз, тропа, по которой они шли, выравнилась. Туннель расширился в настоящую пещеру. Стали появляться разноцветные сталактиты, минеральные вкрапления делали их похожими на раскрашенные сосульки, покрытые фосфоресцирующей растительностью. Тупоносые сталагмиты вздымались к потолку. Их сопровождала постоянно присутствовавшая здесь музыка капели.

Впереди раздался слабый рокот, и они осторожно замедлили шаг. Но шум оказался песней бегущего подземного ручья. Он струился параллельно тропе, журчащий, неизменно веселый проводник и спутник.

Они миновали отверстие в потолке пещеры. Через него лилась вода, исчезая в бездонном пруду, а для всего мира это выглядело, как обычный участок водопровода с открытой центральной секцией.

Дальше им попался навстречу миниатюрный лесок спиралевидных образований. Эти винтообразные, гротескно исковерканные кристаллы селенита открыто бросали вызов силе тяжести, выступая в своем кружащемся танце из пола, стен и потолка. У Люка было такое ощущение, словно он идет сквозь гигантскую грудку стеклянной шерсти. Здесь, в отраженном свете сияющей живой растительности все предметы достигали необыкновенных размеров.

Помимо лишайников-грибов, они стали замечать более крупные, более развитые виды излучающей свет растительности на земле и стенах. Некоторые из них выглядели как грибы на консолях. Они миновали высокую рощу каких-то штук, смахивавших на застывший бамбук, заделанный в кварц. Принцесса нечаянно на-

скочила на одну из них, и они открыли еще одно их свойство.

Раздался звук, похожий на удар гонга. Ошеломленная Лея отскочила, потом попробовала резко стукнуть по стеблю костяшками пальцев. Звон повторился.

— Наверное, он полый, — в восторге предположил Люк.

— Но это растение или минерал?

— Не могу сказать, — признался Люк. Он слегка ударил по другому растению и получил в награду совсем другой звук. Они с улыбкой переглянулись, и вскоре пещера наполнилась резким, но веселым и мелодичным перезвоном, словно под их руками пели естественные колокола. Люк и Лея улыбались, словно двое озорных детей.

Наконец, им надоело это развлечение, и они возобновили свое путешествие. Люк извлек два кубика с концентратами и протянул один Принцессе. Он говорил, обследуя тропу, по которой они шли. В том, что это была тропа, не было никаких сомнений. — Смотри, здесь вдоль нее нет больших валунов, — говорил Люк, — она явно расчищена, чтобы ей можно было пользоваться. Я, правда, не вижу следов.

— Земля слишком твердая, — сказала Принцесса. — Но это дивное место, прямо как в сказочной стране. Гораздо более привлекательное, чем там, наверху. Если Мимбан когда-нибудь будет официально освоен, я думаю, всем следует жить под землей. — Она сделала небольшой пируэт, явно из чистого озорства. — Здесь, внизу, так покойно и чисто, я почти...

Фраза закончилась испуганным вскриком, и Лея провалилась.

Бросившись на живот, Люк отчаянно вытянул вперед руку. Лея ухватилась за нее выше запястья. Ее рука заскользила по его предплечью и крепко сомкнулась в его руке. Так она и повисла, раскачиваясь в пустоте и держась рукой за руку Люка. Люк пробовал зацепиться ногами за твердую землю и почувствовал, что они скользят.

— Я не могу удерживаться Люк, — торопя его, выдохнула Лея.

— Держись другой рукой тоже, — велел он сквозь стиснутые зубы. Она вытянула левую руку и ухватилась

ей за руку Люка. Это движение протащило его вперед на несколько драгоценных сантиметров.

Совсем рядом вверх вздымался крупный сталагмит. Если Люк ошибался и сталагмит образовался вокруг той же корки, сквозь которую провалилась Принцесса, они оба свалятся вниз, как тот огромный червь. Напрягая каждый мускул в теле, Люк чуть-чуть продвинулся по направлению к колонне. Оставив сомнительную опору на земле, он обхватил ее левой рукой. Это задержало его дальнейшее скольжение, но теперь ему грозила опасность выпустить Принцессу.

Каким-то образом он ухитрился медленно отодвинуться назад всего на какие-то дюймы, используя сталагмит как скобу. Гравий впивался в его грудь и живот. Продолжая двигаться назад, он принял сидячее положение, зацепился левой ногой за выход породы. При этом он вытягивал Принцессу из дыры и медленно тащил к себе. Раздался треск, и сталагмит стал обламываться у основания. Поставив правую ногу рядом с левой, Люк отчаянно уперся обеими ногами и рванул Принцессу на себя.

Она вылетела из ямы, а секунду спустя известняк подался под напряжением, и силой его падения Люка повлекло к зияющей пустоте. Откатившись от пропасти, Принцесса поймала его рукой, своим весом задержав скольжение. Люк тут же откатился и, задыхаясь, оказался на ее груди.

Долгое мгновение они так и лежали, и время, казалось, остановилось. Затем их глаза встретились, и этот взгляд мог пройти через световые годы.

Быстро отодвинувшись и сев, Принцесса принялась отряхивать костюм. Комбинезон был порван, пока Люк тащил ее по рваному краю пропасти и шершавому каменистому полу пещеры. Люк сел, откинувшись назад и попытался восстановить чувствительность в онемевшей правой руке.

— Может быть, — отважилась, наконец, сказать Принцесса, — в конечном итоге, подземелье — не самое лучшее место для жилья на этой планете.

Затем они молча поднялись на ноги. Люк пробовал почву впереди них, и они подобрались к краю ямы, открывавшейся в земле, которая казалась такой твердой. Один взгляд в нее — и они увидели пропасть, такую же бездонную, как колодец трелл.

Люк заколебался — ему показалось, что какой-то участок земли подается под его ногами. Он огляделся и указал на ручей, все еще продолжавший струиться своим извилистым путем.

— Там земля должна быть более твердой.

— Там, куда я ступила, она тоже казалась твердой, — напомнила ему Принцесса. Люк поднял глаза к потолку. Над дырой и частью пола, находившейся прямо перед ними, была видна выпуклость наподобие купола. Над ручьем и слева от него потолок был покрыт сталактитами.

— Я думаю, с нами все будет в порядке, если мы пойдем по той стороне ручья, — решил он. Но и после того, как они пересекли ручей, они продолжали продвигаться медленно, и Люк по-прежнему пробовал землю под ногами. Принцесса шла за ним, левой рукой держась за его правую руку. В скором времени они миновали купол над головой и яму. Сталактиты вновь заполнили крышу от стены до стены.

Просто чтобы удостовериться, Люк отцепил свой меч. Приведя его в действие, он воткнул луч клинка в землю прямо перед собой. Раздалось шипение и бульканье, камень плавился вокруг голубого стержня. Люк вытащил меч и отключил его. Наклонившись, он бросил камешек в дымящуюся дыру. Тот ударился обо что-то твердое с радующей быстротой.

Дальше они шли более уверенно, но их восторги по поводу красот подземной страны чудес заметно поутихли.

— Будем надеяться, что мы найдем этот выход, — заметил Люк.

Но вместо того, чтобы резко повернуть вверх, как они надеялись, тропа оставалась ровной. И если разобратся, она даже слегка снижалась. Впереди них туннель все расширялся. Они обогнули крутой поворот, и их глазам представилось удивительное зрелище.

Перед ними лежало обширное подземное озеро. Несмотря на свет фосфоресцирующих растений, оно было так широко, что Люк и Принцесса не видели противоположного берега. Вода в озере была черна, как мысли в мозгу Императора.

Расчищенная тропа под углом сворачивала влево. Она шла до края воды, а потом исчезала в ней в метре от стены.

— Я думаю, это объясняет, почему мы не встретили никаких следов ковеев, — задумчиво сказал Люк. — Эта часть тропы находится под водой. Вода, наверное, часто поднимается и спадает, в зависимости от обилия дождей на поверхности. — Люк проследовал по тропе в воду и пробирался по ней до тех пор, пока она не дошла ему до груди, затем вернулся.

— Бесполезно. Слишком глубоко.

— Но нам ведь надо как-то идти дальше, — заметила Принцесса, которой не нравилась гладкая, как стекло, черная поверхность воды.

— Если мы вернемся, мы ничего не выиграем.

— Мы по-прежнему держим курс тридцать один к востоку?

Люк проверил компас: — Чуть-чуть отклонились к югу. Тропа, наверно, сворачивает на прежний курс на том берегу. Я надеюсь. Но в определенном смысле озеро — хороший знак. Может быть, это означает, что поверхность на том берегу идет на подъем, раз здесь скапливается так много воды. Интересно, какая тут глина.

— Понятия не имею, — задумчиво ответила Принцесса. Она вошла в воду, нагнулась и попробовала скрытое дно. — Оно довольно круто идет вниз.

Люк смотрел куда-то мимо нее. На другом берегу ручья, вдоль которого они шли, рос небольшой лесок из водяных растений, которые, по-видимому, стимулировал постоянный приток свежих питательных веществ. Огромные плавающие листья были тусклого желто-коричневого цвета. Они были круглыми и слегка загибались по краям, где встречались приподнятые кверху концы.

— Не думаешь же ты, — заявила Лея, — что мы можем передвигаться на ЭТИХ штуках.

— Вплавь я переправляться не собираюсь, — ответил Люк, входя в лесок. Он перепрыгнул через ручей, подняв брызги воды, и оказался на том берегу. Нагнувшись, он увидел признаки того, что стебли некоторых растений были обломаны прямо у поверхности воды.

— Похоже, что некоторые из этих листьев уже были срезаны. Возможно, ковееи пользуются ими.

— Или они сами обломились, — проворчала Принцесса, но так тихо, что Люк не расслышал. Она отправилась к лесочку с намерением присоединиться к нему.

Люк очень осторожно ступил на один из плоских листьев. Тот, который он опробовал, был двух с половиной метров в диаметре. Когда Люк навалился на лист всем своим весом, желтая внутренность подалась вниз, как губка. Но лист не сломался, и нога Люка не провалилась.

Люк неуверенно пошел по листу. Затем надавил на поверхность коленями, но лист выдержал. Сжав губы, Люк подпрыгнул в воздух и упал на колени со всей силой, на какую был способен. Лист прогнулся так, что вода дошла Люку до бедер, затем уверенно разогнулся.

Убедившись в том, что лист держит его, Люк перекатился к краю и заглянул под него, обнаружив стебель толщиной в человеческий торс, прикреплявший лист ко дну озера.

— Я собираюсь его обрубить, — объявил он.

Вид у Принцессы был скептический: — Чем? Твоим мечом? Я не знала, что они действуют и в воде.

Люк серьезно посмотрел на нее: — Хорошо бы это было так.

Он соскользнул с листа и оказался в холодной воде. Затем привел в действие меч и сунул его под воду. Поверхность воды тут же разорвали пузырьки, но холодный голубой свет продолжал сиять в ее черноте, и не было даже намека на сбой в его работе.

Набрав побольше воздуха в легкие, Люк скользнул в темноту.

К счастью, меч сам по себе давал достаточно света, чтобы Люк мог видеть стебель. Чтобы разрезать толстый ствол, потребовались всего одна-две секунды. Люк с любопытством отметил, что стебель сужался и на поверхности был вогнутым, а не лежал на воде плоско. Это давало, по крайней мере, иллюзию стабильности.

Затем, выключив меч, Люк рывком всплыл на поверхность, ловя ртом воздух и вытирая глаза. Как только меч оказался надежно пристегнутым к его поясу, Люк вытянул руку и потащил освобожденный лист за собой к берегу.

Он еще раз ненадолго воспользовался мечом, чтобы проделать небольшое отверстие в задней части листа. С помощью тонкого страховочного троса он прикрепил их средство передвижения к сталагмиту на берегу.

— А вот это может сойти за весла! — крикнула Принцесса. Она стояла дальше на берегу на небольшом возвышении. Люк подошел и встал рядом.

Здесь с крыши на пол пещеры свешивалось множество кристаллов селенита. Каждый был выше человеческого роста, толщиной сантиметра в два. Фосфоресцирующие наросты делали их похожими на витражи в церкви, а в некоторых местах заостренный, как нож, минерал сиял багряным светом.

— Слишком красивы, чтобы их ломать, — в восхищении сказал Люк. — Но ты права... весла из них выйдут хорошие. Снова пользуясь бесценным мечом, Люк срезал четыре лезвия нужного размера и голубым лучом придал им такую форму, чтобы их можно было держать. Затем они отнесли "весла" к воде и осторожно положили их на чешуйчатую лилию, которая, как они надеялись, перевезет их через озеро.

— Готова плыть? — наконец, спросил Люк. Лейя колебалась и взглянула на хронометр на своем запястье.

— Мы идем уже почти шестнадцать часов, Люк, — она указала на озеро. — Если мы собираемся сделать попытку пересечь его, лучше это сделать после хорошего ночного сна.

— Или дневного сна, — согласился Люк. У них не было возможности определить, был ли в наземном мире день или стояла ночь.

Люк нашел кусок гниющего листа водяной лилии, выбросил его на берег и потащил вверх по склону. Лист вполне мог сойти за более или менее приемлемый матрац.

— Ты спи, — сказал Люк, когда они вытянулись на мягком "матраце", — я что-то еще не очень устал. — Лейя кивнула и попыталась устроиться поудобнее на влажной пористой массе.

Через две минуты оба уже крепко спали.

Люк проснулся как от толчка, быстро сел и, моргая, стал осматриваться по сторонам. Ему послышалось какое-то движение. Но ничего не было, только журчание ручья, вливавшегося в озеро, да звук капель, падавших в воду сверху.

Проверив свой таймер, Люк разбудил Принцессу. Она протерла глаза, прогоняя сон, и спросила: — Как долго мы спали?

— Почти двенадцать часов. Похоже, я тоже вымотался.

Они открыли свежие концентраты и с жадностью набросились на них. Люк принес воды из ручья в складной чашке. Они ели, сидя у прозрачного ручья и наблюдая за водяными жуками, суетливо сновавшими взад-вперед.

— Я и подумать никогда не могла, что концентраты могут быть такими вкусными, — заметила Принцесса, покончив с остатками кубика и запив их несколькими глотками воды.

— А мой аппетит улучшится, когда мы снова увидим солнечный свет, — ответил Люк. Исчерпав все объяснения, он стал пристально смотреть на воду. — Надеюсь, это озеро не так широко, каким кажется. Не люблю путешествовать по воде.

— Неудивительно, — успокоила его Принцесса, зная, что на пустынной планете Татуин, где вырос Люк, открытый водоем был такой же редкостью, как и вечная зелень.

В молчании они уселись в свой лист-лодку. Каждый взял в руки по длинному селенитовому веслу. Люк отвязал трос от сталагмита, свернул его и пристегнул назад к поясу, затем оттолкнулся. Они заскользили по озеру так, словно лодка была смазана жиром.

Люк испытал откровенный ужас, когда они гребли через это озеро, напоминавшее бездонный кратер. Дно в действительности могло быть в каком-нибудь метре под ними, но черная вода была буквально непроницаема.

Беспокойные мысли роились в мозгу Люка, как водяные жуки в ручье. Что, если озеро тянется на сотни километров? Или, например, разветвляется в нескольких направлениях? Без видимой тропы они легко могут затеряться навечно.

Самым лучшим шансом для них было держаться левой стены, где тропа исчезала в воде. Маловероятно, чтобы она тянулась через все озеро, более реальным было бы, если бы она шла поблизости от стены, где, как можно было предположить, более мелко.

Люк представил себе неведомые ужасы. А вдруг огромный подземный водопад осушит озеро, водопад, который неизбежно приведет к их гибели в одиночестве на скалах, никогда не видевших дневного света. Но пока они неуклонно продвигались вперед, эти страхи

частично потеряли остроту. Водопад, например. При идеальной акустике пещеры они непременно слышали бы громовой рокот.

После того, как они медленно и с трудом гребли в течение часа, Люк обнаружил, что ему уже все равно, что они найдут на дальнем берегу озера, — лишь бы его найти.

Его плечи стали немилосердно болеть. Люк знал, что Принцесса испытывает такую же боль, если не хуже. Но она ни разу не пожаловалась, не сказала ни слова протеста, пока они продолжали свое невероятно медленное продвижение по воде. Восхищаясь ее твердостью, Люк задумался над тем, не смягчили ли ее испытания, через которые они прошли здесь, на Мимбане. Сказать наверняка он не мог, но тем не менее был благодарен за это.

— Почему бы тебе не отдохнуть, Принцесса? — наконец, посоветовал Люк. — Я могу немного погрести один.

— Не говори глупостей, — отозвалась Лея мягко, но решительно, правда, в голосе ее не было особого энтузиазма. — Глупо будет, если ты станешь тянуться на этой штуке то туда, то сюда. И потом, я не слишком уверена в ее плавучести. А если ты будешь сидеть на одном месте, мы будем двигаться по кругу. Оставайся там, где сидишь, и береги силы.

Люк сдался на доводы здравого смысла, может быть, менее приятные, чем проявленная им галантность, зато более практичные. Время от времени они отдыхали. Полдня прошли в монотонном движении, а противоположный берег так и не показался. В стоячей черной воде они перестали грести, чтобы перекусить содержимым разноцветных кубиков.

Далеко-далеко вверху Люк увидел, что потолок пещеры увешан обломками сталактитов, по сравнению с которыми те, что они видели до сих пор, казались карликами. Некоторые из них, должно быть, весили многие тонны. Там были и тонкие, длинные сталактиты, длиной в десятки метров, но не толще человеческого большого пальца. Все они были сплошь покрыты светящимися лишайниками-грибами, заполнявшими огромное помещение успокаивающим желто-голубым светом.

Люк усмехнулся, вспомнив то, что говорила о воде Халла. Тут она была права! Было что-то магическое в

том, чтобы погрузить в черноту чашку и смотреть, как она наполняется, потому что цвет озера был таким чистым и богатым, что сама чернота казалась частью этой воды.

Сама вода была свежее и чище любой воды, какую когда-либо доводилось пить Люку. Пока они в молчании ели и пили, он вспомнил, как ему не хватает крохотного ручья, который вел их все это время. Его ровное журчание было большим утешением. Теперь им приходилось свыкаться с прерывистым и не таким живым звуком капель, падавших со сталактитов у них над головой.

Покончив с едой, они двинулись дальше. Через несколько часов Люк без особой уверенности предостерегающе положил руку на плечо Принцессы и знаком показал ей перестать грести.

— Что случилось? — шепотом спросила она. Люк пристально смотрел на абсолютно плоскую и гладкую поверхность озера.

— Слушай.

Лея повиновалась, нервно разглядывая воду в тусклом свете. Раздалось слабое “плюх-плюх”.

— Это просто вода капает с потолка, — приглушенно шепнула она.

— Нет, — настаивал Люк. — Слишком хаотично. Капли падают равномерно.

Шум прекратился. — Я его больше не слышу, Люк. Это, наверное, все-таки были капли.

Люк обеспокоенно посмотрел на черное зеркало, по которому они плыли: — Я теперь его тоже не слышу. — Снова взявшись за весло, он погрузил его в воду и снова стал грести. Временами он бросал взгляд то через одно плечо, то через другое. Однако пока позади них ничего не было, кроме его собственных страхов.

Беспокойство Люка передалось Принцессе. Позже она стала уже чуть-чуть расслабляться, как вдруг он поднял руку.

— Стоп.

Лея подняла весло, на этот раз слегка раздраженная.

— Вот оно опять, — напряженно сказал Люк. — Неужели ты не слышишь, Лея? — Она не ответила. — Лея! — Обернувшись, он увидел, что Принцесса устала на одну точку в воде. Ее рот открылся, но говорить она не могла.

Однако показать рукой она была в состоянии. Рука Люка инстинктивно потянулась к лучевому мечу, еще до того, как он заметил хвост больших пузырей, стрелой летевший по направлению в ним, зловещий и угрожающий, как какой-нибудь снаряд.

Осторожно переместившись в "кормовую" часть листа, Люк удерживал равновесие на одном колене, крепко сжимая в правой руке включенный лучевой меч.

Пузыри исчезли и не появлялись.

— Может быть,... может быть, оно ушло, — напряженно прошептала Принцесса.

— Возможно, — Люк наполовину уступил.

И тут "оно" поднялось из воды.

Бледная, аморфная фосфоресцирующая форма, по цвету она напоминала огромную уондреллу. Но если сравнивать с духом озера, этот червь вполне мог за него сойти.

У этой твари не было морды, и вообще ничего нельзя было распознать в этой постоянно меняющейся форме. Она подняла короткие толстые псевдоподы, состоявшие из какой-то беловатой субстанции. Они ярко блестели в тусклом свете пещеры. Люку показалось, что он отчасти видит чудовище насквозь: внутри него кружились какие-то странные силуэты.

Одна из пульсирующих белых конечностей ударила по хрупкому суденышку. Люк замахнулся на нее лучевым мечом. Голубой луч прошел насквозь через мерцающее вещество. Хотя никакого видимого ущерба он не причинил, амебообразное существо втянуло конечность.

Еще одна закругляющаяся лапа с силой ударила Люка, и на этот раз он вонзил в нее меч. Луч насквозь прошел конечность. Никакого намека на кровь или внутреннее излияние другого рода. Только плеск воды вокруг пористого, раскачивающегося суденышка да возгласы Люка во время этой лихорадочной схватки раздавались в пещере. Большая же часть битвы проходила в убийственном молчании.

Каждый раз, когда тварь нападала, Люк встречал ее удары мечом. И каждый раз конечность убиралась назад в раздутое мерцающее тело без видимого ущерба.

Закругленная конечность схватила Люка сзади, когда он наносил удар по другому псевдоподу. Она стащила его за борт, и Принцесса отчаянно закричала. Каким-то образом ему удалось зацепиться рукой за загнутый край

листа-лодки. Под его тяжестью лодка накренилась, но, к счастью, она была по природе своей слишком устойчива на воде, чтобы перевернуться.

Люку удалось наполовину взобраться назад на борт. А потом что-то ухватило его снизу и увлекло под воду. Принцесса едва успела вовремя отпустить его, чтобы ее не утащило тоже.

Шли тревожные минуты, а от Люка не было и следа. Затем он рывком появился на поверхности неподалеку, разбрасывая брызги и отплевываясь. Сверкая под водой, его меч наносил удары по чему-то невидимому. Оно отпустило его настолько, что ему хватило времени взобраться назад на лист. Меч мелькал в опасной близости от Принцессы и ног самого Люка, а он бил по цепляющимся бледным конечностям. Бил до тех пор, пока последний цепкий псевдопод не скрылся из виду.

С Люка ручьями текла вода, он все еще отплевывался. Он встал на колени на лист и старался охватить взглядом сразу все возможные направления.

— Смотри! — воскликнула Лея. Люк увидел линию пузырьков в воде, только на сей раз они удалялись от листа-лодки. Несколько минут раздавалось мерное “плюх-плюх”, потом и пузырьки исчезли из виду.

Выбившись из сил, Люк упал навзничь на дно лодки и устался в игольчатый потолок.

— Ты победил, Люк. Ты прогнал его.

— Я не так уж в этом уверен, — Люк тяжело дышал, никакого победного чувства он не испытывал. — Может, этой штуке просто надоело, и она убралась, — он пристально посмотрел на выключенный лучевой меч, зажатый в кулаке. — А может, решила, что луч меча не очень удобоваримый. — Люк пристегнул меч назад к поясу, со стоном сел и обхватил руками колени. С его волос на лицо стекала вода.

Лея придвинулась ближе и неуверенно протянула руку, касаясь его руки. Он посмотрел на нее, потом закашлялся. Лея откинулась. И вдруг неожиданно разразилась криком. Люк огляделся, но поблизости ничего не было видно.

Согнувшись, Принцесса кричала, прижав к лицу стиснутые руки. Этот приглушенный стон продолжался несколько минут. Когда он прекратился, она оглянулась на Люка, но не извинилась.

— Я думаю, со мной уже все в порядке, Люк, — сказала она с наигранной твердостью. Потом глубоко вздохнула: — Просто я думаю... я уже вполне готова к тому, чтобы покинуть это место, — ее голос слегка повысился. — Я готова к тому, чтобы убраться отсюда.

— Поверь мне, Лея, — ответил он, взяв ее руку в свои, — я спешу это сделать не меньше, чем ты.

Они безмолвно обменялись мыслями. Затем каждый взял свое весло, и они снова стали грести в черной воде.

Несмотря на предчувствие Люка, что их полупрозрачный противник снова нападет на них, в течение нескольких часов их никто не беспокоил. А потом это уже не имело значения. Вдали, наконец, показался дальний берег озера.

Только это было нечто большее, чем приближавшийся к ним голый берег. — Уж конечно, это построили не ковеи, — благоговейно прошептал Люк.

Из сухой земли впереди поднималась древняя пристань. И хотя в ней не было видно ни одной лодки, длинная металлическая стрела, протянувшаяся в воду, не оставляла сомнений в своем назначении, невзирая на чужеземную конструкцию.

Труднее Люку оказалось определить назначение многочисленных строений, разбросанных вдоль берега. Многие из них, как выяснилось, были возведены из камня, другие — из металлических материалов, были и такие, что сочетали в себе камень и металл. Независимо от состава, все они явно были весьма почтенного возраста. На всех сооружениях время оставило свой след. Как ни старался Люк, он не мог найти ни одного окна. Отверстия, которые могли служить дверьми, были небольшими и овальными.

Люк и Принцесса гребли к левому берегу до тех пор, пока лист не коснулся дна. Ступив в воду, дошедшую ему до пояса, Люк протянул руку, чтобы помочь сойти Принцессе. Она осталась сидеть в лодке, и вид у нее был не то чтобы испуганный, но какой-то недоверчивый.

— Давай, — поторопил ее Люк. — Здесь неглубоко.

— Но мне ведь придется ступить в воду. А мне не хотелось бы, Люк.

— Все в порядке, — заверил он ее, скрывая нетерпение, — всего несколько шагов — и ты на берегу.

Она снова покачала головой. Люк вздохнул и подошел к краю листа. Он протянул обе руки, Лея скользнула в них, и Люк отнес ее на сушу, заметив при этом, как крепко были зажмурены ее глаза.

Наконец, они удовлетворенно уселись на каменной балке, не обращая уже внимания на то, уплывет их самодельное суденышко или нет. Позади них грозно возвышался город трелл.

— Ну, как, теперь с тобой все в порядке? — спросил Люк, наклоняясь вперед и заглядывая Лее в лицо. Она отвела глаза.

— Да. Извини, что я доставила тебе столько хлопот. Извини, что я так раскричалась. Я... обычно я лучше владею собой.

— Тебе не за что извиняться, — твердо заверил ее Люк. — И уж, конечно, не за крик. А что касается страха, — он мягко улыбнулся,

— Так я дважды перепугался не меньше тебя, когда этот полутоблин накинулся на нас из воды. Я просто был слишком занят, чтобы кричать, а не то я бы точно завизжал.

— Да тут дело даже не столько в этом монстре, — обезоруживающе объяснила Лея. — Это была реальная, осязаемая угроза. — Она поднялась на ноги и почти небрежно произнесла: — Дело в том, что я не умею плавать.

Люк уставился на нее, не веря своим ушам, а она стряхивала капли воды с разорванного комбинезона. — Что ж ты ничего не сказала до того, как мы отплыли? — наконец, выговорил он.

Принцесса криво улыбнулась: — А какая была разница, Люк? Тропа ведь пропала в озере. — Она сделала жест в сторону несомненно той самой тропы, снова появившейся из воды поблизости и исчезавшей в подземном городе. — Нам надо было переправляться. Это была несчастная, но безвыходная ситуация. Я просто не видела смысла обременять тебя еще и своими детскими страхами. — Лея направилась к тропе.

— Смотри, она идет через город. Хотела бы я встретиться с людьми, построившими его, — она бросила на Люка нетерпеливый взгляд. — Мы теряем время.

Онемев от восхищения, он выпрямился и последовал за ней в гущу строений. Очень скоро стало ясно, что город был произведением интеллекта, давно уже исчез-

нувшего с лица Мимбана. Все было тщательно спроектировано, а металлообработка выдавала следы использования развитых технологий. Здания разрушились от времени, а не из-за скверной проектировки или постройки. С учетом относительно малой эрозии под землей город мог быть действительно древним.

Отсутствие прямых углов и явное предпочтение, отдававшееся плавным изгибам и аркам, указывало на то, что обитателям города был присущ талант в отношении как эстетики, так и архитектуры. Красота дизайна была еще одной роскошью, которую редко могли себе позволить первобытные народы, вынужденные в основном ограничивать свои постройки строго утилитарными целями.

Что-то негромко стукнуло позади них, и Люк круто развернулся. Ему ответили взглядом загадочные овальные порталы, похожие на глазницы серых, бесцветных черепов. Принцесса, нахмурившись, посмотрела на него.

— Мне что-то послышалось, вот и все, — твердо сказал он, глядя прямо перед собой.

Они продолжали идти через город, но, хотя Люк решительно отрицал, что услышал что-то, их тревоги ожили вновь. Он ведь действительно что-то услышал. Пока они шагали по извилистой дорожке, и здания теснились все ближе и ближе, к Люку подкрадывалось чувство, словно кто-то или что-то пристально следит за ним. Ощущение стало почти осязаемым. Тем не менее, каждый раз, когда он резко оборачивался, чтобы посмотреть, что это, вокруг ничего не оказывалось. Ни малейшего намека на движение, ни вдоха, ни звука.

Люк был рад, когда зданий стало меньше, они по-немногу кончались. Пустые дверные проемы проемы манили его, и Люк испытывал сильнейшее искушение зайти в одно из разрушенных строений и убедиться, что и внутри оно сохранилось так же хорошо, как и снаружи.

Нет, твердо напомнил он себе, сейчас не время для игры в исследователя. Их первой заботой было сейчас найти выход, а не рыскать по этому древнему метрополису. Как бы прекрасен они ни был.

Люк размышлял о том, что было причиной исчезновения развитых мимбанских рас, строителей монастырей, трелл и других. Может быть, пожар расовых меж-

доусобиц или последующая деградация, закончившаяся тем, что их вытеснили аборигены вроде зеленушек.

Стук камня о камень. На сей раз, круто обернувшись, Люк заметил легкое движение за стеной сталагмитов слева от них.

— Может, ты скажешь, что и ЭТОГО ты не слышала?

— Слышала, конечно, — тут же согласилась Принцесса. — Но в пещерах со стен все время падают камни. — Я понимаю, что ты чувствуешь, Люк. Я и сама еще все время вздрагиваю.

— Нервы здесь ни при чем, — настаивал Люк. — Что-то идет за нами. Я видел, как оно двигалось.

Не обращая внимания на протесты Принцессы, он направился к гряде разноцветных шпилей. Звук не повторялся, движения тоже не было заметно. Полусогнувшись, Люк добрался до дальнего конца небольшой стены и осторожно заглянул за нее. Там ничего не было.

— ЛЮК!

Бен Кеноби мог бы им гордиться. Одним плавным движением Люк вскинул руку, чтобы отразить удар неведомого существа, и одновременно выхватил и привел в действие лучевой меч. Неосознанно он проделал все эти движения одной рукой. И в руке, выброшенной им для защиты, оказался меч.

Существо было тут же разрублено надвое.

Люк побежал назад, чтобы присоединиться к Принцессе. Она указывала рукой вперед. Дорогу им преградили еще два двуногих существа. Сзади появились другие — еще двое, трое, осторожно приближаясь к Люку и Принцессе.

— Ковен, — сказала Лея, наклоняясь, чтобы поднять обломок сталактита. Она перехватила его поудобнее, держа наподобие кинжала, в то время, как гуманоиды, крадучись, приближались к ним.

Все они были стройными, и каждый был покрыт прекрасным серым пухом. Глаза их были темными, запавшими шарами. Тем не менее, они, похоже, достаточно ясно видели Люка и Принцессу. На каждом было что-то, напоминавшее укороченные брюки, с которых свисали различные примитивные инструменты и множество амулетов. Такие же амулеты свешивались с их плеч и шеи.

Все они были вооружены длинными, тонкими каменными копьями. Двое также держали в руках обоюдоострые топоры. Они не выказывали страха перед лучевым мечом Люка, несмотря на то, что недавно стали свидетелями его роковой силы. Это говорило либо о том, что они либо хорошо знали технологию людей по своим визитам на поверхность, либо их храбрость объяснялась полным невежеством.

К счастью, их тактика была столь же примитивна. С диким воплем трое стоявших позади напали вместе, в то время, как двое впереди бросились в атаку несколькими секундами позже. Крошечная разница во времени оказалась критической.

Один удар меча рассек два из нацеленных на Люка копий пополам. Третье копьё было направлено в Принцессу. Она отразила удар камнем, подсекала нападавшего на нее туземца ногами, и они с грохотом свалились на землю. Перекатившись и оказавшись сверху, Принцесса изо всех сил обрушила осколок сталактита на его череп. Раздался звук, словно разрывали пластмассу, и из раны обильно заструилась кровь.

Люк увернулся от сокрушительного удара топора и отрубил обе ноги державшего оружие туземца. К этому моменту в битву вступили двое опоздавших. Люк уложил одного ударом, отрубившим руку, державшую копьё, повыше запястья. Ее обладатель свалился на землю, со стоном держась за кулышку.

Более осторожный, чем его товарищ, второй туземец поспешно остановился. Он стал тыкать в Люка копьем. Люк быстро отрубил его кончик, после чего туземец швырнул в него древко, повернулся и побежал назад тем же путем, откуда пришел.

Люк повернулся к Принцессе. Она ловко отражала удары оставшегося туземца, выискивая, когда он раскроется. Но когда существо увидело приближавшегося Люка, оно повернулось и стало отступать.

Осторожно подняв меч, Люк послал его вперед. Тот четко прошил копчик ковея, пока эфес не коснулся плоти. Туземец тут же замертво упал на землю.

— Скорее! — поторопила Люка Принцесса, подбирая топор одного из упавших существ. — Он не должен ударить, чтобы предупредить остальных. — Люк подхватил свой меч и поспешил вслед за ней.

Вдвоем они помчались вдогонку за единственным уцелевшим ковеем.

В спешке оба не сразу заметили, что дорога, по которой они бежали, медленно, но неуклонно повышается — впервые с того момента, как они покинули колодец трелл.

Впереди лежала огромная куча камней, упавших с потолка. Удравший ковей добежал до нее и стал карабкаться наверх. Все еще на бегу Принцесса прицелилась и бросила в него топор с большей силой и точностью, чем Люк или кто-нибудь еще мог бы от нее ожидать. Топор ударил туземца в правое плечо, и тот скатился с кручи по другую сторону.

— Ты попала в него! — воскликнул Люк. — Попала!

С трудом переводя дыхание, они стали карабкаться вверх по груде валунов. На той стороне, казалось, было светлее. Наверное, рассеянно подумал Люк, из-за того, что излучающая свет растительность там более густая.

Впрочем, мимбанская флора меньше всего занимала сейчас его мысли. Им надо было поймать раненного ковоя и разделаться с ним до того, как он приведет к ним целую армию своих соплеменников. Они взобрались на вершину каменной груды.

И остановились при виде зрелища, открывшегося их глазам сразу за грядой...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пещера открывалась в огромный круглый амфитеатр, такой же большой, как черное озеро, только без воды. Высоко в дальнем конце у стены пещеры стояло несколько маленьких одноэтажных строений. Они были той же постройки, что и город у них за спиной, и представляли собой что-то наподобие ворот. Однако они не были так разрушены, как строения в основной части города. Кто-то содержал их в целости и сохранности. Земля вокруг них была расчищена от обломков, а крыша и стены были аккуратно, хотя и грубо, залатаны. По всем признакам, в этих строениях кто-то жил.

Внизу они увидели туземца, которого сбила топором Принцесса, — держась за плечо, он бежал по направлению к большой толпе мохнатых существ, собравшихся в центре пещеры. Они стояли вокруг небольшого пруда — углубления, которое всегда было заполнено, благодаря сочившейся с потолка воде. Слева от пруда пылал настоящий костер, в котором жгли куски какого-то желто-коричневого материала. На дерево субстанция была не похожа, но тем не менее горела достаточно хорошо.

На фоне пруда и костра выделялись три крупных сталагмита, к которым были привязаны двое рычащих язземов и старуха. Халла была обвязана несколькими напоминавшими виноградную лозу веревками, а Хин и Ки были прямо-таки обмотаны ими. Трипио и Арту стояли поблизости, также связанные лозами.

Вокруг пруда, костра и узников собрались не менее двух сотен ковеев, включая вооруженных детей и жен-

щин. Их раненный соплеменник, бежавший к ним, теперь уже вопил во всю мощь своих легких.

Люк повернулся, собираясь скрыться. Принцесса схватила его за руку, сурово глядя на него: — Куда нам бежать, Люк? Они погонятся за нами в ту же секунду, и они знают здесь каждую тропку. Если нам придется сражаться и умереть, я лучше сделаю это на открытом месте, а не... на озере. — Она подняла упавший топор.

— Лея, мы... — Но она уже спускалась с гряды по направлению к пещере.

К этому времени раненный туземец уже добежал до толпы и возбужденно что-то лепетал нескольким крупным особям мужского пола в головных уборах из камня и других материалов, не оставлявших сомнений в их назначении. Раздались крики собравшихся — кое-кто из них обернулся. Взгляды всех устремились на приближавшихся к ним двоих людей.

Люк держал лучевой меч перед собой. Туземец, раненный Леей, теперь указывал на меч и что-то нервно бормотал.

Подойдя к толпе собравшихся троглодитов, Люк сделал мечом жест, который, как он надеялся, можно было принять как знак добрых намерений и доверия. Толпа с сомнением зароптала и расступилась. Внутренне подобравшись, Люк и Принцесса прошли меж рядов напряженно-внимательных туземцев по направлению к троим пленникам. Туземцы уважали мощь лучевого меча, но Люк отчетливо понимал, что тот не повергал их в панику.

— Они не уверены, как им поступать, — прошептала Принцесса, подтверждая его собственные мысли. — Похоже, они восхищаются твоим мечом, но не собираются делать из тебя Господа Бога.

— Они придут в еще большее восхищение, если попробуют нас остановить, — мрачно заявил Люк. Его уверенность росла. Он сделал резкий жест в сторону небольшой группы ковеев, подобранных к ним чуточку слишком близко.

— Люк! — вскрикнула Халла, когда они подошли к пленникам. Оба яззема что-то ликуяще зачирикали Люку и заговорили между собой.

— Что ж, вот вы нас и встретили, — сардонически заметил Люк, разглядывая их путы. — Тут ты тоже оказалась права, Халла.

— Не совсем так, как я собиралась, мальчик, — она что-то крикнула трем туземцам в роскошном облачении, к которым подходил раненый, затем снова зашептала, обращаясь к Люку: — Надеюсь, ты понимаешь, что у нас мало шансов отсюда вырваться?

— Она права, сэр, — сказал Трипио, — попытайтесь спастись сами.

— Я не для того столько отшагал и проплыл, чтобы быть принесенным в жертву какому-то подземному идолу, — отрезал Люк. И тут он сообразил, что произошло за минуту перед тем. — Ты же можешь с ними разговаривать, — удивленно констатировал он.

— Немного. Их язык — вариант языка зеленушек. Он не слишком легкий... вроде как говоришь под водой. Но я могу заставить вождей понимать меня.

— Вождей?

— Похоже, племенами ковеев правит триумвират, — объяснила Халла. — Вон те жизнерадостные мальчики в шляпках. Я им только что сделала предложение. Если они так благородны или азартны, как я думаю, у нас может появиться один шанс.

— Предложение? Какое предложение? — подозрительно спросила Принцесса.

— Сейчас дойду и до этого, — уклончиво ответила Халла. — Мы нашли путь вниз и собирались встречать вас, когда они напали на нас. Это было в узком проходе, и в этой ситуации их просто оказалось слишком много. Они поймали твоих язземов и роботов сетями, мальчик. У нас не было никаких шансов.

— Могут появиться, если я освобожу вас сейчас, — вывел теорию Люк.

— Где ваше оружие?

— Спокойно, Люк, — предостерегла его Халла. Она мотнула головой в сторону скопления низких построек в дальнем конце пещеры. — Туда ты ни за что не проберешься. Кроме того, я не видела, в какой из домов они его положили.

— Даже если бы я точно это знала, — продолжала Халла, — ты ни за что не сможешь освободить нас, добежать до оружия и вовремя вернуться. Я полагаю, что ты очень хорошо владеешь своим мечом, но ты же не можешь сражаться против сразу тысячи копий, летящих на тебя со всех сторон. Разве что, — ее лицо

осветилось надеждой, — эта твоя игрушка может служить не только мечом, но и щитом.

— Нет, — признался Люк, — это только меч. Давно вы здесь привязаны?

— Почти полдня, и у меня мочевого пузыря уже разрывается, — сообщила им Халла. — Они все это время спорили, каким способом лучше нас убить. Лично против нас они ничего не имеют... просто они вообще не любят людей и им подобных. Неудивительно, если они имели возможность наблюдать, как шахтеры обращаются с зеленушками. Не думаю, чтобы наши друзья ковеи сильно переживали, если все люди на Мимбане вдруг сорвались бы с места и отчалили.

— Скажи им, что мы не похожи на местных людей, — настаивал Люк, всматриваясь в круг враждебных лиц. — Скажи им, что мы тоже не хотим иметь ничего общего с местной публикой.

— Это племя — они не философы, Люк, мальчик, — терпеливо объяснила Халла. — Их концепция управления проста до чертиков. Ты не можешь объяснить ковеям, что такое, например, Восстание. Но я думаю, прибавила она, осторожно посмотрев из-за спины Люка на трех вождей, все еще возбужденно споривших между собой, — один шанс они нам дадут.

— Не верю, — возразила Принцесса, сверкая глазами на старуху. — Разве мы дали бы еще один шанс врагу, убившему четверых из нас?

— Судя по тому, что сказал тот парень с дырой в плече, который прибежал перед вами, вы убили только двоих. Остальные просто ранены. По-видимому, для ковеев смерть — это нечто неизбежное, то, что случается каждый день. Это же первобытное общество, вспомни! В их представлении те двое, которых вы прикончили, просто отправились к праотцам немного раньше назначенного им срока. Один из вождей даже только что обругал погибших за то, что они приняли неверное решение. Говорит, им надо было дождаться подкрепления. Он утверждает, что здесь нет вашей вины, виноваты сами погибшие: они сделали глупость, им следовало лучше знать.

— Какое варварство, — прошептала Принцесса.

Вид у Халлы был самодовольный: — А о чем я вам твержу все это время? В любом случае, туземец, которому ты разрезал плечо, Люк, говорит...

— Это не он, — возразила Принцесса. — Это я.

— О! — Принцесса тут же сильно поднялась во мнении Халлы. — Так вот, он распространяется о том, какой ты великий воин, Люк.

Люк был расстроен этим восхищением, вызванным поступком, который сам он презирал: — Лучевой меч против топоров и копий — не слишком честная битва.

Халла закивала в знак согласия: — Об этом-то они сейчас и спорят.

— Я что-то не совсем понимаю тебя, Халла.

— Я попыталась все им рассказать, Люк, мальчик, — объяснила Халла, — пока вы с девушкой спускались с той груды камней. Я пыталась их убедить, что мы не только с другой планеты и являемся другой разновидностью человечества, чем шахтеры, но что вы оба боретесь против людей на поверхности и если победите, выбросите их с Мимбана. И тогда ковреи снова смогут бродить по земле, когда им заблагорассудится.

— Один из вождей, — продолжала она, — целиком стоит за это. Второй думает, что я самая большая лгунья за всю историю их расы, а третий колеблется. Из-за этого и весь сыр-бор: каждый их первых двоих убеждает третьего принять его точку зрения.

— А что это за предложение? — поинтересовалась Принцесса.

— А, это, — Халла ухитрилась принять слушанный вид. — Я предложила, раз уж они не могут сами решить, где тут правда, пусть рассудит Кану. Насколько я понимаю, Кану — их местный бог, решающий все споры. Все, что требуется сделать нашему великому воину, чтобы убедить Кану, что мы говорим правду, — это победить одного из героев племени.

Люк заморгал: — Ну-ка, еще раз, пожалуйста, Халла.

— Не волнуйся, — заверила его Халла, — помни, на твоей стороне Сила.

— Сила? Я предпочел бы свой меч.

Халла покачала головой и сказала извиняющимся тоном: — Мне очень жаль, Люк, мой мальчик. Но ты же сам сказал. Топоры и копья против меча — это нечестно.

Люк отвернулся, вид у него был обескураженный: — Я ведь не борец, Халла, и ты переоцениваешь мое умение владеть Силой.

— Люк, эти существа ведь тоже не гиганты.

— Но и не карлики. А что если мы согласимся на это испытание, и я проиграю?

Халла ответила со своим обычным апломбом: — Тогда нам, вероятно, перережут глотку каким-нибудь исключительно примитивным способом. — Люк сердито пнул ногой землю. — Пожалуйста, Люк. Я сделала все, что могла. Это наша единственная возможность. Они не согласятся биться с кем-нибудь из язземов. Они не считают их разумными существами.

— Либо это, либо они не так первобытны, как ты думаешь, — заявила Принцесса.

— Дело даже не столько в этом, детка, а в том, что мы — люди, эксплуатирующие их землю. Так что нам придется доказать свою правоту перед ковеями.

Дальнейшее обсуждение было прервано, потому что вожди неожиданно прекратили дискуссию. Один из них — Люк не мог отличить их друг от друга — обернулся и что-то прокричал Халле. Она напряженно вслушивалась, затем усмехнулась.

— Решено. Они готовы покориться приговору Кану, — она обратила пристальный взор на Люка. — Я старая женщина, Люк, но, как я тебе уже говорила, у меня в жизни еще большие планы. Не подведи меня.

— Ты должен победить, Люк, — сказала Принцесса, — если я не попаду на эту встречу с подпольем Серкарпуса, из-за нашего отсутствия они, в конце концов, вообще откажутся от идеи примкнуть к Союзу.

Люк переводил глаза с Халлы на Лею: — Союз? А как же я? Не подводить ВАС? Так слушайте обе, — он постучал себя в грудь и посмотрел на Лею: — В конечном итоге мне важнее всего выжить, а не принести какую-то сомнительную патриотическую жертву. Или, — продолжал он обернувшись к Халле, — вытащить тебя из заварухи, которой ты должна была бы избежать. Это ведь у тебя опыт жизни на Мимбане.

— Люк, мальчик, — начала было Халла.

Отмахнувшись, он заставил ее замолчать: — Не сейчас. Теперь это уже не имеет значения. — Он отдал лучевой меч Принцессе. — Ладно... Каковы правила? И с кем я должен сражаться? Давайте покончим с этим... так или иначе.

— Вы сражаетесь, — старательно перевела Халла, — пока один из вас не сдастся или не погибнет. Если

сдаешься, говоришь “САЗН”. Это не важно, поскольку, сдаваясь, ты ничего не выигрываешь.

Люк только фыркнул и направился к вождям. Теперь уже бурлила вся толпа, очевидно, в предвкушении предстоящей схватки. Люк обнаружил, что, несмотря на прохладу, с него начинает лить пот.

Толпа расступилась, и Люк впервые взглянул на ковея, с которым, по-видимому, ему предстояло сражаться. Его напряжение немного спало. Хотя и шире в плечах, существо было того же роста, что и он сам. И выглядело оно не особенно свирепым. В толпе были ковеи и более крупные, и более устрашающего вида. И все же этот скромный образчик был избранным чемпионом. Тому должна была быть какая-то причина, и Люку предстояло это выяснить скорее, чем он того желал. Он настороженно оглядел противника. В свою очередь, ковей так же внимательно оглядел Люка, низко поклонился и сделал несколько замысловатых движений обеими руками.

Будучи не в состоянии воспроизвести сложный ритуал, Люк отдал ему салют Союза повстанцев. Из толпы донесся шум, похожий на одобрителный рокот. Правда, это могло быть и их способом довести до сведения Люка, что сейчас его разорвут на мелкие кусочки, но он предпочитал думать иначе.

Ковей прошел мимо Люка и остановился на дальнем конце пруда.

— Что мне теперь делать? — спросил Люк, обернувшись к Халле.

— Ступай на эту сторону пруда и стань к нему лицом, — сказала она.

— Когда второй вождь — тот, в середине, у которого из-за ворота торчат синие иглы, — опустит правую руку, начинайте сражаться.

— Нам что, придется драться в воде? — обеспокоенно спросил Люк.

— Об этом речи не было.

— И то уже хорошо.

Толпа издала неопиcуемый, леденящий душу вопль. Затем наступила мертвая тишина. Вождь в середине поднял руку, потом с силой опустил ее. Ковей тут же ринулся через пруд по направлению к Люку.

Люк держал в поле зрения свою часть воды, стараясь придумать, как ему поступать. Ударить по голове

или туловищу? Под густым покровом меха найти явно уязвимое место у ковея было невозможно. В стенах пещеры громом отдавались крики толпы.

— Зачем тебе было говорить Люку, с какими словами сдаваться, если он все равно ничего не выиграет, даже если и скажет их? — шепотом спросила Лея у Халлы.

— Я надеюсь, он скажет в самый трудный момент и использует их как последнее средство.

— Но почему?

— Потому что это не те слова, с которыми ковеи просят пощады. Это местное ругательство. По-моему, что-то связанное с материнством, — прошептала в ответ Халла.

Круто обернувшись, Принцесса изумленно посмотрела на нее:

— Во имя правого дела, зачем ты это сделала, старуха?

— Я подумала, что нам может принести какую-то пользу, если Люк выкрикнет что-нибудь дерзкое, когда этот зверь будет выжимать из него последние капли жизни. Мы от этого ничего не теряем. И Люк тоже. Ковеи восхищаются силой духа.

Принцесса была слишком шокирована и возмущена, чтобы ответить. Ее явное отвращение не произвело никакого впечатления на Халлу. Она смотрела мимо Леи в сторону пруда.

— Если нам повезет, ему не понадобится говорить это, — жизнерадостно объявила Халла. — В любом случае, мы теперь уже ничего не можем сделать.

Люк подпрыгнул у края воды, чтобы проверить мобильность противника. Но либо соперник был слишком умен, чтобы отвечать на это, либо ему просто было все равно. Ковей неуклонно плыл прямо к Люку, брызгаясь и разбрасывая воду, демонстрируя полнейшее равнодушие ко всему, что бы ни делал Люк.

Вообще, по мнению Люка, ковей слишком горел желанием принять участие в испытании. Его действия свидетельствовали об уверенности, которую Люк никак не мог разделить.

Если он останется на месте, лихорадочно соображал он, ковею придется карабкаться за ним по склону пруда. Это дало бы обеспокоенному юноше крошечное тех-

ническое преимущество. Поэтому он перестал двигаться, проверил, насколько устойчиво стоит, и стал ждать.

Ковей распростер неприветливые объятия и ринулся в атаку.

Прямое нападение Люк встретил прямым ударом. Как только существо оказалось рядом, он направил свой лучший прямой удар в челюсть нападавшего. Может, у ковеев подбородки были из стекла. Как выяснилось, это была неподходящая метафора. Нижняя челюсть ковея была из твердого гранита, не из стекла. Но даже при этом удар Люка остановил его. На секунду.

Когда он снова обрушился на Люка, тот ударил его другой рукой в то место, где у людей находится солнечное сплетение. Это даже не замедлило движения ковея. Люк попытался нырнуть под вытянутую руку, но у туземца оказалась поразительная реакция. Он схватил Люка за плечо и круто развернул его.

Люк отчаянно пытался затормозить, но очутился в воде. Дно пруда оказалось скользким, и он с плеском упал ничком. Когда ковей бросился на него, Люк в испуге извернулся и оказался сверху, на своем противнике.

Обеими руками он пытался опустить мохнатую голову под воду. Она не поддавалась.

Люку быстро становилось ясно, почему ковей выбрали в качестве представителя суда Кану эту уменьшенную версию их самих. Он был гибким и подвижным — сплошной комок мускулов под обманчиво мягким мехом.

Никаких больше правил, напомнил он себе. Одной рукой он шарил по скользкому дну пруда, в надежде найти какой-нибудь камень, что-нибудь твердое, что уместилось бы у него в кулаке. Но нащупал только песок, к тому же эти попытки нарушили его равновесие. Ковей сбросил Люка и навалился ему на грудь. В отличие от туземца, Люк обнаружил, что его голова легко уходит под воду.

Под несколькими сантиметрами воды рев толпы превратился в приглушенное эхо. Люк посмотрел вверх. Искаженное водой, гротескное лицо ковея свирепо смотрело на него из воды. Он неумолимо держал Люка под водой одной рукой, другой удерживая равновесие.

В отчаянии Люк повернул голову вправо. Его рот ударился обо что-то теплое, и он изо всех сил вцепился

в него зубами. Ковей рывком отдернул поврежденную конечность. Голова Люка поднялась над водой, и он благодарно вдохнул воздух. Шум ударил ему в уши, как еще один противник. Сквозь рев толпы он мог слышать, как, поддерживая его, отчаянно кричат Лея, Халла и Трипио. Оба яззема оглушительно гикали, а свист и гудение, выпускаемые Арту, перекрывали рев ковеев наполовину.

Если бы только на его месте был Хин! Тогда ковей, навалившийся на него сверху, не улыбался бы так беспечно. Укушенная рука снова попыталась ухватить Люка за голову, он отчаянно извернулся и обеими руками попытался что-нибудь нащупать. Пальцы скользили по бокам существа в попытке найти чувствительное место. Однако места, которые хотел бы ощупать Люк, большей частью были для него недостижимы.

В нетерпении ковей подтянул другую руку, чтобы удержать голову Люка и покрепче ухватить ее правой рукой. В этом положении Люк понял, что вода работает на него. Он поднялся и круто развернулся. Туземец, шатаясь, боком свалился в пруд.

Совершенно промокший и полузадохшийся, Люк, шатаясь, поднялся на ноги. Он смотрел, как встает ковей, и старался придумать что-нибудь для следующей атаки. А в это время туземец опустил плечи и снова набросился на Люка.

На этот раз Люк выбросил правую ногу. Юноша вложил все оставшиеся силы в этот удар, и нога вылетела из воды, словно выброшенная взрывом.

Она попала ковоею в центральную часть тела, примерно туда, где у людей находится желудок. То ли сила удара была так велика, то ли Люк попал в более уязвимую часть тела, но ковей испустил ошеломленное "у-уфф" и тяжело осел в воду.

Приблизившись неверными шагами, Люк поднял ногу и ударил снова. Но ковей был не настолько парализован — он успел поднять руку и заблокировать удар. Одновременно он ухватил качающуюся ногу и навалился на нее. Люк попытался перевернуться, пока сидящий ковей тащил его за ногу к себе. Если существу удастся дотянуться до него руками в этот раз, Люк знал, что все будет кончено. Он лежал ничком на песке. Он уже ничего не смог бы сделать.

Его руки, шарившие по дну, наткнулись на что-то продолговатое и неподатливое. Камень, но слишком большой, чтобы он мог схватить его рукой. Ему понадобились бы обе руки, чтобы поднять нечто столь массивное, и, уж конечно, гораздо больше сил, чем было у него теперь, чтобы им воспользоваться.

Как Люк и боялся, рука опять вцепилась ему в затылок. Она пригibasа его книзу со страшной силой — так сильно, что лицо Люка вдавилось в песчаное дно пруда. Люк почувствовал, как мелкие песчинки набиваются ему в ноздри. Выросший в мире пустынь, он встретит смерть в песке более влажном, чем он когда-либо мог себе представить.

Мысли Люка путались по мере того, как кровь вытесняла последние капли кислорода из его легких. В глубине его сознания зазвучал воображаемый голос. Он призывал его расслабиться. Что ж, это совсем нетрудно сделать, с удовольствием подумал Люк. Он расслабится. Он устал, он так устал.

Ковей решил, что это уловка, и не ослаблял своего давления на Люка. Даже сильнее прижал его, предчувствуя победу. А потом свершилось чудо — туземец перестал давить на шею Люка. Не в силах думать о том, чтобы повернуться, защитить себя или нанести ответный удар, Люк вырвался на поверхность.

Воздух! Самый восхитительный из газов, он наполнил изголодавшиеся легкие Люка — ослабленные мехи, заработавшие все мощнее с каждым дыханием. Откашливаясь и выплевывая воду, Люк так и стоял на коленях, пьяный от счастья, что может снова дышать. И только когда его организм перестал в отчаянии требовать кислорода, он подумал о том, чтобы обернуться и посмотреть на своего противника.

В чистую воду пруда с виска ковея стекала кровь. Он лежал на спине, определенно без сознания, может быть, мертвый.

Как в тумане, несколько озадаченный Люк подполз на четвереньках к неподвижному ковeю. Одной рукой он дотронулся до его лица, занес над ним кулак. Но ковей не двигался. Он действительно был повержен, это не было чужеземной игрой в кошки-мышки.

Неожиданно рядом с Люком в воде оказалось еще одно тело. — Ты победил, Люк, ты побил его! — кричала ему в ухо Принцесса. Она крепко обхватила его

руками, и это объятие чуть не опрокинуло их обоих в воду.

— Ты не понимаешь? — радостно спросила она. — Ты победил. Мы все теперь можем уйти отсюда. То есть, — продолжала она, понизив голос, оглядываясь на молчаливую толпу и стараясь не показывать страха, — сможем, если у этих существ есть чувство чести.

— Я бы не стал об этом особенно беспокоиться, Лея, — заметил Люк, вытирая воду с лица. — Вспомни, ведь Кану вынес решение. Кроме того, нужны тысячелетия технического прогресса, чтобы общество свело понятие чести к абстрактной моральной банальности, не имеющей реального значения.

— Вот если бы это была имперская арена, я бы забеспокоился. — Люк оглядел наблюдавших за ними туземцев. — Я думаю, ковей держат слово.

— Мы это выясним, — заверила его Принцесса, от души желая разделить его уверенность. Обвинив его левой рукой свои плечи, она помогла Люку подняться. Когда они выходили на сушу, Люк слышал какое-то бормотание и фыркание, похожее на звуки, издаваемые распаленным боровом. Бросив взгляд влево, он увидел своего извивающегося противника. Люк обрадовался. Стало быть, ковей не погиб.

Как только это стало очевидным, из толпы выскочили несколько ковеев и подбежали к своему раненному соплеменнику. На мгновение Люк забеспокоился. Он слышал о некоторых общинах, где поверженного или обесчещенного члена племени убивали за его поражение.

Похоже, что ковей стояли на более высокой степени развития для того, чтобы этим заниматься. Они подняли своего побежденного чемпиона и поднесли к его лицу нечто, напоминавшее какое-то курящееся растение. Люк тоже случайно вдохнул его, и это помогло ему восстановить силы. Он поспешно прошел мимо. Даже если бы ковей умер, ему стоило бы всего лишь раз вдохнуть эту невероятную острую субстанцию, чтобы подняться на ноги, подумал Люк, и эта мысль была шутилой лишь наполовину.

Затем его взгляд случайно упал на один предмет, и он остановился, тупо глядя на него. Его внимание привлекли не методы лечения ковеев, не конвульсивная реакция на них побежденного воина, но большой ка-

мень. Размером с человеческую голову, он лежал рядом с головой ковеля.

Кончики пальцев Люка сохранили воспоминание об этом камне. Этот был тот самый обломок, который он нащупал до того, как потерял сознание. А терял ли он сознание вообще? Похоже было на то, что нечто, запрятанное глубоко у него внутри, какие-то ресурсы, которых он не сознавал, среагировали в тот момент, когда он уже готов был задохнуться, и помогли ему поднять камень и бросить в его мучителя.

И тем не менее, Люк не мог припомнить даже, как он взял камень руками, не говоря уже о том, чтобы поднять его из воды и бросить.

— Как я это сделал? — спросил он у Принцессы.

Она с сомнением посмотрела на него: — Сделал? Что?

— Побил... его, — устало сказал Люк, жестом указывая на бойца-ковеля.

Принцесса перевела взгляд с туземца снова на Люка и позволила себе нахмуриться: — Ты хочешь сказать, что ты не помнишь? — Он покачал головой. — Я думала, что все кончено, когда ты ушел под воду во второй раз, Люк. Я понимаю, что напрасно волновалась, но ты так долго пробыл под водой, что этим одурачил нас всех.

Никого я не дурачил, сказал про себя Люк.

Теперь Принцесса уже улыбалась: — А потом ты бросил этот огромный камень. Попал ему прямо в висок. Он этого не ожидал. Даже не попытался увернуться. Я и не знала, что ты так хорош в ближнем бою, Люк.

Люк мог возразить, сказать, что он тоже не ожидал этого. И только восхищение, сиявшее в глазах Принцессы, удержало его. Они могут обсудить это и позже, заметил он про себя.

Одно было бесспорно — каким-то образом он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** бросил камень. Так или иначе — он это сделал. Именно это и было важно. Теперь оставалось только выяснить, была ли правильной его оценка ковеев и стоило ли того его загадочное усилие.

Они подошли к Халле и остальным. Все стали поздравлять Люка одновременно. Он не отвечал. Взяв у Принцессы свой меч, он установил его на малую мощност, чтобы разрезать путы, привязывавшие старую

Халлу к сталагмиту. Старуха чуть не упала, на мгновение потеряв способность держаться на онемевших ногах. Принцесса была тут как тут и поддержала ее.

— Спасибо, юная леди, — Халла нагнулась и стала растирать затекшие ноги.

Люк принялся освобождать язземов и роботов.

Пока он занимался этим, один из трех вождей — тот, по чьему сигналу началась схватка, — встал между Люком и Ки. На какое-то ужасное мгновение Люку показалось, что он неправильно судил о ковяхх — с романтической, а не с реалистической точки зрения. Неужели ему снова придется сражаться? Или яззему, поскольку он не был человеком, придется совершить какой-нибудь трудный подвиг, чтобы получить свободу? С какой еще непостижимой гранью подземного закона им придется столкнуться теперь?

Люку незачем было беспокоиться. Вождь всего лишь хотел проиллюстрировать решение Кану понятным всем способом. Люк напряженно следил за тем, как туземец извлек из складок своего одеяния острый нож из вулканического стекла, чтобы потом расслабиться, увидев, что нож понадобился только для того, чтобы разрезать пути сначала яззема, а потом и роботов.

Чувство облегчения пропало, когда Люк услышал какое-то бормотание и, обернувшись, увидел, что несколько ковеев ведут к нему его недавнего противника. Двое соплеменников поддерживали забинтованного туземца с каждой стороны. Когда они приблизились к Люку, ковей стряхнул руки своих помощников.

Напрягая все мускулы, Люк крепко стиснул лучевой меч и стал ждать. Ки угрожающе заверещал, но Люк поднял руку, успокаивая яззема.

Протянув вперед обе руки, воин-ковей схватил Люка за плечи и потянул к себе. Люк было подумал, что ему все же придется воспользоваться мечом, но тут туземец мягко оттолкнул его. А потом ударил его по щеке.

Люк заморгал. Удар был настолько сильным, что чуть не сбил его с ног. Ковей что-то пробормотал, но это было непохоже на вызов.

— Не стой, как истукан, — велела ему Халла, которую это зрелище явно забавляло. — Бей его в ответ.

— Что? — Люк смутился и не стыдился показывать это. — Я думал, схватка окончена.

— Так и есть, — пояснила Халла, — таким способом он показывает, что признает тебя сильнее. Давай, ударь его.

— Ну,.. — Правой рукой Люк ударил неподвижного туземца так, что у того застучали зубы. Несмотря на заверения Халлы, он готовился к яростному отпору. Но вместо этого на лице туземца появилось удовлетворенное выражение, и он упал на колени перед Люком. Толпа ревом выразила свое одобрение.

После того, как воин отошел в сторону, приблизился второй вождь. Он заговорил очень серьезно, обращая свои слова к Люку.

— Насколько я могу его понять, — негромко перевела Халла, — мы приглашены сегодня вечером на пир.

— А как они отличают, вечер сейчас или утро? — поинтересовалась Принцесса.

— Наверное, ставят часовых у своих выходов на поверхности, — предположила Халла. — Если они не всегда были подземными жителями, скорее всего, они сохраняют такие же методы определения времени, как наверху.

— А ты не могла бы за нас отказаться? — с надеждой спросил Люк.

— Скажи им, что нам срочно надо вернуться во внешний мир.

Халла что-то сказала вождю, и он с готовностью отозвался.

— Это не просто просьба, Люк. Если мы ответим отказом на их приглашение, мы явно оскорбим не только их гостеприимство, но и гостеприимство Кану. Конечно, мы вольны выбирать. Если мы будем настаивать на отказе, все, что от нас требуется, — это выбрать воина, чтобы сразиться с одним из них, а потом...

Люк перебил ее: — Я только сейчас сообразил, как я проголодался...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Они потеряли чувство времени. Когда пришло, наконец, время пиршества, в огромной пещере было так же светло, как и раньше. Жизнь фосфоресцирующих растений в подземном мире Мимбана шла своим чередом по системе, совершенно не принимавшей в расчет невидимое движение небесных тел и законы астрономии.

Высушив свою одежду у постоянно горевшего костра и снова одевшись, Люк стал почти самим собой. Правда, его все еще беспокоила шея. Она болела в основании, там, где на нее нажимали твердые пальцы ковея.

Гости на пиру расселись концентрическими кругами вокруг пруда, и им были поданы большие блюда с пищей весьма экзотического вида. Их развлекали непрерывными танцами, которые, несмотря на тоскливую ритмическую музыку, были вполне терпимы благодаря поразительным прыжкам и скачкам, исполнявшимся гибкими танцорами ковеев.

Халла выносила приговор каждому кушанью, указывая, какое из них приемлемо для человеческого организма, а какое — нет. Что годилось для людей, то, по-видимому, было съедобно и для язземов, и хотя они и отведали парочку блюд, один вид которых способен был вывернуть человека наизнанку, но остались живы.

Люк ел с большим аппетитом. В нескольких случаях он счел оценку Халлы явно неправильной, но тем не менее поглотил достаточное количество пищи, чтобы это удовлетворило их хозяев, стремившихся всячески им угодить, и при этом сохранить всю еду у себя в желудке.

Хотя большей частью блюда напоминали по вкусу переработанную изоленгу, кое-какие из подземных деликатесов оказалась действительно пикантными и ароматными. Люк постарался на них сосредотчиться. В действительности же он съел гораздо больше, чем намеревался. Каким бы чужеродным ни было ее происхождение, вся стоявшая перед ним еда была свежей. Это было приятным разнообразием после вечной диеты из концентратов, на которой в последнее время сидели они с Леей.

Со своей стороны Принцесса, сидевшая по левую руку Люка, похоже, искренне наслаждалась танцами. Очевидно, каковы бы ни были ее чувства по отношению к внешнему миру Мимбана, на его искусство они не распространялись.

Люк заинтересовался этим, и ее ответ удивил его: — Это как раз хуже всего в Империи, Люк, — с энтузиазмом ответила она. — Ее искусство деградировало так же, как и правительство. И тому, и другому не хватает живости творчества. Именно поэтому я вначале и примкнула к Восстанию, а вовсе не из-за политики. В вопросах политики я, наверное, тогда была так же наивна, как и ты.

— Я не совсем понимаю, — сухо ответил Люк.

— Когда я жила во дворце своего отца, я ужасно скучала, Люк. Я задумалась над тем, почему мне все неинтересно, и пришла к выводу, что Империя задушила мои собственные мысли. Прочно установившиеся тоталитарные режимы боятся любого свободного самовыражения. Статуя может стать манифестом, рукопись, в которой запечатлены приключения, — призывом к восстанию. От коррумпированной эстетики до коррумпированной политики расстояние гораздо меньшее, чем предполагали в большинстве своем окружавшие меня люди.

Люк кивнул, надеясь, что он действительно все понял. Ему очень хотелось этого, ибо то, что только что сказала Принцесса, было, видимо, очень важно для нее.

С ближайшего к нему блюда он выбрал небольшой плод, напоминавший миниатюрную розовую тыкву. Решив попробовать, Люк вонзил в него зубы. Брызнул голубой сок и залил ему спереди весь комбинезон, что тут же вызвало смех Принцессы и Халлы.

Нет, подумал Люк, никогда он не сможет до конца понять Принцессу. — Чего ж вы хотите, — пробурчал он, смеясь над собой, — от невоспитанного деревенского мальчишки?

— Я думаю, — негромко ответила Принцесса, не глядя на него, — что для невоспитанного деревенского мальчишки, ты один из самых светских мужчин, кого я знаю.

Первобытная музыка и пение отошли на задний план — Люк повернулся к Принцессе, удивленно глядя на нее. Как реактивная установка находит цель, так встретились и их взгляды. Казалось, раздался краткий, бесшумный взрыв, прежде чем Лея поспешно отвела глаза.

Все мысли Люка были поглощены теперь тем, о чем раньше он едва осмеливался мечтать. Он снова надкусил плод, на сей раз более осторожно.

Внезапно его рука разжалась, словно в него попала пуля. Розовая тыква упала на землю — Люк поднялся во весь рост, выпрямился, глаза его были широко раскрыты и пристально смотрели вдаль. Принцесса поднялась, пытаясь понять, что означает удивленное выражение его лица.

— Люк... что случилось? — он сделал несколько неверных шагов вперед.

— Это что, из-за фрукта, мальчик? — озабоченно спросила Халла. — Малыш!

Люк моргнул, затем медленно обернулся к ним: — Что?

— Мы беспокоились, мастер Люк. Вы... — Трипио запнулся, потому что Люк отвернулся от него и стал смотреть на восток.

— Он идет, — негромко сказал он, и каждый звук его слов отдавался эхом. — Он близко, очень близко.

— Люк, мальчик, либо ты начнешь говорить толком, либо я велю Хину перевернуть тебя вверх тормашками и накормить тебя рвотным. Кто идет?

— Было движение, — вместо ответа прошептал Люк, — очень сильное возмущение Силы. Я и раньше его чувствовал, только слабо. А сильнее всего я почувствовал его, когда был убит Бен Кеноби.

Лея в ужасе глотнула воздух, и ее глаза расширились: — Нет, только не он, только не здесь!

— Нечто чернее ночи растревожило Силу, Лея, — сказал Люк. — Этот правитель Эссада, наверное, свя-

зался с ним и послал его сюда. А он особенно заинтересован в том, чтобы найти тебя и меня.

— Да КТО же, наконец?! — почти выкрикнула разозленная Халла.

— Лорд Дарт Вейдер, — еле слышно прошептала Лейя. — Темный повелитель Сита. Мы... мы уже встречались раньше. — Руки Лейи дрожали. Она изо всех сил старалась сдержать эту дрожь.

Их краткое безрадостное раздумье было прервано криками какого-то туземца. Музыка прекратилась. Танцоры резко остановились, перестав исполнять свои немислимые прыжки и пируэты, казалось, бросившие вызов силе тяжести. Все три вождя встали и уставились на бежавшего к собравшимся туземца. Тот упал на руки одного из вождей. Последовала краткая, практически односторонняя беседа. Затем вождь оставил курьера, задыхаясь, стоять на четвереньках, повернулся и, яростно жестикулируя, сообщил его информацию своему народу.

Радость ковеев немедленно сменилась ужасом. Вскоре упорядоченное собрание превратилось в хаос, туземцы кинулись в разные стороны, размахивая руками и выпучив глаза от страха. Пища, посуда, инструменты — все было забыто: растоптано или перевернуто.

Затем вождь приблизился к гостям и заговорил с Халлой.

— Что он сказал?

Халла повернулась к Люку и остальным: — Сюда идут люди. Люди в тяжелых доспехах. Они идут по главному проходу сверху — оттуда, где прошли и мы, — на лице ее был написан гнев и отвращение. — Много людей с палками, несущими смерть. Они уже убили двух ковеев, собиравших пищу неподалеку от выхода, когда те попытались от них убежать.

— Имперские бронированные войска, — в голосе Люка звучало удовлетворение. — Так и должно было быть, если учитывать то, что я почувствовал его присутствие.

— Но как же Вейдер мог нас здесь найти? — резко спросила Принцесса. — Как? — Люк продолжал вслушиваться во что-то, не слышное остальным, поэтому она повернулась к Халле: — Они могли найти след нашего болотного вездехода?

Халла поразмыслила и нехотя сказала: — Возможно, хотя я в этом сомневаюсь. Там было много мест, где мы практически пролетали над болотом и не могли оставить следа. Но вполне вероятно, что радиолокационная станция слежения могла грубо проложить курс по тем следам, которые мы действительно оставили. Впрочем, и это кажется невероятным. Я знаю все имперские наземные станции слежения — ни одна из на это не способна.

— Даже если бы и была способна, — подхватила Принцесса, — как могли они добраться от разбитого вездехода до выхода из пещеры ковеев? Как могли они узнать, что мы здесь, внизу?

— Может, они решили, что, после того, как наш вездеход был уничтожен, мы станем искать убежища под землей? — предположила Халла. — Но я все равно не понимаю, как они догадались, что мы именно в этой пещере.

— Думаю, что причиной этому я. — Все обернулись к Люку. — Точно так же, как я чувствую Вейдера, он, без сомнения, может ощущать меня. У него гораздо больше опыта в обращении с Силой, чем у меня, так что его ощущения, видимо, сильнее. Не забывайте, что он был учеником Оби-вана Кеноби. — Люк посмотрел назад, на туннель, ведущий на поверхность Мимбана.

— Он идет за нами.

Роботы не могут падать в обморок, но Трипио сумел очень убедительно это воспроизвести. Арту выбралил своего товарища.

— Арту прав, Трипио. Если ты отключишься, этим ты никому не поможешь.

— Я... знаю это, сэр, — отозвался высокий робот, — но Темный властелин, он идет сюда. При одной мысли об этом у меня отключаются все сенсоры.

Люк мрачно усмехнулся: — У меня тоже.

Присоединившись к третьему члену триумvirата, двое вождей стали что-то бубнить ему. Их разговор сопровождался оживленной жестикуляцией и размахиванием руками. У Люка создалось впечатление, что большей частью разговор касался трех людей, стоявших рядом.

Наконец, вожди повернулись и выжидательно уставились на Люка. Озадаченный, он взглянул на Халлу в

надежде на объяснение. Оно ему не слишком понравилось.

— Они говорят, что раз ты победил героя их племени, значит, ты — самый великий воин из здесь присутствующих.

— Мне просто повезло, — честно признался Люк.

— Они не понимают, что значит “повезло”, — отозвалась Халла, — для них важны только результаты. Люк неловко переступил с ноги на ногу. Пристальные взгляды трех вождей заставляли его чувствовать себя очень неловко.

— Ну и чего они от меня ждут? Они ведь не собираются сражаться, правда? Копья и топоры против энергетического оружия!

— Технически здесь, конечно, большая разница, — возразила Принцесса, сурово глядя на него, — но я бы не стала недооценивать этих людей. Они поймали двух взрослых язземов без всяких сложных устройств. Сомневаюсь, чтобы люди справились лучше.

— И кроме того, — продолжала Принцесса, — они знают здесь все проходы и туннели, Люк! Они знают, где здесь провалы, а где — твердая земля. Сила ведь не геологический феномен... может быть, у нас есть шанс.

— Ковеям лучше пойти на переговоры, — пробормотал Люк, которого эти слова не убедили.

— Прости, Люк, мальчик, — извинилась Халла после короткого обмена мнениями с одним из вождей. — Нашествие воинов — это не то, что появление нескольких бродяг. Они хотят сражаться. Кану, — улыбнулась она, — рассудит.

— Мне бы твою уверенность в юриспруденции аборигенов, Халла.

— Не спорь, мальчик. С тобой старина Кану ведь хорошо обошелся, правда?

— Люк, — взмолилась Принцесса, — нам некуда бежать. Ты же сейчас сам это сказал. Если Вейдер знает, что ты здесь, значит, он, видимо, знает и то, что я с тобой. Он не остановится, пока... — она поколебалась, прочистила горло и продолжала. — Его ничто не остановит, Люк. Даже если ему придется идти за нами к центру Мимбана. Ты знаешь это.

— У нас нет выбора. Мы ДОЛЖНЫ сражаться.

— Наверно, должны, — согласился он, — но ковев — нет.

— Они все равно вступят в битву, будешь ты с ними или нет, Люк, — заверила его Халла. — А мы уже заявили, что мы против того, чем здесь занимается горнодобывающий консорциум. Вожди хотят, чтобы мы доказали им, что это правда.

Мысли бешено крутились в голове Люка. Время от времени сталкиваясь друг с другом, они создавали еще больший хаос в его мозгу, и тогда ему хотелось только одного — тихого места, где он мог бы спрятаться.

Но...

Ему надоело убежать.

Сейчас, когда он подумал об этом, ему вспомнилось, что они с Леей все время бежали, — с того самого момента, как впервые ступили на землю этой планеты. Люк осознал, что Халла, Лея и трое вождей ковеев с тревогой ждут от него ответа. Лицо Принцессы было непроницаемо.

Естественно, он принял единственно возможное решение...

В суматохе следовавших за этим приготовлений Люк обнаружил, что ковев далеко не так беспомощны, как он опасался. Поэтому он не очень удивился, узнав, что им и раньше случалось отражать нападения извне — как доисторических плотоядных, так и других первобытных племен.

Большую часть времени Люку оставалось только восхищенно наблюдать за подготовкой ковеев к отражению нашествия людей, а не вносить свои предложения. А те готовились к битве с энтузиазмом и каким-то мрачным восторгом.

Люк был благодарен им как за их мастерство, так и за их энтузиазм. Это отчасти сняло с его души главную заботу: он боялся, что сотни ковеев погибнут, защищая его и Принцессу. Приятно было узнать, что они разделяют их гнев на людей в блестящих доспехах, спускавшихся сверху.

Люк сообразил, что, по счастью, из-за тактики имперских войск Принцесса пришла в слишком большую ярость, чтобы бояться. Он старался разжечь ее гнев. Все, что могло отвлечь ее от мыслей о Вейдере, стоило того.

— Надо же, использовать энергетическое оружие против первобытных копий, — в бешенстве шептала она. — Это еще одно грубейшее нарушение подлинной имперской хартии. И еще одна причина для того, чтобы повстанцы продолжали сражаться.

— Ковей не слишком высокого мнения о твоих эмоциях, юная леди, — заметила Халла, стоявшая неподалеку. — Они ведь считают нас примитивными. И если исходить из того, как Граммел и его приспешники обращаются с ними, то с точки зрения социологии я бы присоединилась к нашим подземным друзьям...

Пока защитники отрабатывали свою стратегию в предстоящей схватке, Люку и Принцессе оставалось только объяснять потенциальные возможности и недостатки оружия, с которым им придется иметь дело.

По крайней мере, размышлял Люк, это будут не только копья и топоры. Он поднял свой пистолет и с удовольствием взвесил роковое оружие на руке. Это был один из пистолетов, отобранных у Халлы и язземов в момент их пленения и теперь возвращенных им.

Хин очень скоро отверг свое тяжелое оружие и отдал его Принцессе. Он объяснил Люку, что ему будет удобнее сражаться огромным топором, которым снабдили его ковей. У Ки была на этот счет более цивилизованная точка зрения, и он решил держаться за свою винтовку. А может быть, слово “цивилизованная” и не очень подходило к данному случаю.

Он помогал устанавливать сеть, когда в извилистом ближнем туннеле эхом отразился треск, похожий на удар грома. Халла считала, что сейчас агрессоры находились уже на полпути между пещерным городом и выходом на поверхность.

— Стрелковое оружие калибра одиннадцать, — тонким эксперта сказала Принцесса, — апертура — четверть сантиметра, автоматический огонь только на низкой мощности. — Она с трудом подняла тяжелое оружие, которое дал ей Хин, и постаралась поудобнее пристроить его, чтобы привести в боевую готовность.

Хотя ковей и не могли идентифицировать источник грохота с такой же точностью, как Принцесса, они вполне оценили угрозу. И принялись лихорадочно заканчивать последние приготовления.

Рассыпанные впереди разведчики подали сигнал. На глазах у Люка ковей стали пропадать, двигаясь, прыгая,

хоронясь в таких местах, где, казалось, невозможно было спрятаться. Они исчезали в трещинах и проломах, в земле, проскальзывали в дыры в потолке пещеры, замирали за ложными каменными завесами.

Люк и Принцесса поспешили присоединиться к Халле. Оба яззема двинулись к заранее предназначенным им местам, смешиваясь с теми из ковеев, кто не спрятался. Двое роботов укрылись за пределами огневой зоны.

Халла завершила свой разговор с одним из трех вождей и обернулась, приветствуя Люка и Принцессу.

— Сколько их? — был первый вопрос Люка.

— Разведчики не уверены, — сказала она, — с одной стороны, имперцы тоже выслали вперед разведчиков. Это и был источник того выстрела, который мы слышали. Кроме того, у них аррьергард по всей пещере. Но если я правильно поняла счет ковеев, они думают, что там их по меньшей мере человек семьдесят.

— Все пешие? — осведомилась Принцесса.

— Да. У них нет выбора, и нам это на руку. Туннель слишком завален валунами и узок во многих местах, чтобы там прошел даже маленький транспортер для перевозки личного состава.

— Это уже кое-что, — заметил Люк, стараясь поднять свой боевой дух так же, как остальные. — Нам не придется иметь дело с мобильной броней и тяжелыми вооружениями.

Халла коротко рассмеялась: — А с чего бы Граммелу думать, что они ему потребуются? Уж никак не против бедных первобытных ковеев. Человек шестидесяти-семидесяти имперских штурмовиков, закованных в броню и с энергетическим оружием, будет достаточно, чтобы поймать нескольких плохо вооруженных беглецов.

— Сарказм отставить, — сказал Люк не допускающим возражений тоном.

— Нам понадобится нечто большее, чем храбрость и мужество, чтобы все это не превратилось в массовое истребление наших друзей.

— Тут я могла бы с тобой поспорить, Люк, мальчик, — мягко прошептала Халла. — Мне в любом случае подавай храбрость и мужество.

— А мне дайте только один хороший выстрел в Вейдера, — прошипела Принцесса, и ее пальцы крепче стиснули ствол оружия. Ненависть, сверкавшая в ее

глазах, больше подошла бы другому, менее тонкому лицу.

Люк посмотрел на нее сверху вниз и с чувством прошептал: — Надеюсь, ты получишь свой шанс, Лея.

— Кстати, тут есть неприятная возможность, — сказала Лея позже, когда они карабкались наверх, чтобы занять позицию за укреплением из полосатого травертина. — Что, если Вейдер не придет сюда вместе с атакующими?

— Он идет, — заверил ее Люк.

— Сила?

Люк медленно кивнул: — Кроме того, как ты отметила еще раньше, он знает, что мы с тобой здесь. Он явится сюда, чтобы руководить нашей поимкой. — Люк сглотнул комок в горле и прибавил: — Чтобы убедиться, что нас взяли живыми.

Прислонив тяжелое оружие к краю стены, Лея с силой прошептала:

— Этого он ни за что не добьется. — Потом она слегка расслабилась и обратила серьезный и непреклонный взгляд на своего спутника: — Если до этого дойдет, Люк...

— До чего?

— До того, чтобы взять нас живыми, — Люк понимающе кивнул, и она продолжала: — Обещай мне, что во имя тех чувств, которые ты питаешь к Восстанию, во имя тех чувств, что ты питаешь ко мне, воткнуть этот свой меч мне в горло.

Люк неловко смотрел на нее: — Лея, я...

— Поклянись! — потребовала она, и в ее голосе прозвучали стальные нотки.

Люк что-то пробормотал, что могло бы сойти за утвердительный ответ. Затем они сообразили, что ковеи тихонько зовут их сверху. Халла выглянула и посмотрела вниз со своей позиции слева, высоко на верху пещерной стены.

— Неужели вы двое никогда не заткнетесь? Тихо теперь, детки... гости идут.

В туннеле воцарилась тишина. Люк до боли напрягал зрение, но ковеи схоронились идеально. В нескольких метрах от него спрятались десятки, но он сумел разглядеть только некоторых из них. Единственные, кто стоял рядом и в поле зрения, были Лея, Халла и Ки, дуло его

оружия высывалось между двумя огромными сталагмитами, как обломок камня. Хина не было и следа.

Мертвый воздух в туннеле был так чист и неподвижен, что Люк слышал металлическое клацанье брони первых имперских штурмовиков еще до того, как увидел их. Вскоре знакомые, похожие на роботов фигуры появились в поле зрения. Надежно укрытые броней, солдаты держали оружие небрежно, на уровне пояса. По-видимому, они ожидали очень слабого сопротивления или вообще никакого.

Рассматривая их, Люк понял, что ковечи были правы: в таком замкнутом, узком пространстве энергетическое оружие скорее обратится против своих хозяев. Броня такого типа делала человека неуязвимым для большей части энергетического оружия, не считая жизненно важных точек, таких, как глаза или суставы, где в силу необходимости защита была слабее. И что было еще более важным, доспехи ограничивали воинам обзор. Это не имело решающего значения, например, в схватке на корабле с его широкими, свободными от препятствий коридорами. Но в узком, загроможденном туннеле обзор был более жизненно важен, чем лишний выстрел.

Словно по сигналу, четверо ковеев, по двое с каждой стороны узкого прохода, неожиданно появились из невидимых укрытий. Двое разведчиков авангарда скрылись из виду — их утащили с немыслимой быстротой. Для Люка, правда, это было не слишком удивительно. Он испытал на себе силу мускулов ковеча. В наступившей тишине Люку показалось, что он может слышать, как трещат суставы и ломающиеся под крепкой броней кости.

Люк нервно ждал, что сейчас что-нибудь случится. Все знали, что если четверо ковеев, на которых была возложена задача ликвидировать разведчиков, не справятся со своим заданием, если они потеряют хотя бы несколько секунд, один из разведчиков может успеть вызвать шедшие за ними войска через коммуникатор, смонтированный в его шлем. И тогда обороняющиеся лишатся своего самого мощного оружия — эффекта неожиданности.

Люк все еще ждал, когда позади него проскользнул ковечей, так тихо, что Люк чуть не вскрикнул. Ковечей издал успокаивающий звук, на его лице появилась гримаса, которая могла бы сойти за улыбку. Потом он

исчез так же бесшумно, как появился, оставив две винтовки и два пистолета — оружие, бывшее в руках погибших имперских разведчиков.

Люк с радостью оглядел маленький арсенал. Скрывшись за травертиновой стеной, он извлек энергетический магазин одной из винтовок и воспользовался им, чтобы максимально зарядить лучевой меч. Затем он заменил свой пистолет на новый и вернулся на место рядом со стоявшей на страже Принцессой.

— Надо бы дать другую винтовку Хину, — шепнул он, следя за туннелем.

— Времени нет, — резонно возразила Лея. — И неизвестно, где он. Не стоит рисковать.

— Пожалуй, ты права, — Люк бросил взгляд на наполовину заряженную винтовку, ее полностью заряженный двойник и пару пистолетов. — По крайней мере, нам хватит оружия на более долгое время, чем я предполагал.

Наконец, до них донесся ритмический стук закованных в броню ног. Все помыслы о разговорах исчезли — основные силы имперских штурмовиков вползли в поле зрения. Они осторожно продвигались, по три-четыре человека в ряд, пока не добрались до того узкого прохода, в который за несколько минут до того вошли двое злосчастных разведчиков. Фосфоресцирующий желто-голубой свет растений в туннеле отбрасывал блики на гладкую броню и безупречное вооружение.

Они подходили все ближе и ближе, и Люк испугался, что они промаршируют прямо к их стене до того, как Халла и вожди придут к соглашению относительно времени начала атаки.

И тут резкий и властный голос, гулко отдаваясь в стенах туннеля, произнес что-то на языке ковеев.

Пещера превратилась в хаос. Там, где за минуту до этого стояла тишина, воздух наполнился лавиной звуков. У Люка было такое ощущение, что одного шума, концентрированного и многократно умноженного эхом, могло оказаться достаточно, чтобы парализовать большую часть людей.

Солдаты, захваченные этим водоворотом, были имперскими штурмовиками. Но они не принадлежали к дворцовой охране Императора. Это были мужчины и женщины, слишком долго проторчавшие на задворках, где боевая учеба и дисциплина давно уже разложились

вместе с моралью. По пещере разнеслись вопли людей и ковеев.

Вспышки яркого света из энергетического оружия метались, как берсерки, создавая хаос разрушения в туннеле, сужавшемся наподобие горлышка бутылки. Люк непрерывно палил из пистолета. Рядом с ним раздавалась ровная, уверенная барабанная дробь тяжелого оружия, из которого стреляла Лея.

Наверху Халла и Ки открыли убийственный огонь по смешавшейся массе набившихся в туннель штурмовиков. Вскоре им пришлось замедлить огонь и выбирать цель более тщательно, ибо из-под матерчатых прикрытий, замаскированных песком, стали появляться ковечи, затаскивая солдат в потайные ямы. Воины возникали из-за обломков сталагмитов, падали сверху из трещин в потолке.

Видя, как тесно сплелись друзья и враги, Люк зажал в одной руке лучевой меч, в другой — пистолет. Вопреки его протестам Лея отбросила ружье. С пистолетом в руке она бросилась за ним, чтобы принять участие в рукопашной схватке.

Лея опередила Люка, ударом ноги чуть не снеся голову какому-то изумленному солдату, не успешному вовремя обернуться.

В туннеле было чертовски опасно — разряды энергии бешено рвались во всех направлениях. Люк ударил мечом по закованным в доспехи ногам солдата, прежде чем тот успел схватиться за пистолет. Затем он машинально отскочил назад. Голубой луч меча скрестился с лучом, направленным прямо в него из имперского оружия.

Обернувшись, он едва успел вознести благодарность Бену Кеноби. Штурмовик был так потрясен тем, что его выстрел был блокирован — ему это показалось простым совпадением, — что не среагировал вовремя. Думая, что его оружие не в порядке, он перезарядил его, чтобы исправить воображаемую ошибку. Когда солдат снова поднял винтовку, Люк поразил его ударом в грудь.

Повернувшись, Люк бросился назад в гущу битвы. Он охотился за одной-единственной фигурой. Наконец, она появилась и стала позади, в стороне от толпы сражавшихся.

— Вейдер! Дарт Вейдер!

Раненный штурмовик напал на Люка, и ему пришлось помедлить, чтобы справиться с непосредственной угрозой.

Но Темный повелитель услышал его. Удивленный, огромный черный гигант привел в действие свой собственный лучевой меч, ступил в толпу и стал расчищать себе путь по направлению к Люку.

Принцесса тоже старалась проложить дорогу в толпе. Но она направлялась не к Вейдеру. Вместо этого она двигалась к сталагмиту со срезанной верхушкой, как сокол стремится к своей добыче.

Под командой капитана-надзирателя Граммела человек десять штурмовиков карабкались вверх, собираясь создать огневое прикрытие по всей длине туннеля. Они добрались до верхушки небольшого гребня и стали нацеливать оружие на толпу внизу. Хин и несколько ковеев мохнатыми снарядами скатились на них из своих укрытий наверху.

Рыча от восторга, огромный яззем схватил сразу двух штурмовиков и стал колотить их о друг о друга, пока не послышался треск брони, ломавшейся в сочленениях. А в это время мускулистые ковеи наводили хаос среди других солдат.

Вейдер помедлил в центре побоища, со злостью прикидывая, как разворачивается сражение. Он погрозил кулаком в сторону Люка, потом вернулся к стоявшему рядом перепутанному офицеру.

— Граммел! Переформируете всех, кто остался жив, на поверхности.

— Есть, милорд, — в смятении отозвался капитан-надзиратель. Через многоканальную систему связи, вмонтированную в его шлем, он отдал остаткам своих войск приказ об отступлении.

Кучки солдат стали отрываться от ковеев и со всех ног помчались на поверхность. Люк был поражен, увидев, как мало их осталось.

Солдаты отступали в полном боевом порядке. В этот момент один из вождей-ковеев, прятавшихся высоко наверху, поднялся и подал сигнал. Его приказ передавался по цепочке от одного спрятавшегося ковеля к другому. В результате с того места в потолке пещеры, где он висел веками, оторвался острый сталактит весом в несколько тонн. Он упал с неопишмым грохотом, раздавив с полдюжины солдат.

Снова потеряв в численности, штурмовики ударились в панику. Бросая оружие, они помчались вверх по проходу с такой скоростью, какую позволяли им тяжелые доспехи. Большинство из них пробежало под сетями, которые набрасывали сверху поджидавшие их ковеи. Те же сети они в свое время использовали против язземов. У солдат, запутавшихся в них, не оставалось ни одного шанса выжить.

Лея Органа добралась до верхушки сталагмита, легла на площадке и установила подобранную ей тяжелую винтовку. Она изо всех сил старалась сфокусировать прицел на одной-единственной фигуре, закованное в черное, неуклонно и невозмутимо удалявшейся вверх по туннелю. Это был Вейдер в окружении Граммела и нескольких уцелевших солдат. Ждать Лея не могла. Скоро Темный повелитель исчезнет из виду.

Она положила палец на курок, и в это время Вейдер обернулся и сделал знак отставшим штурмовикам. Мощный луч энергии ударил его в бок, и он покатился по земле. Лея улыбнулась. Однако, когда она снова взглянула на него сквозь оптический прицел, ее радость сменилась разочарованием.

Вейдер перекатился и сбивал дым, шедший из его левого бока. В его защитном плаще зияла огромная дыра, а черная броня под ней частично расплавилась. И все же полная сила удара его миновала.

Темный повелитель поднялся, и на секунду Лее показалось, что он смотрит прямо на нее. Затем он опять зашагал наверх, по направлению к выходу, по-прежнему без паники, но гораздо более энергично.

Принцесса снова лихорадочно прицелилась и выстрелила... как раз в тот момент, когда Вейдер скрылся из виду. Разряд ударил в нижнюю часть потолка, расплавляя камень, но не причинив вреда зловещей фигуре впереди.

— Ах, черт, — тихонько пробормотала Принцесса, раздосадованная сама собой. Подобрав пистолет и оставив винтовку наверху, она стала спускаться вниз, чтобы снова принять участие в битве.

Впрочем, принимать участие было уже особенно не в чем. Застигнутые врасплох, солдаты были просто истреблены. И теперь торжествующие ковеи методически вырезали беспомощные и отчаявшиеся остатки войска.

Тех, кто пытался прорваться наружу, настигли точные выстрелы Ки и Халлы.

Лея нашла Люка, с дикими глазами метавшегося в гуще этой бойни, в попытке остановить завывающих и гикающих ковеев и не дать им разрезать раненых на мелкие кусочки. Все еще одурманенный битвой, он резко обернулся, когда Лея схватила его за руку, и свирепо взглянул на нее.

— Забудь об этом, Люк, — негромко посоветовала она. — Оставь их в покое.

— Но они добивают раненых, — возмущенно воскликнул он. — Ты только посмотри на них! Взгляни, что они творят!

— Да, почти как люди, — заметила она, — хотя имперцы сделали бы это более аккуратно.

— Ты что, одобряешь это? — спросил он тоном обвинителя. Она не ответила и только смотрела ему в глаза, пока он не обмяк, совершенно вымотанный и опечаленный.

— Мне очень жаль, Люк, — мягко сказала Принцесса. — Но в этой Вселенной очень мало такого, что бы возвышалось над злобой и мелочностью. Может, разве что сами звезды. Пойдем, — позвала она с ободряющей улыбкой, — найдем Хина, Ки, Халлу и роботов и отпразднуем это событие.

— Иди одна, — сказал он, высвобождая руку, твердо, но без злобы. — Я лично не хочу ничего праздновать.

Лея смотрела ему вслед, пока он широким шагом удалялся мимо остатков биты, не обращая внимания на ковеев, поглощенных резней, погруженный с собственными мыслями, которые никто не мог прочесть...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда последняя капля крови застыла на полу пещеры в черную корку, беглецы собрались вместе, чтобы решить, что им делать дальше.

Халла разговаривала с вождями ковеев. — Они говорят, что те, кому удалось бежать, оставили наверху одну из машин, чтобы следить за входом. Наверное, надеются, что мы выскочим прямо им в руки.

— А здесь есть другой выход? — устало спросил Люк.

— Да, совсем рядом. — Один из вождей, не обращая внимания на сильно обожженную руку, что-то настойчиво сказал Халле: — Он хочет знать, могут ли они чем-нибудь помочь нам.

— Они могут показать нам другой путь наружу, — сообщил ей Люк. — Они уже достаточно сделали. Нам надо спешить. Мы и так уже слишком задержались.

— Слишком долго для чего? — полюбопытствовала Принцесса. — К тому времени, когда Вейдер вернется с подкреплением, мы будем уже достаточно далеко. — Она задумалась. — Не думаю, чтобы он стал тревожить ковеев. Ему ведь нужны мы и кристалл.

— Об этом и речь, Лея, — обеспокоенно ответил Люк. — Не думаю, чтобы Вейдер ушел назад в город. — Люк показал рукой. — Когда он ушел из моего сознания, то есть, когда его покинуло возмущение Силы, которое он создает, он направлялся в ТУ сторону. Не назад в город, а к храму.

— Глупости, — энергично возразила Халла. — Он же не знает, где находится храм Помоджемы.

— Вейдер значительно более чувствителен к Силе, вернее, к ее темной стороне, чем я, Халла. Вполне возможно, что он может ощущать естественное возмущение, которое создает кристалл. Оно может быть слабым, но такой могущественный человек, как Вейдер, МОЖЕТ без труда его ощутить. И у него есть еще кое-что. Мы ведь двигались по прямой, насколько это было возможно. Так что ему остается только проложить курс вдоль нашего пути и пытаться найти воздействие кристалла, когда он вычислит свой курс.

— Он не должен добраться до храма раньше нас. — И Люк направился вверх по туннелю. Лея быстро догнала его и пошла рядом, стараясь приноровиться к его шагу.

Она ударила рукой по сухому воздуху пещеры: — Он ведь был у меня в руках, Люк! Он был у меня на прицеле, а я промахнулась. — Лея пошла дальше, с тоской размышляя о том, как была близка ее цель. — Я была слишком возбуждена, слишком нервничала. Я поторопилась и плохо прицелилась.

— Насколько я мог видеть, выстрел был блестящим, — возразил Люк с оттенком зависти. — Я бы так не смог.

Лея помолчала с минуту, потом сказала другим тоном: — Я бы не выжила в таком напряженном ближнем бою. Кто научил тебя так владеть лучевым мечом? Кеноби?

Люк кивнул: — Я всем обязан этому старику, и, где бы он ни был, он знает об этом.

— Если мы действительно нагоним Вейдера, — продолжала Лея, — а мы должны это сделать, — тебе понадобится и все твоё мастерство, и Сила. Если бы только я не поспешила!

Люк велел ей и всем остальным замолчать. Они приближались к выходу на поверхность.

Их окутал тусклый, туманный воздух. Но даже этот пронизывающе сырой свет пьянил после стольких дней, проведенных под землей, в пути, при неестественном растительном освещении. Вокруг было разбросано несколько тел имперских штурмовиков, получивших слишком тяжелые ранения, чтобы добраться до поверхности.

Двое ковеев, сопровождавших путников, подвели их к находившейся поблизости расселине в стене. Оба язвеза заворчали — им пришлось втянуть животы, на-

сколько это было возможно, чтобы протиснуться через нее. Они вышли наружу позади большого куста низкой поросли, по меньшей мере, в двадцати метрах от основного выхода. Один из ковеев показал им, где находится на страже бронемашина. Люк увидел приземистый силуэт, дуло его орудия было направлено прямо во входное отверстие туннеля, где они стояли всего несколько минут назад. Он содрогнулся.

Негромким бормотанием и незнакомыми им жестами ковеев простились и снова исчезли в расселине. Люк пополз на животе, освобождая проход для остальных, находившихся позади.

Когда все пятеро снова оказались на поверхности Мимбана, Люк повернулся, чтобы уползти прочь.

— Черт побери, погоди минутку, Люк, мальчик! — прошептала Халла. — Ты что, думаешь нагнать этого Вейдера пешком?

Люк остановился, затем вернулся и стал смотреть на вездеход, установленный у входа в пещеру. — Хорошо, но что же нам делать, Халла? Я согласен... нам необходимо какое-то транспортное средство. Но в этом бронетранспортере по несчастной случайности полно имперцев.

Халла изучающе посмотрела на машину: — Ее верхний борт открыт... там хватит места для двоих. Я и вижу двоих... нет, одного штурмовика без шлема. Наверное, дает информацию тем, что внизу. — Голова исчезла. — Ну, вот, он ушел. Нам надо забраться на ветви, висящие над машиной.

— И что потом? — спросила Принцесса. — Прыгать внутрь?

— Послушайте, — запротестовала старуха. — Я не могу одна обо всем думать, правда? Не знаю... пустить в них специальный заряд для уничтожения личного состава или еще что-нибудь!

— Замечательно! — отпарировала Принцесса. Она перевела взгляд с Халлы на Люка. — Ну, вот что, если вы, волшебники, используете Силу для того, чтобы заколдовать хорошенькую канистру взрывчатки, я добровольно готова ее бросить. — Она сложила руки на груди и вопросительно посмотрела на них. — Лично я думаю, что могу сколько угодно изображать из себя добровольца — мне это не грозит. Как, Люк?

Он не смотрел на Лею: — Взрывчатки у нас нет, это верно, но кое-что под рукой у нас имеется. — Она обернулась, проследила за его взглядом и поняла, что придется соглашаться.

Имперскому сержанту повезло, что он выбрался из подземной засады живым, и он знал об этом. Если бы у него было хоть какое-то право голоса в этом деле, он никогда бы не повел своих людей в подземелье. Здесь, на Мимбане, он всегда чувствовал себя страшно неуютно, когда ему случалось покидать как-никак знакомые города и отваживаться делать вылазки в их болотистые окрестности.

Это была ужасная битва, ужасная. Их опрокинули и чуть не истребили всех, до последнего солдата. Слишком многое пошло не так, как планировалось.

Исход схватки был предreshен за считанные минуты, и заслугой их противника было то, что их застали врасплох. И даже когда до сознания солдат дошло, что их атаквали, реакция все равно была далека от той, которой славятся имперские войска.

В действительности, винить людей было не за что. Они так привыкли иметь дело с раболепными, мирными зеленушками, что сама идея о том, что мимбаниты могут сражаться, многим из них казалась невероятной. Просто они оказались неподготовленными к тому, чтобы справиться с реальностью.

И сейчас, когда он смотрел сквозь ветровое стекло на грозную пасть пещеры, из которой недавно ретировался, его радовала только одна мысль. Если он хоть что-нибудь понимает в характере капитана-надзирателя, то как только он и Темный повелитель Вейдер вернутся из своего путешествия, будет организована карательная экспедиция. Они вернутся сюда, мрачно размышлял сержант, с тяжелым оружием и будут поджаривать эту пещеру, пока все туземцы до последнего: мужчины, женщины, дети — не превратятся в пепел.

Он лениво размышлял, куда это могли отправиться так поспешно Граммел и Темный лорд, и содрогнулся. У него не было ни малейшего желания сопровождать этот высокий призрачный силуэт в черной броне куда бы то ни было. Сержант предпочитал предвкушать грядущую резню, которая произойдет в этом туземном заповеднике внизу. Этот приятный мысленный образ

смягчил даже его обычно резкий окрик к часовому, находившемуся в открытой башенке наверху.

Штурмовик услышал приказ сержанта и обернулся, чтобы отрапортовать вниз, что ничего не видит. Этот был честный ответ — последний, когда-либо данный солдатом. Взглянув вниз в бронированный вездеход, он не заметил бомбы, свалившейся с большой древесной ветви над его головой.

Чуть выше полутора метров, “бомба” была покрыта коротким жестким мехом. Она взорвалась у штурмовика на голове и выбросила его из башенки. Таким образом, отверстие оказалось открытым для того, чтобы в него мог свалиться еще один двуногий снаряд с окутанного туманом дерева. Он тоже ворвался в зону нахождения личного состава.

Люк, роботы, Халла и Принцесса наблюдали, сидя поблизости, под покровом густой растительности. Раздался глухой рокот, и вездеход тронулся с места. Из него доносились крики и вопли, приглушавшиеся металлической оболочкой и расстоянием.

Голос Халлы звучал обеспокоенно: — Что-то они общаются дольше, чем я думала, Люк, мальчик. Ты вообще-то в этом уверен?

Люк бросил на нее невозмутимый взгляд, затем снова обратил все свое внимание на вездеход, который теперь двигался хаотичными кругами и зигзагами. — Это все, что я смог придумать, — объявил он. — Во многих отношениях, если все сработает, это лучше взрыва. Во-первых, мы не повредим приборов вездехода. Ни один человек не может противостоять яззему в ближнем бою. Двоим язземам в таком замкнутом пространстве, как это, — он указал на кружившийся, как в припадке, вездеход, — сопротивляться практически невозможно.

Через несколько секунд вездеход резко свернул вправо. Все еще двигаясь медленно, он врезался в огромное дерево, похожее на кипарис. Дерево содрогнулось, и от него отлетела толстая ветка. Она с металлическим звоном ударилась о вездеход и упала на землю.

Затем наступило молчание. Двигатель вездехода взревел, стал глохнуть и, наконец, замолк. Несколько минут прошло в тревоге, потом из отверстия в башенке появился Хин, напрягаясь от усилий, и помахал им рукой.

— Они справились! — заметил Люк, и в его внешне спокойном голосе звучали нотки возбуждения. Трое зрителей покинули свое укрытие в подлеске и поспешили через болотистую низину к вездеходу. Навстречу им протянулись широкие мохнатые руки, чтобы помочь взобраться по металлическому борту вездехода.

Хин что-то рыкнул Люку, тот очень серьезно кивнул и отвернулся.

— Что там такое? — нетерпеливо спросила Принцесса. — Почему мы не заходим внутрь? — Она нервно оглянулась на безмолвную растительность, окружавшую их. — Там, снаружи могут прятаться какие-нибудь дезертиры.

— Не думаю, — возразил Люк. — Хин предлагает, чтобы мы отвернулись, пока он и Ки вычистят вездеход.

— Это еще зачем? — требовательно спросила Принцесса. — Я уже насмотрелась на всякие трупы, и притом совсем недавно.

Пока она говорила, Хин протянул руку вниз и извлек первую порцию того, что осталось от экипажа вездехода. Затем он поднялся и перебросил ее за борт. Она лежала на влажной земле, влажно поблескивая.

Принцесса слегка побледнела и отвернулась, присоединившись к Люку, занимавшемуся разглядыванием близлежащих деревьев. Несколько минут спустя ужасная уборка была закончена, и все они спустились в вездеход.

Даже при том, что с ними были двое яземов, места хватало для всех. Вездеход был предназначен для перевозки десяти штурмовиков в полном вооружении. Первичный осмотр Люком панели управления был менее утешительным. Она оказалась сложнее панели Х-образного истребителя.

— Ты можешь управлять этой штукой? — спросил озадаченный Люк у Халлы.

Она усмехнулась и опустилась в водительское кресло, не обращая внимания на пятна на сидении: — Что ж, Люк, мальчик, в этом мире я могу водить любые тачки. — Она нагнулась, обследовала приборы и что-то нажала на рулевом колесе.

Двигатель взревел, замигали огни, и вездеход на полной скорости стремительно рванул назад, врезавшись в два переплетенных дерева. Раздался оглушительный треск, а затем два громовых, отозвавшихся эхом удара,

когда оба ствола обрушились на замедлившую ход машину.

Когда в ушах у Люка перестало звенеть, он бросил обвиняющий взгляд на Халлу. Она с трудом выдавила улыбку. — Конечно, — с запинкой сказала она, — чтобы ехать гладко, мне не помешало бы немного практики.

Она еще раз прилежно осмотрела панель управления, поджав губы: — Посмотрим... вот, это я и пропустила! — Она снова привела в действие ручки и рычаги, прежде чем дотронуться до кнопки управления на рулевом колесе.

Лихорадочно дергаясь, то останавливаясь, то прыгая вперед, вездеход выскользнул в туман. Все, кроме водителя, вцепились во что-нибудь прочное. Люк подумал, интересно, деревья тоже так же нервничают, как он, или нет.

* * *

— Мне жаль, милорд, мне очень-очень жаль, — капитан-надзиратель Граммел взглянул снизу вверх со скамьи большого бронетранспортера на Дарта Вейдера. — Но кто бы мог подумать, что они так хорошо вооружены или что подземные аборигены способны дать такой бой?

— Оружие не играло здесь большой роли, — глубоким голосом прорычал Вейдер. — Всего несколько ружей, и все в руках разыскиваемых преступников. — Гротескная дыхательная маска придвинулась ближе, и Граммел съехался. — Признайтесь, капитан-надзиратель. У ваших войск неадекватная подготовка, они плохо обучены. У вас напрочь отсутствовала мораль и дисциплина, и вас разгромила банда невежественных дикарей!

— Они нас просто застали врасплох, — настойчиво возразил Граммел.

— Никогда раньше ни одна группа туземцев не оказывала сопротивления войскам Империи на Мимбане.

— Ни одна группа туземцев раньше не имела такого преимущества, как совет и помощь людей, — отпарировал Вейдер. — Они применили не просто тактику аборигенов. Вам следовало сразу же почувствовать разницу и принять соответствующие контрмеры. — Он отвернулся от Граммела и многозначительно посмотрел через болото. — Я знаю, кто несет за это ответствен-

ность. Когда в моих руках будет кристалл, я буду вершить правосудие соответствующим образом.

— Я бы сам надеялся получить эту привилегию, — пробурчал раздраженный Граммел.

Вейдер обратил вниз холодный металлический взгляд, и в голосе его звучала угроза: — У вас нет никаких привилегий, капитан-надзиратель Граммел. Вы допустили грубейший промах. Не критический, но очень грубый. Я проклинаю себя за то, что по глупости поверил в то, что вы знаете, что делаете.

— Я же сказал вам, милорд, — сказал одновременно разозленный и испуганный Граммел, — нас застали совершенно врасплох.

— Меня интересуют не оправдания вашего разгрома, а только успешные результаты, — объявил Вейдер. — Граммел, меня оскверняет ваше существование.

— Милорд, — в отчаянии пробормотал Граммел, поднимаясь со скамьи, — если я...

В мгновение ока лучевой меч Вейдера был приведен в действие и взлетел вверх. Пронзенный Граммел резко покачнулся, спотыкаясь, отступил назад и перевалился за борт вездехода. Наступило затишье, ошеломленный водитель в ужасе наблюдал за происходящим.

Вейдер круто развернулся и сердито посмотрел на него: — Мы будем двигаться быстрее, не отягощенные этим мертвым грузом, штурмовик. Возвращайтесь к своим приборам — сию же минуту!

— Е-есть, сэр, — сглотнул солдат, не в силах сдерживать дрожь от страха. Но все же ему удалось кое-как повернуться к панели управления машины.

Когда они двинулись дальше, Вейдер обернулся и лениво бросил взгляд назад, на удаляющийся труп капитана-надзирателя Граммела. Из своих укрытий уже стали потихоньку выбираться любители падали и с надеждой обнюхивать тело.

— Кто бы ни был теперь твоим лордом, — прошептал Вейдер, — это не я. — Он извлек осколок кристалла Кайбурр из опечатанного кармана и поднес сияющий багряный камешек к глазам, слегка покачиваясь.

Он был там, впереди, где-то впереди. Вейдер чувствовал его.

Он найдет его...

* * *

— Мы все еще едем в правильном направлении? — спросила усталая Лея у Халлы через несколько дней. Все пассажиры вездехода были грязными, унылыми и измученными после непрерывной гонки по туманному ландшафту.

— Я в этом уверена, — ответила Халла с отвратительной жизнерадостностью.

— Мы к чему-то приближаемся, — отважился вставить Люк. — Это... что-то необычное. Я раньше ничего подобного не испытывал, даже отдаленно.

— Я лично ничего вообще не испытываю — только, что я грязная, — заявила Принцесса.

— Лея, — начал Люк, — все, что я могу сказать, — это...

— Знаю, знаю, — устало перебила она, — если бы я была чувствительна к Силе...

Из открытой башенки просигналил Арту. Люк бросился к лобовому стеклу и приглушенным голосом объявил: — Вот он.

Перед ним из джунглей вставало черное видение. Уродливый пирамидальный зиккурат, храм выглядел так, словно был отлит из чистой стали. Но это был не металл. Массивное строение было выполнено из огромных блоков какого-то вулканического камня.

При всей своей ширине оно было не очень высоким. Лозы и ползучие растения ревниво прижимались к нему во многих местах. По мере того, как они приближались, Люк заметил, что изрядная часть камня уже крошилась в мелкий песок. К счастью, вход был все еще виден, хотя круглая входная арка десятиметровой высоты наполовину обрушилась и загромождила проход валунами больше, чем в два человеческих роста.

— Похоже, что здесь ничего не тревожили уже миллион лет, — в благоговейном страхе прошептала Принцесса. Все ее тревоги и сомнения рассеялись, когда она своими глазами увидела легендарный храм.

Люк быстро переходил с борта на борт. Теперь он обернулся к Принцессе, и глаза его сияли. — Ты понимаешь, Лея, что Вейдера здесь нет? Его здесь нет! Мы опередили его!

— Спокойно, Люк, мальчик, — предостерегла его Халла. — Мы не можем быть в этом уверены.

— Я могу. Я уверен. — Люк поспешно отодвинул Хина в сторону, поднялся по башенной лесенке и вы-

брался из вездехода. Машина остановилась. Когда Лея появилась на верху башни, Люк уже уверенно шагал в сторону входа в храм.

— Его здесь нет! — обернувшись к ней, крикнул он. — Здесь нет ни следа вездехода или еще чего-нибудь.

— Нам все равно еще надо найти кристалл! — крикнула вслед ему Халла, спускаясь вниз за Леей. Но энтузиазм Люка оказался заразительным. Она обнаружила, что забыла о Темном повелителе, забыла о своих страхах и недавнем беспокойстве.

Перед ней был храм Помоджемы, к которому она стремилась столько лет. Хин и Ки шли по бокам Халлы, когда она направилась к входу в храм. Трипио и Арту остались позади охранять вездеход.

Несмотря на заверения Люка, что они здесь одни, все продолжали тревожно следить за медленно плывущим туманом. В любую минуту из этой дымки могло выскочить все, что можно было представить, и что-нибудь невообразимое.

Люк нетерпеливо ждал, стоя на самом высоком обломке у входа.

— Там, внутри, светло, — сообщил он, заглянув туда. Потом перевел взгляд выше и покосился: — Часть крыши тоже осела, но она выглядит довольно прочной.

— Иди вперед, мальчик, — поторопила его Халла, — только тихо, тихо...

— Все в порядке, — сказал Люк. Теперь, когда они, наконец, достигли храма, он не собирался красть у старой женщины ее мечту. Это было ее правом, так же, как и его. Поэтому он дождался, пока к нему присоединятся остальные. Через несколько минут все они стояли в стенах древней постройки.

В двух местах куполообразная высокая крыша провалилась, пропуская достаточно света, чтобы освещать внутреннее убранство храма. Под каждой рваной дырой валялись груды разбитого камня.

Внутрь храма проникли джунгли. Лианы и другие растения-паразиты были повсюду, протягивая свои цепкие объятия во все углы здания. Они спирально вились к небу вокруг возвышавшихся обсидиановых колонн. Сами гордые колонны были расписаны замысловатыми рисунками и узорами, значения которых никто из ныне живущих уже не мог оценить.

Погруженные каждый в свои мысли, все пятеро прошли через просторное помещение в дальний конец храма. Там у стены находилась гигантская статуя. Она изображала некое подобие гуманоида, сидящего на резном троне. Кожистые крылья, которые могли быть рудиментарными, устрашающими полукружьями простирались по обе стороны статуи. На ногах и руках были огромные когти, вцепившиеся в подлокотники трона. Под раскосыми глазами, смотревшими обвиняюще, не было лица — только масса резных щупалец, как у медузы.

— Помоджема, бог Кайбурра, — прошептала Халла, сама не зная, почему говорит шепотом. — Станным образом все это как будто знакомо. — Она нервно хихикнула. — Нет, это, конечно, безумие.

А потом она возбужденно указала куда-то, и голос и рука ее дрожали от удивления, смешанного с восторгом: — Он там... я знала, я так и знала!

В центральной части груди статуи из серого камня тускло сиял

красный свет с оттенком ванадинита.

— Кристалл, — тихонько выдохнула Принцесса.

Но Халла не слышала ее. Ее взгляд и мысли были прикованы к этому навязчивому видению, ставшему реальностью.

Люк остановился. Его внимание было привлечено движением по левую сторону от злобно смотревшей на них статуи. Там было темно, и невозможно было сказать, насколько далеко простирается темнота.

А потом они все медленно попятились. Халла первой прицелилась из своего пистолета.

У существа, вышедшего из-за статуи, была широченная пасть, усеянная множеством коротких острых зубов. Сейчас она была разинута в гротескной ухмылке. На них, тупо мигая, смотрели маленькие желтые глазки. Тварь передвигалось на массивных бородавчатых ногах, похожих на толстые пни.

Халла выстрелила. Однако энергетический луч, похоже, не оказал никакого эффекта на существо, продолжавшее неуклюже приближаться к ним. Люк выхватил пистолет, Лея — тоже. Все трое выстрелили разом. Если они и добились чего-то своим дружным залпом, так это того, что неповоротливое существо пришло в раздражение. Оно моргнуло, стряхнув кровь, и своей кривоногой походкой стало приближаться — быстрее.

Они продолжали отступать к выходу. — Хин, Ки! — крикнул Люк язземам. — Бегите назад к вездеходу... принесите винтовки!

Хин что-то прочирикал в ответ, и оба яззема помчались к выходу. Люк подумал о кристалле, который прятался за прикрывавшей его тушей чудовища. Отцепив от пояса меч, он привел в действие мощный голубой луч и осторожно двинулся вперед.

— Люк, ты что, с ума сошел? — закричала Принцесса.

На секунду у него мелькнула мысль, что Лея недалеко от истины, потом он отбросил ее. Если он будет тратить время на размышление, это медленно и неуклонно приближающееся плотоядное получит его на закуску.

На расстоянии броска существо заколебалось, как бы чуть загипнотизированное игравшим в воздухе лучом. Люк сделал стремительный выпад. Меч коснулся подбородка существа. Мощный поток энергии проделал небольшую дыру в огромной нижней челюсти.

Чудовище издало слабый стон, полный ярости. Челюсти раздвинулись, открывая глотку, достаточно просторную, чтобы в ней можно было танцевать. Люк увидел, как внутри что-то движется. Инстинкт ли подсказал Люку, или он просто быстро сообразил, но он резко отскочил влево и стремительно откатился в сторону.

Из пасти вылетел длинный розовый язык и превратил в порошок черный валун, находившийся прямо позади того места, где только что стоял Люк. Когда юноша вскочил на ноги и попятился, чудище стало выплевывать куски камня.

Прежде чем Люк успел увернуться, розовый язык атаковал снова. Отскочить не было возможности, и Люк крепко стиснул меч, держа его прямо перед собой. Против розового языка меч казался жалким и маленьким. Но раздалось громкое шипение. Видимо, Люк попал в чувствительное место, потому что существо издало гортанный визг. И с решимостью ограниченного разума снова начало медленно наступать на Люка. В узких желтых глазках горела смерть.

Лея и Халла продолжали непрерывно палить по огромной туше, но все напрасно. — Бесполезно, — напряженно сказала Принцесса. Затем бросила взгляд в

сторону входа. Там все было тихо. — Хин! — крикнула она. — Ки! — Ответа не последовало.

— Они придут сюда, — сказала Халла. — И лучше бы им прийти.

Неожиданно чудовище прыгнуло вперед. Горизонтальные, величиной с дверь, челюсти захлопнулись с громким стуком, но Люк нырнул и сумел избежать их. Его меч прорезал черную полосу под нижней челюстью, пока Люк выбирался из-под твари, и ударился обо одну из толстых колонн, поддерживавших крышу. Одна из дыр в высоком потолке зияла теперь прямо над его головой.

Люк бросил тревожный взгляд на вход. Куда подевались язземы? Сейчас у него не было времени беспокоиться еще о ком-то, кроме себя. Существо снова поползло к юноше. Люк бросил быстрый взгляд на потолок, принял мгновенное решение и замахнулся мечом на основание колонны.

Словно Х-образный истребитель, прорезающий атмосферу, поразительный энергетический луч разрезал черный камень. Раздался грохот, сопровождавшийся оглушительным треском.

— Халла, Лея... бегите! — крикнул Люк. И помчался к ним.

Неуклюже приближавшееся к ним ящероподобное существо так и не заметило трещин в потолке у себя над головой. Они разбегались, расширились, соединились, а потом колонна развалилась и повлекла за собой кусок крыши такой же величины, что и уже обрушившиеся участки, прямо на голову твари. Гигантские обломки резного камня превратили в кашу переднюю часть чудовища, навеки застывшую в зубастой ухмылке.

Когда замерло рокочущее эхо и черная пыль стала оседать, Люк, задыхаясь, остановился и оглянулся назад. Передняя часть туловища монстра исчезла. Она была целиком погребена под тоннами вулканического камня. Дергающиеся задние ноги еще какое-то время хватали воздух. Огромный кривой хвост колотил по земле. Однако спустя короткое время всякое движение прекратилось.

— Что случилось с Хином и Ки? — наконец, спросил Люк. — Эта штука загнала меня в угол. Она запросто могла меня сожрать.

— Спорят, наверное, — с отвращением заявила Принцесса. — В скором времени они вспомнят, за чем их посылали. Тогда они примчатся назад, прося у тебя прощения.

— Ну, я их взгрею, — со вздохом сказал Люк. — Сейчас я... — Он обернулся, ища взглядом Халлу, и увидел, что она трусит к далекому идолу. — Халла!

— Пусть идет, — сказала Принцесса, равнодушно махнув рукой. — Она с ним никуда не убежит. — Лея направилась к дальнему концу храма.

— Ей все равно понадобится наша помощь, чтобы снять его. — Люк не последовал за ней, и Принцесса удивленно спросила: — Ты что, не идешь?

— Сию минуту, — заверил ее Люк. Вместо того, чтобы сосредоточить внимание на том, что было впереди, он все еще смотрел назад. — Я только хочу удостовериться, что эта штука **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** мертва.

Пока Принцесса не спеша шла к статуе, Люк подошел и встал около той части туши, которая была видна из-под обломков. Он ткнул ее мечом, вогнав лазурный разрушительный луч в темную плоть по самую рукоятку. Существо осталось неподвижным.

Удовлетворенный, Люк повернулся, собираясь присоединиться к своим спутникам. Раздался слабый предостерегающий рокот, и взгляд Люка устремился к потолку.

Туда же смотрели Принцесса и Халла. — Люк! — закричали они в один голос.

Его не нужно было подстегивать. Все, что ему требовалось, были одна-две секунды. Края новой дыры в потолке слегка расширились.

Судьба подарила ему первую секунду, но не дала второй.

— Люк! — Грохот прекратился, последний камешек тяжело упал на пол, и теперь Принцесса мчалась к нему со всех ног. Халла замерла в неподвижности, разрываясь между грудой обломков, под которой был похоронен Люк, и соблазнительной близостью кристалла. Опыренная тем, что ее мечта совсем рядом, она снова пошла к статуе.

Лея подбежала к небольшому холмику свежих обломков и лихорадочно оглядывалась.

— Я... здесь, — прошептал голос, медленный и исполненный боли.

Он лежал рядом, на спине, придавленный камнями. Лея стала разбрасывать обломки, которыми он был завален, не обращая внимания на клубы пыли и царапины, остававшиеся на ее руках после острых осколков. Однако она не смогла сдвинуть огромный валун, который, ударившись о пол храма, покатился и придавил правую ногу Люка по бедро.

— Попробуй еще раз, — велел ей Люк. Они напряглись вместе. Лея подставила спину под край обломка и всем своим малым весом попыталась приподнять его. Валун не сдвинулся с места.

Они немного отдохнули, тяжело дыша. На лице Люка была смесь отступающей боли и надежды. — Он давит на меня не всем своим весом, — сообщил он Лее. — Если бы это было так, мне уже нечего было бы из-под него вытаскивать. — Взгляд юноши устремился к безмолвному входу. — Черт побери, куда запропастились эти двое? Они бы без труда сдвинули эту штуку.

— Боюсь, что твои тупоумные спутники уже не смогут больше прийти на помощь ни тебе, ни кому-либо другому, Скайуокер.

Люк похолодел. На верху кучи валунов у входа стояла высокая фигура, от одного вида которой кровь стыла в жилах. Полностью закованная в черную броню, она выжидательно смотрела на них сверху вниз.

— Они оба мертвы, — любезно проинформировала их фигура, и в этом голосе не было ничего человеческого. — Я убил их. Что же касается твоих роботов, то им полагается выполнять приказы. Я велел им обоим отключиться.

Губы Леи зашевелились, произнося имя. Но с этих совершенных губ не сорвалось ни единого звука.

Лениво продвигаясь к куче обломков, Дарт Вейдер обратился к ним холодным будничным тоном:

— Ты знаешь, Скайуокер, мне пришлось потратить немало времени, чтобы выяснить, что это ты сбил мой тайский истребитель там, над Звездой Смерти. Шпионов к повстанцам посылать тяжело и накладно. Я также узнал, что это ты выпустил торпеду, уничтожившую станцию. Так что тебе есть за что мне ответить. Я ждал очень долго.

Он небрежно извлек свой лучевой меч и стал свободно помахивать им из стороны в сторону, играючи срубая кусочки камня и росписей.

— Тебе в тот раз повезло с твоим дурацким кораблем, — продолжал Вейдер. Люк в это время отчаянно старался вытащить защемленную ногу. Он впивался в камень до тех пор, пока из-под ногтей не выступила кровь. — Видимо, мне не хватит терпения, чтобы позволить тебе протянуть так долго, как ты того заслуживаешь. Можешь считать себя счастливым. — Голос Вейдера понизился до ядовитого шепота. — А вот что касается тебя, Лея Органа, тут мне не составит труда сдержаться. В известном смысле ты виновата в моих неудачах гораздо больше, чем этот простой деревенский парнишка.

— ЧУДОВИЩЕ! — единственное слово, которое смогла выплюнуть Лея, разъяренная и испуганная одновременно.

— Помнишь тот день на Звезде Смерти, — задумчиво спросил Вейдер с нарочитым терпением, — когда покойный Правитель Таркин и я брали у тебя интервью? — Он сделал особый акцент на слове “интервью”.

Лея сжала обеими руками плечи и дрожала так, словно от сильного холода.

— Да, — заметил Вейдер, и в голосе его звучало извращенное удовольствие, — вижу, что помнишь. Мне поистине жаль, что у меня нет под рукой ничего столь же изощренного, чтобы пообщаться с тобой, на этот раз. Однако, — прибавил он, помахивая своим оружием, — с помощью меча тоже можно делать интересные вещи. Я сделаю все возможное, чтобы тебе их продемонстрировать, если ты будешь настолько сговорчива, что не умрешь сразу.

Руки Леи опустились. Страх не оставил ее, но невероятным усилием воли она загнала его в самый дальний уголок своего сознания. Вскочив, Принцесса преодолела несколько шагов, встала на колени сбоку от Люка и схватила его за запястье. Когда она поднялась, у нее в руке был осторожно зажат лучевой меч.

Вейдер одобрительно наблюдал за ней: — Ты собираешься драться. Хорошо. Так будет интереснее.

Взмахнув мечом, Лея плюнула в приближавшегося гиганта — жалкий и слабый жест. — Сила позволит мне убить тебя, прежде чем я умру сама, — прошипела она.

Из-под маски, словно из водосточной трубы, вырвался лающий смех: — Глупое дитя. Сила со мной, а не с

тобой. Но, — он приветливо пожал плечами, — мы это увидим. — Вейдер встал в позицию: — Давай, девочка-женщина. Позабавь меня.

С мрачной решимостью, стиснув зубы, Принцесса двинулась на него. Пока она шла, Вейдер резко уронил руку, и сверкающий меч безвольно повис у него сбоку.

— Не надо, Лея! — закричал Люк. — Это притворство... он приманивает тебя. Убей меня, а потом — себя... теперь это безнадежно.

Вейдер с презрением взглянул на Люка, затем снова повернулся к Принцессе: — Давай, — сказал он, — пусть он сражается за тебя, если хочешь. Но убить его я тебе не дам. Меня и так слишком часто грабили.

Лея, казалось, заколебалась, потом сделала прямой выпад в сторону Вейдера кончиком меча. В то же мгновение Темный повелитель поднял свой собственный меч, парируя ее удар.

Но Лея описала мечом в воздухе замысловатую дугу и нанесла удар режущей вспышкой голубого света. Вспышка стала тем более яркой, когда меч соприкоснулся с бронированной дыхательной маской Темного лорда. Только его сверхчеловеческая реакция позволила ему избежать полной силы удара.

Если в просторном помещении и был кто-то, еще более изумленный, чем Вейдер, — это был Люк. Он по-прежнему старался высвободить ногу, но у него появился слабый проблеск надежды.

— Почти, маленькая Принцесса, почти, — без всякого гнева прошептал Вейдер. — Мне и раньше случалось страдать из-за чрезмерной самоуверенности. — Он снова сделал стойку. — Больше этого не будет.

Его меч заиграл — то крутами, то вниз. Замедлив ход, Лея едва успела отразить удар. Он снова пошел вперед, замахнулся; она опять отразила удар.

Они продолжали дуэль, Вейдер постоянно теснил Принцессу. Ей потребовалось все мастерство и силы для того, чтобы хотя бы обороняться. О том, чтобы самой предпринять атаку, нечего было и думать.

Один из присутствующих в помещении храма не следил за схваткой. Высоко вверху, вдалеке от дуэлянтов Халла стояла лицом к лицу с пульсирующим многогранным малиновым кристаллом величиной с ее голову. Трясущимися руками она потянулась и погладила его. Лег-

кий поворот, толчок — и кристалл неожиданно легко выпал из своего углубления в статуе.

Долгое мгновение Халла держала драгоценность обеими руками, вглядываясь вглубь сияния, казавшегося почти живым. Затем стала пробираться вниз по изгибам статуи, правой рукой прижимая к себе светящийся кристалл.

Вейдер сделал выпад, и Принцесса подняла меч, чтобы еще раз парировать его, но в последнюю секунду Вейдер изменил направление удара. Кончик энергетического меча скользнул по ее животу, разрезав шахтерский костюм и оставив поперек живота черный ожог. Она содрогнулась от боли и схватилась за раненное место свободной рукой. Вейдер не дал ей времени прийти в себя и продолжал теснить ее.

Все усилия Люка освободиться привели к тому, что он остался так же плотно прикован к месту и совершенно обессилел. Он лежал на земле, изо всех сил стараясь хоть как-то восстановить силы и дыхание, вынужденный беспомощно наблюдать, как Вейдер играет в кошки-мыши с Принцессой.

Еще один замысловатый взмах меча и удар. На этот раз меч порезал Лее щеку, оставив новый уродливый рубец. Из глаз Принцессы брызнули слезы, и она схватилась свободной рукой за обожженную щеку. Теперь она двигалась все медленнее, рука, державшая лучевой меч Люка, неуверенно дрожала.

— Давай, Принцесса-сенатор Органа, где же твоя благородная стойкость и решимость предателя? — дразнил ее Вейдер. — Уж конечно, несколько маленьких ожогов не могут причинять такую сильную боль?

Придя в ярость, она с новой силой замахнулась на него мечом. Без малейших усилий Вейдер отразил удар и продолжал двигаться с намерением нанести ей еще один порез. Хотя Лее удалось заблокировать удар, сила его была такова, что она упала и покатилась по полу. Вейдер неумолимо следовал за ней, пока она пыталась отползти и снова встать на ноги. Меч нанес Принцессе новый черный ожог на внутренней стороне левой ноги.

Вскрикнув, она каким-то образом перекатилась и в конце концов поднялась. Затем, хромая, отошла от Вейдера, поддерживая поврежденную ногу.

Не в силах дальше смотреть, Люк закрыл лицо руками. Вдруг что-то стукнуло — камень ударился о ка-

мень. Подняв голову и повернув ее, Люк посмотрел назад. Звук повторился. Люк попытался что-нибудь разглядеть за камнем, ставшим его ловушкой.

Вдоль огромного обломка вулканической породы со страшной медлительностью и решимостью прокладывала себе путь кисть, казавшаяся отделенной от руки и тела. За ней последовала голова. В верхней части черепа зияла ужасная рана.

— Хин! — тихонько позвал Люк, едва отваживаясь дышать. Он бросил быстрый взгляд в сторону Вейдера и убедился, что тот полностью поглощен Принцессой. Смертельно раненный яззем приложил руку к хоботу, приказывая Люку молчать.

Ползком, на четвереньках, Хин обогнул камень и подлез под нависающий конец. Опираясь спиной на поддерживающие валун камни, он попытался подняться. Мощные, покрытые шерстью плечи давили снизу на длинный обломок, руки напряглись. Валун не двинулся с места, и Хин повалился на пол. Его дыхание было затрудненным, глаза полузакрыты.

— Давай, Хин, давай, — лихорадочно молил его Люк, переводя взгляд с битвы в храме на распростертого яззема. — Ты можешь его сдвинуть... чуть-чуть — и все. Пожалуйста, попробуй еще!

Хин мигнул. Казалось, он смотрел на Люка, не видя его. Двигаясь, как автомат, он снова подставил под обломок мускулистые плечи и руки.

— Ну же, маленькая Принцесса. Настало время проявить силу духа, — упрекнул Вейдер Лею. — У тебя все еще есть шанс. — Принцесса пятилась от него, а Темный лорд наступал, угрожая ей ложными выпадами, которые она пыталась слабо отразить, хромая на поврежденную ногу.

— Вставай и бейся! — настаивал Вейдер. Еще один удар рокового меча снизу — в этот раз меч скользнул по груди, разрезав одежду. У Принцессы в агонии перехватило дыхание, она наклонилась и чуть не упала. Вейдер пошел к ней.

И тут раздался скрежет, достаточно громкий, чтобы они оба обернулись.

Последним усилием Хин сдвинул в сторону огромный камень. Потом яззем упал, жизнь уже покидала его, а Люк отчаянно старался выкарабкаться. Его ногу придавило ровно настолько, чтобы он не смог ее высвободить.

доть, но не причинило вреда. И вот он уже бежал к двум противникам, придерживаясь за правую ногу и чувствуя, как с каждой минутой к ней возвращаются силы.

— Лея! — У Принцессы достало присутствия духа, чтобы выключить меч и перебросить его Люку, в то время, как Вейдер кинулся, чтобы перехватить оружие. Темный повелитель промахнулся всего на длину одного пальца и вместо меча схватил Принцессу.

Однако бросок был слабым. Люк старался ускориться и обнаружил, что слегка прихрамывает на онемевшую ногу. Вейдер пробурчал что-то нечленораздельное и свободной рукой отбросил от себя Принцессу. Она упала на твердый пол и лежала там, задыхающаяся и измученная.

Люк увидел, что расстояние между ним и Вейдером сокращается. Темный повелитель доберется до меча первым. Каким-то образом юноше удалось на короткое время ускорить свой бег, а потом он бросился на пол. Когда его пальцы сомкнулись вокруг эфеса меча, он почувствовал себя так, словно заново родился. Затем он с новыми силами откатился вправо. Удар Вейдера запоздал всего на мгновение, проведя глубокую борозду в каменном полу как раз в том месте, куда за минуту до этого упал Люк.

А потом Люк был уже на ногах, и меч светился в его руке ярко-голубым пламенем. Перекатившись, он оказался позади Вейдера. Он стоял между Темным повелителем и Принцессой. Вейдер молча смотрел на него.

— Лея! — Ответа не последовало. Люк бросил взгляд назад. — Принцесса!

Прозвучал тонкий, скорбный голос: — Не тревожься за меня, Люк.

Вейдер глубоко втянул в себя воздух: — Нет, Скайуокер, — пророкотал он, — не тревожься за нее. Тревожься за себя самого.

Поднимая оружие своего отца, Люк ощутил необычайный подъем духа: — Я не тревожусь ни о чем, Вейдер. Во всяком случае, не сейчас. У меня не осталось больше тревог — только одна забота. — Его голос прозвучал с непривычным оттенком убежденности: — Я намерен убить тебя, Дарт Вейдер.

Снова раздался смех, в котором не было веселья: — Какого ты высокого мнения о себе, Скайуокер.

— Я... я Бен Кеноби, — странным шепотом произнес Люк.

На какую-то долю секунды показалось, что Вейдер заколебался:

— Бен Кеноби мертв. Я собственноручно убил его. А ты просто Люк Скайуокер, бывший деревенский мальчишка с Татуина. Ты не владеешь Силой, и не тебе равняться с Беном Кеноби — ты таким никогда не станешь.

— Бен Кеноби со мной, Вейдер, — прошипел Люк, с каждой минутой обретая уверенность. — И Сила со мной тоже.

— В тебе действительно есть немного Силы, мальчишка, — признал Вейдер. — Но ты не властелин Силы. Только властелин способен проделать... вот это.

Темный повелитель сделал выпад, но Люк четко увернулся. В то же время Вейдер смотрел не на Люка, а на землю. Маленький обломок потолка поднялся и нацелился прямо в голову Люка. Увидев это, Люк среагировал так, как учил его Кеноби... не думая.

Камешек гораздо меньшего размера поднялся и пересек путь летящего обломка. Оба встретились. Хотя снаряд Вейдера был значительно крупнее, камень Люка отклонил его как раз настолько, чтобы тот пролетел мимо его плеча, не причинив ему вреда.

Тяжело дыша, Люк к вызовом встретил взгляд Вейдера. — Хорошо, мальчик, — признал Темный повелитель, — очень хорошо. Но мой камень был тяжелее. Моя власть сильнее.

— Но не настолько, Вейдер, — заявил Люк, делая выпад. Он думал о Кеноби, об искусстве владения лучевым мечом, о Силе, которой так трудолюбиво обучал его старый рыцарь-джедай. Люк старался дать возможность Силе направлять его руку.

Вейдер парировал удары, блокировал их, парировал снова и вдруг понял, что вынужден отступать перед агрессивностью и мастерством демонических атак Люка. Дыхательная маска на секунду чуть откинулась. Часть тяжелого барельефа одной из колонн, поддерживавших потолок, ослабла и отвалилась.

В последнюю секунду Люк ощутил это и отпрыгнул. Огромная резная панель разбилась на мелкие кусочки между ними. Оба беспокойно подождали, пока не осела

пыль. Люк ловил ртом воздух, тогда как Вейдер выказывал меньше апломба — напряжение его явно росло.

— Ты хорош, Скайуокер, — объявил он. — Очень хорош, особенно для ребенка. Но конец все равно будет один. — Темный лорд поднял меч и ринулся на Люка по обломкам разбитой панели.

Теперь уже Вейдер начал атаку. Люк обнаружил, что вынужден постоянно отступать — Вейдер обрушил на него настоящий вихрь из осколков камней и режущих ударов. Все их отразить было невозможно.

Каким-то образом Люку удалось это сделать.

Теперь они кружили по центру храма. Лежа на боку, Принцесса сделала попытку повернуться, чтобы наблюдать за ними. Боль от ее ран стальной стеной поднялась в ней. Стена сомкнулась над ее мыслями, и в ответ ее глаза закрылись, и она вновь упала на холодный, холодный пол.

Двое противников снова остановились, только на этот раз тяжело дышал Вейдер: — Кеноби... хорошо... подготовил тебя, — с восхищением признал Темный повелитель. Его обычная небрежность несколько поубавилась после долгой битвы. — И у тебя есть... некоторые... природные способности. Ты доказал, что можешь принять вызов. Я люблю... вызов.

Все еще невредимый, Люк дерзко прошептал: — Слишком серьезный... вызов... для тебя!

— Нет, — заверил его Вейдер, — нет. Ты переоцениваешь себя, дитя.

— Темный повелитель выпрямился во весь свой огромный рост. — Я закончил играть с тобой.

Раскрутив свой меч так, что он стал похож на голубое пятно во влажном воздухе храма, он прыгнул прямо в воздух. Этот было нечто среднее между прыжком и взлетом. Из голубого круга энергии он метнул меч.

Инстинктивно — времени думать у него не было — Люк отпарировал. Сила, пронизывавшая брошенный меч, выбила оружие Люка из его рук. Оба меча отлетели вправо и лежали, активированные, все еще сверкая, на земле возле темного круглого отверстия, черневшего в полу.

Медленно опустившись на пол, Вейдер схватился левой рукой за свое правое запястье, сжал руку в кулак и конвульсивно дернулся, словно его затошнило. Перед его руками материализовался шар чистой белой энергии

размером с его кулак и пополз вниз, по направлению к стоявшему с широко раскрытыми глазами Люку.

Каким-то образом Люк понял, что ни за что не успеет добежать до своего меча, прежде чем белый шар коснется его. Он выбросил вперед обе руки и отвел глаза. Таким образом, он не увидел того, что произошло.

Казалось, его руки превратились в расплывчатое пятно. Белая перчатка ударилась о них, затем отскочила и мягко коснулась Вейдера в тот момент, когда тот коснулся пола. Раздался негромкий треск, словно где-то далеко произошел взрыв. Вейдер вверх тормашками полетел на землю, а шар исчез.

Но когда энергетический шар коснулся Люка, мощь, заключенная в кинетите, бросила его на землю. Если бы он попытался безуспешно сопротивляться ей, его бы отбросило через весь зал, сквозь стену храма.

Теперь Люк лежал ничком, тогда как Вейдер медленно перекатился набок, не веря своим глазам и качая головой. Его взгляд сфокусировался на потрясенном, но невредимом Люке — тот медленно полз к своему лучевому мечу.

— Не... вероятно! — прошептал Вейдер и пополз к своему собственному оружию. На левом боку в броне, сковывавшей его тело, была вмятина, похожая на след гигантского кулака, — в том месте, куда ударил кинетит. — Такая сила... в ребенке. Не может быть!

У Люка не было ни сил, ни желания спорить. Он видел только меч, чувствовал только его гладкий эфес, плотно прилежавший к его ладони.

Но к этому времени Вейдер добрался до собственного оружия. Отчаянным усилием он поднялся на ноги и повернулся лицом к Люку. Держа меч своего отца над головой, Люк встал, ринулся к Темному повелителю и атаковал возвышавшуюся над ним черную фигуру.

Ослепительно вспыхнул свет, когда меч Люка скрестился с мечом Вейдера и скользнул дальше, нанося удар. Меч продолжал скользить и пронзил каменный пол. Рука Люка попала по камню, и он выпустил меч.

Люк сильно ударился об пол и перекатился на спину, чтобы посмотреть, что произошло. Он увидел, что Вейдер с изумлением уставился в пол. Там, все еще сжимая сверкающий меч, лежала его правая рука. Крови было меньше, чем мог ожидать Люк. Юноша сделал попытку подняться, но не смог. У него уже не было сил встать

на колени, не говоря уже о том, чтобы подняться на ноги.

Люк лежал совершенно обессиленный. Медленно, нетвердыми шагами, Темный повелитель подошел к своей отрубленной руке. К изумлению Люка он нагнулся, поднял ампутированную конечность и вынул из нее меч. Держа его в левой руке, он повернулся и встал лицом к Люку. Все бесполезно, подумал юноша, когда Вейдер занес над его головой меч единственной оставшейся рукой. Темный повелитель, Лорд Сита, Владелец темной стороны Силы непобедим.

Все было кончено.

— Мне очень жаль, — прошептал Люк, повернув голову в ту сторону, где на полу храма, свернувшись калачиком, лежала Принцесса. — Извини, Лея. Я любил тебя. — Он снова взглянул вверх и понял, что у него нет сил даже для последнего проклятия.

Вейдер поднял меч и занес его над головой. Потом Темный лорд, пошатываясь, шагнул вперед, споткнулся, сделал несколько шагов влево.

И исчез.

Падение Темного властелина в черную яму по правую руку от Люка сопровождалось затухавшим нечеловеческим воем. Сморщившись от боли, все еще не отваживаясь верить, Люк медленно подполз к краю черного отверстия и осторожно заглянул внутрь.

Он не увидел ни дна ямы, ни каких-либо следов Дарта Вейдера.

— Его нет, — пробормотал Люк, потрясенный, все еще отказываясь поверить в это. — Надеюсь, он отправился туда, где ему место. — В попытке сесть, опираясь на руку, он посмотрел в другой конец зала. — Лея, я победил! Его больше нет, Лея! — И все же... оставалось движение, едва заметный трепет Силы, Люк почти не ощущал его — как неощутимый ветер. Но оно присутствовало... **ВЕЙДЕР БЫЛ ЖИВ!**

Однако сейчас Темный властелин не представлял для них угрозы. Пока Люку было достаточно и этого. С трудом передвигая свое измученное тело по полу, Люк рыдал: — Лея, Лея! — Добравшись до нее, он вопрошающе протянул руку, дотронулся до ее лба. Она открыла глаза и встретила его взгляд. Из его глаз невольно катились слезы, когда он осторожно водил по ужасным шрамам, оставленным Вейдером на ее лице и теле.

— Люк? — выдохнула она еле слышно. И улыбнулась ему болезненной улыбкой. Взяв ее руку в свою, он внезапно тяжело упал рядом с ней.

На верху кучи камней, загораживавших вход в храм, Халла остановилась и осторожно заглянула внутрь. Она увидела две фигуры, лежавшие рука об руку на полу посреди зала. Темный повелитель Сита бесследно исчез. Халла видела, как он свалился в жертвенный колодец почитателей бога Помоджемы. Она была свободна.

Халла опустила глаза и стала пристально вглядываться в бездонную малиновую глубину сияющего кристалла Кайбурр, затем осторожно выбралась, заглядывая в туманную дымку Мимбана.

Там, снаружи, ждал вездеход, на котором они прибыли. Скрытый в нем, лежал Ки, насмерть сраженный ударом Дарта Вейдера. Двое роботов Люка были отключены и неподвижно стояли поблизости.

— Черт, — пробормотала про себя Халла, — ах, черт!

А потом она стала карабкаться на кучу обломков... назад в храм. — Люк! — Халла приподняла обмякшее тело и заглянула в его застывшее лицо. — Люк, мальчик мой! Ну, давай же, ты пугаешь старую Халлу.

Глаза приоткрылись и искоса взглянули на нее: — Халла?

Она облизнула губы, обратила взгляд в небо, потом положила кристалл к нему на колени, оттолкнув его от себя, так, словно тот обжигал ее: — Вот. Я мало что могу с ним сделать. Я обманщица, шарлатан, а не повелительница Силы. Что ж, я смогу проделывать с ним новые салонные фокусы... Я истрачу его мощь понапрасну, а Империя все равно очень скоро отыщет меня.

Люк перевел взгляд с ее лица вниз, на пульсирующий камень, лежавший у него на коленях: — Кристалл увеличивает Силу. — Он закашлялся, задыхаясь. — Что толку от этого теперь?

— Я не знаю! — яростно выкрикнула она. — Он был тебе нужен, ну, так, черт побери, вот он! Чего еще ты от меня хочешь? Что я еще могу сделать? — Она потрясла обеими руками у него перед носом, в бешенстве от сознания собственной беспомощности.

— Ничего, Халла, — Люк мягко улыбнулся ей. — Думаю, здесь уже ничего нельзя сделать. — Он протя-

нул руки, лаская кристалл. — Он такой теплый... приятный.

— Ты сошел с ума, — фыркнула Халла. — Это холодная каменная глыба.

— Нет... он теплый, — настаивал Люк. — Странное тепло.

Потеряв сознание, юноша упал навзничь, все еще сжимая в руках кристалл.

Халла встала и отвернулась: — Глупая старуха, — проклинала она себя. — Черствая глупая старуха. Я должна была помочь им, когда это могло еще принести хоть какую-то пользу. Я должна была... — Она заколебалась и с беспокойством нахмурилась. Действительно ли в полутемном храме стало светлее, или это ей только почудилось? Халла обернулась, и от изумления глаза ее чуть не выскочили из орбит.

Неподвижное тело Люка было окутано густой красной волной света. Сияние кристалла в его руках стало неестественно ярким. И свет не оставался на одном месте. Он двигался, трепетал, бежал по всему телу Люка, как живое существо. Он выискивал все впадины, каждый палец, каждый волосок, как древние огни Святого Эльма на такелаже кораблей.

Спустя несколько мгновений экстаза, показавшихся бесконечно долгими, сияющая оболочка исчезла, всосанная кристаллом, к которому вернулся его обычный цвет.

Люк сел так резко, что Халла не смогла сдержать короткий вскрик. Он моргнул, затем посмотрел на нее. Неуверенными шагами, словно она собиралась заговорить с привидением, Халла приблизилась к юноше.

— Люк, мальчик? — спросила она шелестящим шепотом.

— Халла. Что случилось? Я... — он повернул голову, и взгляд его упал на безмолвную дыру, поглотившую Дарта Вейдера. — Это я помню. И еще я помню... Халла, я умер!

— Ну, видимо, тебе это показалось скучным, — без улыбки сказала Халла. — Это был кристалл... что-то в кристалле. Сила...

— Не помню, — сказал Люк, тупо качая головой. Потом протянул руку и коснулся плеча Принцессы: — Лея?

— Ты держал кристалл, — медленно объяснила ему Халла. — Обеими руками. Помнишь старые легенды... о том, как жрецы храма умели исцелять?

— Не понимаю, — прошептал Люк. Но он снова взял кристалл обеими руками, поднял и закрыл глаза, стараясь сосредоточиться и расслабиться одновременно. Сияние кристалла усилилось.

— Понимаю, — прозвучал голос, исходивший из тела Люка. Он мог принадлежать Люку, но мог быть и не его.

Кристалл снова стал испускать багряный свет. Сияние побежало по рукам Люка и остановилось, дойдя до локтей. Держа кристалл одной рукой, он открыл глаза. Потом, как человек,двигающийся во сне, он протянул руку вниз. Кончик пальца дотронулся до лица Принцессы и провел по шраму, оставленному Вейдером. По мере того, как багряное сияние скользило вдоль шрама, он исчезал. Халла видела, как движутся ткани, складываются и заживают вслед за ним.

Медленно, в молчании, под восхищенным взглядом Халлы Люк продолжать водить по всем ранам, нанесенным Принцессе Вейдером. Закончив, он на долгое мгновение приложил открытую ладонь сначала к ее сердцу, затем — ко лбу. После этого Люк откинулся. Сияние кристалла опять стало нормальным.

Прошло несколько минут. Невредимая и снова прекрасная, Лея Органа медленно села. Она поднесла обе руки к голове.

— С тобой все в порядке, Лея? — заботливо спросил Люк.

Она вздрогнула и уставилась на него: — Люк, у меня ужасно болит голова.

— Голова, — эхом отозвался Люк. Потом с улыбкой обернулся к Халле.

— У нее болит голова.

Халла усмехнулась ему в ответ, хмыкнула, а потом разразилась облегченным смехом. Люк присоединился к ней, его смущенный счастливый смех время от времени прерывался кашлем. Кристалл излечил внутренние повреждения, но у него еще было небольшое кислородное голодание.

Внезапно на лице у Принцессы появилось выражение неуверенности. Она оглядела себя. Недавние события

вдруг нахлынули на нее, и она притронулась к своей ноге и лицу.

— Они исчезли, — прошептала она, не веря своим глазам. — Зажили. Каким образом?

Люк посерьезнел: — Это кристалл, Лея. Он исцелил меня, исцелил тебя, а я даже не сознавал, что он это делает. Все, что Халла предполагала насчет него, — правда. Он действительно использует Силу. Это кристалл вылечил тебя, Лея... не я.

— Ну-ну, Люк, мальчик, — с упреком сказала Халла, — кристалл действовал через тебя. Без тебя это был бы просто кусок камня.

— Люк, мы... — Лея запнулась и нервно огляделась. — А как?..

Люк успокоил ее: — Там, внизу. — Он указал на яму. — Я так и не услышал, как он ударился о дно. С Вейдером покончено, Лея. — И все же... даже, когда Люк произнес эти слова, он снова ощутил тот же странный трепет Силы, напоминавший запах серы.

Лея нарушила поток его мыслей: — А как Трипио и Арту?

— С ними все в порядке, — ответила Халла. — По крайней мере, мне так показалось, когда я... э-э, проверяла вездеход совсем недавно — хотела выяснить, не устроил ли там ловушку ваш Дарт Вейдер. Они отключены, но никаких видимых повреждений вроде не было.

Люк облегченно вздохнул и обнял Лею за плечи. Она не пошевелинулась и не сбросила его руку.

— Вот, — сказал он, передавая кристалл Халле. Та с сомнением посмотрела на камень, потом благоговейно взяла его в руки. — Можешь пока оставить его у себя, раз ты летишь с нами.

— С вами? — осторожно спросила Халла. — Зачем вам нужна усталая, старая женщина? Какую пользу я могу вам принести?

— Огромную, — заверил ее Люк. — Просто колоссальную. Мы в целости и сохранности увезем тебя с собой с Мимбана. А потом, если тебе по-прежнему не захочется присоединиться к делу “кучки разбойников”, тебе не надо будет этого делать. — Он мечтательно задумался. — Я знаю другого человека, контрабандиста и пирата, который когда-то думал так же, как и ты.

— Нечего меня сравнивать со всякими контрабандистами и незачем меня подгонять, — сердито заявила

Халла. — Меня можно было бы убедить... впрочем, одной Силе известно, чего ты от меня хочешь. А куда это я с вами полечу?

Люк взглянул на Лею и улыбнулся: — Мы опаздываем на очень важную встречу на Серкарпусе IV, — сообщил он Халле. — С движением подполья. Мы еще сделаем из тебя революционера-идеалиста, Халла.

— Сомневаюсь, — фыркнула она. Но следуя за ними из храма Помоджемы наружу, больше не возражала.

Вернувшись к вездеходу, Люк привел в действие необходимые рычаги. Арту вернулся к жизни первым, за ним — ошеломленный Трипио.

— О, сэр! Где он? Мы не смогли убежать от него. Он знал все нужные коды и команды. Я хотел предупредить вас, сэр, но мы не смогли...

— Трипио запнулся и посмотрел на людей. — Почему вы все улыбаетесь?

— Арту раздраженно загудел. Для робота, чьей специальностью было общение, Си Трипио иногда соображал исключительно медленно.

— Прошу прощения, сэр, — вежливо продолжал высокий, стройный робот, — я пропустил что-то важное?

— Арту, запускай нас. Мы уезжаем отсюда.

Маленький робот серии Диту подключился к зажиганию вездехода. Двигатель тут же откликнулся. Халла развернула массивную машину, и они окунулись в туманы и звуки джунглей Мимбана.

— Как же так, — слышался слабый, удаляющийся голос робота, — у меня создается впечатление, что все смеются надо мной...

СОДЕРЖАНИЕ

Уолтер Джон Уильямс

БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ 7

Алан Дин Фостер

ОКО РАЗУМА 213

Уолтер Джон Уильямс

БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ

Алан Дин Фостер

ОКО РАЗУМА

Главный редактор **О.В. Давыдов**
Технический редактор **А.Н. Игнатов**
Переводчик **Е.Л. Гладкова**

ЛР № 061245 от 29 мая 1992 г.
Подписано в печать 10.12.93. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура GRIFF. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 22,96. Тираж 15 000 экз. Зак. № 3002

Компания ГРИФ—Ф Лтд.
127434, Москва, Ивановский пр., д. 18.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

У. УИЛЬЯМС БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ
ФАНТАСТИКА

УОЛТЕР
УИЛЬЯМС

БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРСКОЙ КОРОНЫ

УОЛТЕР
УИЛЬЯМС

